ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(131)
2026

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Экономическое пространство России сквозь призму теории ноономики

Russia's economic space through the lens of noonomy theory

Научная дипломатия в период холодной войны

Science Diplomacy during the Cold War

Северный морской путь: стратегия России в условиях санкционного давления

The Northern Sea Route: Russia's Strategy under Sanctions Pressure

Организация вступительных экзаменов в советских вузах, 1950–1980-е годы

The Organization of Entrance Examinations in Soviet Higher Education, 1950s–1980s

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *А.Г. Володин* – доктор исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.В. Кузнецов* – зам. главного редактора, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Н.Ю. Лапина* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *А.И. Миллер* – доктор исторических наук, Европейский университет, Россия, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – академик РАН, доктор экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь – доктор исторических наук *М.В. Ковалев*

Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук, профессор *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *М.А. Зинько*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.00

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2026

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Молчанов И.Н., Молчанова Н.П.
Экономическое пространство России сквозь призму теории ноономики **6**

Molchanov I.N., Molchanova N.P.
Russia's economic space through the lens of noonomy theory

Богомолов И.К.
Кадровый состав и принципы комплектования института военной цензуры в России в годы Первой мировой войны **26**

Bogomolov I.K.
Personnel and staffing of military censorship In Rusia during the First World Ward

Кузина Н.А.
Научная дипломатия в период холодной войны: советско-аргентинские медицинские контакты (1946–1963) **41**

Kuzina N.A.
Science Diplomacy during the Cold War: Soviet-Argentine Medical Contacts (1946–1963)

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Алексеенко О.А.
Северный морской путь: стратегия России в условиях санкционного давления **58**

Alekseenko O.A.
The Northern Sea Route: Russia's Strategy under Sanctions Pressure

Алферова Е.В., Скурко Е.В.
Контуры правового регулирования искусственного интеллекта: опыт Японии, Республики Корея, Сингапура **71**

Alferova E.V., Skurko E.V.
Contours of legal regulation of artificial intelligence: the experience of Japan, Republic of Korea and Singapore

Мануйлова Ю.В.
Политика Китая в отношении Венесуэлы в контексте сотрудничества со странами Глобального Юга **92**

Manuilova Iu.V.
China's Policy Toward Venezuela in the Context of Cooperation with the Global South

Уткина М.Ф.
Иммиграция и этническая инклюзия как факторы внутриполитической динамики Великобритании **110**

Utkina M.F.
Immigration and ethnic inclusion as factors in the United Kingdom's domestic political dynamics

Трунов Ф.О.
Организационная структура МИД ФРГ как индикатор приоритетов внешней политики **130**

Trunov Ph.O.
The organizational structure of the German Foreign Ministry as an indicator of foreign policy priorities

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Баканов Д.К.
Начальный период деятельности Белорусского национального комиссариата Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР **150**

Bakanov D.K.
The early period of activity of the Belarusian National Commissariat of the RSFSR People's Commissariat for Nationalities

Ильин А.А.
Знания или социальная справедливость: организация вступительных экзаменов в советских вузах в 1950–1980-е гг. **166**

Ilyin A.A.
Knowledge or Social Justice: The Organization of Entrance Examinations in Soviet Higher Education, 1950s–1980s

Божик К.Б.
Новый источник по «Новой Восточной политике» ФРГ. Письмо бургомистра Западного Берлина В. Брандта послу Советского Союза в ГДР П.А. Абрасимову **185**

Bozhik K.B.
A New Source on the FRG'S "New East Policy". Mayor of West Berlin W. Brandt's Letter to P. A. Abrasimov, Ambassador of the Soviet Union to the GDR

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

Андреева Г.Н.
Нереализованный сценарий организации конституционного процесса на Ионических островах (о рескрипте императора Павла I А.Я. Италинскому от 26 мая 1799 г.) **192**

Andreeva G.N.
An Unrealized Scenario for Organizing the Constitutional Process in the Ionian Islands: On Emperor Paul I's Rescript to A. Ya. Italinsky of 26 May 1799

Голава Г.Г.
Современная Грузия между традициями и западными ценностями: идентичность как поле дискурсивной борьбы **206**

Golava G.G.
Contemporary Georgia between tradition and Western values: Identity as a field of discursive struggle

Коломина А.М., Кутырев Г.И.
Влияние климатических изменений на международные отношения в Центральной Азии **223**

Тао Ц.
Евразийская идея Казахстана в контексте развития политических теорий интеграции **244**

Аргунов Е.В.
Память о Второй мировой войне в современном японском аниме **257**

Раренко М.Б.
Феодосия: от генуэзской крепости до улицы Десантников **273**

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Дунаева Ю.В.
Рец. на: Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья (1920–1930-е годы). (М., 2025) **288**

Kolomina A.M., Kutyrev G.I.
The Impact of Climate Change on International Relations in Central Asia **223**

Tao Z.
Kazakhstan's Eurasian Idea in the Context of the Development of Political Integration Theories **244**

Argunov E.V.
Second World War Memory in Contemporary Japanese Anime **257**

Rarenko M.B.
Feodosia: From the Genoese Fortress to the Desantnikov Street **273**

REVIEWS

Dunaeva I.V.
Review of: Ratushnyak O.V. The History of the Cossack Diaspora (1920s–1930s). (Moscow, 2025) **288**

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.01

И.Н. Молчанов, Н.П. Молчанова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ НООНОМИКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности становления нооно-мики как одной из развивающихся областей научного знания. Актуальность темы исследования обусловлена остротой вопросов, связанных с динамичными изменени-ями в экономиках стран мира, которые имеют не только локальный, но и глобаль-ный характер. Авторами раскрыты причины эволюционно протекающего процесса возникновения ростков нооно-мики на экономическом пространстве России. Раз-носторонне охарактеризован неэкономический способ организации деятельности, в основе своей предназначенный для удовлетворения разнообразных потребностей экономических субъектов. Рассмотрены характерные черты нооно-мики, сущест-венно отличающие ее от предшествующих типов общественного устройва и эво-люционно формирующиеся в условиях изменяющейся геополитической реальности. Представлены особенности пространственного подхода к изучению нооно-мики и возможности его применения на практике для улучшения деятельности экономи-ческих субъектов. Сделаны выводы о закономерном развитии и прогрессивных тен-денциях движения общественного устройства к новому индустриальному обществу второго поколения НИО.2 и качественно новым, прогрессивным формам организа-ции экономической деятельности, одной из которых является нооно-мика. Показаны перспективы трансформации общественных отношений в направлении движения к неэкономическому удовлетворению потребностей и построению сбалансирован-ной системы пространственного обустройства общественной жизни.*

Ключевые слова: *тип общественного устройства; новые социально-эконо-мические отношения; трансформация экономического пространства; главенство интеллектуального капитала; формирование новых общественных отношений; неэкономическое удовлетворение потребностей; становление человека-творца; разумное управление.*

Молчанов Игорь Николаевич – доктор экономических наук, профессор, профессор экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры общественных финансов финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.
E-mail: 9392940@gmail.com
Researcher ID: J-7684-2012
Scopus Author ID: 57207529880
ORCID: 0000-0003-4252-2387

Молчанова Наталья Петровна – доктор экономических наук, доцент, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: 2520641a@gmail.com
Researcher ID: Q-8208-2017
Scopus Author ID: 57190763402
ORCID: 0000-0002-3019-0672

Molchanov I.N., Molchanova N.P.
Russia's economic space through the lens of noonomy theory

Abstract. *This article examines the development of noonomics as an emerging field of scientific knowledge. The relevance of the research topic is determined by the pressing issues associated with dynamic changes in the economies of countries around the world, which are not only local but also global in nature. The authors identify the factors driving the evolutionary emergence of noonomics within Russia's economic landscape. A non-economic mode of organizing activity, fundamentally aimed at satisfying the diverse needs of economic agents, is comprehensively characterized. The distinctive features of noonomics, which set it apart from previous forms of social organization and continue to evolve in the context of a changing geopolitical reality, are examined. The article also presents the features of a spatial approach to the study of noonomics and discusses its potential practical applications for improving the activities of economic agents. The authors conclude that social organization is evolving toward the second-generation new industrial society (NIS.2) and qualitatively new, progressive forms of economic organization, one of which is noonomics. The article also explores the prospects for transforming social relations toward the non-economic satisfaction of needs and the development of a balanced system of the spatial organization of social life.*

Keywords: *type of social structure; new socio-economic relations; transformation of economic space; primacy of intellectual capital; formation of new social relations; non-economic satisfaction of needs; development of the creative individual; rational governance.*

Molchanov Igor Nikolaevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Economics Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Public Finance Faculty of Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.
E-mail: 9392940@gmail.com
Researcher ID: J-7684-2012
Scopus Author ID: 57207529880

Molchanova Natalya Petrovna – Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: 2520641a@gmail.com
Researcher ID: Q-8208-2017
Scopus Author ID: 57190763402

Введение

Ноономика – это концептуальное видение будущей хозяйственной системы, где основой становится не материальное производство, в котором преобладают конкуренция и соперничество, а превалируют разумные человеческие потребности, поддерживаются сознательно установленный правопорядок и общепринятые нормы поведения. В ноономическом обществе человек выходит за рамки производственных отношений, построенных на интеллектуальном капитале, а потребности удовлетворяются неэкономическими методами через новое качество производства, основанного на высоком уровне культуры и технологий. По мысли создателей этой экономической теории, главными характеристиками ноономики являются, во-первых, развитие интеллектуальной собственности, формирование «человека-творца» и, во-вторых, трансформация общественных отношений в подлинно человеческие, не зависящие от владения материально-вещественными факторами производства, где доминирует разумное управление ресурсами и технологиями.

Научные исследования ноономики и ноообщества

Идеи формирования ноообщества и развития ноономики как области научного знания привлекают внимание исследователей разных научных специальностей. Концепция ноономики активно разрабатывается научным коллективом Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте (ИНИР). В работах автора концепции ноономики, директора ИНИР имени С.Ю. Витте, член-корр. РАН, д.э.н., проф. С.Д. Бодрунова разносторонне представлены теоретико-методологические предпосылки формирования ноономики как перспективной научной теории будущего мироустройства [Бодрунов 2020; Бодрунов 2024].

Ноономика имеет существенные отличия от современной смешанной экономики, основанной на рыночных принципах хозяйствования и законах товарного производства. В экономических системах развитых и развивающихся стран мира в XX в. главенствовали отношения частной собственности, распределительные механизмы, нацеленные на обогащение правящих классов капиталистического общества и стремление к максимизации прибыли (дохода), обладание максимально возможными объемами благ и услуг.

В первой четверти XXI в. на первый план во многих странах мира начинают выдвигаться стремления к более равномерному распределению общественного богатства, соблюдению социальных норм и принципов социальной справедливости. Однако этой позитивной динамике препятствуют возникающие вследствие различных условий и обстоятельств объективные факторы, негативно влияющие на процесс глобального экономического и социального разви-

тия. Причины такого неустойчивого состояния безусловно требуют глубокого изучения и теоретического осмысления. Как полагают известные российские ученые, фундаментальной предпосылкой неустойчивости мировой экономики является «движение по магистральному пути цивилизационного развития: «современное общество – новое индустриальное общество 2-го поколения (НИО.2) через реиндустриализацию экономики на современной технологической основе – ноономика» [Бодрунов, Золотарев 2024, с. 75].

Движение к ноономике происходит в режиме «ускорения ускорения»: именно инновационные научно-исследовательские разработки и различные технологические новшества играют ключевую роль во всей «совокупности факторов, определяющих переход через НИО.2 к ноономике» [там же, с. 76]. Данная траектория предполагает постепенный переход к такой стадии развития общества, на которой разумное управление и интеллектуальное развитие становятся определяющими в жизнедеятельности этноса. По своей сути, процесс формирования нооообщества знаменует новый этап развития человеческой цивилизации. По мысли создателей данной теории, ноономика представляет собой переходную форму хозяйственной деятельности, предназначение которой состоит в преодолении ограничений традиционных экономических моделей. Для решения этой амбициозной задачи ноономический способ производства опирается на развитие технологий и культуры в целях устойчивого развития и процветания человеческого общества.

Ноономика как форма организации экономической деятельности

В состав актуальных вопросов, на которых базируются современные экономические исследования, входит пространственный подход. Теория экономического пространства относится к приоритетным областям экономической науки, а ее формирование «есть теоретико-прикладная задача осмысления ноономики, решение которой возможно с использованием топологии и когнитивно-метафизического подхода» [Булавко 2021, с. 1053].

Член-корр. РАН, д.э.н., проф. А.А. Широв в докладе «Генезис ноономики: рост и/или развитие» акцентировал внимание на особенностях предстоящего периода функционирования народнохозяйственного комплекса страны, в течение которого «Россия должна пройти стадию усложнения экономики» [Международный семинар 2023]. В этот период развития неизбежно произойдет трансформация требований к будущей экономической модели развития, приоритетным векторами развития которой станут обновленная экономическая политика и ее ключевая компонента – социальная политика. Отличительными характеристиками формирующейся модели НИО.2 будут кратный рост качественных параметров человеческого капитала и существенное увеличение расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР).

Вследствие своих базовых харакеристик ноономика в научной среде воспринимается как «качественно новый феномен»[1] [Бодрунов 2019b, с. 5] в науке и практике. Однако, существуют различные объективные препятствия для последовательного проведения курса в направлении движения к неоиндустриальному обществу. Нельзя отрицать того факта, что важнейшим условием «для успешного перехода к новому технологическому укладу первостепенным становится изменение фундаментальных подходов к осуществлению экономической политики» [там же].

Существует понимание того, что качественные изменения в технологиях материального производства и, в первую очередь, в промышленности наглядно отображают ключевые траектории динамично происходящих процессов во всей национальной экономике. В мировой практике эффективным путем освоения инновационных технологий признана реиндустриализация, при условии ее проведения на качественно новой технологической основе [там же, с.7]. Об этом свидетельствует наблюдающаяся в глобальном масштабе тенденция решоринга, как активно проводимая США и другими развитыми государствами политика возвращения в страну производственных мощностей или создания новых производств на собственных территориях[2].

Следствием происходящих в глобальном масштабе изменений становится зарождение нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), как воспроизводящего доминирование индустрии в экономике на качественно более высоком уровне [3]. По замыслу разработчиков данной концепции, коренным новшеством является переход *к знаниеёмкому материальному производству* в результате постепенного роста фактора «знание» по мере «ускорения ускорения» инноваций в трудовых процессах[4].

Объективно происходящие в современном обществе трансформации обусловливают необходимость определенного реформирования системы экономических отношений. На практике закономерно происходят весьма существенные нововведения в различных сферах экономической жизни: экспертным сообществом осознана необходимость разработки и активного проведения индустриальной политики; органами управления применяется системный подход к реализации доку-

---

1. Ноономика – неэкономический способ организации хозяйственной деятельности, ориентированный на удовлетворение конкретных потребностей человека на основе критериев разумности, определяемых развитием знания и культуры [Бодрунов 2019a, с. 89].

2. Ярким примером служит торговая война против Китая, инициированная США, в том числе направленная на «возврат» в Америку производств, ранее выведенных американскими транснациональными компаниями в Китай.

3. В данном контексте новое индустриальное общество Дж. Гэлбрейта [Гэлбрейт 1969] справедливо названо «обществом первого поколения» – (НИО).

4. На приоритетную роль фактора «знание» для развития трудовых процессов в обществе будущего указывал в своем научном труде М. Бехтель [Бехтель 2000].

ментов стратегического планирования; хозяйствующими субъектами апробируются новые механизмы государственно-частного партнерства и т. д. Ключевая роль принадлежит интеграционным процессам, которые, в первую очередь, проникают в «знаниеёмкие» сферы деятельности, а именно: в производство, науку, образование. Характерно, что данные коллаборации протекают на микро-, мезо- и макроуровне национальной экономики России. Следует подчеркнуть: переход к НИО.2 идет, хотя и неравномерно, в различных локусах мирового экономического пространства. В ряде стран активно создаются подпространства новых индустриальных технологий, в которых главным источником развития производства становятся не материальные ресурсы, а *концентрированные знания.*

Пространственный подход в исследованиях ноономики

В процессе становления теоретико-методологических предпосылок ноономики в ее концептуальном построении вырисовываются различные аспекты практического приложения получаемых экономических знаний. Одним из них может стать пространственной подход, базируясь на котором создается новое представление о региональной политике, реализуемой на экономическом пространстве России. Административно-территориальное устройство нашей страны предполагает равноправное функционирование субъектов Российской Федерации, имеющих различия в уровне жизни населения, но при этом располагающих уникальными по структуре и степени освоенности экономического потенциала народнохозяйственными комплексами.

Исследование разнообразных аспектов пространственного становления ноономики предполагает разностороннее изучение неэкономического способа организации деятельности, предназначенного для удовлетворения потребностей экономических субъектов на мезоэкономическом уровне национального хозяйства. «Региональный и технологический аспекты цивилизационного перехода к ноономике тесно связаны между собой» [Бодрунов, Золотарев 2024, с. 76]. Для развития российской модели управления приоритетным вектором является учет именно регионального фактора, который априори лежит в основе цивилизационного перехода к ноообществу. Из изложенного следует вывод о наличии глубинной связи между технологическими и пространственными особенностями общественного развития.

Актуальные вопросы изучения экономического пространства

Для современного периода становления многополярного мироустройства, в котором России отводится консолидирующая роль, характерен высокий динамизм социально-экономических процессов, причины которого весьма различны. Одна из этих в высокой степени вероятных причин кроется в относи-

тельном снижении участия в производстве ВВП отраслей промышленности и росте при этом приоритетности услуг, информации, исследований. Общество находится на пороге перехода к «экономике знаний», которая становится своего рода ступенью в движении к ноономическому устройству общества.

В научной среде «экономика знаний» рассматривается как период экономического развития, обусловленный высокой знаниеёмкостью, для которого характерно ускоряющееся развитие и применение в различных сферах деятельности инноваций на основе достижений науки и передовых технологий. Прогрессивной основой такого концептуального подхода является экономика качества, теоретико-методологическую основу которой составляют стандартизация, метрология и управление качеством. По мысли одного из инициаторов данного течения научной мысли академика РАН, д.э.н., профессора В.В. Окрепилова, «в рамках концепции экономики качества направления деятельности в пространстве науки, образования и инноваций представляют собой не просто три отдельные сферы деятельности, а комплекс взаимосвязанных процессов» [Окрепилов 2023, с. 33].

Другая причина высокого динамизма социально-экономических изменений в общемировом развитии состоит в высокой политической неопределенности происходящих событий и экономической волатильности[5] национальных и международных рынков. При этом, следует подчеркнуть: непредсказуемые по своей природе трансформации в экономической системе общества практически невозможно предусмотреть в прогнозно-плановой деятельности, особенно ориентированной на долгосрочную перспективу. В изменяющейся реальности чрезвычайно высокую актуальность приобретает учет влияния регионального фактора развития, который ассимилируется с терминами «территория» и «пространство».

В начале 2000-х годов в научный оборот наряду с традиционно применяемым термином «территория» вошел новый термин: «пространство» (как территория, которая имеет определенные географические границы) и производное от него словосочетание «пространственное развитие»[6]. «Пространственное развитие» определяется авторами по-разному, например, как комплекс организационных, нормативных и институциональных действий по управлению пространственными изменениями на определенной территории [Окрепилов 2012, с. 52].

Широкое применение в высокой степени актуального для реализации региональной политики Российского государства словосочетания «пространственное

5. Волатильность – показатель, которым характеризуют изменчивость рыночных цен; это следствие различий в уровнях развития отраслей, секторов, стран.

6. Историческое происхождение термина «пространственное развитие территорий» датируется 1934 г. Некоторые источники утверждают, что термин был введён немецким учёным И.Г. Тюненом в 1926 г. Однако, в своих трудах он уделял внимание преимущественно взаимосвязям в развитии территории и экономики.

развитие» инициировало рост интереса ученых к принципиально важному вопросу *«о сути и соотношении естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений»* [Лексин, Швецов 2024, с. 6].

В научной литературе рассматриваются «цели управления пространственным развитием, или точнее – его управляемой трансформации» [Иванов, Бухвальд 2024, с. 35]. Существует мнение, что «пространство не поддается развитию, можно изменять его некоторые свойства и его отдельные компоненты» [Иванов 2015, с. 36]. Следствием такого восприятия процесса пространственной динамики стало появление термина «трансформация экономического пространства». Есть мнение, что при рассмотрении пространственных трансформаций целесообразно анализировать «процесс обогащения пространства, обретения им в результате управленческих действий новых качеств» [там же, с. 35].

Исходя из представленного контекста можно заметить, что управление пространственным развитием весьма труднодостижимо на практике и по своей сути не является самоцелью. Однако при этом следует иметь в виду, что создание механизмов регулирования деятельности на экономическом пространстве[7] априори способствует не только улучшению экономической ситуации, но и по совокупности факторов благоприятствует последовательному движению в направлении достижения национальных целей развития страны.

Основываясь на литературных источниках можно выделить различные формулировки понятия «экономическое пространство», например, «как ансамбль социальных позиций, на которых действуют и взаимодействуют хозяйствующие субъекты, производя и воспроизводя разнообразные продукты и услуги» [там же, с. 34]; «выделить шесть слоев: социальных позиций в нем; соответствующих паттернов[8] экономической деятельности и паттернов поведения и мышления; хозяйствующих субъектов; норм-правил (социальных институтов), регламентирующих в данном поле взаимодействия экономических агентов; материальных продуктов и услуг реализованных паттернов; духовных продуктов и нематериальных услуг реализованных паттернов» [там же, с. 35].

В научной литературе описывается «феномен российского пространства как обширнейшего, неравномерно заселенного и фрагментарно хозяйственно

---

7. Известно определение экономического пространства как «совокупности объединенных общей территорией различных видов экономической деятельности по использованию ресурсов в целях расширенного воспроизводства общественного продукта и капитала, включая и его особую – человеческую – компоненту» [Иванов, Бухвальд 2024, с. 37–38].

8. Паттерны – повторяющиеся схемы, модели или шаблоны, применяемые в самых разных сферах и служащие для структурирования, упрощения и создания узнаваемости, опираясь на идею повторяемости и предсказуемости для решения конкретных задач.

освоенного, структурированного по природно-экономическим и этнокультурным характеристикам» [Дружинин 2024, с. 6]. Важный акцент в понимание термина «российское экономическое пространство» вносит формулирование его сущностного наполнения как «части общей, т. е. находящейся в рамках государственных границ страны территории, в пределах которой определенным образом распределен и организован рукотворный социоэкономический потенциал и осуществляется жизнедеятельность ее населения» [Лексин, Швецов 2024, с. 6].

Теоретико-методологические аспекты и практическая составляющая регулирования экономического пространства

Сформировавшаяся в России система регулирования пространственных трансформаций основывается на императивном подходе. Проекты и мероприятия Стратегии 2020–2024 [Об утверждении стратегии 2019] были сконцентрированы на решении задач «значимых, но высокопроблемных территорий, определенных в качестве геостратегических» [Дружинин 2024, с. 7]. В научных дискуссиях, которые проводились в ходе реализации этого ключевого документа стратегического планирования пространственного развития[9] были найдены решения для целого ряда вызовов организационного и методологического характера, которые не удалось предотвратить при его разработке. Вполне своевременным выглядит экспертное мнение, согласно которому в практическом ключе «ноономика представляет собой переосмысленный подход к экономическим процессам с учетом современных информационных технологий» [Башкатова 2023] и в данном контексте инициирует активизацию деятельности по созданию предпосылок для повышения знаниеёмкости технологических процессов.

Стратегическое планирование обладает весомым потенциалом воздействия на параметры пространственной организации жизнедеятельности населения России, что особенно актуально в условиях познания теоретико-методологических основ ноономики. Основным методом исследования экономического пространства выступает системный подход. На необходимость его применения указывают д.э.н., проф. Лексин и д.э.н., проф. Швецов, которые рекомендуют придерживаться «концептуально-методологической традиции *системного анализа и регулирования территориальных (пространственных) процессов и явлений»* [Лексин, Швецов 2024, с. 7].

9. Словосочетание «пространственное развитие» обрело нормативно-правовое закрепление в Стратегии 2020–2024 как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития» [Об утверждении Стратегии 2019].

Особенности формирования и реализации государственной политики пространственного развития

В основе успешного функционирования Российского государства лежит следование законодательству и нормативно-правовым документам, определяющим особенности ведения хозяйственной деятельности на экономическом пространстве страны. Экономическая политика, проводимая органами власти на различных уровнях управления включает обширный круг вопросов и располагает разнообразным перечнем инструментов для своей реализации.

Одним из видов общей экономической политики является региональная экономическая политика, имеющая значение для всех ключевых сфер жизнедеятельности современного общества. Ее смысловое наполнение заключается в создании экономико-правовых основ российской государственности и «достижении общих стратегических целей и задач социально-экономического развития страны при всемерном использовании благоприятных и ограничении действия негативных региональных факторов» [О Программе Правительства 1995].

Ключевым вопросом региональной экономической политики выступает поиск механизмов привлечения частных инвестиций и современных технологий в целях обеспечения модернизации и инновационного развития территорий. Для его решения эффективными административными мерами являются традиционно используемые инструменты государственного регулирования: механизм финансовых трансфертов регионам; федеральные целевые программы (собственнно регионального и ведомственного назначения). В настоящее время высокую актуальность приобрели особые правовые режимы ведения на отдельных территориях предпринимательской и иной экономической деятельности[10].

В практике хозяйствования пространственный подход может быть применен посредством использования механизмов реализации государственной политики регионального развития, которая выступает как часть общей региональной политики и представляет собой «систему приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [Об утверждении Основ 2017].

10. К экономико-правовым механизмам территориальной организации предпринимательской деятельности относятся особые экономические зоны (нескольких типов), индустриальные, промышленные и технопарки, зоны территориального развития, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, свободные порты.

Долгосрочные ориентиры развития экономического пространства в свете теории ноономики

Приоритетное внимание – макрорегионам. При разработке стратегических документов перспективного развития применительно к особенностям российского экономического пространства существуют рекомендации об обстоятельном формулировании требуемых направлений и параметров объекта планирования (территорий разного ранга) при одновременном представлении детальных характеристик принципиальных содержательных различий составляющих его элементов.

Такой подход представляется продуктивным в свете проблем, которые существуют в каждом административном образовании. Например, структурирование территории России по федеральным округам создает основания по объединению в их рамках для проведения анализа соседствующих территорий (субъектов РФ), обладающих совершенно разными природно-климатическими, экономико-географическими характеристиками и поселенческой структурой населения и при этом имеющих разные целевые установки развития в будущем. Преимущество федеральных округов в том, что в них существует аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации, что создает ресурсную базу для решения ряда политических и организационных вопросов.

Выход видится в определенном разукрупнении чрезмерно больших по территориям федеральных округов и формировании адимистративных образований (макрорегионов), объединяющей основой которых стали бы общие целевые установки и ориентиры перспективного развития. Такой опыт в России накоплен: есть рекомендации о делении экономического пространства на 12 макрорегионов [Об утверждении Стратегии 2019], но эти предложения требуют дальнейшего изучения и обоснования.

В среде ученых, которые проводят региональные исследования, направленные на развитие различных аспектов экономического пространства наступило понимание того, что среди территорий, разных по величие и составу структурных компонентов, ключевое место по праву принадлежит макрорегионам. В связи с этим возрастает внимание к терминологическим вопросам и выбору методик для оценки совокупного потенциала макрорегиона. Понимание значения и роли научной категории «потенциал», знание подходов к определению его величины и порядку оценки усиливается в связи с ростом связанности экономического пространства, расширением потребностей в развитии хозяйственного взаимодействия и углублением кооперации между субъектами разного ранга.

Современная модель функционирования российской экономики базируется на сочетании двух групп факторов: организационно-управленческих, которые исторически превалировали в течение постсоветского периода развития

и социально-экономических, которым при переходе к шестому технологическому укладу уделяется приоритетное внимание. Поскольку движение к ноономике объективно ведет к усложнению хозяйственного взаимодействия субъектов, то это инициирует введение разного рода новаций (организационного и экономического характера) во внутри- и межтерриториальные отношения.

Применение принципов ноономики при формировании модели экономического развития России. В представлениях ученых, ноономика и нообщество имеют определенные, весьма характерные черты, существенно отличающие их от предшествующих типов общественного устройства.

Первая и весьма существенная характеристика состоит в *преобладании интеллектуального капитала*. Ведущими силами и факторами производства становятся знания, информация и творчество.

Вторая, качественно новая черта – *неэкономическое удовлетворение потребностей*. Такой подход объясняется сменой расстановки приоритетов, посредством которых происходит удовлетворение разнообразных потребностей людей: на смену товарно-денежным отношениям приходят такие двигатели общественного прогресса, как факторы развития технологий и культуры.

Третья особенность – *трансформация общественных отношений.* Предполагается, что распространенные в современной смешанной экономике производственные стимулы рыночного характера уступают место человеческим связям, в которых превалируют отношения, построенные на принципах разумности и культурного взаимодействия.

Четвертая характерная черта – *выход человека за рамки производства,* что означает наделение личности принципиально иными качествами: человек перестает быть «винтиком» в производственном процессе и приобретает новые функции, становится творцом изменяющегося реального мира.

Пятая особенность – *разумное управление.* Это означает, что особенностью каждой организации становится разумная деятельность, а понимаемые в классической форме экономические законы выполняют вспомогательные роли.

В обсуждаемой научным сообществом экономической модели, выстраиваемой на принципах ноономики, экономическая система России основывается на возрастании представительности человеческого потенциала, многократном увеличении затрат на НИОКР, а также росте взаимосвязи между сбалансированно проводимой экономической политикой и национальными целями развития. В результате взаимодействия совокупности факторов экономика превращается в «способ удовлетворения потребностей людей». В представленном контексте такая экономическая модель может стать жизнеспособной только в результате объединения усилий всех заинтересованных участников творчески организованной хозяйственной деятельности: бизнес-сообщества, домохозяйств, общественных объединений, органов государственного и муниципального управления.

Перспективы дальнейшего улучшения стратегирования пространственного развития России

Ввиду обширности экономического пространства страны усиливается актуальность вопросов совершенствования поселенческой структуры. Происходящие изменения в численности и размещении населения по территории трансформируют исторически сложившуюся поселенческо-расселенческую сеть. Это проявляется в усилении внимания к проблемам городских агломераций, создании системы опорных населенных пунктов, акцентировании внимания на Арктических и приграничных территориях, развитии транспортно-коммуникационной системы страны[11].

Стратегия 2025–2030 содержит качественно новые задачи, направленные в первую очередь на создание условий для высокопроизводительного труда, креативной деятельности и комфортной среды проживания граждан на экономическом пространстве страны. В составе этих задач для удовлетворения потребностей населения «ключевыми являются формирование сбалансированной системы пространственного развития, поиск оптимальных форм территориальной организации экономики, развитие *опорных населенных пунктов» (ОНП)*[12], образующих инфраструктурный и экономический каркас страны» [Об утверждении стратегии 2024].

Подходы к решению вызовов в Арктической зоне. В Стратегии 2020–2024 и Стратегии 2025–2030 выделена Арктическая зона (АЗРФ), существенно отличающаяся от других территорий Российской Федерации по целому ряду параметров: суровые климатические и природные условия, низкая плотность населения, «очаговое» размещение населенных пунктов и инфраструктуры, ее привязка к местам добычи и переработки полезных ископаемых и др. Однако управление развитием АЗРФ затруднено в связи с масштабностью ее территории и существенным влиянием временного фактора, необходимого для различных межведомственных согласований.

По причинам «очагового» заселения и высокого уровня индустриализации населенных пунктов поддержка их эффективного функционирования обусловливается высокими объемами вложений ресурсов. При этом, новое строительство характеризуется инновационными технологиями и высокой затратностью,

11. Концептуально подходы к решению названных и других территориальных проблем представлены в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [Об утверждении Стратегии 2024].

12. ОНП – населенный пункт, расположенный вне границ городских агломераций, на базе которого осуществляется ускоренное развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию гарантий в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований.

требует учета различных рисков. Актуальным вопросом является применение системы экологических стандартов, подготовка которых должна проводиться в увязке с решением инфраструктурных задач, а именно: транспортных и социальных. Предстоит работа по налаживанию взаимодействия между организациями крупного бизнеса (отечественными и зарубежными), административно относящимися к разным отраслям и субъектам. Особенно остро стоит вопрос о вовлечении в освоение АЗРФ малого и среднего бизнеса, представительство которого в настоящее время оценивается как недостаточно активное. На решение данной задачи направлены предпринимаемые Правительством действия по созданию условий для активизации предпринимательского потенциала на данной территории[13].

Центральная задача пространственного развития – формирование ОНП. Особенностью российского экономического пространства является наличие большого количества малых и средних городов и сельских населенных пунктов, в отношении которых требуется проводить сбалансированную пространственную политику. В настоящее время реализуется задача формирования «ОНП и прилегающих территорий». Важность такой программы обусловлена ориентацией на достижение целевой установки по созданию инфраструктуры и предоставлению социальных гарантий для формирования инновационной системы расселения населения по территории страны.

Предполагается, что такая система будет выстроена на основе государственных стандартов и предназначена для создания максимально комфортных условий для проживания. Правительством определен перечень «ОНП». Это города, городские агломерации, сельские поселения. Работа по практическому исполнению установленных планов включена в перечень мероприятий национального проекта «Инфраструктура для жизни» [Национальный проект 2025]. В настоящее время для 200 российских городов разрабатываются мастер-планы[14], которые позиционируются как стратегии пространственного развития.

Широкий диапазон деятельности по вопросу формирования системы ОНП, который поставил Президент страны В.В. Путин перед Правительством России детально охарактеризовал вице-премьер Марат Хуснуллин: «Среди них (ОНП) все агломерации и административные центры регионов – 212 населен-

13. Ключевые отрасли, определяющие развитие экономики Арктики и инвестиционные возможности, включают горнодобывающую промышленность, нефтегазовую отрасль, возобновляемые источники энергии, «голубую» экономику, туризм, логистику и технологии. Все эти отрасли требуют развития инфраструктуры для поддержания текущей деятельности и стимулирования роста.

14. Мастер-план – градостроительный документ долгосрочного стратегического планирования, который определяет концепцию будущего развития территории. Включает в себя стратегию развития промышленности, жилья, транспортной системы, исторической части города и другие направления.

ных пунктов. Также включены 183 прочих центра, где реализуются крупные инвестиционные проекты, 217 стратегических населенных пунктов, которые обеспечивают национальную безопасность, а также 1548 поселений, обслуживающих прилегающую территорию» [Гуреева 2025].

Для решения данной масштабной задачи Правительством планируется применение таких новых финансовых инструментов, как инфраструктурные облигации и казначейские инфраструктурные кредиты (взамен ранее применявшихся бюджетных и специальных казначейских кредитов). Также предусмотрено введение нового финансового механизма для списания задолженности регионов по бюджетным кредитам.

Инновационный характер Стратегии 2025–2030

Деятельность государства в целях содействия пространственному развитию ведется различными способами и существенно дополняет, либо замещает эндогенные факторы саморазвития и самоорганизации территорий. Воздействие органов власти осуществляется в рамках региональной экономической политики посредством применения различных инструментов: от мер антикризисной поддержки до социально-экономического преобразования территорий.

В научной среде существуют различные позиции по проблематике развития российского экономического пространства. Например, обращается внимание «на *отсутствие общепринятого, четкого и правозакрепленного понимания смысла и содержания государственной политики пространственного развития,* ее целей и задач, а также ее предметно-объектного поля» [Лексин, Швецов 2024, с. 20]. Такая постановка вопроса представляется вполне правомерной. В экспертном сообществе достигнут консенсус о необходимости применения мультидисциплинарного подхода к изучению экономического пространства. Также распространено понимание своевременности формирования осмысленной политики пространственного развития, которая должна разрабатываться на качественно ином, более высоком уровне обобщения исходных материалов с применением системного подхода и методов системного анализа.

Отличительной особенностью Стратегии 2025–2030 является ее направленность на решение задач именно пространственного развития. Соответственно, рассматриваемые в ней стратегические вопросы ориентированы на учет особенностей пространственного развития и применяемого при этом инструментария. Это выдвигает перед экономической наукой новые и весьма непростые задачи, поскольку «определение предметно-объектного поля именно пространственного развития – это самая большая трудность. Она не решена ни в науке, ни в политике» [там же, с. 22].

В Стратегии 2025–2030 представлены цели национального развития (их 7) и целевые показатели пространственного развития Российской Федерации

(их 12). В утвержденном Правительством России документе [Единый план 2025] определены стратегические приоритеты по достижению национальных целей и характеризующих их показателей, сгруппированы планируемые мероприятия и выбраны соответствующие их достижению показатели (индикаторы). При этом, одна часть показателей в большей мере отражает достижение целей регионального развития, а другая часть – достижение целей пространственного развития. Следовательно, можно констатировать, что полное разрешение указанной выше методологической проблемы пока в полной мере не достигнуто.

В связи с этим актуальной научной задачей является определение ряда базовых показателей, на основе которых можно было бы наиболее предметно и емко охарактеризовать особенности пространственного развития территорий. Эти показатели должны иметь целевое предназначение, могли бы быть положены в систему основных социально-экономических показателей (индикаторов), стать ориентиром при выборе стратегий развития той или иной территории и своевременного внесения корректив в проводимую государством пространственную политику.

В период исполнения текущей Стратегии 2025–2030 предстоит проделать серьезную работу для достижения максимально полного согласования между устанавливаемыми целями, разрабатываемыми для их реализации мероприятиями и характеризующими выполнение планов показателями. Необходимо подчеркнуть весьма высокую громоздкость и определенную сложность расчета ряда показателей, включенных в систему оценки результатов выполнения Стратегии пространственного развития. Как представляется, поиск приемлемых методологических решений в этой области следовало бы продолжить. Для формирования системы показателей, полноценно освещающих все национальные цели и динамику их исполнения, требуется работа большого научного коллектива, например, специального подразделения в составе Росстата.

По экспертному мнению, в новейших документах стратегического планирования процедура стратегирования пространственного развития превратилась в устоявшийся институт, вследствие чего перманентные преактивные разработки в данной сфере приобрели «практическую предопределенность и необходимость» [Дружинин 2024, с.6].

Работу над исполнением Стратегии 2025–2030 и сопутствующих ей отраслевых и региональных стратегий целесообразно выстраивать с ориентиром на научные теоретические разработки, а также активно использовать накопленный опыт государственного управления и финансового регулирования пространственно обусловленных процессов и явлений.

Как показывает практика, в России после активного периода рыночных преобразований 1990-х – начала 2000-х годов, которые нанесли существенный урон национальному хозяйству России, с середины 2000-х годов начал-

ся активный переход к отдельным элементам централизованного планирования. В настоящее время выстраивание системы стратегического планирования и мер государственного регулирования экономики с использованием широкого перечня инструментов административной и финансовой поддержки экономических субъектов в целом завершено.

Заключение

Для современного мироустройства, в котором России отводится консолидирующая роль, характерен высокий динамизм социально-экономических процессов, причины которого весьма различны. Высокая политическая неопределенность происходящих в глобальном мире событий и волатильность международных рынков капиталов инициируют изменчивость стоимостных (ценовых) показателей. В свою очередь, трансформационные процессы являются следствием различий в уровнях развития отраслей, секторов, стран, что отражается на динамике макроэкономических показателей мирового хозяйства. Непредсказуемые по своей природе изменения практически не представляется возможным в полной мере учитывать в прогнозно-плановой деятельности, особенно ориентированной на долгосрочную перспективу. Отчетливо проявляющаяся тенденция к повышению знаниеёмкости, обусловленная ускоряющимся развитием и применением новых знаний на основе инновационных подходов, подтверждает обоснованность заключений исследователей о зарождении ноономики как теоретической концепции, описывающей хозяйственную систему, основанную на разуме («ноос»), а не на материальном производстве и его отношениях.

Библиография

Башкатова А. Россию делают колыбелью ноономики // Независимая газета. 23.10.2023. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-10-23/1_8859_russia.html (дата обращения: 23.11.2025).

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социал. прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. CLXX, 783, [3] с.

Бехтель М. Будущее труда. Размышления, взгляды, перспективы: [перевод]. М.: Ин-т им. Гёте, 2000. 267 с.

Бодрунов С.Д. Ноономика и ее роль в разрешении проблем современности: теоретические аспекты и практика управления социально-экономическим развитием // Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2024. Т. 3. № 4. С. 13–21.

Бодрунов С.Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019b. Т. 20, № 1. С. 5–12.

Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. Монография. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.

Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики: учебник. М.: Культурная революция, 2019a. 504 с.

Бодрунов С.Д., Золотарев А.А. Переход к ноономике, проблемы технологического

суверенитета и региональное развитие // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1(76). С. 75–79.

Булавко О.А., Чекмарев В.В., Туктарова Л.Р. Особенности формирования ноономики в экономическом пространстве // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 4. С. 1051–1064.

Гуреева Ю. «Более 50% опорных населенных пунктов в России являются малыми городами и селами» // Российская газета. 28.04.2025. URL: https://rg.ru/2025/04/28/bolee-50-opornyh-naselennyh-punktov-v-rossii-iavliaiutsia-malymi-gorodami-i-selami.html (дата обращения: 28.11.2025).

Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 1200 с. (Антология экономической мысли).

Дружинин А.Г. Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 4 (116). С. 5–22.

Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. 9 января 2025. URL: http://government.ru/news/53927/ (дата обращения: 10.12.2025).

Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как потенциал устойчивого развития // Экономическая теория. Анализ. Практика. 2024. № 1. С. 34–52.

Иванов О.И. Экономическое пространство как объект управляемой трансформации (взгляд социолога) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 8. С. 32–38.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Естественное и регуляторно-императивное в пространственном развитии России //Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 5–31.

Международный семинар ИНИР им. С.Ю. Витте в Бодруме (Турция) // Ноономика: сайт. 11.11.2023. URL: https://noonomy.ru/2023/09/11/%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%80-%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%80-%D0%B8%D0%BC-%D1%81-%D1%8E-%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%82/ (дата обращения: 22.11.2025).

Национальный проект «Инфраструктура для жизни» // Правительство России: офиц. сайт. 2025. URL: http://government.ru/rugovclassifier/918/about/ (дата обращения: 28.11.2025).

О Программе Правительства Российской Федерации «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах»: постановление Правительства РФ от 28.04.1995 № 439 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8539/61a15f3765ef8ff37231e62d5e0bd584f7e371ae/ (дата обращения: 15.12.2025).

Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=210967#9a245oUeeKOHupeN1 (дата обращения: 15.12.2025).

Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р // Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: https://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf. (дата обращения: 08.12.2025).

Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 10.12.2025).

Окрепилов В.В. Роль экономики качества в период инновационной трансформации социально-экономического развития // Экономическое возрождение России. 2023. № 2(76). С. 33–41.

Окрепилов В.В. Устойчивое пространственное развитие и качество // Современные проблемы пространственного развития: мат. международ. науч. конф., посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А.Г. Гранберга. М., СОПС. 2012.

References

Bashkatova A. Rossiyu delayut kolybel'yu noonomiki [Russia is being made the cradle of noonomics]. Nezavisimaya gazeta [Nezavisimaya Gazeta]. 23.10.2023. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-10-23/1_8859_russia.html (date of access: 23.11.2025). (In Russ.)

Bechtel M. Budushcheye truda. Razmyshleniya, vzglyady, perspektivy [The Future of Labor. Reflections, Views, Prospects]: [translation]. Moscow: Institut imeni Gete, 2000. 267 p. (In Russ.)

Bell D. Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo: Opyt sotsial. prognozirovaniya [The Coming Post-Industrial Society: An Experience of Social Forecasting]. Translated from English edited by V.L. Inozemtsev]. Moscow: Academia, 1999. CLXX, 783, [3] p. (In Russ.)

Bodrunov S.D. Noonomika i yeye rol' v razreshenii problem sovremennosti: teoreticheskiye aspekty i praktika upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiyem [Noonomy and its Role in Resolving the Issues of Modernity: Theoretical Aspects and Practice of Managing Social and Economic Development]. Noonomika i nooobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S. Yu. Vitte [Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Yu. Witte]. 2024. Vol. 3. N 4. P. 13–21. (In Russ.)

Bodrunov S.D. Noonomika: kontseptual'nye osnovy novoy paradigmy razvitiya [Noonomics: The conceptual basis of the new development paradigm]. Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of the Ural State University of Economics]. 2019. Vol. 20. N 1. P. 5–12. (In Russ.)

Bodrunov S.D. Noonomika: trayektoriya global'noy transformatsii. Monografiya. [Noonomics: The Trajectory of Global Transformation. Monograph]. Moscow: INIR; Kul'turnaya revolyutsiya, 2020. 224 p. (In Russ.)

Bodrunov S.D. Obshchaya teoriya noonomiki. Uchebnik [General Theory of Noonomics. Textbook]. Moscow: M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2019a. 504 p. (In Russ.)

Bodrunov S.D., Zolotarev A.A. Perekhod k noonomike, problemy tekhnologicheskogo suvereniteta i regional'noye razvitiye [Transition to noonomy, problems of technological sovereignty, and regional development]. Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya [Economy of the North-West: problems and prospects of development]. 2024. N 1(76). P. 75–79. (In Russ.)

Bulavko O.A., Chekmarev V.V., Tuktarova L.R. Osobennosti formirovaniya noonomiki v ekonomicheskom prostranstve [Features of the formation of noonomics in the economic space]. Kreativnaya ekonomika [Creative Economy]. 2021. Vol. 15. N 4. P. 1051–1064. (In Russ.)

Druzhinin A.G. Geopoliticheskiye oriyentiry strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Geopolitical guidelines for the strategy of spatial development of Russia]. Federalizm [Federalism]. 2024. Vol. 29. N 4 (116). P. 5–22. (In Russ.)

Galbraith J.K. Novoye industrial'noye obshchestvo. Izbrannoye [The New Industrial Society. Selected Works]. Moscow: Eksmo, 2008. 1200 p. (Antologiya ekonomicheskoy mysli) [(Anthology of Economic Thought)]. (In Russ.)

Gureeva Yu. «Boleye 50% opornykh naselennykh punktov v Rossii yavlyayutsya malymi gorodami i selami» ["More than 50% of key settlements in Russia are small towns and villages"]. Rossiyskaya gazeta [Russian Newspaper]. 04/28/2025. URL: https://rg.ru/2025/04/28/bolee-50-opornyh-naselennyh-punktov-v-rossii-iavliaiutsia-malymi-gorodami-i-selami.html (date of access: 28.11.2025). (In Russ.)

Ivanov O.B., Bukhvald E.M. Ekonomicheskoye prostranstvo kak potentsial ustoychivogo razvitiya [Economic space as a potential for sustainable development]. Ekonomicheskaya Teoriya. Analiz. Praktika [Economic Theory. Analysis. Practice]. 2024. N 1. P. 34–52. (In Russ.)

Ivanov O.I. Ekonomicheskoye prostranstvo kak ob"yekt upravlyayemoy transformatsii (vzglyad sotsiologa) [Economic space as an object of managed transformation (a sociologist's view)]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and business: theory and practice]. 2015. N 8. P. 32–38. (In Russ.)

Leksin V.N. Shvetsov A.N. Yestestvennoye i regulyatorno-imperativnoye v prostranstvennom razvitii Rossii [Natural and Regulative-Imperative in the Spatial Development of Russia]. Federalizm [Federalism. Theory. Practice. Story]. 2024. Vol. 29. N 2 (114). P. 5–31. (In Russ.)

Mezhdunarodnyy seminar INIR im. S.Yu. Vitte v Bodrume (Turtsiya) [International Seminar of the S. Yu. Witte Institute of Innovative Research in Bodrum, Turkey. Noonomik [Noonomics]: website. November 11, 2023. URL: https://noonomy.ru/2023/09/11/%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D 1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%80-%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%80-%D0%B8%D0%BC-%D1%81-%D1%8E-%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%82/ (date of access: 22.11.2025). (In Russ.)

Natsional'nyy proyekt «Infrastruktura dlya zhizni» [National project "Infrastructure for Life"]. Pravitel'stvo Rossii [Government of Russia]. 2025. URL: http://government.ru/rugovclassifier/918/about/ (date of access: 28.11.2025). (In Russ.)

O Programme Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii "Reformy i razvitiye rossiyskoy ekonomiki v 1995–1997 godakh": postanovleniye Pravitel'stva RF ot 28.04.1995 № 439 [On the Program of the Government of the Russian Federation "Reforms and Development of the Russian Economy in 1995–1997": Resolution of the Government of the Russian Federation of April 28, 1995 N 439. Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8539/61a15f3765ef8ff37231e62d5e0bd584f7e371ae/ (date of access: 15.12.2025). (In Russ.).

Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki regional'nogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 № 13 [On Approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the Period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation of 16.01.2017 № 13]. Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=210967#9a245oUeeKOHupeN1 (date of access: 15.12.2025). (In Russ.)

Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 № 207-r. [On approval of the Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025: Order of the Government of the Russian Federation of 13.02.2019 № 207-r]. Pravitel'stvo Rossiyskoy Federatsii [Government of the Russian Federation]: official website. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (date of access: 08.12.2025). (In Russ.)

Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda: rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 28.12.2024 № 4146-r [On approval of the Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036: Order of the Government of the Russian Federation of 28.12.2024 № 4146-r]. Konsul'tantPlyus. [ConsultantPlus]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Okrepilov V.V. Rol' ekonomiki kachestva v period innovatsionnoy transformatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [The Role of Quality Economics in the Period of Innovative Transformation of Socio-Economic Development]. Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii [Economic Revival of Russia]. 2023. N 2(76). P. 33–41. (In Russ.)

Okrepilov V.V. Ustoychivoye prostranstvennoye razvitiye i kachestvo. [Sustainable spatial development and quality]. Sovremennyye problemy prostranstvennogo razvitiya. [Modern problems of spatial development]: proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory and 75th anniversary of the birth of Academician A.G. Granberg. Moscow: SOPS, 2012. (In Russ.)

Yedinyy plan po dostizheniyu natsional'nykh tseley razvitiya Rossiyskoy Federatsii do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda [Unified plan for achieving national development goals of the Russian Federation until 2030 and for the period up to 2036]. Pravitel'stvo Rossii. [Government of the Russian Federation]: official website. January 9, 2025. URL: http://government.ru/news/53927/ (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.02

И.К. Богомолов

КАДРОВЫЙ СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ИНСТИТУТА ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности кадрового состава русской военной цензуры 1914–1918 гг. Исследованы проекты и практика комплектования кадрами цензурных органов, мотивация кандидатов в цензоры, отношение общества к этой работе в годы Первой мировой войны. Первоначальный замысел привлекать к военной цензуре только офицеров оказался нереалистичным, в связи с чем Временное положение о военной цензуре 1914 г. основную часть работы в этой сфере перекладывало на почтово-телеграфных чиновников, инспекторов и членов комитетов по делам печати. В условиях войны и этого состава оказалось недостаточно из-за огромной нагрузки и необходимости просматривать миллионы писем и телеграмм, тысячи газет и журналов. В связи с этим неминуемым было массовое привлечение гражданских чинов, вольнонаемных служащих, а также женщин, к 1916 г. составлявших уже основу кадрового состава военной цензуры. Быстрое расширение числа цензоров приводило к многочисленным организационным и бытовым проблемам: опозданиям, прогулам, конфликтам между работниками, воровству посылок и писем. Эффективность работы цензуры при этом не увеличивалась: доля просмотренной корреспонденции в годы войны не превышала 5%. Попытки улучшить кадровый состав за счет экзаменов также не достигли своей цели: уже с конца 1914 г. знание языков и уровень образования не были обязательными условиями поступления в цензуру, только в специальных отделах по просмотру корреспонденции. К моменту Февральской революции военная цензура пребывала в длительных трансформациях кадрового состава, которые, однако, не привели к качественному улучшению контроля над печатью и перепиской.*

Ключевые слова: *военная цензура; Первая мировая война; Временное положение о военной цензуре; Положение о полевом управлении войск; Петроградская военно-цензурная комиссия; Главное управление Генерального штаба.*

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: bogomolov@inion.ru
Web of Science Researcher ID: H-2659-2019
Scopus Author ID: 57218302641

Bogomolov I.K.

The personnel structure and recruitment principles of the military censorship institute in Russia during the First World War

Abstract. *The article examines the composition of the personnel of the Russian military censorship system during 1914–1918, the recruitment policies and practices of the censorship authorities, the motivations of candidates for censorship positions, and public attitudes toward this work during the First World War. The initial plan to staff military censorship exclusively with military officers proved unrealistic. Consequently, the 1914 Temporary Regulation on Military Censorship assigned most censorship duties to postal and telegraph officials, inspectors, and members of press committees. During the war, however, this workforce proved insufficient because of the enormous workload associated with reviewing millions of letters and telegrams, as well as thousands of newspapers and magazines. Military censorship therefore employed civil servants, civilian personnel, and women, who by 1916 constituted the majority of its staff. The rapid expansion of the censorship workforce led to numerous organizational and administrative problems, including delays, absenteeism, conflicts among employees, and theft from parcels and letters. However, the effectiveness of military censorship did not improve: during the war, no more than 5% of correspondence was reviewed. Attempts to improve personnel quality through examinations also proved unsuccessful. By the end of 1914, proficiency in foreign languages and educational qualifications were no longer mandatory requirements for employment in the censorship service, except in specialized correspondence review departments. By the time of the February Revolution, military censorship had undergone substantial organizational and personnel changes, which, however, did not result in a qualitative improvement in control over the press and correspondence.*

Keywords: *military censorship; First World War; Provisional Regulations on Military Censorship; Regulations on the Field Administration of Troops; Petrograd Military Censorship Commission; Main Directorate of the General Staff.*

Bogomolov Igor Konstantinovich – Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: bogomolov@inion.ru
Web of Science Researcher ID: H-2659-2019
Scopus Author ID: 57218302641

Итоги Русско-японской войны стали поводом для масштабных реформ управления армии, в том числе и подходов к организации военной цензуры. Созданная в 1904–1905 гг. цензурная система имела множество недостатков. Цензорами были недовольны авторы писем и телеграмм (за длительные задержки и утерю корреспонденции), пресса (за непоследовательные и жесткие решения) и командование армии (за излишнюю осторожность) [Афонасенко 2008, с. 47, 65, 117]. До 1914 г. предпринимались попытки выстроить новую организацию военной цензуры. Кадровый состав в этом смысле имел ключе-

вое значение: предстояло решить, кто в случае новой войны будет работать в цензуре и сколько сотрудников следовало привлечь.

В советской историографии сведения о людях, работавших в этой сфере, встречаются крайне редко вследствие ограниченного доступа к большинству архивов военно-цензурных комиссий и действовавшего до перестройки фактического запрета на разработку проблематики цензуры [Блюм 1994, с. 13; Измозик 2015, с. 39]. Историки могли привлечь в основном только цензорские отчеты о прочитанных письмах фронтовиков и общих настроениях в армии. Но в этих документах не проявлялась личность цензора, его социальное происхождение и положение, взгляды и нужды, а зачастую – и имена. Как верно отметил в 1994 г. О.Р. Хромов, в советской историографии «из цензоров возникали монстры, ненавидящие просвещение и свободу, “жалкие рабы самодержавия”, лишенные личной инициативы и мысли» [Хромов 1994, с. 87].

Однако и в первые постсоветские десятилетия, когда были сняты все запреты и открыт доступ к архивам, традиция историописания позднеимперской цензуры во многом осталась прежней. Цензор и его повседневная работа по-прежнему оставались за пределами повествования. Ощутимые сдвиги наметились лишь в последние годы, с выходом работ Н.Г. Патрушевой, Е.В. Алферовой и Е.Г. Костриковой [Патрушева 2013; Алферова 2024; Кострикова 2024]. Тем не менее до сих пор остаются недостаточно изученными принципы и практика комплектования военной цензуры, социальное положение и происхождение цензоров. В данной статье при помощи новых архивных документов предпринимается попытка осветить эти сюжеты, исследовать восприятие цензуры как места работы и цензора как профессии в России накануне революции 1917 г.

Кадровый вопрос в проектах Положения о военной цензуре (1909–1914)

Одной из причин организационных проблем военной цензуры во время Русско-японской войны стала недооценка этого вопроса в Положении о полевом управлении войск. Принятое еще в 1890 г., оно не предусматривало создание цензурных отделений ни на одном уровне армейской структуры, что привело к многочисленным пропускам в печать секретных сведений, в частности – о передвижении и расквартировании частей. Составители нового проекта Положения постарались учесть этот момент: в окончательном варианте 1914 г. указывалось, что функции и принципы комплектования военной цензуры будут прописаны в «особом» документе [Положение о полевом управлении войск 1914, с. 15]. Согласно его первым вариантам 1910–1912 гг., военными цензорами могли быть только офицеры [Богомолов 2022, с. 57].

Будущий объем работы военных цензоров совещание явно недооценивало, полагая, что большую ее часть сделают самоцензура населения и страх

конфискации отправления. При необходимости расширить штаты предполагалось за счет чинов в отставке, «местных помещиков и городских обывателей» [РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 118. Л. 129 об.].

В итоге статьи 20 и 21 предполагали привлечение к цензорской работе в первую очередь «должностных лиц, наблюдающих за печатью и… чинов местных почтово-телеграфных учреждений» [Временное положение о военной цензуре 1914, с. 9–10]. Формальных критериев отбора не было дано, их определяли руководители местных цензурных установлений на основании распоряжений, приказов и рекомендаций вышестоящего начальства. При назначении они зачастую исходили из собственных представлений о необходимой квалификации сотрудников, самостоятельно оценивали личные качества кандидатов, их знания и умения.

Поступление в военную цензуру: критерии отбора и мотивация кандидатов

При приеме на работу военно-цензурные комиссии исходили в первую очередь из уровня образования и знания иностранных языков. Не всегда, однако, даже эти минимальные критерии имели значение, особенно в начале войны, когда некоторые соискатели должности цензора задействовали свои связи и пытались таким образом не попасть на фронт и остаться в Петрограде [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 6. Л. 223]. Кадровую основу цензуры вне крупных городов составляли местные гражданские чиновники, представители полиции и жандармерии. В прифронтовых губерниях инициатива была чаще у военных властей: мнение губернаторов и других местных крупных чиновников было важно, так как они зачастую знали кандидатов на должность цензоров еще по их довоенной работе [РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 16, 28].

Одним из главных условий поступления в цензуру было поручительство за кандидата, желательно – от какого-либо известного лица или влиятельного чиновника [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 6. Л. 169, 253, 294, 343]. Во многих случаях причиной поручительства были семейные обстоятельства кандидата, его важные в тылу профессиональные навыки [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 6. Л. 317, 318]. В частной переписке и дневниках некоторые кандидаты откровенно признавались, что хотели остаться в тылу, так как не испытывали никакого патриотизма, к тому же в случае их гибели семья оставалась без кормильца [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 150–151].

Прошения о зачислении в цензуру подавались по примерно схожей для всех форме: рапорт, справка о службе и карьере, о знании иностранных языков и опыте работы, желательно – в цензурных органах. Последний пункт почти не встречается, хотя несколько заявителей работали в цензуре в годы Русско-японской войны [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 6. Л. 246, 248, 282].

К 28 сентября 1914 г. о зачислении в столичную военную цензуру ходатайствовали 13 человек (среди них – член Госсовета граф О.Л. Медем), все владели как минимум двумя языками [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 19. Л. 295–296]. Составлялись списки из тех, кого можно было пригласить на работу позже, в случае надобности. Тем не менее многие вакансии не закрывались подолгу. К примеру, в апреле 1916 г. даже в Петрограде не имелось переводчика с венгерского языка [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 255. Л. 563].

На заседании ПВЦК 27 января 1916 г. цензор (с марта – председатель комиссии) генерал-майор М.А. Адабаш отметил, что «с начала войны почему-то совершенно неосновательно отнеслись к делу военной цензуры, не с должным вниманием. <…> Привлекать… надо не тех лиц, кои остались в жизни за флагом, а лучшие силы, с известным уровнем образования и познаниями» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 303. Л. 15–19]. С августа 1916 г. испытанию должны были подвергаться все женщины, а также мужчины со средним образованием и никогда не бывшие на государственной службе. Экзамены проходили по самым разным языкам – от французского и немецкого до латышского и эстонского [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 469. Л. 28, 36, 47].

Рефреном во всех отчетах цензурного начальства звучали жалобы на недостаток «рядовых» цензоров. Одной из основных причин был призыв цензоров-офицеров (например, в качестве переводчиков), который начался уже в сентябре-октябре 1914 г. [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 19. Л. 302–303]. С уже назначенными офицерами, нижними чинами и даже ратниками ополчения расставались с большой неохотой. В рапорте в штаб Петроградского военного округа 27 ноября 1914 г. председатель ПВЦК сообщил, что из-за мобилизации к тому моменту из цензуры уволилось около ста офицеров. В связи с этим председатель ПВЦК составил список из 37 офицеров, которые несли «наиболее ответственные и специальные обязанности» и которых следовало освободить от призыва [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 49. Л. 414]. Схожие процессы происходили и в провинции, где мобилизация из цензурных учреждений продолжалась в течение всей войны. К примеру, в 1915 г. в ряды ополченцев призвали уфимского земского учителя С.Ш. Абдусаттарова, не успевшего и неделю проработать военным цензором [Габдрафикова, Абдуллин 2015, с. 51].

Несмотря на сопротивление военно-цензурных комиссий, мобилизация их подчиненных лишь усиливалась [АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 12]. Уже осенью 1914 г. она привела к ощутимому смягчению требований к кандидатам, в том числе к их состоянию здоровья. Устроившиеся в цензуру генералы, адмиралы и другие старшие офицеры в подавляющем большинстве были людьми пожилыми. Характерный пример – кадровый состав военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати. К концу 1916 г. в нем работало 90 цензоров – 47 гражданских чинов и 43 военных. Из последних 28 состояли в ополчении, 15 – в отставке, возраст колебался от 26 до 77 лет. Иная картина

складывалась среди гражданских чинов: 43 из 47 имели высшее образование, только двое были в отставке, а средний возраст составлял 35 лет. Те же тенденции наблюдались и в военной цензуре при Главпочтамте. К декабрю 1915 г. в ней работали 168 человек, из них 43 – военные чины, и только четверо состояли на действительной службе [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 465. Л. 17–18].

Для привлечения новых и более молодых сотрудников военно-цензурные комиссии размещали в печати специальную рекламу. Приглашались лица, не состоявшие на военной службе, имевшие общеобразовательный ценз не ниже средних учебных заведений и знающие иностранные языки. Последнее условие уже с конца 1914 г. фактически не являлось обязательным. Частыми в это время были примеры, когда успешно устроившийся в цензуру претендент не знал языков вовсе или знал их «поверхностно», «теоретически» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 72. Л. 122, 123, 277, 278, 285 и др.].

Еще одним источником пополнения кадров потенциально могли стать раненые и больные офицеры. Они привлекались в цензуру, однако такие случаи не были массовыми и наибольшее распространение получили в прифронтовых губерниях. К 1917 г. при Гельсингфорсской почтово-телеграфной конторе военными цензорами работали 17 раненых офицеров, но все они нуждались в присмотре и уходе [Алферова 2022, с. 11].

Большинство заявителей рассматривали цензорскую работу скорее как вечернюю подработку. Далеко не все были готовы работать смену за установленные Временным положением суточные 3 руб.: этого не хватало на жизнь, тем более в условиях быстрого роста цен в военное время. Часто нежелание претендента работать полный день обнаруживалось уже после его зачисления [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 49. Л. 36, 37]. Занятость подчиненных в цензуре также зачастую являлась дополнительной проблемой для нанимателей на основном месте работы. Так, привлечение жандармов к военной цензуре приобрело большие масштабы и вызывало нарекания у их непосредственного начальства [Хутарев-Гарнишевский 2012, с. 243].

Женщины в военной цензуре: от «переводчиц» к цензорам

На фоне растущего дефицита кадров все чаще рассматривался вариант привлечения к цензорской работе женщин. Формального запрета на такие назначения не существовало, но на деле военно-цензурные комиссии, штабы фронтов и армий, местные военные власти скептически оценивали способность женщин работать в цензуре. Еще в декабре 1914 г. председатель Петроградской военно-цензурной комиссии Д.П. Струков сообщал начальнику городских телеграфов в Петрограде, что привлечение женщин обсуждалось ранее и было признано «безусловно недопустимым» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 72. Л. 77]. Генерал Б.П. Баженов в письме Струкову 23 сентября 1915 г. отмечал, что про-

винция отнесется к этому «безусловно отрицательно», особенно в «маленьких городах с их дрязгами и сплетнями» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 245].

Привлечение женщин в цензуру вызывало много скептических отзывов из-за якобы «женских» черт характера, в первую очередь – «болтливости» и неумения сохранять в тайне секретные сведения. 19 февраля 1916 г. военный цензор на Главном телеграфе Н. Иванов докладывал М.А. Адабашу, что секретные распоряжения правительства «могут стать и в действительности становятся достоянием посторонних лиц, кои употребляют знание таких распоряжений во вред». В качестве примера он привел думскую речь депутата А.А. Бубликова. Как считал Иванов, ее разгласили, «несомненно, служащие на городской телефонной станции лица женского пола (слушающие и слышащие абонентов)» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 277. Л. 304].

Однако продолжавшийся призыв мужчин на фронт и уменьшение потока гражданских чинов вынуждали цензурное руководство пересматривать эту позицию. Разрешение Николая II допускать в цензуру не только военных чинов воспринималось частью цензурного руководства как фактическая возможность привлекать к работе женщин [цит. по: Алферова 2024, с. 120]. Знаковым стало распоряжение главнокомандующего 6 армией генерала Н.В. Рузского увеличить с июня 1915 г. состав военной цензуры на Главпочтамте на 100 человек, и в первую очередь за счет «переводчиц» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 74. Л. 446].

Появление термина «переводчицы» отражало стремление властей, с одной стороны, обойти ограничения Временного положения о военной цензуре, не предусматривавшего никого кроме цензоров, а с другой – найти компромисс с многочисленными противниками привлечения женщин. Изначально переводчицы рассматривались как помощницы цензоров в просмотре огромного количества корреспонденции фронтовиков и военнопленных – работе, считавшейся наиболее простой и понятной, не связанной с какими-либо военными тайнами. При этом переводчицы должны были получать те же суточные деньги, что и цензоры [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488. Л. 159 об.].

Важной причиной смягчения позиции командования стали «залежи» корреспонденции, проблема которых приобрела огромные масштабы уже осенью 1914 г. и в последующие годы только нарастала, особенно в Петрограде. В связи с этим Д.П. Струков с 1915 г. последовательно выступал за привлечение женщин, тем более что в провинции к тому времени уже появились прецеденты. Так, в сентябре 1915 г. в Благовещенске женщинам разрешили быть военными цензорами [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 293]. В том же месяце Струков распорядился расширить сеть цензурных пунктов в Петроградской и Новгородской губерниях. Личный состав предполагалось пополнять в том числе за счет женщин, имевших «ближайших кровных родственников в действующей армии или на военной службе» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 103–104]. 16 ноября 1915 г. в записке генерал-квартирмейстеру 1 армии он

сообщал, что опыт привлечения женщин в качестве переводчиц оказался весьма удачен, во многих случаях их продуктивность была выше чем у мужчин, с которыми они поначалу работали в разных помещениях. С лета 1916 г. в делопроизводственных документах военной цензуры разделение на «цензоров» и «переводчиц» исчезло окончательно [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 288].

На заседании ПВЦК 30 сентября 1916 г. генерал-лейтенант К.В. Шпигель отметил, что среди женщин-цензоров, «впервые находящихся на службе и потому не имеющих понятия о служебной дисциплине, замечаются постоянные ссоры, главным образом, на почве ложного самолюбия» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 333. Л. 150]. Проверка работы ПВЦК в марте 1916 г. выявила, что к тому моменту в общей цензуре простых писем и писем военнопленных работало много «юных девиц, вряд ли отдающих себе отчет в важности порученного им дела. <…> Свойственная женщинам болтливость, особенно запрещенных каких-нибудь сведений, вряд ли может оправдать такой значительный контингент женщин-переводчиц (около 700)». Проверяющий обратил внимание, что один цензор был явно «не совсем равнодушен к военной переводчице». Создававшиеся «любовные треугольники» вызывали «ревность, донос, анонимные письма и желание подвести соперницу» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 776. Л. 294–301].

Сторонники привлечения женщин в цензуру соглашались с тем, что критерии отбора кандидаток должны основываться на устоявшейся практике, учитывать их экономическое и семейное положение. С уходом на фронт, смертью и тяжелыми ранениями мужей, братьев и отцов многих из них привлекала возможность устроиться на работу и получать хоть и небольшие, но деньги.

Помимо знания иностранных языков, необходимого для чтения писем военнопленных, основными критериями стали политическая благонадежность (справки запрашивались в губернских жандармских управлениях) и рекомендации от «лиц, занимающих более или менее видное служебное и общественное положение». Допускались только русские подданные или (с особого разрешения) представительницы союзных и дружественных России стран. Приоритет изначально отдавался сиротам, женам, дочерям и сестрам офицеров-фронтовиков, в первую очередь – погибших и раненых [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 128. Л. 468]. К примеру, в списке кандидаток на прием в столичную цензуру за 30 октября 1915 г. значилось 159 человек, в двух списках за август 1916 г. – 26 и 103 соответственно. Во всех трех случаях указаны исключительно жены и дочери военных и врачей, у каждой на войне или в плену были родные, погибшие, пропавшие без вести. Множество прошений было связано с эвакуацией из западных губерний и попытками беженок пристроиться на новых местах [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 16. Л. 11–12, 161].

Прошение переводчиц о приеме на работу содержало ряд стандартных пунктов: подданство, вероисповедание, возраст, знание языков, образование,

место жительства и номер телефона, рекомендации, информация о родственниках в действующей армии. При поступлении на работу в цензуру давалась подписка с обязательством «сохранять в совершенной тайне содержание всей корреспонденции (писем, телеграмм и проч.) … какого бы существа она ни была, равно не открывать посторонним лицам, кем и кому корреспонденция была направлена» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 374. Л. 14].

Вместе с письменным прошением прикладывались две рекомендации. Кандидатки обращались к знакомым и родственникам, занимавшим какое-либо положение, имевшим чин или должность [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 223. Л. 117]. Встречались среди просителей бывшие вице-губернаторы, отставные генералы, офицеры штабов, ученые, деятели искусств. Ответа приходилось ждать долго, иногда – месяцами, между тем многие просительницы оставались после потери на войне мужа, отца или других родственников без средств к существованию. Они обращались в военно-цензурные комиссии, особо настойчивые писали председателям личные письма и добивались приема [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 313. Л. 128; Д. 16. Л. 342]. Ситуация, когда значительная часть работников цензуры приходила «по протекции», нравилась далеко не всем. В феврале 1916 г. военно-морской цензор на Главном телеграфе капитан Н.Н. Былим-Колосовский в записке М.А. Адабашу указывал на обилие шпионов и недоверие к личному составу цензуры, в которую легко проникнуть с помощью рекомендаций [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 776. Л. 312].

В списках цензоров, особенно в Петрограде, можно увидеть немало представительниц дворянских родов: графиня Е.Б. Де-Тулуз-Лотрек, баронесса Н.В. фон Медем, баронесса В.Э. Энгельгардт, графиня С.Н. Ростопчина, княжна В.И. Оболенская и др. К сентябрю 1916 г. военные цензоры при Главпочтамте (мужчины и женщины) знали около 40 языков, чаще всего немецкий, французский, английский, польский, итальянский, чешский [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 50. Л 93–98, 194–199; Д. 274. Л. 146].

Разрешение устраивать женщин без каких-либо ограничений привело в течение 1916 г. к ощутимым изменениям в кадровом составе цензуры. Главной причиной было то, что переводчиц привлекали к самой массовой и масштабной работе – просмотру корреспонденции фронтовиков. Для охвата хотя бы части этого огромного массива требовались тысячи сотрудников, владевших языками и обладавших усидчивостью и внимательностью. Рост количества женщин в годы войны виден по составу практически всех цензурных учреждений. К декабрю 1916 г. цензорами при Главном телеграфе работали 291 женщина и 86 мужчин [РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 50. Л. 50–56]. Военно-полевая цензура, просматривавшая письма с фронта, практически полностью состояла из женщин. В отделе почтовой транзитной и телеграфной международной корреспонденции на 1 января 1917 г. работали 19 мужчин и 79 женщин, при портовой таможне – 4 и 22 соответственно [РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д.

765. Л. 4, 13]. Схожая картина складывалась в провинции. К декабрю 1916 г. при Царскосельском военно-цензурном пункте работали 12 человек, из них лишь 3 мужчины, при Гатчинской почтово-телеграфной конторе – 3 мужчины и 5 женщин, при Петергофской – 3 мужчины и 3 женщины. Следует учитывать также быстрое разрастание вспомогательного персонала, комплектовавшегося в основном женщинами: сортировщицы, машинистки, заклейщицы конвертов, уборщицы, прислуга [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 379, 386].

В то же время соблюдались негласные правила и рекомендации. В ряде подразделений женщины практически не привлекались, прежде всего там, где их не было и до войны: драматическая, иностранная, придворная, кинематографическая цензура [РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 50. Л. 27, 36]. Доступ к «секретным спискам» и вообще к контрразведывательной информации получали предпочтительно мужчины (в первую очередь офицеры), хотя к 1917 г. из-за нехватки кадров и здесь приходилось привлекать женщин. Сохранялось и распределение ролей: даже на Главпочтамте старшими военными цензорами и главами крупных внутренних подразделений почти неизменно назначались мужчины. Среди женщин при этом тоже существовала своя субординация: наиболее опытные и авторитетные становились заведующими групп и отделений, наблюдали за работой «рядовых» переводчиц [РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 51. Л. 8–13].

Увольнения, злоупотребления, награды

Актуальные списки цензоров фиксировались нерегулярно и не всегда имели дату составления. В архивах петроградской цензуры редкий список не содержал вычеркнутой фамилии. Столкнувшись с тысячами писем и телеграмм, ожидавших проверки, цензоры увольнялись в первые недели и даже дни. Наибольшие проблемы это доставляло при взаимодействии военной цензуры и контрразведки. На заседании ПВЦК 22 января 1916 г. полковник А.П. Фалк отмечал, что к работе со шпионской корреспонденцией «надо привыкать не менее трех месяцев, а между тем личный состав меняется довольно часто. Это ненормально. Надо прямо удивляться, как вообще что-либо получается по спискам при… столь частых отчислениях и перемещениях цензоров» [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 21].

Цензурное начальство могло пойти навстречу и разрешать совмещение и изменение графика, особенно если кадр был ценным (например, знал редкие языки). Допускались и пропуски по болезни в случае предъявления справок. В сохранившихся списках рядом с зачеркнутой фамилией обычно кратко описывалась и причина увольнения: «долгое отсутствие», «отъезд на долгий срок», «отказалась», «вследствие получения неблагоприятных сведений», «безнадежная болезнь» и др. [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 414. Л. 137, 284].

Одной из главных причин увольнений были ошибки в работе и злоупотребления должностными полномочиями. К примеру, в январе 1915 г., по ходатайст-

ву вице-адмирала А.И. Русина, из цензуры уволили контр-адмирала А.К. Деливрона за пропуск статьи «Военный флот» в газете «Новое время». Другой цензор при вскрытии письма забыл вложить обратно вексель и потом вложил его в первый попавшийся открытый конверт [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 72. Л. 233, 234].

Злостные нарушения нередко становились причиной для внутренних расследований. В декабре 1915 г. цензор В. Ваксман был уволен за то, что предлагал пленным чехам за деньги пропускать их письма на родину без цензуры [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 304. Л. 82-82об.]. В сентябре 1916 г. несколько цензоров на Главпочтамте попались на том, что вместо аккуратного вскрытия посылок «просто-напросто ломали ящики, выбрасывали доски, а все содержимое в посылках высыпали на обшивку и в такой… упаковке отправляли… по назначению» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 414. Л. 346]. Среди случаев злоупотреблений наиболее частыми были кражи ценностей.

Карая нерадивых сотрудников, цензурное руководство заботилось в то же время и об их награждениях. Следует отметить, что большинство цензоров не скрывало своего места работы, напротив, упоминания о нем постоянно встречаются в различных персональных документах. Цензоры, как правило, рассматривали свою деятельность как специфическую, но государственную службу, «место», наподобие других учреждений и ведомств.

На этой же логике основывались прошения и решения о награждении цензоров. К примеру, 3 марта 1915 г. Д.П. Струков представил к наградам 23 военных цензоров. Как и в других учреждениях, поощрение наградами рассматривалось как неотъемлемая часть жизни чиновника, формальный повод для признания его заслуг. Далеко не всегда такие прошения удовлетворялись, что вызывало недовольство, особенно среди гражданских чинов, в сравнении с которыми военные получали награды исправно: в 1914–1916 гг. были награждены 72 столичных цензора-офицера [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 303. Л. 23–32]. Тем не менее примеры награждений гражданских чинов встречаются. К примеру, С.В. Недачин был награжден орденом св. Анны 3 ст. (дважды в 1914–1915 гг.) и св. Станислава 2 ст. (1916) «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» [РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 753. Л. 23об.]. Особо были выделены заслуги помощника начальника жандармского управления г. Одессы полковника Г.И. Штандаренко, раскрывшего шпионскую деятельность ряда лиц в пользу Австро-Венгрии [Кирмель 2018, с. 172].

***

Реальные условия начавшейся в 1914 г. мировой войны показали несостоятельность многих предвоенных планов и расчетов. Цензура стала наглядным примером как в повседневной практике, так и в кадровом составе. Еще в 1912 г. составителям Положения о военной цензуре стала ясна утопичность идеи привлечения к военной цензуре только офицеров и неизбежность участия в этой

работе гражданских чинов. Всеобщая мобилизация подтвердила эти прогнозы: офицеры массово уходили на фронт, и в цензуре оставались в основном только отставные или негодные к строевой службе. Постоянный призыв уже осенью 1914 г. привел к дефициту не только военных чинов, но и мужчин в целом. В этих условиях привлечение к цензуре женщин было вопросом времени, хотя часть военного командования долго сопротивлялась этому послаблению. К 1916 г. женщины составляли кадровую основу военно-цензурных органов, в первую очередь перлюстрации писем фронтовиков и военнопленных. Прием женщин на эту работу объяснялся не только дефицитом кадров, но и необходимостью поддерживать жен фронтовиков. Тем не менее постоянный рост доли женщин не привел в годы войны к преодолению кадрового дефицита: просматривалось не более 5% корреспонденции, и для кратного повышения этого показателя требовалось дополнительный найм тысяч человек. Попытки резкого расширения цензурных штатов в 1915–1916 гг. приводили к множеству проблем бытового и дисциплинарного характера: росло количество прогулов, служебных конфликтов, краж из почтовых отправлений. До Февральской революции правительство и военное командование не успело изменить к лучшему ситуацию в военной цензуре и, в частности, в ее кадровом обеспечении.

Библиография

Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета, 2022. № 4. С. 7–15.

Алферова И.В. Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны // Российская история. 2024. № 2. С. 115–126.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 140. Оп. 477. Д. 912.

Афонасенко И.М. Россия и Япония: война разведок в начале XX в. / И. М. Афонасенко. М.: [б. и.], 2008. 357 с.

Блюм А.В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 312 с.

Богомолов И.К. Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 4. С. 48–54.

Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 714 с.

Временное положение о военной цензуре. Одесса: Тип. «Спорт и наука», 1914. 40 с.

Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 395 с.

Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 693 с.

Кирмель Н.С. Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914–1918 годов. М.: Кучково поле, 2018. 540 с.

Кострикова Е.Г. Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917. М.: Кучково поле, 2024. 414 с.

Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 619 с.

Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб.: Военная типография, 1914. 86 с.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488.

РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198.

РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 51.

РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 118.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 16.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 49.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 50.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 72.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 223.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 255.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 303.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 304.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 313.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 333.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 374.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 414.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 465.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 469.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 753.

РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 765.

РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 776.

РГВИА. Ф. 13849. Оп. 1. Д. 5.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 488.

Хромов О.Р. Цензор и религиозный лубок в России // Книжное знание в отечественной культуре XVIII – XX веков.: сб. ст. М.: РГБ, 1994. С. 87–99.

Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. Дисс… канд. ист. наук. М., 2012. 369 с.

References

Alferova I.V. Voyenno-tsenzurnyye praktiki v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Military censorship practices during the First World War (based on materials from the Grand Duchy of Finland)]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]. 2022. N 4. P. 7–15. (In Russ.)

Alferova I.V. Zhenskaya istoriya rossiyskoy voennoy tsenzury perioda Pervoy mirovoy voiny [Women's history of Russian military censorship during the First World War]. Rossiyskaya istoriya [Russian History]. 2024. N 2. P. 115–126. (In Russ.)

Afonasenko I.M. Rossiya i Yaponiya: voyna razvedok v nachale XX v. [Russia and Japan: The intelligence war in the Early Twentieth Century]. Moscow: [s.n.e.], 2008. 357 p. (In Russ.)

Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 140. Inv. 477. Cas. 912. (In Russ.)

Blyum A.V. Za kulisami «ministerstva pravdy»: Taynaya istoriya sovetskoy tsenzury, 1917–1929 [Behind the scenes of the «Ministry of Truth»: The secret history of Soviet censorship, 1917–1929]. Saint-Petersburg: Akademicheskiy proekt, 1994. 312 p. (In Russ.)

Bogomolov I.K. Nakanune voiny: proekt «Polozheniya o voennoy tsenzure» 1912 g [On the eve of war: draft of «Regulations on Military Censorship», 1912]. Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 5: History]. 2022. N 4. P. 48–54. (In Russ.)

Buldakov V.P., Leontieva T.G. Voyna, porodivshaya revolyutsiyu [The War That Gave Birth to the Revolution]. Moscow: Novy khronograf, 2015. 714 p. (In Russ.)

Gabdrafikova L.R., Abdullin Kh.M. Tatary v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) [Tatars during the First World War (1914–1918)]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2015. 395 p. (In Russ.)

Izmozik V.S. «Chernye kabinety». Istoriya rossiyskoy perlyustratsii. XVIII – nachalo XX veka [«Black Offices». History of Russian Censorship. 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 693 p. (In Russ.)

Khromov O.R. Tsenzor i religioznyy lubok v Rossii [The Censor and the Religious Popular Print In Rusia]. Knizhnoye znaniye v otechestvennoy kul'ture XVIII – XX vekov [Book Knowledge in Domestic Culture of the 18th – 20th Centuries. Collected Articles]: collection of articles. Moscow: RGB, 1994. P. 87–99. (In Russ.)

Khutarev-Garnishevskiy V.V. Otdelny korpus zhandarmov i Departament politsii MVD: organy politicheskogo syska nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny, 1913–1917 gg. [The Gendarme Corps and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs: political investigation agencies on the eve of and during the First World War]. PhD Dissertation. Moscow, 2012. 369 p. (In Russ.)

Kirmel N.S. Spetssluzhby Rossii v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 godov [Russia's intelligence services in the First World War, 1914–1918]. Moscow: Kuchkovo pole, 2018. 540 p. (In Russ.)

Kostrikova E.G. Informatsionnaya politika rossiyskogo pravitel'stva v gody Pervoy mirovoy voyny i revolyutsii. 1914–1917 [The information policy of the Russian government during the First World War and the Revolution.]. Moscow: Kuchkovo pole, 2024. 414 p. (In Russ.)

Patrusheva N.G. Tsenzurnoye vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [The censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th – Early 20th centuries]. Saint-Petersburg: Severnaya zvezda, 2013. 619 p. (In Russ.)

Polozhenie o polevom upravlenii voysk v voennoe vremya [Regulations on the field command of troops in Wartime]. Saint-Petersburg: Voyennaya tipografiya, 1914. 86 p. (In Russ.)

Rossiiskiy gosudarstvennyi voenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 2003. Inv. 1. Case. 1488. (In Russ.)

RGVIA. F. 2031. Inv. 1. Case. 1198. (In Russ.)

RGVIA. F. 13835. Inv. 1. Case. 51. (In Russ.)

RGVIA. F. 13835. Inv. 1. Case. 118. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 6. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 16. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 49. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 50. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 72. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 108. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 223. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 255. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 303. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 304. (In Russ.)

RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 313. (In Russ.)
RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 333. (In Russ.)
RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 374. (In Russ.)
RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 414. (In Russ.)
RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 465. (In Russ.)
RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 469. (In Russ.)
RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 753. (In Russ.)
RGVIA. F. 13835. Inv. 1. Case. 765. (In Russ.)
RGVIA. F. 13836. Inv. 1. Case. 776. (In Russ.)
RGVIA. F. 13849. Inv. 1. Case. 5. (In Russ.)

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dalnego Vostoka (RGIA DV) [Russian State Historical Archive of the Far East]. F. 702. Inv. 3. Case. 488. (In Russ.)

Vremennoye polozheniye o voyennoy tsenzure [Temporary regulations on military censorship]. Odessa: Sport i nauka, 1914. 40 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.03

Н.А. Кузина

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СОВЕТСКО-АРГЕНТИНСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ КОНТАКТЫ (1946–1963)[1]

Аннотация. *Статья посвящена анализу научных связей в сфере медицины между СССР и Аргентиной с момента установления дипломатических отношений в 1946 г. до политических процессов 1963 г. На основе архивных материалов рассматриваются основные формы взаимодействия: участие в международных конгрессах, обмен делегациями, профессиональные контакты и распространение научной информации. Особое внимание уделяется роли медицинских контактов как инструмента научной дипломатии и «мягкой силы» в условиях холодной войны. Показано, что, несмотря на взаимный интерес научных сообществ и успешные эпизоды сотрудничества, развитие связей носило фрагментарный характер. Ключевыми ограничениями выступали внутриполитическая нестабильность в Аргентине, антикоммунистическая политика и институциональные барьеры с обеих сторон. В результате потенциал двустороннего научного взаимодействия не был реализован полноценно.*

Ключевые слова: *научная дипломатия; медицинские контакты; СССР – Аргентина; холодная война; мягкая сила; академический обмен; институт культурной связи «Аргентина – СССР».*

Кузина Наталия Андреевна – к.и.н., Институт всеобщей истории Российской академии наук, м.н.с. Россия, Москва.
Email: nataliyamare@yandex.ru
Scopus Author ID 57208105011
Web of Science Researcher ID KHV-4939-2024

Kuzina N.A.

Science Diplomacy during the Cold War: Soviet-Argentine Medical Contacts (1946–1963)

Abstract. *This article examines the development of scientific relations in the field of medicine between the USSR and Argentina from the establishment of diplomatic relations in 1946 to the political changes of 1963. Drawing on archival materials, it analyzes the*

1. Исследование выполнено при поддержке РНФ № 25-78-10110 «Советская научная дипломатия: формы, направления, инструменты (1950–1980-е гг.)».

main forms of interaction, including participation in international congresses, delegation exchanges, professional contacts and the dissemination of scientific information. Special attention is paid to the role of medical contacts as a tool of scientific diplomacy and soft power in the context of the Cold War. The study shows that, despite mutual interest between the scientific communities and several successful episodes of collaboration, the development of these ties remained fragmented. The key constraints included Argentina's domestic political instability, anti-communist policies, and institutional barriers on both sides. Consequently, the full potential of bilateral scientific cooperation was never realized.

Keywords: *science diplomacy; medical contacts; USSR – Argentina; Cold War; soft power; academic exchange; Argentina – USSR Institute for Cultural Relations.*

Kuzina Nataliia Andreevna – Ph.D. in History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Junior Researcher. Russia, Moscow.
Email: nataliyamare@yandex.ru
Scopus Author ID 57208105011
Web of Science Researcher ID KHV-4939-2024

В середине 1950-х годов и с началом «оттепели» в советской внешней политике произошел ряд изменений: в русле доктрины «мирного сосуществования» начала развиваться культурная и научная экспансия в страны Латинской Америки. Несмотря на идеологические противоречия, подобные контакты становились инструментом «мягкой силы», призванным формировать доверие и открывать каналы для сотрудничества в условиях отсутствия формальных дипломатических отношений с большинством стран континента. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов ключевым проводником советского влияния выступал сначала Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), которое в 1958 г. было преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) [Докучаева 2018, с. 15]. Формы взаимодействия носили традиционный для того времени характер: обмен научными делегациями, организация выставок, распространение литературы и лекционная деятельность и т. д. После Карибского кризиса 1962 г. в структуре ССОД была учреждена отдельная Латиноамериканская секция: с 1963 г. Латинская Америка была официально выделена как самостоятельное направление работы СССР наравне с другими регионами [там же]. Выделение региона в самостоятельное направление с 1963 г. официально закрепило готовность СССР задействовать все доступные ресурсы для укрепления двусторонних связей со странами Латинской Армерики и, в том числе, с Аргентиной, отношения Советского Союза с которой являются объектом настоящего исследования, а предметом – научная дипломатия в сфере медицины.

Источниковую основу исследования составляют отчёты отдела стран Америки ВОКС и позднее – структур ССОД, а также документы фондов Министерства здравоохранения СССР из Государственного архива Российской Федера-

ции. В данных материалах содержится анализ внутриполитической обстановки в отдельных странах региона, информация о контактах с представителями интеллигенции и науки, сведения об иностранных делегациях и их деятельности в СССР, тематике исследований, лекций и т. д. Историография Аргентины, охватывающая как аспекты ее внутренней и внешней политики, так и анализ отдельных исторических процессов и двусторонних отношений, отличается значительной широтой и тематическим разнообразием. Тем не менее в этом обширном научном поле можно выделить ряд фундаментальных работ, составивших его основу. К числу наиболее знаковых и авторитетных исследователей относятся А. И. Сизоненко [Сизоненко 1971], В. П. Казаков [Казаков 2007; Казаков 2009, с. 94–121], А. А. Щелчков [Щелчков 2025, с. 94–105; Щелчков 2024; Schelchkov 2025] и П. П. Яковлев [Яковлев 2017; Яковлев 2015].

Теоретическое осмысление исследуемых в настоящей статье научных контактов опирается на концепцию «научной дипломатии»[2]. В современном понимании она включает три взаимосвязанных аспекта: использование научной экспертизы при выработке внешнеполитических решений; применение дипломатических каналов для облегчения международного сотрудничества учёных; а также трактовку самого научного обмена как инструмента налаживания межгосударственных отношений. Кроме этого, идея «науки для дипломатии» оказывается не нейтральной гуманистической практикой, а частью более широкой стратегии государств, что важно учитывать при анализе советско-аргентинских медицинских контактов.

В 1946 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Аргентиной после победы Х. Перона на выборах. Перонистский проект «Новая Аргентина», опиравшийся на идеи социальной справедливости, экономического суверенитета и политической автономии, допускал расширение связей с государствами Восточной Европы и Советским Союзом [Казаков 2007, с. 95]. Уже в 1953 г. было заключено советско-аргентинское торговое соглашение, предусматривавшее поставки в Аргентину нефтепродуктов, угля, стали и оборудования в обмен на сельскохозяйственную продукцию [там же]. Тем самым Буэнос-Айрес стремился диверсифицировать внешнеэкономические связи и снизить зависимость от западных рынков. Одновременно, несмотря на отсутствие формального разрыва отношений с Москвой в начале холодной войны, внутри страны сохранялась настороженность по отношению к любым структурам, связанным с СССР.

Эта двойственность особенно проявилась в судьбе Института культурной связи «Аргентина – СССР» (IRCAU), созданного в августе 1946 г. Первоначально институт представлял собой малочисленную организацию, ориентированную на круг

2. Концепция развернутый анализ в книге: [Wolfe 2018].

интеллигенции, симпатизировавшей Компартии Аргентины [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 102]. К 1949 г. его положение резко ухудшилось: часть перонистов и известных деятелей науки и культуры вышли из руководства, опасаясь экономических санкций и административного давления [там же]. В 1949–1953 гг. деятельность института фактически оказалась парализованной. Лишь после торговых договорённостей 1953 г. положение несколько стабилизировалось: работали около 15 секций, включая медицинскую и секции точных наук, проводились дискуссии, издавались сборники советских авторов, а в 1957 г. начал выходить журнал «Советская медицина» [там же, л. 110–111]. В своем отчете сотрудник ССОД рекомендовал ежегодно переводить на испанский язык и издавать 5–8 наиболее значимых советских работ по медицине [там же, л. 123–124]. Также предлагалось организовать фотовыставки, в том числе на тему медицинского образования. Институт поддерживал контакты с семью университетами страны, больницами и исследовательскими центрами, рассылал советские научные журналы в библиотеки, консультировал по вопросам советской науки и техники [там же, л.105]. Представитель Союза обществ устанавливал дружеские контакты со значимыми персонами в сфере политики, культуры и науки. Так, например, сотрудник ССОД поддерживал контакты, в том числе с Э. Ноблиа – министром здравоохранения [там же, л. 115].

При этом в период перонизма институт действовал в условиях полуофициального давления. Полиция неоднократно запрещала проведение собраний, активисты вызывались на допросы, сталкивались с проблемами на работе; посольство США открыто предупреждало тех, кто потенциально хотел бы посетить СССР о возможных последствиях для их доступа в Соединенные Штаты [там же, л. 107]. Их официальная политика предусматривала активную борьбу с «коммунистическим влиянием» в Латинской Америке, в том числе путём ограничений на поездки в СССР и ведения антикоммунистической пропаганды.

После военного переворота сентября 1955 г., приведшего к власти генералов Эдуардо Лонарди и затем Педро Эухенио Арамбуру, началась политика «деперонизации»: была отменена Конституция 1949 г., распущена перонистская партия, усилены репрессии против профсоюзов [Казаков 2007, с. 107]. В 1957 г., на фоне антикоммунистической кампании и событий в Венгрии, арестам подверглись руководители института, были запрещены поступающие из Москвы материалы, ограничены поездки делегатов [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 111]. Тем не менее в провинциях (Росарио, Кордова, Мендоса, Тукуман) филиалы зачастую сталкивались с меньшими препятствиями, чем в Буэнос-Айресе [там же, 109]. Правительство Артуро Фрондиси (1958–1962) первоначально предприняло шаги к либерализации, что позволило заключить экономические соглашения с социалистическими странами, включая СССР в 1958 г. [СССР (Россия) – Аргентина, с. 1990. С. 91–95]. Однако под давлением проамериканских и военных кругов курс правительства

постепенно ужесточался: усиливалась антикоммунистическая и антисоветская риторика, советским дипломатам ограничивали передвижение, ряд сотрудников был объявлен персонами нон грата [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1959, 1960 гг., л. 27]. В ноябре 1960 г. Институт культурной связи «Аргентина – СССР» в Буэнос-Айресе и его филиалы были закрыты, что практически остановило культурный и научный обмен [там же, л. 20].

В архивных документах в исследуемый период по теме внешних сношений в области науки наиболее представлены контакты в сфере медицины. Это направление советско-аргентинских отношений конца 1950-х – начала 1960-х годов демонстрирует наиболее наглядные примеры функционирования научной дипломатии и представлено рядом практик: участие в международных форумах, обмен делегациями, институциональные переговоры, попытки создания устойчивых профессиональных связей и формирование образа советской науки за рубежом.

Знакомство советских ученых с достижениями аргентинских коллег в области медицины и психиатрии осуществлялось главным образом по двум каналам: через анализ профильной научной литературы, поступавшей в СССР, и в ходе личного участия в работе международных конгрессов. Материалы, полученные в рамках таких контактов, позволяли советской стороне не только следить за развитием науки в регионе, но и фиксировать социально-политический контекст, в котором работали аргентинские врачи. Так, например, на Конгрессе по ментальному здоровью в Мексике (декабрь 1951 г.) советская делегация в составе Н.И. Озерецкого и А.В. Снежневского имела возможность ознакомиться с докладами аргентинских специалистов, среди которых были Теодора Абрамович, Цезарь Кастедо, Ф. Эдуардо Крапф и Тельма Река де Акоста [Материалы о научных командировках, л. 3, 125]. Тем не менее советская сторона не всегда принимала участие в мероприятиях, на которые ее приглашали. Так, на период с 1 по 4 октября в Мар-дель-Плата был запланирован I Конгресс по одонтостоматологии под эгидой Аргентинской федерации одонтологии. Оргкомитет направил в посольство СССР приглашение для советских стоматологов, подчеркнув особую заинтересованность в присутствии советских специалистов [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 59]. Однако Главное военно-медицинское управление Министерства обороны СССР не проявило заинтересованности в направлении представителя на данный конгресс [там же, л. 64].

Одним из знаковых эпизодов стало участие советской делегации в XXI Международном конгрессе физиологических наук в Буэнос-Айресе (9–15 августа 1959 г.). Форум проходил на медицинском факультете Университета Буэнос-Айреса под председательством нобелевского лауреата Бернардо Гуссея. Наибольшее число участников представляли латиноамериканские страны; ученых из Европы, Азии и США приехало меньше, чем на предыдущих конгрессах [там же]. СССР направил представительную делегацию из 31 специалиста

(физиологи, фармакологи, биохимики) во главе с Эзрасом Асратяном. В ее составе были Иван Беритов, Петр Анохин, Сергей Аничков и др. Советские ученые заявили 38 докладов (опубликованы в трудах конгресса), из них 18 были прочитаны лично [Материалы об участии советских ученых, л. 5]. В работе Генеральной Ассамблеи Международного союза физиологических наук участвовали Асратян, Беритов и Волохов. В Международный совет союза (15 человек) от СССР был избран Э.А. Асратян.

Делегация активно участвовала в неформальных мероприятиях: приемах у президента конгресса Гуссея, коллективных и личных беседах с зарубежными коллегами. Советские ученые оказались в центре внимания латиноамериканцев, которые, по мнению Э. Асратяна, слабо информированы о достижениях советской науки. Особый интерес проявили молодые аргентинские исследователи и студенты, желавшие узнать о науке и образовании в СССР, получать литературу и возможность стажировок. Аргентинские ученые настойчиво подчеркивали необходимость расширения книгообмена. Были организованы пресс-конференции для ведущих газет («Ла Расон», «Ла Пренса», «Ла Насьон»), опубликовавших статьи и портреты советских ученых с положительной оценкой их работы.

Основываясь на пожеланиях аргентинских коллег, Асратян предложил усилить обмен научной литературой с Аргентиной. Рекомендовал поручить Библиотеке АН СССР направить в эти страны «Физиологический журнал СССР», «Журнал высшей нервной деятельности», труды Зоологического института и лаборатории гельминтологии. Министерству здравоохранения СССР предложено организовать через Центральную медицинскую библиотеку взаимный обмен «Бюллетенем экспериментальной биологии и медицины» и клиническими журналами [там же, л. 14–15].

Участие в конгрессе имело не только научное, но и дипломатическое значение: советские ученые смогли продемонстрировать свой профессиональный уровень, что способствовало формированию благоприятного образа СССР в аргентинской академической среде. Вместе с тем развитие этих контактов в организационном плане практически не получило продолжения. Показательно, что после конгресса делегация отправилась в Бразилию, и в своем отчете Э. Асратян настойчиво рекомендовал приглашать бразильских специалистов в СССР и налаживать более тесное медицинское сотрудничество с этой страной. Что касается Аргентины, то здесь предложения свелись в основном к отправке научной литературы.

К началу 1960-х годов уже сформировались устойчивые личные контакты между советскими и аргентинскими медицинскими специалистами, и, несмотря на политическую обстановку, эти связи продолжали существовать и развиваться. Так, АМН СССР сочла целесообразным командирование заведующего лабораторией анестезиологии Института экспериментальной и клинической онкологии АМН СССР доктора В.П. Смольникова на конгресс аргентинских

анестезиологов в Буэнос-Айресе и ходатайствовала об оформлении его выезда [Материалы о научном сотрудничестве, л. 47]. Характерно, что приглашение было передано советскому ученому еще до официального обращения – председатель подготовительного комитета конгресса доктор Х. Молина устно пригласил В.П. Смольникова во время их личной встречи на конгрессе австрийских анестезиологов в Вене. Этот факт подтверждает, что к 1963 г. профессиональное взаимодействие вышло за рамки официальных протоколов и осуществлялось напрямую, через личное общение специалистов [там же, л. 48].

Помимо участия в международных конгрессах, важным каналом профессионального взаимодействия стали прямые приглашения аргентинской стороной советских медицинских специалистов. В 1958 г. Институт культурной связи «Аргентина-СССР» выступил с инициативой по расширению двусторонних научных контактов. Вице-президент института А. Реджиани обратился с просьбой о приеме аргентинских деятелей науки и культуры, а от президента института П. Шануссо и его супруги Элисы поступила просьба об организации их лечения в СССР [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 1–2]. В ответ на запрос о направлении советских лекторов было принято решение командировать в Аргентину директора Института терапии АМН СССР академика А.Л. Мясникова [там же, л. 3]. Хотя первоначально запланированный на октябрь визит не состоялся из-за занятости Мясникова, поездка была перенесена на ноябрь. Как отмечал заместитель председателя Президиума ССОДа В. Горшков, визит академика должен был содействовать популяризации советской медицинской науки среди университетской общественности Аргентины, налаживанию профессиональных контактов и укреплению позиций Института «Аргентина – СССР» [там же, л. 81].

Поездка делегации ССОДа во главе с профессором А.Л. Мясниковым[3] состоялась в 1960 г. [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1959, 1960 гг., л. 12–13]. В задачи поездки входило: пропагандирование миролюбивого внешнеполитического курса СССР, в том числе на примере визита Н.С. Хрущева в США, и разъяснение советских предложений о всеобщем и полном разоружении; знакомство с деятельностью ССОДа; установление новых контактов с общественными, научными и культурными организациями, а также с отдельными деятелями Уругвая, Чили и Аргентины; освещение реальной картины советской жизни, достижений науки и культуры в контексте решений XXI съезда КПСС и семилетнего плана развития народного хозяйства [там же].

В Аргентину делегация прибыла по приглашению временного поверенного в делах СССР в Аргентине тов. Бадаляна – в связи с закрытием Института

3. А.Л. Мясников, действительный член АМН СССР, директор Института терапии и вице-президент Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки.

культурной связи «Аргентина – СССР», который был закрыт декретом президента Аргентины от 4 ноября 1960 г. [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1959, 1960 гг., л. 20–21]. По прибытии выяснилось, что делегация также имела официальные приглашения от медицинского факультета Университета Буэнос-Айреса, Университета Ла-Платы и Ассоциации аргентинских писателей, однако из-за краткости визита воспользоваться ими не удалось. Профессор Мясников встретился с аргентинскими коллегами, был принят деканом медицинского факультета доктором Л. Мунистом, провел с ним беседу и осмотрел клинику факультета.

В отчете показано, что несмотря на антисоветскую кампанию, развернутую реакционными кругами Уругвая и Аргентины, в этих странах сохраняются возможности для широкого ознакомления общественности с жизнью и культурой СССР [там же, л. 23]. Это свидетельствует о высокой востребованности советских медицинских специалистов в аргентинской академической среде. Сам факт наличия сразу нескольких приглашений от ведущих медицинских факультетов крупнейших университетов и профессиональных объединений указывает на интерес к советскому опыту и готовность аргентинской стороны к расширению контактов. В Аргентине делегация провела ряд встреч и выступлений, например, лекции профессора Мясникова в медицинских обществах и на университетских факультетах. В отчете, составленном главой делегации А.Л. Мясниковым, содержалась просьба к Президиуму АМН СССР и его научно-исследовательским институтам изыскать возможности для налаживания обмена научными публикациями с медицинскими организациями Чили, Уругвая и Аргентины [там же].

С аргентинской стороны всегда присутствовал интерес к достижениям советской медицины. Так, в посольство СССР через Институт культурных связей «Аргентина – СССР» поступило обращение от группы профессоров медицинского факультета Университета провинции Санта-Фе во главе с деканом факультета профессором Оскаром Р. Мароттоли [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, л. 36–38]. Ученые выразили желание посетить Советский Союз с целью ознакомиться с организацией медицинского образования, системой здравоохранения СССР, а также с профильными научными и лечебными учреждениями. Кроме того, они были заинтересованы прочитать ряд лекций в СССР и принять участие в хирургических операциях [там же].

В состав группы входили признанные как в Аргентине, так и за ее пределами специалисты: доктор ортопедии и травматологии Оскар Р. Мароттоли[4], крупный

4 Декан факультета, автор многочисленных научных трудов, участник международных конгрессов, один из ведущих специалистов Аргентины, положительно оценивающий достижения советской медицины. [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы… за 1954–1958, л. 36]

хирург с международной репутацией Оскар Камес, профессор-уролог Рикардо Эрколе, врач-терапевт, руководитель Медицинского центра Росарио Хосе Зильберштейн, профессор ортопедии и травматологии, сотрудник журнала «Диа Медика» Исидро Слулитель, профессор-гинеколог, член Международного союза акушеров и гинекологов Рикардо Б.Мон. Ученые изъявили готовность самостоятельно покрыть все расходы на поездку, прося принять их в СССР в качестве гостей [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 37–38]. Аргентинская же сторона предложила организовать ответный визит советских коллег с возможностью чтения лекций на кафедрах факультета [там же].

Этот случай примечателен тем, что ранее подобные обращения не поступали. Предпринимавшиеся попытки пригласить аргентинских врачей в СССР, как правило, оканчивались неудачей: несмотря на личную заинтересованность, многие ученые отказывались от поездок под давлением местных властей или из опасений потерять возможность въезда в США [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 38]. Зафиксированы случаи, когда консульские сотрудники предупреждали желающих посетить СССР о возможных последствиях для их карьеры [там же] В организации визита первой официальной делегации аргентинских врачей проявили заинтересованность и руководители КПА. Генеральный секретарь ЦК А. Алеварес и В. Кодавилья поручили вице-председателю ИКСАС Реджани донести до советской стороны поддержку этого начинания. По мнению первого секретаря компартии провинции Санта-Фе Морретти, концепция «железного занавеса» искусственно поддерживается западными странами, а визит аргентинских врачей в СССР мог бы стать наглядным опровержением этого тезиса и предоставить дополнительные аргументы в поддержку его позиции [там же, л. 39]. Советская сторона это тоже понимала и на просьбу делегации продлить визит, чтобы принять участие в праздновании 41-й годовщины Октябрьской революции в Москве, ответила положительно. Как отмечает В. Горшков, члены делегации представляют влиятельные круги национальной интеллигенции, во многом формирующие ее настроения и симпатии [там же, л. 77].

То, что сейчас принято называть научной дипломатией, рассматривалась советской стороной как стратегически важный инструмент воздействия на общественные настроения в Аргентине, прежде всего через работу с представителями интеллектуальной элиты. Несмотря на внешне профессиональный характер визита, он имел выраженное политико-дипломатическое значение: приглашение влиятельных врачей, формирующих мнение в научных и общественных кругах, позволяло СССР рассчитывать на долгосрочный эффект в виде изменения восприятия страны и ослабления антисоветских установок. Поддержка визита со стороны аргентинских коммунистов и акцент на преодолении «железного занавеса» подчеркивают, что подобные контакты воспринимались как средство идеологической борьбы.

В Московском институте ортопедии и травматологии профессора О. Мароттоли и И. Слулитель представили лекции «Паралич плеча» и «Гигантоклеточные опухоли костей». Выступления, сопровождавшиеся диапозитивами, вызвали живой интерес. Мароттоли отметил, что активность советских коллег свидетельствует о высоком интересе к аргентинским методикам. Директор института профессор Приоров поблагодарил гостей за ценный обмен опытом [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы… за 1954–1958, л. 90]. Профессор Р. Эрколе выступил в Московском институте усовершенствования врачей с лекцией, посвященной проблеме мочеполовой системы у женщин, и представил принятую в Аргентине классификацию заболеваний. Профессор Фрумкин высоко оценил представленные методы, назвав их новыми и перспективными для советской практики [там же]. Профессор Р. Мон в Институте акушерства и гинекологии рассказал об оригинальной методике регистрации сократительной активности матки; сообщение вызвало значительный интерес. Профессор О. Камес в Институте им. Склифосовского представил доклад по терапии пептической язвы желудка, а профессор Мароттоли – сообщение о лечении переломов шейки бедра [там же].

Несмотря на внешне формальный характер подобных выступлений, данный эпизод можно рассматривать, как двусторонний обмен знаниями и инструмент выстраивания профессионального доверия. В отличие от односторонней демонстрации достижений, советская сторона в данном случае выступала не только как принимающая, но и как заинтересованная в заимствовании аргентинского опыта, что фиксируется во включенности в обсуждение и положительных оценках представленных методик. Такая модель взаимодействия способствовала формированию более равноправного диалога между научными сообществами и снижала идеологическую дистанцию, переводя контакты в профессиональную плоскость. Одновременно подобные встречи выполняли репрезентативную функцию: создавался образ открытой и развитой научной среды.

Общее знакомство с системой здравоохранения, работой клиник и научных центров произвело на делегацию глубокое впечатление, позволив составить представление о высоком уровне развития советской медицинской науки. Профессор Эрколе резюмировал, что визит будет способствовать расширению научных и культурных связей между двумя странами [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 39, 93–96]. В феврале 1960 г. в СССР по приглашению ССОД находился аргентинский нейрохирург Д. Файерман, известный специалист по оперативному лечению болезни Паркинсона и атетозов [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1959, 1960 гг., л. 75, 82–85]. Он посетил Москву, Ленинград и Киев, где прочитал четыре лекции о патогенезе этих заболеваний и стереотаксических методах их лечения. Выступления сопровождались демонстраци-

ей диафильмов и стереотаксического аппарата. Файерман подробно знакомил советских коллег с устройством аппарата и его применением в ходе операций.

С разрешения директора Института нейрохирургии имени Бурденко профессора Б.Г. Егорова Файерман провел показательную операцию пациенту с болезнью Паркинсона, которая дала положительный результат [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1959, 1960 гг., л. 82–85]. По просьбе директора Рентгено-радиологического института Минздрава РСФСР профессора И.Г. Лагуновой он также прооперировал в Институте нейрохирургии пациента Г.М. Неушева, страдавшего паркинсонизмом. Операция прошла успешно [там же, л. 82–85].

Лекции и практическая работа Файермана вызвали значительный интерес у советских специалистов. Профессора Е.В. Шмидт, Н.В. Коновалов, А.М. Раппопорт и другие высказали критические замечания по некоторым аспектам его теории патогенеза, отметив при этом, что в целом автор находится на верном пути и отдельные положения требуют дальнейшего изучения. Вместе с тем они высоко оценили практические результаты его метода и достоинства стереотаксического аппарата, который, по их мнению, позволял любому нейрохирургу выполнять точные операции на головном мозге. Было отмечено, что аппарат Файермана выгодно отличается от аналогов других систем простотой, удобством, компактностью и точностью.

Руководители институтов Москвы, Ленинграда и Киева интересовались у Файермана возможностью приобретения аппарата. Профессор пояснил, что не может передать его в дар, поскольку аппарат принадлежит Университету Виргинии, финансировавшему его разработку и производство. Он обещал содействие в приобретении и взятие на себя переговоров с заводом-изготовителем. Директор Института неврологии АМН СССР профессор Н.В. Коновалов передал Файерману письмо на имя дирекции завода с просьбой изготовить аппарат для института и внес в Президиум АМН СССР предложение о его покупке.

Во время беседы с профессором Н.В. Коноваловым Д. Файерман выразил желание приехать в СССР на срок от шести месяцев до года для совместной научной работы по проблемам болезни Паркинсона и атетозов [там же]. По его мнению, этим заболеваниям следовало уделять больше внимания. Файерман заявил, что в случае положительного решения о его повторном визите в Советский Союз он готов отказаться от продления контракта с Университетом Виргинии [там же].

Профессор Коновалов сообщил, что Президиум АМН СССР в принципе одобрил идею совместных исследований. Академия рассматривала возможность организации работы в рамках договора о культурном сотрудничестве между СССР и США, предполагая взаимный обмен специалистами. Файерману предложили проработать вопрос об ответном приглашении советского ученого в Соединенные Штаты. В ответ аргентинский хирург пояснил, что

не является американским специалистом, и такой обмен едва ли осуществим: соглашения о культурном сотрудничестве между Аргентиной и СССР не существовало. В связи с этим Файерман попросил Коновалова изучить иные возможности для его приглашения.

Во время визита в НИИ экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов Файерман заинтересовался аппаратом «Электросон» и выразил желание приобрести его для собственной практики [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1959, 1960 гг., л. 82–85]. Он дал высокую оценку организации и направленности научных исследований в советских медицинских учреждениях, а также техническому оснащению лабораторий, которое, по его словам, создавало отличные условия для работы [там же]. В беседах с коллегами Файерман говорил, что по возвращении в Аргентину и США планирует использовать сделанные записи и наблюдения для книги о Советском Союзе и статей о советской медицине [там же].

Случай с Файерманом хорошо показывает, как институциональные рамки сдерживали научную дипломатию СССР в Аргентине. Механизмы научного обмена привязывались к межгосударственным соглашениям, что не оставляло пространства для гибкого реагирования на инициативы, исходившие от самих учёных. С Аргентиной такой договорной базы не было, а, например, с США она была, и это блокировало даже те проекты, которые были взаимно интересны и имели практическую ценность. История с Д. Файерманом показательна: несмотря на личную заинтересованность, авторитет и готовность к сотрудничеству, реализация инициативы упиралась в бюрократию. Попытка подключить аргентинского специалиста к советско-американским соглашениям говорит о том, что самостоятельной стратегии работы с Латинской Америкой еще не существовало, а научная дипломатия в этом регионе была зависимой и реактивной. В итоге перспективные контакты не развивались, а система научного обмена оставалась фрагментированной и привязанной к политико-правовым условиям.

С 15 по 27 июня 1960 г. в СССР по приглашению Союза обществ дружбы находился аргентинский хирург-пластик профессор Эрнесто Франсиско Мальбек [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1959, 1960 гг., л. 101]. Это был его второй визит (первый состоялся в 1955 г.). Профессор Мальбек является известным специалистом в области пластической хирургии лица. По его просьбе ему показали ряд медицинских учреждений Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Цхалтубо, где он встречался с советскими специалистами-хирургами. Большой интерес у профессора вызвали работы, проводимые профессором А.А. Лимбергом в Ленинградском институте ортопедии и травматологии, и работы экспериментальной лаборатории Института скорой помощи им. Склифосовского, руководимой профессором В.П. Демиховым [там же, л.101]. Профессор Мальбек выступил с лекциями, которые сопровождались демонстрацией кинофильмов и вызвали большой интерес

у советских специалистов. После поездки 1955 г. у Мальбека вышла книга о визите в СССР [Malbec 1958].

В справке о пребывании в СССР группы аргентинских туристов в количестве 21 человека с 25 сентября по 20 октября 1960 г. указано, что среди них были врачи [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы… за 1959, 1960 гг., л. 113]. Они посетили I Московский медицинский институт, где с ними беседовал профессор Т. Кузин, который рассказал о постановке медицинского образования и ответил на многочисленные вопросы туристов. Затем гостям была показана хирургическая клиника института. В Ростове группа врачей встретилась с крупным специалистом в области костного туберкулеза профессором Смирновым, который рассказал туристам о работе возглавляемого им отделения в Центральной городской больнице.

Встречи туристических групп с ведущими специалистами и посещение профильных учреждений позволяли формировать позитивное восприятие советской науки в обход отсутствия официальных межгосударственных соглашений о сотрудничестве. Однако эффективность таких контактов оставалась ограниченной: они не перерастали в стабильные формы академического обмена или совместных исследований.

Большую роль играла работа с генеральным секретарем Института «Аргентина-СССР» Бертой Перельштейн [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 155, 159, 162]. Во время поездки в СССР она выясняла в АН СССР возможности стипендий и обмена учёными. Заведующий иностранным отделом тов. Виноградов разъяснил, что обмен производится только на основе межгосударственных соглашений, но в отдельных случаях приглашения возможны. Институт подготовил список аргентинских врачей. Принять решили только анатома Д'Амелио, но в итоге стипендии не получил никто [Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы…за 1954–1958, л. 199–203].

В отчете представителя Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в Аргентине отмечен крупный недостаток в работе по расширению аргентино-советских культурных связей – узковедомственный подход со стороны отдельных советских организаций и прежде всего Минздрава СССР к предложениям, поступающим из посольства, по приглашению в Советский Союз крупных деятелей аргентинской культуры (в понятие «культура» также входит и наука). Минздрав несколько раз отказывал в приглашении в СССР крупнейших ученых-медиков с мировым именем, которые хотели ехать в СССР и готовы были оплатить все дорожные расходы: Миричи, Сено, группа профессоров-медиков из Росарио. Представитель ССОДа отмечает, что сам факт поездки в СССР этих людей открыл бы широкую дорогу для советской пропаганды не только в Аргентине, но и во всех странах Латинской Америки. Подобные решения свидетельствуют о ведомственной замкнутости и отсутствии координа-

ции между дипломатическими и отраслевыми структурами, что ограничивало потенциал медицинской науки как инструмента внешнеполитического влияния.

Проведенный анализ позволяет рассматривать советско-аргентинские контакты в сфере медицины в 1946–1963 гг. как важный, но в значительной степени не до конца реализованный инструмент научной дипломатии. Медицинская сфера в рассматриваемый период выступала одним из наиболее перспективных каналов советско-аргентинского взаимодействия. Представленные в настоящем исследовании материалы свидетельствуют об интересе профессиональных сообществ и наличии возможностей для устойчивого сотрудничества. В первую очередь можно отметить именно интерес аргентинских ученых к достижениям советской медицины.

Институт «Аргентина-СССР» пытался создать культурные и научные «мосты»: это были отдельные инициативы, но они так и не вылились в полноценную системную научную дипломатию. Несмотря на институциональные усилия с советской стороны, академические связи оказались зависимыми от политической конъюнктуры. Давление со стороны проамериканских кругов в Аргентине и общая логика холодной войны существенно сужали пространство для научного взаимодействия, в том числе через ограничения на поездки и контакты. Не менее значимыми оказались и внутренние ограничения с советской стороны. Отсутствие системной координации между ведомствами, узковедомственный подход и недостаточная готовность к приёму инициатив из-за рубежа приводили к упущенным возможностям.

Несмотря на то, что связи реализовывались фрагментарно, оставаясь отдельными эпизодами, к числу достигнутых результатов следует отнести формирование устойчивого интереса аргентинского научного сообщества к достижениям советской медицины, установление прямых контактов между специалистами, а также успешное проведение отдельных форм взаимодействия – участия в международных конгрессах, обмена делегациями, чтения лекций и демонстрации медицинских технологий. Эти практики способствовали формированию положительного образа советской науки в аргентинской академической среде. Однако совокупность внешнеполитических факторов и институциональных ограничений не позволила реализовать этот потенциал в полной мере, вследствие чего медицинские контакты так и не трансформировались в устойчивую модель двустороннего взаимодействия.

Библиография

Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в. М.: Высшая школа, 1981. 280 с.

Гриднев Ю.А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: 1925–1929 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 28 с.

Докучаева С.В. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950–1960-е гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18, № 1. С. 14–17.

Казаков В.П. Политическая история Аргентины XX века: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2007. 164 с.

Казаков В.П. Россия и СССР в исторических судьбах Аргентины // Латиноамериканский исторический альманах. 2009. № 9. С. 94–121.

Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, с Институтом культурных связей «Аргентина–СССР» (письма, информации в ЦК КПСС об обмене делегациями, об оказании помощи в работе Институту; отчет о работе представителя ССОД (ВОКС) за 1954–1958 гг., информации о деятельности Института в 1957, 1 пол. 1958 г., записи бесед) // ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 18. Д. 7 218.

Материалы о культурных связях Советской ассоциации дружбы и культурной связи со странами Латинской Америки с Институтом культурных связей «Аргентина–СССР» (письма, информации в ЦК КПСС, отчеты о работе представителя ССОД за 1959, 1960 гг., информации о политической обстановке в стране, о путях расширения культурных связей с Аргентиной, записи бесед) // ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 18. Д. 84 145.

Материалы о научных командировках советских специалистов на съезды и конференции, проводимые в Мексике (программы, доклады, отчеты и др.) // ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 34. Д. 49 150.

Материалы об участии советских ученых в работе XXI Международного конгресса физиологических наук, Аргентина (отчет, программа, переписка) // ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 34. Д. 582 27.

Материалы о научном сотрудничестве между СССР и странами Азии и Латинской Америки (доклады, программы, переписка) // ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 34. Д. 921 173.

Молчанов В.Ф. Советско-аргентинские научные и культурные связи (контакты ВОКС с ассоциациями друзей в Аргентине. 1925–1932) // Латинская Америка. 1983. № 1. С. 65–73.

Сизоненко А.И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений (1924–1970 гг.). М.: Наука, 1971. 204 с.

СССР (Россия) – Аргентина. Страницы истории. 1885–1986. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. 335 с.

Щелчков А.А. Движение «друзей СССР» в Аргентине: Латиноамериканская политика ВОКС В 20–30-е годы XX века // Новая и Новейшая история. 2025. Т. 68. Номер выпуска 2. С. 94–105.

Щелчков А.А. Союзники поневоле: СССР, Компартия Аргентины перед лицом военной диктатуры (1976–1983) // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 145–158.

Яковлев П.П. и др. Россия и Аргентина на траектории взаимного сближения (к 130-летию российско-аргентинских дипломатических отношений) / отв. ред. П.П. Яковлев. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2015. 124 с.

Яковлев П.П. Россия – Аргентина: история и современность. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2017. 115 с.

Malbec E. F. Cómo se vive en Rusia. Buenos Aires: Santiago Rueda Editor, 1958. 129 p.

Schelchkov A. La política latinoamericana de la Sociedad Soviética de Vínculos Culturales, VOKS, en el período 1920–1930 // Izquierdas. 2025. Pp. 1–30.

Wolfe A. Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 312 p.

References

Alperovich M.S., Slezkin L.Yu. Istoriya Latinskoy Ameriki s drevneyshikh vremen do nachala XX v. [History of Latin America from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1981. 280 p. (In Russ.)

Gridnev Yu.A. Vsesoyuznoe obshchestvo kul'turnoy svyazi s zagranitsey: 1925–1929 gg. [All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries: 1925–1929]: Diss. … Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.)

Dokuchaeva S.V. Institutsional'naya struktura i tselevye auditorii sovetskoy kul'turnoy diplomatii v stranakh Latinskoy Ameriki v 1950–1960-e gg. [Institutional Structure and Target Audiences of Soviet Cultural Diplomacy in Latin American Countries in the 1950s–1960s]. Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of SUSU. Series «Social Sciences and Humanities»]. 2018. Vol. 18, N 1. P. 14–17. (In Russ.)

Kazakov V.P. Politicheskaya istoriya Argentiny XX veka [Political History of Argentina in the 20th Century]: Textbook. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2007. 164 p. (In Russ.)

Kazakov V.P. Rossiya i SSSR v istoricheskikh sud'bakh Argentiny [Russia and the USSR in the Historical Destinies of Argentina]. Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh [Latin American Historical Almanac]. 2009. N 9. P. 94–121. (In Russ.)

Malbec E.F. Cómo se vive en Rusia. Buenos Aires: Santiago Rueda Editor, 1958. 129 p.

Materialy o kul'turnykh svyazyakh Sovetskoy assotsiatsii druzhby i kul'turnogo sotrudnichestva so stranami Latinskoy Ameriki, s Institutom kul'turnykh svyazey «Argentina–SSSR» (pis'ma, informatsii v TsK KPSS ob obmene delegatsiyami, ob okazanii pomoshchi v rabote Institutu; otchet o rabote predstavitelya SSOD (VOKS) za 1954–1958 gg., informatsii o deyatel'nosti Instituta v 1957, 1 pol. 1958 g., zapisi besed) [Materials on Cultural Relations of the Soviet Association for Friendship and Cultural Cooperation with Latin American Countries, with the Institute for Cultural Relations «Argentina-USSR» (letters, reports to the CPSU Central Committee on exchange of delegations, on assistance to the Institute; report on the work of the SSOD (VOKS) representative for 1954–1958, information on the Institute's activities in 1957 and the first half of 1958, records of conversations)]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. 9576. Inv. 18. F. 7 218. (In Russ.)

Materialy o kul'turnykh svyazyakh Sovetskoy assotsiatsii druzhby i kul'turnoy svyazi so stranami Latinskoy Ameriki s Institutom kul'turnykh svyazey «Argentina-SSSR» (pis'ma, informatsii v TsK KPSS, otchety o rabote predstavitelya SSOD za 1959, 1960 gg., informatsii o politicheskoy obstanovke v strane, o putyakh rasshireniya kul'turnykh svyazey s Argentinoy, zapisi besed) [Materials on Cultural Relations of the Soviet Association for Friendship and Cultural Relations with Latin American Countries with the Institute for Cultural Relations «Argentina-USSR» (letters, reports to the CPSU Central Committee, reports on the work of the SSOD representative for 1959, 1960, information on the political situation in the country, on ways to expand cultural relations with Argentina, records of conversations)]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. 9576. Inv. 18. F. 84 145. (In Russ.)

Materialy o nauchnykh komandirovkakh sovetskikh spetsialistov na s"ezdy i konferentsii, provodimye v Meksike (programmy, doklady, otchety i dr.) [Materials on Scientific Trips of Soviet Specialists to Congresses and Conferences Held in Mexico (programs, reports, accounts, etc.)]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. 8009. Inv. 34. F. 49 150. (In Russ.)

Materialy ob uchastii sovetskikh uchenykh v rabote XXI Mezhdunarodnogo kongressa fiziologicheskikh nauk, Argentina (otchet, programma, perepiska) [Materials on the Participation of Soviet Scientists in the 21st International Congress of Physiological Sciences, Argentina (report, program, correspondence)]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. 8009. Inv. 34. F. 582 27. (In Russ.)

Materialy o nauchnom sotrudnichestve mezhdu SSSR i stranami Azii i Latinskoy Ameriki (doklady, programmy, perepiska) [Materials on Scientific Cooperation between the USSR and Countries of Asia and Latin America (reports, programs, correspondence)]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. 8009. Inv. 34. F. 921 173. (In Russ.)

Molchanov V.F. Sovetsko-argentinskie nauchnye i kul'turnye svyazi (kontakty VOKS s assotsiatsiyami druzey v Argentine. 1925–1932) [Soviet-Argentine Scientific and Cultural Relations (VOKS Contacts with Friends' Associations in Argentina. 1925–1932)]. Latinskaya Amerika [Latin America]. 1983. N 1. P. 65–73. (In Russ.)

Sizonenko A.I. Ocherki istorii sovetsko-latinoamerikanskikh otnosheniy (1924–1970 gg.) [Essays on the History of Soviet–Latin American Relations (1924–1970)]. Moscow: Nauka, 1971. 204 p. (In Russ.)

SSSR (Rossiya) – Argentina. Stranitsy istorii. 1885–1986. Dokumenty i materialy [USSR (Russia) – Argentina. Pages of History. 1885–1986. Documents and Materials]. Moscow: Politizdat, 1990. 335 p. (In Russ.)

Shchelchkov A.A. Dvizhenie «druzey SSSR» v Argentine: Latinoamerikanskaya politika VOKS v 20–30-e gody XX veka [The «Friends of the USSR» Movement in Argentina: VOKS's Latin American Policy in the 1920s–1930s]. Novaya i Noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2025. Vol. 68. Issue 2. P. 94–105. (In Russ.)

Shchelchkov A.A. Soyuzniki po nevole: SSSR, Kompartiya Argentiny pered litsom voennoy diktatury (1976–1983) [Reluctant Allies: The USSR and the Communist Party of Argentina in the Face of Military Dictatorship (1976–1983)]. Novaya i Noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2024. N 4. P. 145–158. (In Russ.)

Schelchkov A. La política latinoamericana de la Sociedad Soviética de Vínculos Culturales, VOKS, en el período 1920–1930 // Izquierdas. 2025. Pp. 1–30.

Wolfe A. Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 312 p.

Yakovlev P.P. et al. Rossiya i Argentina na traektorii vzaimnogo sblizheniya (k 130-letiyu rossiysko-argentinskikh diplomaticheskikh otnosheniy) [Russia and Argentina on the Trajectory of Mutual Rapprochement (On the 130th Anniversary of Russian-Argentine Diplomatic Relations)]. Ed. by P.P. Yakovlev. Moscow: Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, 2015. 124 p. (In Russ.)

Yakovlev P.P. Rossiya–Argentina: istoriya i sovremennost' [Russia–Argentina: History and Modernity]. Moscow: Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, 2017. 115 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.04

О.А. Алексеенко

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ: СТРАТЕГИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В представленной статье исследуется Северный морской путь (далее – СМП) как комплексный феномен на стыке экономики и политики. На основе историко-географического анализа автор рассматривает эволюцию СМП от пути местного значения до стратегической национальной магистрали. В ходе анализа, автор доказывает, что в современных условиях экономический потенциал СМП – доступ к ресурсам Арктики и сокращение логистических маршрутов – напрямую детерминирован геополитической конъюнктурой. Санкционное давление, заморозка сотрудничества в Арктическом совете и стратегическое партнерство с неарктическими державами, прежде всего с Китаем, формируют новую модель управления и развития арктических коммуникаций. В статье оценивается баланс экономических выгод (рост грузопотока, освоение ресурсов) и политических рисков (инвестиционные барьеры, экологические угрозы, международная изоляция). Делается вывод о том, что СМП превратился в ключевой инструмент экономического суверенитета и геополитического влияния России в XXI в.*

Ключевые слова: *Северный морской путь; экономическая геополитика; Арктика; санкции; международное сотрудничество; логистика; ресурсный потенциал; Россия; Китай.*

Алексеенко Олег Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры глобалистики Факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: alekseenkooa@my.msu.ru
ResearcherID: AAD-3386-2021
Scopus Author ID: 57211071622

Alekseenko O.A.

The Northern Sea Route: Russia's Strategy under Sanctions Pressure

Abstract. *This article examines the Northern Sea Route (NSR) as a complex phenomenon at the intersection of economics and politics. Using historical and geographical analysis, the author traces the evolution of the NSR from a route of local importance to a strategic national artery. The analysis demonstrates that, under current conditions, the NSR's*

economic potential – including access to Arctic resources and shorter shipping routes – is closely linked to geopolitical circumstances. Sanctions, the suspension of cooperation within the Arctic Council, and strategic partnerships with non-Arctic states, particularly China, are shaping a new model for the governance and development of Arctic shipping routes. The article assesses the balance between economic benefits, including increased cargo traffic and resource development, and political risks, such as investment barriers, environmental challenges, and international isolation. It concludes that the NSR has become a key instrument of Russia's economic sovereignty and geopolitical influence in the 21st century.

Keywords: *Northern Sea Route; economic geopolitics; Arctic; sanctions; international cooperation; logistics; resource potential; Russia; China.*

Alekseenko Oleg Alexandrovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor Department of Globalistics of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: alekseenkooa@my.msu.ru
ResearcherID: AAD-3386-2021
Scopus Author ID: 57211071622

Вступление

Северный морской путь, протянувшийся вдоль арктического побережья России от Карских Ворот до Берингова пролива, давно перестал быть лишь транспортным коридором. В контексте глобальных климатических изменений, обостряющейся конкуренции за ресурсы и трансформации мировой логистики СМП становится эпицентром сложного взаимодействия экономических интересов и политических стратегий. Его развитие сегодня – это не просто инфраструктурный проект, а многомерный процесс, в котором переплетаются вопросы национальной безопасности, экономического роста, технологического суверенитета и международного права.

История СМП демонстрирует постепенную, но неуклонную трансформацию из стихийного торгового пути в объект целенаправленной государственной политики. Освоение арктических широт началось в XVI–XVII вв. усилиями поморов, чей кочевой флот был адаптирован к ледовым условиям. Экспедиции того периода (плавание Шубина – 1601–1602 гг., Дежнёва – 1648 г.), заложили основу географических знаний, но имели преимущественно частно-хозяйственный характер.

Перелом наступил в конце XIX – начале XX в. с появлением специализированных ледоколов («Свен», «Вайгач», «Таймыр»), что позволило перейти от эпизодических походов к систематическим исследовательским и транспортным операциям. Однако подлинная политизация СМП произошла в советский период. Постановление СНК СССР 1932 г. о создании Главного управления СМП означало включение трассы в систему плановой экономики и логистики освоения Сибири и Дальнего Востока [Решения партии … 1967, с. 408].

Апогеем технологической и политической мобилизации стало создание атомного ледокольного флота, начиная с «Ленина» (1959 г.) и особенно «Арктики» (1975 г.), достигшей Северного полюса в 1977 г. [Северный морской путь 2025]. Это превратило СМП в инструмент круглогодичного контроля над акваторией и демонстрации научно-технического превосходства в условиях «холодной войны». Таким образом, к концу советской эпохи СМП стал не просто маршрутом, а инфраструктурным комплексом, плотно интегрированным в систему государственного управления и стратегического планирования.

Географические характеристики СМП предопределяют как его экономическую привлекательность, так и политические сложности. Это кратчайший морской путь между Европой и Азией (около 5,6 тыс. км против 12 тыс. км через Суэцкий канал), проходящий по внутренним морям России (Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) [Северный морской путь 2020]. Данный факт имеет ключевое правовое и политическое значение: основная часть трассы пролегает в российской исключительной экономической зоне и территориальных водах, что позволяет Российской Федерации регулировать судоходство на основании национального законодательства [О внесении изменений 2012].

Однако «размытость» трассы, обусловленная динамичными ледовыми условиями, создает вызов для стандартизации и коммерческой предсказуемости. Климатические изменения, фиксируемые Всемирной метеорологической организацией (повышение средней температуры, сокращение ледового покрова), имеют двойной эффект. С одной стороны, они продлевают навигационный период и облегчают проход судов, что повышает экономическую привлекательность. С другой стороны, усиливают экологические риски и стимулируют интерес неарктических государств, ставя под вопрос исключительность контроля со стороны России.

Правительство РФ формализовало пространственную структуру СМП, утвердив в 2020 г. 28 районов плавания с дифференцированными правилами и условиями [Об утверждении правил]. Наиболее сложными остаются восточные сектора (Восточно-Сибирское и Чукотское моря), где даже в летний период сохраняются тяжелые льды. Таким образом, география делает СМП потенциально рентабельным, но высокорисковым маршрутом, эффективное использование которого невозможно без мощной государственной поддержки в виде ледокольного флота, гидрометеорологического обеспечения и спасательной инфраструктуры.

Экономическая значимость СМП раскрывается в динамике грузопотока и структуре перевозок. После спада 1990-х годов с 2010-х наблюдается устойчивый рост: с 20 тыс. т в 2009 г. до 36,2 млн. т в 2023 г., с прогнозом в 80 млн. т к 2024 г. [Перспективы развития СМП 2021] и 160–200 млн. т к 2035 г. [Сколько и каких грузов 2024]. Однако эта динамика имеет выраженную сырьевую специфику. Более 95% грузов составляют экспортные поставки из России в Китай

и другие страны Азии: сжиженный природный газ (далее – СПГ), нефть, уголь, металлы. Проекты «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2» стали драйверами этого роста.

Транзитный потенциал маршрута «Азия – Европа», хотя и сулит сокращение времени пути в 1,5–2 раза, пока реализуется в ограниченных масштабах. Рекордные контейнерные перевозки (например, рейс Шанхай – Архангельск с 41 тыс. т) носят скорее экспериментальный характер [Большим кораблям 2024]. Доминирование сырьевых грузов делает экономику СМП зависимой от конъюнктуры мировых цен на энергоносители и от успеха нескольких мегапроектов (Новатэк, Газпром, Роснефть).

Важна и внутрироссийская функция СМП – обеспечение жизнедеятельности арктических городов (так называемый «Северный завоз»). Это социально-политическая задача, решение которой альтернативными методами (воздушный транспорт) нерентабельно. Таким образом, экономическая модель СМП носит двойственный характер: это и коммерческая международная магистраль, и критически важная система жизнеобеспечения национальной территории, что оправдывает значительные государственные инвестиции даже при неполной коммерческой окупаемости.

Подлинный стратегический интерес к СМП обусловлен ресурсным потенциалом прилегающих территорий. Российская Арктика концентрирует гигантские запасы: до 30% мировых запасов газа, 15% нефти, значительные объемы никеля, меди, алмазов, редкоземельных металлов [Российская Арктика]. Эти ресурсы распределены по субъектам РФ неравномерно, формируя специализированные экономические зоны:

- Ямало-Ненецкий АО – газовая «столица» России (около 80% добычи) и ключевая площадка для проектов СПГ;
- Мурманская область – доминирующий поставщик апатитов, титана, циркония для российской промышленности;
- Красноярский край (Норильск) – центр цветной металлургии (никель, медь, палладий);
- Республика Саха (Якутия) и Чукотка – алмазы, золото, серебро, олово.

Освоение этих ресурсов напрямую зависит от СМП, который является единственным эффективным каналом для вывоза продукции и завоза оборудования. Создание портовой инфраструктуры (Сабетта, Дудинка, Певек) привязано к конкретным месторождениям. Следовательно, развитие СМП – это не просто транспортный проект, а необходимое условие мобилизации национального ресурсного богатства, что придает ему характер геоэкономической императивы для России.

Развитие СМП реализуется через гибридную модель, сочетающую доминирующую роль государства с активным участием крупного корпоративного капитала. Государство через госкорпорации «Росатом» (управление атомным ледокольным флотом) и «Росморпорт» устанавливает правила, обеспечивает

безопасность навигации и создает основную инфраструктуру. Принятие стратегических документов, таких как Указ Президента № 204 [О национальных целях 2018] и Распоряжение Правительства РФ № 2115-р (ред. от 28.04.2023) [Об утверждении плана развития 2022] задают целевые показатели по грузопотоку и определяет приоритеты.

Ключевыми исполнителями-инвесторами выступают компании с государственным участием, которые финансируют портовые терминалы, транспортные суда и добывающую инфраструктуру. «Газпром» развивает железнодорожную ветку «Обская – Бованенково» и осваивает шельфовые месторождения. «Роснефть» реализует проект «Восток Ойл» на Таймыре. «Новатэк» в партнерстве с иностранным капиталом (Total, CNPC) создал с нуля порт Сабетта и завод «Ямал СПГ». Частный капитал (как «Норникель») также присутствует, но зависит от государственных услуг (ледокольная проводка).

Эта модель доказала эффективность в условиях масштабных проектов, но порождает риски: зависимость от решений ограниченного круга игроков, перекос в сырьевой сектор и уязвимость перед санкциями, направленными как против государственных, так и против корпоративных структур.

Что касается международного контекста развития СМП, то он радикально изменился за последнее десятилетие. Изначально Россия делала ставку на многосторонние форматы, прежде всего Арктический совет, где с 2011 г. были подписаны важные соглашения по поиску и спасению, реагированию на разливы нефти и научному сотрудничеству [Arctic Council Agreement 2011; Arctic Council 2017]. Председательство России в Арктическом Совете в 2021–2023 гг. было нацелено на укрепление этой институциональной рамки.

Однако геополитические кризисы, начиная с 2014 г. и особенно после начала Специальной военной операции в феврале 2022 г., привели к фактической приостановке сотрудничества западных членов Арктического Совета с Россией [Алексеенко 2025, с. 7–11]. Это нанесло удар по научным, экологическим и регуляторным механизмам, создав «правовой вакуум» и увеличив риски в регионе. Ответом РФ стал стратегический «поворот на Восток» в арктической политике. Поддержка Китая, заявившего, что не признает Арктический совет без России, стала ключевым политическим активом [China: «Will Not Acknowledge Arctic Council Without Russia» 2022].

Интересы неарктических государств, прежде всего Китая, в СМП носят экономико-стратегический характер: обеспечение энергетической безопасности через импорт российского СПГ, сокращение логистических маршрутов в Европу, участие в инфраструктурных проектах в рамках концепции «Полярного Шелкового пути». Для России такое партнерство – способ привлечь инвестиции и технологии в обход санкций, но оно сопряжено с рисками роста влияния КНР в регионе, который Россия традиционно считает сферой своих исключительных интересов.

Санкционное давление как структурный ограничитель: механизмы и последствия.

Развитие Северного морского пути сталкивается не с отдельными трудностями, а с комплексным системным кризисом, где внешнеполитические, инфраструктурные, технологические и экологические вызовы тесно переплетены и взаимно усиливают друг друга.

Введенный западными странами санкционный режим против России вышел далеко за рамки точечных ограничений и превратился в основополагающий структурный фактор, определяющий экономику и логистику СМП. Его воздействие носит каскадный характер, затрагивая все звенья производственно-логистической цепочки.

Запрет на поставки высокотехнологичного оборудования и услуг для шельфовой добычи и производства СПГ направлен в самое сердце арктической экономической модели. Проекты, задуманные в партнерстве с западными компаниями, оказались наиболее уязвимы. Например, проект «Арктик СПГ-2» столкнулся с приостановкой участия западных партнеров (TotalEnergies) и отказом в поставках критически важных турбин и систем сжижения газа, что привело к многократным переносам сроков ввода и необходимости экстренной переориентации на азиатских, прежде всего китайских, поставщиков, чье оборудование может уступать в эффективности и требовало адаптации проектной документации [16-й пакет санкций ЕС против России 2025]. Аналогичные проблемы испытывает и мегапроект «Восток Ойл» «Роснефти», чья экономика была рассчитана на использование западных технологий разведки, бурения и логистики. Санкции не просто удорожают проекты, но и ставят под сомнение их техническую осуществимость в первоначально заявленные сроки и с планируемой рентабельностью.

Отключение ключевых российских финансовых институтов от системы SWIFT и заморозка активов резко ограничили возможности привлечения долгового финансирования и расчетов в свободно конвертируемой валюте. Это напрямую ударило по компаниям, реализующим проекты на СМП, которые вынуждены переходить на более сложные схемы расчетов (включая валюты третьих стран, бартер) и на финансирование из госбюджета и дружественных юрисдикций, что часто менее эффективно и прозрачно. Транспортные санкции, включая запрет на заход судов, связанных с «теневым флотом», и ценовые ограничения на российскую нефть, дестабилизировали сложившиеся логистические маршруты. Поиск новых фрахтователей, страхователей и портов захода для танкеров с арктической нефтью и СПГ ведет к росту издержек. Санкции также нарушили цепочки поставок судового снабжения и ремонтного обслуживания, что повышает операционные риски.

Не столь очевидным, но крайне значимым последствием стало свертывание научного и образовательного сотрудничества с ведущими арктическими

исследовательскими центрами Европы и США. Совместные экологические мониторинговые программы, обмен данными о ледовой обстановке, подготовка высококвалифицированных морских специалистов – все это оказалось под угрозой. Россия вынуждена развивать собственные компетенции «с нуля» или в ограниченном кругу партнеров, что замедляет процесс и снижает качество принимаемых решений.

Целевые показатели по грузопотоку (до 220 млн. т к 2035 г.) невыполнимы без качественного и количественного скачка в инфраструктуре. Однако задачи наращивания мощностей усугубляются необходимостью одновременной технологической перестройки. Сердцевиной инфраструктуры СМП остается атомный ледокольный флот. Хотя строительство новых универсальных атомных ледоколов «Арктика», «Сибирь», «Урал» продолжается, их мощности может быть недостаточно для обеспечения круглогодичной навигации в восточном секторе Арктики и сопровождения крупнотоннажных судов. Ключевые надежды связаны с проектом ледоколов «Лидер» (ЛК-120Я) мощностью 120 МВт, способных преодолевать льды толщиной до 4 м. и обеспечивать беспрепятственный транзит в любых условиях. Однако ввод головного судна перенесен на 2027 г., а всей серии – на 2030-е годы [Михайлов 2020]. Создание таких технологически сложных судов в условиях санкций, ограничивающих доступ к ряду комплектующих и систем управления, превращается в масштабную задачу для российской судостроительной промышленности.

Для перевозки грузов требуются не только ледоколы, но и сами суда усиленного ледового класса (Arc7, Arc8). Прогноз «Росатома» о необходимости 85 новых судов к 2035 г. выглядит оптимистичным на фоне существующих проблем судостроения. Судостроительные мощности России, особенно в части строительства газовозов для СПГ или крупнотоннажных танкеров, ограничены. Верфь «Звезда» пока не вышла на полную проектную мощность. Санкционный отказ южнокорейских партнеров от участия в строительстве 10 из 15 запланированных газовозов для проектов СПГ создал серьезный разрыв в программе обновления флота. Импортозамещение в этом сегменте требует не только времени, но и крупных инвестиций в развитие компетенций, станочного парка и смежных отраслей.

Существующие порты СМП (Мурманск, Архангельск, Сабетта, Дудинка, Певек) нуждаются в модернизации для обработки возросшего и диверсифицированного грузопотока. Проекты строительства новых угольных и контейнерных терминалов (например, в Диксоне) сталкиваются с суровыми климатическими условиями, высокой стоимостью строительства и логистическими сложностями доставки строительных материалов. Развитие системы спутниковой связи, навигации (ГЛОНАСС) и гидрометеорологического обеспечения в высоких широтах также отстает от растущих потребностей. Федеральный проект «Большой Северный морской путь» с бюджетом

в 175 млрд руб. на 2025–2027 гг. и планы интеграции СМП с железнодорожной сетью (проект связи с Транссибом) – это попытка системного ответа на инфраструктурные вызовы, но их реализация в сжатые сроки остается под вопросом [В развитие 2024].

Не стоит забывать, что интенсификация использования СМП происходит на фоне беспрецедентного внимания мировой общественности к хрупкости арктических экосистем. Россия оказывается в ситуации, когда ей необходимо балансировать между стремлением к экономической отдаче и необходимостью соблюдения как международных обязательств, так и минимизации ущерба собственной природной среде.

Экологическая опасность для Арктики – крупный разлив нефти или нефтепродуктов. Льды, низкие температуры, шторма, полярная ночь и отсутствие развитой береговой инфраструктуры делают традиционные методы ликвидации разливов (скиммеры, боновые заграждения, диспергенты) малоэффективными. Последствия такой катастрофы будут иметь не только экологический, но и политико-экономический резонанс, похоронив репутацию СМП как надежного маршрута. Несмотря на принятие «Полярного кодекса» ИМО и национальных требований к судам (наличие аварийных резервуаров, планов ликвидации), практические возможности быстрого реагирования в удаленных районах трассы остаются крайне слабыми [Слепцов, Иванова 2023].

Помимо катастрофических рисков, существует проблема накопительного воздействия: хронические небольшие выбросы, сброс льяльных вод, повышение уровня подводного шума. Шум от ледоколов и судов нарушает коммуникацию и навигацию морских млекопитающих (китов, белух, тюленей), что может приводить к дезориентации, стрессу и снижению репродуктивной функции, угрожая биоразнообразию. Выбросы сажи от судовых двигателей, оседая на лед и снег, снижают их способность отражать солнечные лучи и ускоряют таяние, создавая петлю положительной обратной связи в изменении климата [Программа экологического мониторинга 2024]. Переход на более чистое топливо (СПГ, с содержанием серы менее 0,1%), обязательный с 2024 г., – позитивный шаг, но не панацея.

В условиях разрыва сотрудничества в Арктическом совете, экологические аспекты все чаще используются как инструмент дискредитации российской политики в Арктике. Международные экологические НПО и иностранные государства могут использовать любые инциденты для усиления критики в адрес России, обвиняя ее в пренебрежении хрупкой экосистемой ради экономической выгоды. Это создает дополнительные репутационные риски для компаний, работающих на СМП, и может осложнить привлечение инвестиций. Развитие собственной системы экологического мониторинга и прозрачная отчетность становятся для России не только экологической, но и политической необходимостью.

За масштабными инфраструктурными проектами стоит проблема человеческого капитала. Освоение Арктики требует не только инженеров и моряков, но и врачей, учителей, строителей, готовых жить и работать в экстремальных климатических условиях. Дефицит квалифицированных кадров, высокая ротация персонала, необходимость создания современной социальной инфраструктуры в арктических поселениях – все это увеличивает стоимость и снижает эффективность любых проектов. Государственные программы поддержки («Дальневосточный гектар», льготы для работающих на Крайнем Севере) лишь частично решают эту системную проблему.

Таким образом, вызовы, стоящие перед СМП, носят не тактический, а стратегический и системный характер. Санкции не просто «неудобство», а новый фундаментальный параметр, требующий пересмотра технологических цепочек и финансовых моделей. Инфраструктурный дефицит усугубляется необходимостью параллельного проведения технологического импортозамещения в условиях дефицита времени и компетенций. Экологические риски являются не только природоохранной, но и репутационно-политической проблемой, способной подорвать доверие к маршруту. Успех развития СМП будет зависеть от способности России перевести эту многомерную систему вызовов из состояния кризиса в режим управляемой адаптации, мобилизовав для этого научный, промышленный и административный ресурсы. Это предполагает не просто увеличение бюджетных ассигнований, но и гибкость управления, готовность к экспериментированию и создание новых форм государственно-частного и международного (в рамках нового круга партнеров) взаимодействия.

Выводы

Политэкономический анализ развития СМП, проведенный в статье, позволяет сделать следующие выводы.

Экономическая привлекательность СМП базируется на двух компонентах:

1) транспортный коридор для экспорта сырьевых ресурсов Арктики, что напрямую связывает его с мобилизацией национального богатства;

2) потенциальная транзитная артерия между Азией и Европой, чья реализация пока ограничена логистическими и политическими рисками.

Реализация экономического потенциала СМП сегодня всецело определяется политическим контекстом. Санкционное противостояние с Западом блокирует доступ к технологиям и финансам, но одновременно ускоряет переориентацию на партнерство с Китаем и другими азиатскими странами. Кризис в Арктическом совете демонстрирует фрагментацию арктического управления и переход от многостороннего сотрудничества к модели избирательных двусторонних союзов.

Перед Россией стоит сложная задача: необходимо одновременно обеспечивать экономическую отдачу от СМП (наращивая грузопоток), преодолевать

инфраструктурные и технологические барьеры в условиях санкций и соблюдать растущие экологические стандарты. Успех будет зависеть от способности государства координировать усилия госкорпораций, привлекать незападные инвестиции и развивать собственный технологический потенциал.

Таким образом, Северный морской путь в XXI в. превратился для России в нечто большее, чем транспортный маршрут. Это геоэкономический инструмент обеспечения ресурсного суверенитета, политический символ присутствия и контроля в Арктике, и стратегический актив в сложной дипломатической игре по формированию новых международных альянсов. Его будущее будет зависеть не столько от таяния льдов, сколько от исхода современного системного противостояния и способности России адаптировать свою арктическую стратегию к новой реальности полицентричного, но конфликтного мира.

Библиография

Алексеенко О.А. Милитаризация Арктики. Конфликтный потенциал и пути демилитаризации // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2025. № 1. С. 5–14.

Большим кораблям – Большой СМП: основные направления развития перевозок по Севморпути. 28.10.2024 // Страна Росатом: отраслевое издание госкорпорации «Росатом». URL: https://strana-rosatom.ru/2024/10/28/bolshim-korablyam-bolshoj-smp-o/ (дата обращения: 11.12.2025).

В развитие Большого Северного морского пути в 2025–2027 годах предлагается вложить 175 млрд рублей // PortNews : онлайн-издание. 2024. 30 сент. URL: https://portnews.ru/news/368496/ (дата обращения: 07.12.2025).

Михайлов А. Утверждён план развития Северного морского пути до 2035 года // Российская газета (RG.RU). 2020. 28 января. URL: https://rg.ru/2020/01/28/reg-szfo/utverzhden-plan-razvitiia-severnogo-morskogo-puti-do-2035-goda.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fweb.telegram.org%2F (дата обращения: 07.12.2025).

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 132-ФЗ // Гарант: информационно-правовой портал. URL: https://ivo.garant.ru/#/document/70207760/paragraph/1:0 (дата обращения: 09.12.2025).

О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/71937200/ (дата обращения: 10.12.2025).

Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 августа 2022 г. № 2115-р (с изм. и доп. от 28 апреля 2023 г.) // Гарант : информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/ (дата обращения: 11.12.2025).

Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1487 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/74664152/ (дата обращения: 09.12.2025).

Перспективы развития СМП. 29 июня 2021 // Neftegaz.ru : отраслевой портал. – URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/arktika/686530-perspektivy-razvitiya-smp/ (дата обращения: 06.12.2025).

Программа экологического мониторинга акватории Северного морского пути // Атом Медиа: онлайн-издание. 2024. 20 марта. URL: https://atommedia.online/reference/programma-ekologicheskogo-monitoringa-akvatorii-severnogo-morskogo-puti (дата обращения: 27.03.2025).

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 1917–1967 гг.: в 5 т. Т. 2 / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова. Москва: Политиздат, 1967. – 775 с.

Российская Арктика: наука важнее ресурсов // Россия в глобальной политике: аналитический журнал. URL: https://globalaffairs.ru/articles/arktika-nauka-vazhnee/ (дата обращения: 11.12.2025);

Северный морской путь // Росатомфлот: официальный сайт. URL: https://www.rosatomflot.ru/o-predpriyatii/severnyy-morskoy-put/ (дата обращения: 11.12.2025).

Северный морской путь: история, регионы, проекты, флот и топливообеспечение : в 3 т. Т. 3 / под ред. А. Климентьева. – Москва : Московская школа управления Сколково, 2020. – 105 с.

Сколько и каких грузов, откуда, куда и какими судами перевезли по Северному морскому пути, и чего можно ожидать в дальнейшем // GoArctic : интернет-портал. 2024. 23 декабря. URL: https://goarctic.ru/work/skolko-i-kakikh-gruzov-otkuda-kuda-i-kakimi-sudami-perevezli-po-severnomu-morskomu-puti-i-chego-mozh (дата обращения: 07.12.2025).

Слепцов А.Н., Иванова И.А. К вопросу предупреждения и ликвидации нефтяного загрязнения в Арктике // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5 (221). – С. 166–168.

16-й пакет санкций ЕС против России: подробности / ProFinance: online trading. 2025. 24 февраля. URL: https://www.profinance.ru/news/2025/02/24/cf5g-16-j-paket-sanktsij-es-protiv-rossii-podrobnosti.html (дата обращения: 02.12.2025).

Arctic Council Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic (2011) // Arctic Council Open Access Archive. – URL: https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/531 (дата обращения: 05.12.2025).

Arctic Council Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation (2017) // Arctic Council Open Access Archive. – URL: https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916 (дата обращения: 11.12.2025).

China: “Will Not Acknowledge Arctic Council Without Russia” [Electronic resource] // High North News: online news portal. – URL: https://www.highnorthnews.com/en/china-will-not-acknowledge-arctic-council-without-russia (дата обращения: 10.12.2025).

References

Alekseenko O.A. Militarizatsiya Arktiki. Konfliktnyy potentsial i puti demilitarizatsii [Militarization of the Arctic. Conflict potential and ways of demilitarization]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Moscow University Bulletin. Series 27: Global Studies and Geopolitics]. 2025. N 1. P. 5–14. (In Russ.)

Arctic Council Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic (2011). Arctic Council Open Access Archive. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/531 (date of access: 05.12.2025).

Arctic Council Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation (2017). Arctic Council Open Access Archive. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916 (date of access: 11.12.2025).

Bol’shim korablyam – Bol’shoy SMP: osnovnye napravleniya razvitiya perevozok po Sevmorputi [Big ships – Big NSR: main directions for the development of transportation along the Nor-

thern Sea Route]. Strana Rosatom: otraslevoye izdaniye goskorporatsii «Rosatom» [Strana Rosatom: industry publication of the state corporation «Rosatom»]. 28.10.2024. URL: https://strana-rosatom.ru/2024/10/28/bolshim-korablyam-bolshoj-smp-o (date of access: 11.12.2025). (In Russ.)

China: "Will Not Acknowledge Arctic Council Without Russia" [Electronic resource]. High North News: online news portal. URL: https://www.highnorthnews.com/en/china-will-not-acknowledge-arctic-council-without-russia (date of access: 10.12.2025).

Mikhaylov A. Utverzhden plan razvitiya Severnogo morskogo puti do 2035 goda [The development plan for the Northern Sea Route until 2035 has been approved]. Rossiyskaya gazeta (RG.RU) [Russian Gazette (RG.RU)]. 28.01.2020. URL: https://rg.ru/2020/01/28/reg-szfo/utverzhden-plan-razvitiia-severnogo-morskogo-puti-do-2035-goda.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fweb.telegram.org%2F (date of access: 07.12.2025). (In Russ.)

O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2018 g. N 204 [On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018, N 204]. Garant: informatsionno-pravovoy portal [Garant: information and legal portal]. URL: https://base.garant.ru/71937200 (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti gosudarstvennogo regulirovaniya torgovogo moreplavaniya v akvatorii Severnogo morskogo puti: Federal'nyy zakon ot 28 iyulya 2012 g. N 132-FZ [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding state regulation of commercial navigation in the waters of the Northern Sea Route: Federal Law of July 28, 2012, No. 132-ФЗ]. Garant: informatsionno-pravovoy portal [Garant: information and legal portal]. URL: https://ivo.garant.ru/#/document/70207760/paragraph/1:0 (date of access: 09.12.2025). (In Russ.)

Ob utverzhdenii plana razvitiya Severnogo morskogo puti na period do 2035 g.: Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 1 avgusta 2022 g. N 2115-r (s izm. i dop. ot 28 aprelya 2023 g.) [On approval of the development plan for the Northern Sea Route for the period until 2035: Decree of the Government of the Russian Federation of August 1, 2022, N 2115-r (as amended on April 28, 2023)]. Garant: informatsionno-pravovoy portal [Garant: information and legal portal]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751 (date of access: 11.12.2025). (In Russ.)

Ob utverzhdenii Pravil plavaniya v akvatorii Severnogo morskogo puti: Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 18 sentyabrya 2020 g. N 1487 [On approval of the Navigation Rules in the waters of the Northern Sea Route: Resolution of the Government of the Russian Federation of September 18, 2020, N 1487]. Garant: informatsionno-pravovoy portal [Garant: information and legal portal]. URL: https://base.garant.ru/74664152 (date of access: 09.12.2025). (In Russ.)

Perspektivy razvitiya SMP [Prospects for the development of the Northern Sea Route]. Neftegaz.ru: otraslevoy portal [Neftegaz.ru: industry portal]. 29.06.2021. URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/arktika/686530-perspektivy-razvitiya-smp (date of access: 06.12.2025). (In Russ.)

Programma ekologicheskogo monitoringa akvatorii Severnogo morskogo puti [Program of environmental monitoring of the Northern Sea Route waters]. Atom Media: onlayn-izdaniye [Atom Media: online publication]. 20.03.2024. URL: https://atommedia.online/reference/programma-ekologicheskogo-monitoringa-akvatorii-severnogo-morskogo-puti (date of access: 27.03.2025). (In Russ.)

Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: sbornik dokumentov za 1917–1967 gg. [Decisions of the Party and Government on economic issues: collection of documents for 1917–1967]: 5 vol. Vol. 2. Comp. K.U. Chernenko, M.S. Smirtyukov; ed. K.M. Bogolyubova, M.S. Smirtyukova. Moscow: Politizdat, 1967. 775 p. (In Russ.)

Rossiyskaya Arktika: nauka vazhnee resursov [Russian Arctic: science is more important than resources]. Rossiya v global'noy politike: analiticheskiy zhurnal [Russia in Global Affairs: analytical journal]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/arktika-nauka-vazhnee (date of access: 11.12.2025). (In Russ.)

16-y paket sanktsiy ES protiv Rossii: podrobnosti [16th package of EU sanctions against Russia: details]. ProFinance: online trading. 24.02.2025. URL: https://www.profinance.ru/news/2025/02/24/cf5g-16-j-paket-sanktsij-es-protiv-rossii-podrobnosti.html (date of access: 02.12.2025). (In Russ.)

Severnyy morskoy put' [The Northern Sea Route]. Rosatomflot: ofitsial'nyy sayt [Rosatomflot: official website]. URL: https://www.rosatomflot.ru/o-predpriyatii/severnyy-morskoy-put (date of access: 11.12.2025). (In Russ.)

Severnyy morskoy put': istoriya, regiony, proekty, flot i toplivoobespecheniye: [The Northern Sea Route: history, regions, projects, fleet and fuel supply]: 3 vol. Vol. 3. Ed. A. Kliment'yeva. Moscow: Moskovskaya shkola upravleniya Skolkovo, 2020. 105 p. (In Russ.)

Skol'ko i kakikh gruzov, otkuda, kuda i kakimi sudami perevezli po Severnomu morskomu puti, i chego mozhno ozhidat' v dal'neyshem [How much and what kind of cargo was transported along the Northern Sea Route, from where, to where and by what ships, and what to expect in the future]. GoArctic: internet-portal [GoArctic: online portal]. 23.12.2024. URL: https://goarctic.ru/work/skolko-i-kakikh-gruzov-otkuda-kuda-i-kakimi-sudami-perevezli-po-severnomu-morskomu-puti-i-chego-mozh (date of access: 07.12.2025). (In Russ.)

Sleptsov A.N., Ivanova I.A. K voprosu preduprezhdeniya i likvidatsii neftyanogo zagryazneniya v Arktike [On the issue of preventing and eliminating oil pollution in the Arctic]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: theory and practice]. 2023. N 5 (221). P. 166–168. (In Russ.)

V razvitiye Bol'shogo Severnogo morskogo puti v 2025–2027 godakh predlagayetsya vlozhit' 175 mlrd rubley [It is proposed to invest 175 billion rubles in the development of the Great Northern Sea Route in 2025–2027]. PortNews: onlayn-izdaniye [PortNews: online publication]. 30.09.2024. URL: https://portnews.ru/news/368496 (date of access: 07.12.2025). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.05

Е.В. Алферова, Е.В. Скурко

КОНТУРЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОПЫТ ЯПОНИИ, РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, СИНГАПУРА

Аннотация. *Статья посвящена комплексному и сравнительному исследованию правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах общественной жизни, изучению ключевых тенденций и основных направлений развития этих новых технологий. Законодательное регулирование ИИ – важный аспект социального, экономического и правового развития современного государства. В центре внимания авторов – особенности правового режима использования технологий ИИ в Японии, Республике Корея и Сингапуре. В последние годы в этих трех государствах были приняты стратегические документы и вступили в силу законы и иные нормативные правовые акты, предусматривающие основные принципы и правила применения ИИ. Законодательство каждой из представленных в статье стран отражает специфику регулирования ИИ, базирующуюся на национальных приоритетах и общепризнанных международных нормах и принципах, поиск стимулирования инноваций и одновременно преодоление рисков в области безопасности ИИ и нарушения основных прав человека.*

Ключевые слова: *правовое регулирование; цифровое право; искусственный интеллект; национальное законодательство; национальные стратегии развития; киберпространство; роботизация; Сингапур; Республика Корея; Япония.*

Алферова Елена Васильевна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: ealf@list.ru
ORCID: 0000-0003-1630-1070
SPIN-код: 8179-7888

Скурко Елена Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: e.skurko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-1139-951X
SPIN-код: 8707-2496

E.V. Alferova, E.V. Skurko

Contours of legal regulation of artificial intelligence: the experience of Japan, Republic of Korea and Singapore

Abstract. *This article provides a comprehensive comparative analysis of the legal regulation of artificial intelligence (AI) across various spheres of public life and examines the key trends and principal directions in the development of these emerging technologies. The legal regulation of AI has become an important aspect of the social, economic and legal development of modern states. The authors focus on the legal frameworks governing the use of AI technologies in Japan, the Republic of Korea and Singapore. In recent years, these three countries have adopted strategic policy documents and enacted laws and other regulatory instruments establishing the fundamental principles and rules for the development and use of AI. The legal frameworks of each country reflect distinct national approaches to AI regulation, shaped by domestic policy priorities and generally recognized international norms and principles. At the same time, they seek to promote innovation while addressing AI-related safety risks and protecting fundamental human rights.*

Keywords: *legal regulation; digital law; artificial intelligence; national legislation; international law; national development strategies; cyberspace; roboticization; Singapore; republic of Korea; Japan.*

Alferova Elena Vasil'evna – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Jurisprudence of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: ealf@list.ru
ORCID: 0000-0003-1630-1070
SPIN-код: 8179-7888

Skurko Elena Vyacheslavovna – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher at the Department of Jurisprudence of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: e.skurko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-1139-951X
SPIN-код: 8707-2496

Введение

Современные страны озабочены разработкой комплексных специальных законов, регулирующих внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы жизни человека, общества, государства с учетом национальных особенностей и международных стандартов. Исследование положительного опыта правового регулирования технологий ИИ ряда продвинутых в этой области государств и региональных сообществ представляет научный и прак-

тический интерес как для законодателей, так и для исследователей разных специальностей, в том числе юристов. Это обусловлено тем, что в своей правовой политике в сфере ИИ многие страны мира пытаются найти баланс между гарантиями безопасного использования ИИ и стимулированием разработок ИИ-технологий и их внедрения.

Различные страны разными темпами стремятся найти конкурентоспособные нормативные решения – в целях как недопущения экономического и технологического отставания, так и обеспечения технологических прорывов, при условии гарантий безопасности человека и критически важной инфраструктуры. Достижение этих ориентиров предполагает создание нормативно-правовых основ внедрения интеллектуальных систем и технологий.

В данной статье внимание авторов сконцентрировано на анализе правового опыта государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – Японии, Республики Корея (Южной Кореи), Сингапура, поскольку практически во всех национальных стратегиях и правовой политике этих государств в области технологического развития вопросы регулирования ИИ определяются как наиболее значимые.

Япония

Опыт Японии интересен рядом инициатив по внедрению ИИ для реализации различных управленческих задач. Японские ИИ-проекты направлены на реформу образования, сбор и консолидацию данных, совершенствование законодательного, правоприменительного и судебного процесса, внедрение стандартов конфиденциальности данных. Значительные меры с использованием ИИ приняты в правоохранительной сфере страны. Так, с конца 2010-х годов правительство Японии внедрило роботов для патрулирования и системы распознавания лиц, для обнаружения и предотвращения терроризма, полиция Токио (совместно с Panasonic – одной из крупнейших японских машиностроительных корпораций) разработала систему прогнозирования скоплений большого количества людей, которая отслеживает подозрительные действия в общественных местах, а полиция префектуры Канагава в рамках подготовки к XXXII летним Олимпийским играм в Токио (прошли в 2021 г.) внедрила систему прогнозирования, основанную на ИИ. Японские ИИ-системы в правоохранительной сфере работают с огромными массивами данных, включая информацию из социальных сетей, о погоде, совершенных преступлениях и несчастных случаях. Некоторые местные органы власти страны внедряют англоязычные чат-боты для улучшения обслуживания иностранных посетителей, применяют средства ИИ для выполнения повседневных административных функций. Как отмечает профессор Сеульского национального университета Джаемин Ли, Япония работает над планом использования ИИ для укрепления своей обороноспособности, в том числе путем

создания в структуре Министерства обороны Японии (Ministry of Defense of Japan) Управления беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), ответственного за использование беспилотников для мониторинга и патрулирования отдаленных островных районов [Lee 2022, p. 28].

Общее правовое регулирование ИИ в Японии развивается на основе одобренных правительством в 2019 г. Стратегии ИИ (см.: [AI Strategy 2019]; новая редакция принята 22 апреля 2022 г., см.: [AI Strategy 2022]) и Социальных принципов человекоцентричного ИИ [Атабеков, Ястребов 2024, с. 111].

Стратегия ИИ предусматривает три этапа развития технологий ИИ: использование и внедрение ИИ как инструмента аналитики и сбора данных по заданным параметрам в конкретных секторах; повсеместное социальное применение ИИ и больших данных, которые подготовлены в соответствии с различными сферами общественной жизни; разработка единой системы, содержащей различные области и сектора на уровне массового общественного применения, а также в индивидуальном пространстве [AI Strategy 2022, p. 12–18]. Одновременно Стратегия определяет три принципа внедрения ИИ: достоинство человека, разнообразие и устойчивое развитие [ibid., p. 2]. Для реализации этих принципов определены пять стратегических целей: развитие человеческого ресурса, конкурентоспособность промышленности, технологические системы, международное сотрудничество и преодоление кризисов [ibid., p. 4–7].

Социальные принципы человекоцентричного ИИ декларируют: ориентацию на человека; повышение образования в сфере ИИ; защиту частной жизни; обеспечение безопасности; честной конкуренции; справедливости; подотчетности и прозрачности; поддержку инноваций и научных исследований в области ИИ (пункт 4) [Social Principles of Human-Centric AI, p. 7–11]. В пункте 5 этого документа подчеркивается: «Чтобы стать лидером в мире по созданию первого “Общества, готового к использованию ИИ”, Япония должна поделиться этими принципами с другими странами по всему миру и взять на себя ведущую роль в международных дискуссиях с целью создания системы, готовой к использованию ИИ. Поступая таким образом, Япония представляет миру социальный образ Общества 5.0, которое поддерживает реализацию целей устойчивого развития, способствует творческому взаимодействию стран международного сообщества» [ibid., p. 11].

Правительство Японии рассматривает ИИ в качестве одного из элементов Общества 5.0 (Society 5.0) – модели будущего устойчивого и человекоцентричного общества, где цифровые технологии глубоко интегрированы во все сферы общественной жизни для решения экономических и социальных проблем, а также повышения общего уровня благосостояния населения. Важная роль в этом процессе отведена роботизации, ИИ, «интернету вещей» и другим передовым технологиям [Япония… 2025].

Исследователи особо подчеркивают, характеризуя японские подходы к регулированию ИИ, что в их основе лежит «мягкое право», отдающее приоритет добровольному соблюдению руководящих принципов применения технологий ИИ. Так, в июле 2023 г. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology, MEXT) выпустило официальное руководство «Политика в отношении использования генеративного ИИ в университетах и технических колледжах» (Policies for Addressing the Use of Generative AI in Universities and Technical Colleges), призванное помочь учебным заведениям правильно внедрять генеративный ИИ для повышения качества образования, управляя при этом сопутствующими рисками. В документе рассмотрены проблемы, связанные с использованием технологий (например, информационная безопасность, нарушения академической этики и авторских прав), и рекомендуется, чтобы учебные заведения разрабатывали и обновляли индивидуальные правила использования технологий в соответствии со своими потребностями. В руководстве также подчеркивается важность прозрачности при использовании студентами инструментов на основе ИИ, поощряется применение различных методов оценки, чтобы не слишком полагаться на контент, созданный ИИ, отмечается важность проверки контента и развития критического мышления [Ariunaa Enkhtur, Ming Li 2025].

Параллельно с инициативами, направленными на развитие образования, правительство Японии с 2023 г. активно продвигает разработку собственных моделей генеративного ИИ. Одна из инициатив реализуется Национальным институтом информатики (National Institute of Informatics, NII) и касается критической проблемы: традиционные модели, ориентированные на английский язык, как правило, недостаточно хорошо понимают японский язык и культурный контекст. Чтобы решить эту проблему, NII уделяет особое внимание разработке «суверенного» ИИ, обученного на обширных японских массивах данных. Результатом этих усилий стала большая языковая модель Японии (LLM-JP, Large Language Model), способная анализировать историю, литературу и культурное наследие Японии [ibid.]. Начиная с 2023 г., многие японские университеты ввели правила, регулирующие использование генеративного ИИ. Группа ученых провела опрос в 37 университетах, участвующих в национальном проекте «Лучшие университеты мира» (Japan's Top Global University Project), и выяснила, что 27 из них разработали рекомендации по использованию генеративного ИИ для студентов и преподавателей[1].

Поскольку ИИ меняет экономику и общество, Япония применяет особый подход к его регулированию: многоуровневый, гибкий и не имеющий обязатель-

1. Подробный анализ содержания этих рекомендаций, сферы их применения, направленность и основополагающие принципы см. в коллективном исследовании: [A Framework for Developing University Policies on Generative AI Governance 2025].

ной силы. Вместо жесткого регулирования Япония опирается на следующие нормативные правовые акты: Закон о содействии исследованиям, разработкам и использованию технологий, связанных с ИИ 2025 г. (далее – Закон о содействии развитию ИИ); Руководящие принципы бизнес-операторов в области ИИ 2024 г.; иные законодательные акты. Совокупность этих документов, по оценке специалистов, обеспечивает баланс между инновациями, подотчетностью и международной совместимостью [Kensuke Inoue, Chika Kamata 2025].

Закон о содействии развитию ИИ был принят Национальным законодательным собранием Японии (парламентом) 28 мая 2025 г. и вступил в силу 4 июня того же года (см.: [Act on Promotion of Research and Development, and Utilization of Artificial Intelligence-related Technology]). Основная цель этого первого специального законодательного акта в области ИИ в Японии, согласно статье 1, – установить основополагающие принципы политики, способствующей исследованиям, разработке и использованию технологий ИИ. В широком смысле этот Закон определяет ИИ как технологии, имитирующие когнитивные способности человека, и позиционирует его как фактор общественного благосостояния и экономической устойчивости. Статья 3 декларирует пять основных принципов содействия развитию ИИ: разработка и использование технологий ИИ, применение которых должно соответствовать установленным национальными законами, включая Основной закон о науке, технологиях и инновациях 2021 г. и Основной закон о формировании информационно-телекоммуникационного сетевого общества 2000 г.; продвижение ИИ как основополагающей технологии для экономического и социального развития Японии с учетом национальной безопасности; системное и взаимосвязанное на всех этапах (от фундаментальных исследований до практического применения) развитие ИИ; прозрачность в разработке и использовании ИИ в целях предотвращения злоупотреблений и нарушения прав и интересов граждан; международное лидерство Японии, которая должна активно участвовать в разработке международных норм в области ИИ и возглавлять этот процесс, а также содействовать международному сотрудничеству.

В целом, Закон о содействии развитию ИИ возлагает основные обязанности на пять групп заинтересованных сторон. *Национальное правительство* обязано нести основную ответственность за разработку и реализацию комплексной политики в области ИИ и использовать ИИ для повышения эффективности своей административной деятельности, укрепления сотрудничества с заинтересованными сторонами и принятия всех необходимых законодательных и финансовых мер для продвижения ИИ. *Местные органы власти* ответственны за разработку и реализацию независимой политики в области ИИ, адаптированной к местным условиям, в сотрудничестве с национальным правительством. *Научно-исследовательские институты* должны активно участвовать в исследованиях в области ИИ, распространять их результаты, развивать таланты и сотрудничать с прави-

тельством в реализации государственной политики. *Представителям бизнеса* – физическим или юридическим лицам, планирующим разрабатывать, предлагать или внедрять технологии ИИ в свои продукты, услуги или бизнес-операции, рекомендуется активно использовать ИИ для повышения эффективности и внедрения инноваций, а также сотрудничать с правительством в реализации государственной политики. *Граждане* должны углублять свое понимание ИИ и сотрудничать с правительством в реализации государственной политики. Надзор в сфере использования ИИ возложен на премьер-министра, который руководит Советом по стратегии в области ИИ (Japan's AI Strategy Council).

Закон о содействии развитию ИИ, по мнению исследователей, служит инструментом «мягкого права», поощряющим добровольное соблюдение полномочий, прав и обязанностей заинтересованными сторонами, «вместо того чтобы вводить жесткие правила или наказания» [Япония… 2025]. Такой подход отражает более широкую административную традицию Японии, согласно которой «регулирование с помощью руководящих указаний» часто предпочтительнее карательного принуждения [там же]. Закон не предусматривает каких-либо явных санкций, финансовых или иных, за несоблюдение его требований или неправомерное использование ИИ.

Руководство по ИИ для бизнеса, разработанное Министерством экономики, торговли и промышленности (Ministry of Economy, Trade and Industry, METI) совместно с Министерством внутренних дел и коммуникаций (Ministry of Internal Affairs and Communications, MIC), было выпущено 19 апреля 2024 г. [AI Guidelines for Business Ver 1.02024], в марте 2025 г. вторично обновлено. Содержащий единый набор стандартов, пропагандирующих модель «гибкого управления» в сфере ИИ, этот документ призывает заинтересованные стороны к постоянному анализу, определению целей и оценки для ответственного управления системами ИИ [Standards, frameworks, and legislation for artificial intelligence (AI) transparency 2025, p. 3648]. Данный акт «мягкого права» определяет основополагающие ценности применения ИИ в бизнесе – человеческое достоинство, инклюзивность, устойчивость – и определяет 10 межотраслевых принципов (справедливость, конфиденциальность, безопасность и другие), а также предлагает контрольные инструменты мониторинга ИИ. Особое внимание в руководстве уделяется ответственности руководителей бизнеса и вопросам этики применения ИИ и кибербезопасности. Благодаря согласованности с международными принципами, руководство укрепляет позиции Японии в глобальных дискуссиях по ИИ. Для предпринимателей этот документ служит основой эффективного управления бизнесом, особенно в условиях, когда применение ИИ оказывается под пристальным вниманием со стороны регулирующих органов, инвесторов и общественности [Kensuke Inoue, Chika Kamata 2025]. С опорой на руководство многие компании и корпорации всё чаще разрабатывают свои собственные руководящие принципы, а также расширяют сотрудничество в бизнес-сообществе по этим вопросам [ibid.].

Помимо специального правового регулирования ИИ в Японии действуют ряд законов, касающихся функционирования ИИ. Закон Японии о повышении прозрачности и справедливости цифровых платформ 2020 г. требует прозрачности транзакций на онлайн-платформах, Закон Японии о финансовых инструментах и биржах 1948 г. в редакции 2010 г. устанавливает стандарты управления рисками для участников высокоскоростной торговли, Закон об авторском праве 1970 г. (в редакции 2006 г.) и Закон о защите персональных данных 2003 г. (в редакции 2021 г.) предусматривают ответственность за несанкционированное использование личного контента и контента, защищенного авторским правом (см.: [Act on Improving Transparency and Fairness of Digital Platforms; Financial Instruments and Exchange Act; Copyright Act; Act on the Protection of Personal Information]). Кроме того, Гражданский кодекс Японии допускает подачу исков о диффамации с использованием ИИ, а Уголовный кодекс Японии содержит составы преступлений в сфере ИИ и предусматривает ответственность за диффамацию, воспрепятствование ведению бизнеса, несанкционированный контроль над чужими электронными устройствами.

Закон об информационных платформах, принятый 9 мая 2024 г. [Information Distribution Platform Act], внес ряд поправок в Закон об ограничении ответственности провайдеров 2001 г. в редакции 2013 г. [Act on the Limitation of Liability for Damages of Specified Telecommunications Service Providers and the Right to Demand Disclosure of Identification Information of the Sender]. Цель этих поправок – ускорить удаление незаконного и вредоносного контента в Интернете, в том числе клеветы. Закон требует от крупных операторов платформ: уведомлять министра внутренних дел и коммуникаций о приеме заявлений от пострадавших лиц; проводить расследования инцидентов в сфере информационной безопасности; сообщать заявителю о принятых мерах; публиковать информацию о реализации мер по предотвращению передачи информации, в том числе персональных данных.

Хотя упомянутые законы не относятся напрямую к ИИ, в них нашли отражение общественные дискуссии по проблемам борьбы с дезинформацией и рисками, связанными с контентом, генерируемым ИИ.

METI, MIC, а также Агентство по культуре (Agency for Cultural Affairs) осуществляют надзор в сфере ИИ, руководствуясь «социальными принципами человекоцентричного искусственного интеллекта», осуществляют консультативную роль в целях реализации этих руководящих принципов в частном секторе [Standards, frameworks, and legislation for artificial intelligence (AI) transparency 2025, p. 3648].

Следует сказать, что Япония сталкивается со многими вызовами, такими как снижение рождаемости, старение населения, увеличение региональных различий, ужесточение финансовых ограничений. С целью повышения эффективности государственного управления, обеспечения технологической безопасности и конкурентоспособности Кабинет министров страны в июне

2025 г. внес изменения и дополнения в ***Интегрированную инновационную стратегию Японии***, которая, согласно решению этого органа власти от 26 марта 2021 г., реализуется уже пятый год и позиционируется как «концепция реализации 6-го базового плана в области науки, технологий и инноваций», или НТИ, а также «важная стратегия в отношении 7-го базового плана в области НТИ» [Integrated Innovation Strategy 2025, p. 1].

В пункте 1 этого документа подчеркивается, что эта Интегрированная инновационная стратегия позволит еще больше активизировать усилия в трех ключевых областях стратегического продвижения передовой науки и технологий: расширение базы знаний (исследовательского потенциала); развитие человеческих ресурсов; создание инновационных экосистем. Кроме того, на основе обсуждений 7-го базового плана НТИ правительство также примет меры по усилению координации работы экономики и безопасности, по укреплению исследовательской базы и привлечению инвестиций в важнейшие технологические области [ibid.].

В целях продвижения исследований и разработок в области ИИ правительство в пункте 2 (подпункт 1, названный «Стратегическое продвижение передовых достижений науки и технологий») заявляет, что, в частности, будет стремиться:

• ускорять использование ИИ в науке, укреплять инфраструктуру для генерации данных научных исследований, разрабатывать и обеспечивать эксплуатацию новой флагманской системы суперкомпьютеров, обладающих превосходными характеристиками ИИ;

• прилагать усилия, направленные на достижение высокой производительности и низкого энергопотребления ИИ-полупроводников и т. д., а также создавать среду, позволяющую использовать эти ИИ-полупроводники высокоэффективным и удобным способом;

• поддерживать стартапы и с помощью инновационных технологий продвигать исследования и разработки в промышленности и научных кругах в области высокопроизводительных и мультимодальных моделей ИИ;

• продвигать исследования, разработку и внедрение роботов с ИИ общего назначения и совершенствовать инфраструктуру робототехники в государственном и частном секторах;

• ускорять создание обучающих сред для разработки базовых моделей роботов с ИИ и графических сред для генерации синтетических данных, моделирования ИИ и создания виртуального пространства для обучения;

• способствовать модернизации и повышению эффективности вычислительных ресурсов, а также разработке и совместному использованию платформы исследовательских данных;

• содействовать исследованиям, разработкам и международной стандартизации информационно-коммуникационной инфраструктуры следующего поколения (помимо 5G), включая полностью фотонные и мобильные сети,

а также социальной реализации и зарубежной экспансии путем создания и использования испытательных стендов;

• разрабатывать и расширять высококачественные данные на японском языке, которые помогут повысить производительность генеративного ИИ, и предоставлять их компаниям и другим организациям надлежащим образом;

• способствовать разработке и оценке надежного ИИ, учитывающего японскую культуру и обычаи, с прицелом на использование национальными и местными органами власти, а также обмену передовым опытом для разработки конкурентоспособного ИИ в различных областях;

• продвигать использование ИИ в критически важных областях – медицине, робототехнике, при предотвращении стихийных бедствий, обеспечении безопасности, а также в государственных и муниципальных учреждениях при решении социальных проблем и в областях с серьезной нехваткой рабочей силы (например, в сельском хозяйстве, лесоводстве, рыболовстве);

• содействовать изучению вопроса распределения ответственности в сфере внедрения и использования ИИ [ibid., p. 1–3].

Во всех 12 министерствах и ведомствах Японии введены должности главных специалистов по ИИ (Chief AI Officers), которые следят за эффективностью внедрения соответствующих технологий, контролируют соблюдение требований и норм – этических, правовых и в области безопасности. На основании периодического мониторинга использования ИИ органами государственной власти Цифровое агентство (Digital Agency), которое создано в 2021 г. и уполномочено готовить для CSTI рекомендации по разработке и корректировке национальных стратегий и стандартов, а также инициатив в области международного сотрудничества, направленных на обеспечение согласованности глобальных рамок безопасности в сфере ИИ [Брамбила Мартинес 2025].

Создание в Японии системы мониторинга технологических рисков и защиты критически важных технологий и объектов, инициативы по внедрению ИИ в отраслях экономики, государственном управлении, образовании, медицине, правоохранительной деятельности и иных, поддержка разработчиков стратегических технологий, а также распространение технологий ИИ с акцентом на суверенные модели и государственный язык могут представлять научно-практический интерес.

Республика Корея

Южная Корея прошла долгий путь в поисках оптимального регулирования ИИ, ориентируясь на приоритет отечественной ИТ-индустрии в целях сделать ее конкурентоспособной.

Первоначально правотворческие усилия регулирования и использования ИИ в Южной Корее были направлены на повышение национальной конкурен-

тоспособности в области ИИ. В 2019 г. была принята ***Национальная стратегия развития ИИ*** (The 2019 National Strategy for Artificial Intelligence), направленная на стимулирование инноваций в сфере ИИ и превращение страны к 2030 г. в одного из глобальных лидеров, третьего по счету, научно-технологического развития, а в 2022 г. – ***План поддержки развития полупроводниковой промышленности с использованием ИИ*** (The 2022 Support Plan for AI Semiconductor Industry Promotion).

В декабре 2024 г. парламент страны принял ***Базовый закон о развитии ИИ и создании основы для доверия*** (далее – Базовый закон об ИИ; см.: [Framework Act on the Development of Artificial Intelligence and the Establishment of a Foundation for Trustworthiness]). Этот Закон вступил в силу в январе 2026 г.

Согласно статье 1, целью Базового закона является определение основных вопросов, необходимых для устойчивого развития ИИ и создания основы для доверия к ИИ, способствование защите прав, интересов и достоинства граждан, улучшение качества их жизни и укрепление национальной конкурентоспособности. В статье 2 определяются основные используемые в нем понятия: ИИ – электронная реализация человеческих интеллектуальных способностей, таких как обучение, рассуждение, восприятие, суждение и понимание языка; система ИИ – компьютерная система, способная выполнять интеллектуальные задачи (прогнозы, рекомендации) и принимать решения, влияющие на реальную и виртуальную среду для достижения заданной цели, с различными уровнями автономности и адаптивности; технология ИИ – аппаратные и программные технологии или технологии их применения, необходимые для реализации ИИ.

Основные принципы и обязанности государства закреплены в статье 3 Базового закона об ИИ: технологии и индустрия ИИ должны развиваться в направлении, повышающем безопасность и надежность для улучшения качества жизни граждан; заинтересованное лицо имеет право на получение ясного и содержательного объяснения основных критериев, принципов, используемых при получении конечного результата ИИ, в той мере, в какой это технически и разумно возможно; государственные и местные органы власти должны уважать творческий дух операторов бизнеса в сфере ИИ и стремиться к созданию безопасной среды для использования технологий ИИ; государственные и местные органы власти должны обеспечивать стабильную адаптацию граждан к изменениям, вызванным ИИ во всех областях, включая общество, экономику, культуру и их повседневную жизнь. Базовый закон об ИИ, согласно статье 4, применяется к любой деятельности, осуществляемой за пределами страны, если эта деятельность оказывает влияние на внутренний рынок или пользователей, и не применяется к ИИ, предписанному указом президента, который разрабатывается и используется исключительно в целях национальной обороны или национальной безопасности.

В соответствии с Базовым законом об ИИ в стране уже созданы Центр политики в области ИИ (AI Policy Center), Научно-исследовательский инсти-

тут безопасности ИИ (AI Safety Research Institute) и Национальный комитет по стратегии в области ИИ (National AI Strategy Committee, NAIS). Закон предусматривает гарантии прозрачности ИИ (требуя использования маркировки на продуктах генеративного ИИ), поддержку безопасного использования ИИ, принципы этики и надежности ИИ, стандартизацию технологий ИИ. Регулирующее воздействие Базового закона об ИИ в значительной степени зависит от последующего развития законодательства и деятельности уполномоченных органов и комитетов. В сфере государственного управления Южной Кореи уже сформированы специальные рабочие группы для разработки подзаконных актов, детализирующих механизмы обеспечения соблюдения Базового закона об ИИ, учреждена целевая группа для разработки правовых рамок, касающихся высокоэффективных систем ИИ.

Действие Базового закона об ИИ распространяется на системы ИИ за пределами страны, если они затрагивают корейских пользователей или внутренние рынки. Любой иностранный бизнес в области ИИ, не имеющий физического офиса в Южной Корее, который соответствует любому из установленных законом показателей – как то: общий доход за предыдущий год, превышающий 1 трлн вон, или выручку от услуг ИИ за предшествующий год свыше 10 млрд вон, либо число ежедневных пользователей в Корее, превышающее 1 млн в течение трех месяцев, – будет нести юридическую ответственность за реагирование на запросы правительства и отчеты о безопасности [South Korea's AI Basic Act 2026].

Уполномоченные правительственные органы и учреждения могут распорядиться о приостановлении работы сервиса с ИИ, если он представляет угрозу безопасности. Административные штрафы предусмотрены в размере до 30 млн вон (около 21 тыс. долл. США): за неуведомление пользователей об использовании ИИ; неспособность назначить местного представителя; нарушение предписаний о внесении исправлений или отказ от государственных проверок [ibid.]. Базовый закон об ИИ предусматривает государственную поддержку исследований и разработок, центров обработки данных, малого и среднего бизнеса и предпринимательства, работающих с ИИ.

Вместе с тем Базовый закон об ИИ подвергается критике одновременно представителей технологических стартапов (полагают, что законодатель заходит слишком далеко) и гражданского общества (напротив, полагают, что законодательство – слишком мягкое и поэтому недостаточно эффективно). Законодателей обвиняют также в том, что закон принят в условиях растущего глобального беспокойства по поводу искусственно созданных средств массовой информации и автоматизации процесса принятия решений [Rashid 2026]. Большинство исследователей, однако, считает, что Базовый закон об ИИ может стать образцом для других стран. На 80–90% этот Закон направлен на развитие высокотехнологичной промышленности в Южной Корее и служит качественному и безопасному использованию технологий ИИ.

Сингапур

Сингапур сегодня – это ультрасовременный город-государство в Юго-Восточной Азии с населением свыше 6 млн человек (на 2024 г.). Страна занимает лидирующие позиции в мировых рейтингах по образованию, здравоохранению, личной безопасности, благосостоянию и ожидаемой продолжительности жизни и признается «испытательным полигоном» для передовых социальных, экономических и экологических применений ИИ (он, в частности, используется на транспорте, в здравоохранении, образовании, городском планировании, кибербезопасности, финансах, производстве, судоходстве, охране окружающей среды) (см. подробнее: [Laurent, Doganova, Gasull, Muniesa 2021; Frana 2024]).

Внедрение ИИ признается одной из ключевых тенденций, которые определяют развитие цифровой экономики Сингапура. В 2019 г. правительство представило Национальную стратегию в области ИИ [National Artificial Intelligence Strategy 2019], цель которой к 2030 г. сделать Сингапур лидером в разработке и внедрении масштабируемых и эффективных решений на основе ИИ в отраслях, представляющих большую ценность как для граждан, так и для бизнеса. В 2023 г. была обнародована обновленная Национальная стратегия в области ИИ 2.0, в которой ИИ рассматривается как «необходимость», а не просто «полезный инструмент». Сингапур позаботится о том, чтобы его население понимало, как эффективно использовать ИИ, и в то же время будет применять дифференцированные подходы к управлению рисками, связанными с ИИ, – от нормативных мер до добровольных рекомендаций [NAIS 2.0 2023].

Основные инициативы по развитию ИИ в Сингапуре включают: запуск национальной программы «ИИ Сингапура» (AI Singapore) 2017 г., направленной на расширение возможностей Сингапура в области ИИ, развитие местных талантов и создание экосистемы ИИ-стартапов и компаний, разрабатывающих ИИ-продукты; предоставление государственных грантов и стимулов; создание в июне 2023 г. Фонда верификации ИИ (AI Verify Foundation), в который входят представители правительства и промышленности, для разработки инструментов тестирования ИИ и содействия ответственному использованию ИИ [AI, Machine Learning & Big Data Laws and Regulations 2025].

Различные государственные и регулирующие органы опубликовали программные документы, связанные с ИИ и большими данными. Управление по развитию информационно-коммуникационных технологий (Infocomm Media Development Authority, IMDA) и Комиссия по защите персональных данных (Personal Data Protection Commission, PDPC) разработали типовую систему управления ИИ (Model AI Framework) – первую в Азии модельную систему, призванную служить руководством для организаций частного сектора в решении ключевых управленческих и этических вопросов в сфере ИИ. Комиссия по конкуренции и защите прав потребителей Сингапура (Competition

and Consumer Commission of Singapore, CCCS) в сотрудничестве с Управлением интеллектуальной собственности Сингапура (Intellectual Property Office of Singapore, IPOS) в 2017 г. опубликовала научно-исследовательский документ под названием «Данные: двигатель роста – последствия для антимонопольного законодательства, защиты персональных данных и прав интеллектуальной собственности» (Data: Engine for Growth – Implications for Competition Law, Personal Data Protection, and Intellectual Property Rights).

Денежно-кредитное управление Сингапура (The Monetary Authority of Singapore, MAS) выпустило «Принципы содействия справедливости, этике, подотчетности и прозрачности при использовании ИИ и анализа данных в финансовом секторе Сингапура» (Principles to Promote Fairness, Ethics, Accountability and Transparency, FEAT).

В 2023 г. IMDA при участии Фонда верификации ИИ опубликовало два дискуссионных документа: ***Генеративный искусственный интеллект: последствия для доверия и управления*** (Generative AI: Implications for Trust and Governance), в котором обозначены основные риски, связанные с генеративным ИИ, и подходы к эффективному управлению, позволяющие снизить эти риски, и ***Каталог методов оценки больших языковых моделей*** (Cataloguing LLM Evaluations), где представлены базовые подходы к оценке и тестированию больших языковых моделей.

В 2024 г. IMDA совместно с Фондом верификации ИИ разработали ***Концепцию управления модельным ИИ для генеративного ИИ*** (см.: [Model AI Governance Framework for Generative AI 2024]). В документе изложены ключевые проблемы, требующие решения общественности и политиков, – от дезинформации до подотчетности по всей цепочке разработки ИИ и нарушения прав интеллектуальной собственности, и предложены меры, которые необходимо принять, чтобы снизить риски, связанные с генеративным ИИ. Для этого намечены следующие направления:

• подотчетность (ответственность должна распределяться в зависимости от уровня контроля, которым обладает каждый участник процесса разработки генеративного ИИ, данные, используемые при обучении модели, должны быть открытыми, а при машинном обучении необходимо соблюдать законы о персональных данных и авторском праве);

• надежная разработка и внедрение (предполагают общие методы обеспечения безопасности и стандартов раскрытия информации о генеративных моделях ИИ в целях их более безопасного использования ИИ);

• сообщение об инциденте (разработчики ИИ обязаны сообщать об уязвимостях в своих системах ИИ, связанных с безопасностью и принимать упреждающие меры по их устранению);

• тестирование и контроль (директивным органам и международным организациям по стандартизации, например, Международной организации

по стандартизации, следует разработать единые стандарты тестирования ИИ для обеспечения качества и единообразия);

• безопасность (разработка новых инструментов тестирования для устранения рисков, связанных с генеративным ИИ);

• происхождение контента (пользователи должны знать, что взаимодействуют с контентом, созданным ИИ, чтобы снизить риск распространения дезинформации, поэтому следует использовать такие технические решения, как цифровые водяные знаки и криптографическая маркировка, а также информировать общественность о том, как проверять подлинность контента);

• исследования и разработки в области безопасности и согласованности;

• ИИ на благо общества (ответственное использование ИИ должно выходить за рамки снижения рисков и быть направлено на улучшение жизни людей);

• сотрудничество (правительствам следует сотрудничать с компаниями и сообществами в рамках инициатив по повышению цифровой грамотности, стимулировать инновации в отрасли, особенно среди малого и среднего бизнеса, повышать квалификацию сотрудников и менять подход к рабочим местам, а также обеспечивать экологическую безопасность ИИ).

Нормативная правовая база, наращивание потенциала в сфере ИИ, общественная осведомленность и международное сотрудничество в Сингапуре развиваются и координируются директивами и инициативами правительства. Ведущую роль в этой сфере играет PDPC, в том числе в вопросах обсуждения проблем конфиденциальности данных. Правительство в координации с представителями промышленных компаний страны разработало этические рекомендации по ИИ, а также внедрило алгоритмические механизмы надзора и соблюдения требований к ИИ, хотя подход Сингапура к ИИ и система его регулирования в целом является необязательно «нормативной», а добровольной, т. е. основывается на инструментарии «мягкого права» [Frana 2024, p. 16–17].

В 2025 г. Сингапур внедрил значительное количество проектов и программ в сфере ИИ. На саммите действий в области ИИ (AI Action Summit) в феврале 2025 г. министр цифрового развития и информации Сингапура Дж. Тео объявила о запуске нескольких новых инициатив и проектов в сфере ИИ. Так, IMDA совместно с фондом AI Verify запущен пилотный проект Global AI Assurance, который помогает кодифицировать новые нормы и лучшие практики в области технического тестирования приложений с генеративным ИИ [Global AI Governance Law and Policy 2025].

По результатам сотрудничества между Сингапуром и Японией Международная сеть институтов безопасности ИИ опубликовала отчет о совместном тестировании, в котором оценивалась безопасность больших языковых моделей (LLM) ИИ в различных языковых и культурных средах. Основная цель состояла в том, чтобы оценить, насколько эффективны меры предосторожности,

встроенные в LLM, например, защита от создания вредоносного, незаконного и/или предвзятого контента в неанглоязычных странах. В качестве соруководителя программы тестирования и оценки выступал Сингапурский институт безопасности ИИ (The Singapore AI Safety Institute, AISI), который собрал международных лингвистических и технических экспертов для проведения тестов на десяти языках: кантонском, английском, персидском (фарси), французском, японском, суахили, корейском, малайском, мандаринском и телугу. Эксперты также провели тесты по пяти категориям ущерба: насильственные преступления; ненасильственные преступления; интеллектуальная собственность; неприкосновенность частной жизни; джейлбрейк.

В апреле 2025 г. состоялась Сингапурская конференция по ИИ (Singapore Conference on AI, SCAI), собравшая свыше 100 представителей научных кругов, промышленности и правительства для определения приоритетов в создании надежного и защищенного ИИ. Отчет SCAI «Сингапурский консенсус по глобальным приоритетам исследований в области безопасности ИИ», опубликованный в мае того же года, направлен на продвижение эффективных исследований для быстрой разработки механизмов обеспечения безопасности и оценки, а также на создание надежной экосистемы, в которой ИИ используется для общественного блага.

В мае 2025 г. Управление по развитию информационно-коммуникационных средств массовой информации (Infocomm Media Development Authority) запустила обновленную версию своей мультимодальной программы LLM «Эмпатическое мышление и обучение в одной сети», а консорциум MERaLION (Multimodal Empathetic Reasoning and Learning in One Network) – платформу для сотрудничества, которая объединяет местных и глобальных игроков отрасли, научно-исследовательские институты и ведущие технологические компании для разработки практических приложений ИИ, таких как многоязычная поддержка клиентов, системы определения состояния здоровья и эмоциональной проницательности и принятия агентурных решений [ibid.].

Примечательно то, что регулирование технологий ИИ представлено не только законодательными актами, такими как Закон о защите персональных данных и Закон о кибербезопасности, но и актами «мягкого права». Однако комплексный специальный закон об ИИ в Сингапуре еще не принят.

Заключение

Проблема правового регулирования в сфере ИИ связана с необходимостью поиска баланса стимулирования инноваций и охраны прав человека, обеспечения национальной безопасности. Приоритетные цели разработки и использования технологий ИИ в большинстве стран мира предусмотрены в национальных стратегических документах и законодательстве. Это обусловлено инновацион-

ными цифровыми достижениями, а также рисками и угрозами, исходящими от ИИ. Все это придает значимость разработке и принятию специального законодательства об ИИ, контролю правительств за его исполнением.

Опыт законодательного регулирования в области ИИ рассмотренных в статье стран – Японии, Южной Кореи и Сингапура – свидетельствует о важности задач, стоящих перед этими государствами как по решению отдельных, наиболее актуальных вопросов, связанных с применением ИИ, так и по глобальному определению перспектив использования систем ИИ в различных сферах общественной жизни – в экономическом и социальном секторах, государственном управлении, медицине, образовании, правосудии. Правовые подходы этих стран в принципе идентичны, с акцентом на национальные приоритеты, самобытную культуру, а также на международную конкуренцию. Развитие законодательства идет неравномерно и отчасти разнонаправленно. В Японии, как и в целом в АТР, приоритет отдается «мягкому праву», т. е. правилам и руководствам, носящим рекомендательный характер. Эффективность применения актов «мягкого права» в регулировании ИИ характерен и для Сингапура. Южная Корея, напротив, встала на путь всеобъемлющего нормативного правового регулирования ИИ, в том числе в ряде сфер трансграничного взаимодействия и санкций в случае существенного влияния соответствующих технологий ИИ и зарубежных компаний на корейское общество и государство.

Внимание национальных законодателей и правительств государств сосредоточено на: создании различных механизмов регулирования использования ИИ (правовых, этических, технических и иных), в том числе на принципиально новых механизмах, отвечающих инновационным цифровым технологиям, применяемым в различных секторах и сферах общественной жизни; обеспечении безопасности человека и защите его прав при использовании ИИ; доктринальном (стратегическом) развитии систем ИИ и регулировании наиболее критически важных областей экономики государства, стандартизации применяемых алгоритмов и инструментов ИИ. Различные подходы к регулированию сегментов ИИ, как показано выше, обусловлены особенностями национальных правовых систем.

Библиография

Атабеков А.Р., Ястребов О.А. Стратегическое позиционирование искусственного интеллекта в сфере государственного управления и практика правового регулирования. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 447 с.

Брамбила Мартинес Ф.Х. Инновационная стратегия Японии: ставка на искусственный интеллект и другие ключевые технологии // Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 19.09.2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1085728732.html?ysclid=mq6zddn9ay840079831 (дата обращения: 07.03.2026).

Япония видит в ИИ возможность взять реванш // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/aiasia-japan/?ysclid=mmi2wldvep484868463 (дата обращения: 07.03.2026).

A Framework for Developing University Policies on Generative AI Governance: A Cross-national Comparative Study: predprint. [S. l.: s. n.], 2025. 47 p. DOI: 10.48550/arXiv.2504.02636. URL: https://www.researchgate.net/publication/390422014_A_Framework_for_Developing_University_Policies_on_Generative_AI_Governance_A_Cross-national_Comparative_Study (дата обращения: 03.03.2026).

Act on Improving Transparency and Fairness of Digital Platforms (Act № 38 of 2020) // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/ja/laws/view/4532/en (дата обращения: 07.03.2026).

Act on Promotion of Research and Development, and Utilization of Artificial Intelligence-related Technology: Act № 53 of June 4, 2025 // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/5066/en (дата обращения: 05.06.2026).

Act on the Limitation of Liability for Damages of Specified Telecommunications Service Providers and the Right to Demand Disclosure of Identification Information of the Sender (Act № 137 of 2001). Last Version: № 10 of 2013 // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3610/en (дата обращения: 07.03.2026).

Act on the Protection of Personal Information (Act № 57 of 2003). Last Version: Act № 37 of 2021 // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4241/en (дата обращения: 07.03.2026).

AI Guidelines for Business Ver 1.0. [S. l.: s. n.], 2024. 36 p. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/ai_shakai_jisso/pdf/20240419_9.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

AI Strategy 2019. AI for Everyone: People, Industries, Regions and Governments (tentative translation). [S. l.: s. n.], 2019. 70 p. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/ai/aistratagy2019en.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

AI Strategy 2022. AI for Everyone: People, Industries, Regions and Governments (tentative translation). [S. l.: s. n.], 2022. 44 p. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/ai/aistratagy2022en.pdf (дата обращения: 05.06.2026).

Ariunaa Enkhtur, Ming Li. Integrating Generative AI into Japanese Higher Education: Policy Responses, Pedagogical Practices, and Future Directions. International Centre for Higher Education Innovation under the auspices of UNESCO. 16.10.2025. URL: https://cn.ichei.org/en/knowledge/collection/1707.html (дата обращения: 07.03.2026).

Copyright Act (Act № 48 of 1970): Last Version: Act № 121 of 2006 // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/1980/en (дата обращения: 07.03.2026).

Financial Instruments and Exchange Act (Act № 25 of 1948). Last Version: Act № 32 of 2010 // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2355/en (дата обращения: 07.03.2026).

Framework Act on the Development of Artificial Intelligence and the Establishment of a Foundation for Trustworthiness // Korea AI Basic Act. URL: https://aibasicact.kr/ (дата обращения: 08.06.2026).

Frana P.L. Assessing Smart Nation Singapore as an International Model for AI Responsibility // International Journal on Responsibility. 2024. Vol. 7, Iss. 1. 30 p. DOI: 10.62365/2576-0955.1109.

Global AI Governance Law and Policy: Singapore // IAPP. 16.07.2025. URL: https://iapp.org/resources/article/global-ai-governance-singapore (дата обращения: 07.03.2026).

Information Distribution Platform Act (IDPA) (Partial Amendment of the Provider Liability Limitation Act). [S. l.: s. n., 2024]. 2 p. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/outline/120/905R620.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

Integrated Innovation Strategy. [S. l.]: Cabinet decision, 2025. 33 p. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2025_honbun_eiyaku.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

Kensuke Inoue, Chika Kamata. Japan's emerging framework for responsible AI: legislation, guidelines and guidance // International Bar Association. 16.07.2025. URL: https://www.ibanet.org/japan-emerging-framework-ai-legislation-guidelines (дата обращения: 07.03.2026).

Laurent B., Doganova L., Gasull C., Muniesa F. The Test Bed Island: Tech Business Experimentalism and Exception in Singapore // Science as Culture. 2021. Vol. 30, Iss. 3. P. 367–390. DOI: 10.1080/09505431.2021.1888909.

Lee J. Artificial Intelligence and International Law. Singapore: Springer, 2022. 261p.

Model AI Governance Framework for Generative AI: Fostering a Trusted Ecosystem. [S. l.: s. n.], 2024. 34 p. 2024. URL: https://aiverifyfoundation.sg/wp-content/uploads/2024/05/Model-AI-Governance-Framework-for-Generative-AI-May-2024-1-1.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

NAIS 2.0: Singapore National AI Strategy. [S. l.: s. n.], 2023. 65 p. URL: https://file.go.gov.sg/nais2023.pdfhttps://file.go.gov.sg/nais2023.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

National Artificial Intelligence Strategy. [S. l.: s. n.], 2019. 86 p. URL: https://file.go.gov.sg/nais2019.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

Rashid R. South Korea's 'world-first' AI laws face pushback amid bid to become leading tech power // The Guardian. 29.01.2026. URL: https://www.theguardian.com/world/2026/jan/29/south-korea-world-first-ai-regulation-laws (дата обращения: 07.03.2026).

Sagar M. Singapore wins international award for its artificial intelligence governance and ethics initiatives // OpenGov. 11.04.2019. URL: https://opengovasia.com/2019/04/11/singapore-wins-international-award-for-its-artificial-intelligence-governance-and-ethics-initiatives/ (дата обращения: 07.03.2026).

Social Principles of Human-Centric AI. [S. l.: s. n., 2019]. 14 p. URL: https://ai.bsa.org/wp-content/uploads/2019/09/humancentricai.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

South Korea's AI Basic Act: Overview and Key Takeaways // Cooley LLP . 27.01.2026. URL: https://www.cooley.com/news/insight/2026/2026-01-27-south-koreas-ai-basic-act-overview-and-key-takeaways (дата обращения: 07.03.2026).

Standards, frameworks, and legislation for artificial intelligence (AI) transparency // AI and Ethics. 2025. Vol. 5, N 4. P. 3639–3655. DOI: 10.1007/s43681-025-00661-4.

References

A Framework for Developing University Policies on Generative AI Governance: A Cross-national Comparative Study: predprint. [S. l.: s. n.], 2025. 47 p. DOI: 10.48550/arXiv.2504.02636. URL: https://www.researchgate.net/publication/390422014_A_Framework_for_Developing_University_Policies_on_Generative_AI_Governance_A_Cross-national_Comparative_Study (date of access: 03.03.2026).

Act on Improving Transparency and Fairness of Digital Platforms (Act N 38 of 2020). Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/ja/laws/view/4532/en (date of access: 07.03.2026).

Act on the Limitation of Liability for Damages of Specified Telecommunications Service Providers and the Right to Demand Disclosure of Identification Information of the Sender (Act N 137 of 2001). Last Version: N 10 of 2013. Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3610/en (date of access: 07.03.2026).

Act on Promotion of Research and Development, and Utilization of Artificial Intelligence-related Technology: Act N 53 of June 4, 2025. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/5066/en (date of access: 05.06.2026).

Act on the Protection of Personal Information (Act N 57 of 2003). Last Version: Act N 37 of 2021. Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4241/en (date of access: 07.03.2026).

AI Guidelines for Business Ver 1.0. [S. l.: s. n.], 2024. 36 p. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/ai_shakai_jisso/pdf/20240419_9.pdf (date of access: 03.03.2026).

AI Strategy 2019. AI for Everyone: People, Industries, Regions and Governments (tentative translation). [S. l.: s. n.], 2019. 70 p. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/ai/aistratagy2019en.pdf (date of access: 03.03.2026).

AI Strategy 2022. AI for Everyone: People, Industries, Regions and Governments (tentative translation). [S. l.: s. n.], 2022. 44 p. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/ai/aistratagy2022en.pdf (date of access: 05.06.2026).

Ariunaa Enkhtur, Ming Li. Integrating Generative AI into Japanese Higher Education: Policy Responses, Pedagogical Practices, and Future Directions. International Centre for Higher Education Innovation under the auspices of UNESCO. 16.10.2025. URL: https://cn.ichei.org/en/knowledge/collection/1707.html (date of access: 07.03.2026).

Atabekov A.R., Yastrebov O.A. Strategicheskoe pozitsionirovanie iskusstvennogo intellekta v sfere gosudarstvennogo upravleniya i praktika pravovogo regulirovaniya [Strategic positioning of artificial intelligence in public administration and legal regulation practice]. Moscow: YuNITI-DANA, 2024. 447 p. (In Russ.)

Brambila Martines F.Kh. Innovatsionnaya strategiya Yaponii: stavka na iskusstvennyy intellekt i drugie klyuchevye tekhnologii [Japan's innovation strategy: relying on artificial intelligence and other key technologies]. Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki» [Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge of the National Research University "Higher School of Economics"]. 19.09.2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1085728732.html?ysclid=mq6zddn9ay840079831 (date of access: 07.03.2026). (In Russ.)

Copyright Act (Act N 48 of 1970): Last Version: Act N 121 of 2006. Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/1980/en (date of access: 07.03.2026).

Financial Instruments and Exchange Act (Act N 25 of 1948). Last Version: Act N 32 of 2010. Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2355/en (date of access: 07.03.2026).

Framework Act on the Development of Artificial Intelligence and the Establishment of a Foundation for Trustworthiness // Korea AI Basic Act. URL: https://aibasicact.kr/ (date of access: 08.06.2026).

Frana P.L. Assessing Smart Nation Singapore as an International Model for AI Responsibility. International Journal on Responsibility. 2024. Vol. 7, Iss. 1. 30 p. DOI: 10.62365/2576-0955.1109.

Information Distribution Platform Act (IDPA) (Partial Amendment of the Provider Liability Limitation Act). [S. l.: s. n., 2024]. 2 p. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/outline/120/905R620.pdf (date of access: 07.03.2026).

Integrated Innovation Strategy. [S. l.]: Cabinet decision, 2025. 33 p. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2025_honbun_eiyaku.pdf (date of access: 07.03.2026).

Global AI Governance Law and Policy: Singapore. IAPP. 16.07.2025. URL: https://iapp.org/resources/article/global-ai-governance-singapore (date of access: 07.03.2026).

Kensuke Inoue, Chika Kamata. Japan's emerging framework for responsible AI: legislation, guidelines and guidance. International Bar Association. 16.07.2025. URL: https://www.ibanet.org/japan-emerging-framework-ai-legislation-guidelines (date of access: 07.03.2026).

Laurent B., Doganova L., Gasull C., Muniesa F. The Test Bed Island: Tech Business Experimentalism and Exception in Singapore. Science as Culture. 2021. Vol. 30, Iss. 3. P. 367–390. DOI: 10.1080/09505431.2021.1888909.

Lee J. Artificial Intelligence and International Law. Singapore: Springer, 2022. 261 p.

Model AI Governance Framework for Generative AI: Fostering a Trusted Ecosystem. [S. l.: s. n.], 2024. 34 p. 2024. URL: https://aiverifyfoundation.sg/wp-content/uploads/2024/05/Model-AI-Governance-Framework-for-Generative-AI-May-2024-1-1.pdf (date of access: 10.06.2026).

NAIS 2.0: Singapore National AI Strategy. [S. l.: s. n.], 2023. 65 p. URL: https://file.go.gov.sg/nais2023.pdfhttps://file.go.gov.sg/nais2023.pdf (date of access: 02.06.2026).

National Artificial Intelligence Strategy. [S. l.: s. n.], 2019. 86 p. URL: https://file.go.gov.sg/nais2019.pdf (date of access: 02.06.2026).

Rashid R. South Korea's 'world-first' AI laws face pushback amid bid to become leading tech power. The Guardian. 29.01.2026. URL: https://www.theguardian.com/world/2026/jan/29/south-korea-world-first-ai-regulation-laws (date of access: 07.03.2026).

Sagar M. Singapore wins international award for its artificial intelligence governance and ethics initiatives. OpenGov. 11.04.2019. URL: https://opengovasia.com/2019/04/11/singapore-wins-international-award-for-its-artificial-intelligence-governance-and-ethics-initiatives/ (date of access: 07.03.2026).

Social Principles of Human-Centric AI. [S. l.: s. n., 2019]. 14 p. URL: https://ai.bsa.org/wp-content/uploads/2019/09/humancentricai.pdf (date of access: 02.06.2026).

South Korea's AI Basic Act: Overview and Key Takeaways. Cooley LLP . 27.01.2026. URL: https://www.cooley.com/news/insight/2026/2026-01-27-south-koreas-ai-basic-act-overview-and-key-takeaways (date of access: 07.03.2026).

Standards, frameworks, and legislation for artificial intelligence (AI) transparency. AI and Ethics. 2025. Vol. 5, N 4. P. 3639–3655. DOI: 10.1007/s43681-025-00661-4.

Yaponiya vidit v II vozmozhnost' vzyat' revansh [Japan sees AI as an opportunity to take revenge]. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]. URL: https://russiancouncil.ru/aiasia-japan/?ysclid=mmi2wldvep484868463 (date of access: 07.03.2026). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.06

Ю.В. Мануйлова

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ ВЕНЕСУЭЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА

Аннотация. *В статье рассматривается место Венесуэлы в системе партнерств КНР в Латинской Америке и выявляются факторы, обеспечившие ей более высокий политико-дипломатический статус по сравнению с рядом стран региона, обладающих большим весом в торговле с Китаем. Показано, что особое положение Венесуэлы определялось не столько объемом двустороннего товарооборота, сколько сочетанием ресурсной значимости, включенности в кредитно-ресурсную модель китайского присутствия, высокой степени политического взаимодействия и стремления Пекина закрепить долгосрочные позиции в стратегически важном для него направлении. Особое внимание уделяется эволюции китайско-венесуэльских отношений, их институциональному оформлению в рамках системы партнерств, а также роли энергетического, кредитного и инвестиционного факторов в развитии двустороннего сотрудничества. Отдельно рассматриваются ограничения китайского присутствия в Венесуэле, связанные с санкционным давлением, внутренней нестабильностью и уязвимостью экономических механизмов взаимодействия. События января 2026 г. рассматриваются как момент, позволивший более отчетливо выявить пределы китайско-венесуэльского партнерства. Делается вывод, что Венесуэла заняла исключительное место в иерархии партнерств Китая в Латинской Америке благодаря своей стратегической полезности для Пекина, тогда как сам венесуэльский пример позволяет точнее понять логику китайской дипломатии партнерств, ее возможности и ограничения.*

Ключевые слова: *Китай; Венесуэла; Глобальный Юг; Латинская Америка; внешняя политика; стратегическое партнерство; энергетическая политика; инвестиции.*

Мануйлова Юлия Владимировна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: manuylovayv@my.msu.ru
Web of Science Researcher ID: MFH-8002-2025

Manuilova Iu. V.

China's Policy Toward Venezuela in the Context of Cooperation with the Global South

Abstract. *This article examines the policy of the People's Republic of China toward Venezuela in the broader context of China's cooperation with the countries of the Global South. It explores Venezuela's place in the PRC's partnership system in Latin America and identifies the factors that have given it a higher political and diplomatic status than several other countries in the region with a larger share of China's trade. The article argues that Venezuela's special position has been determined less by the volume of bilateral trade than by a combination of its resource significance, its integration into China's credit-for-resources model of engagement, the high level of political interaction, and Beijing's efforts to consolidate its long-term position in a strategically important region. Particular attention is paid to the evolution of Sino-Venezuelan relations, their institutionalization within China's partnership system, and the role of energy, credit, and investment in the development of bilateral cooperation. The study also examines the constraints on China's presence in Venezuela arising from sanctions, domestic instability, and the vulnerability of the economic mechanisms underpinning bilateral cooperation. The events of January 2026 are treated as a turning point that brought the limits of the Sino-Venezuelan partnership into sharper focus. The article concludes that Venezuela has acquired an exceptional place in China's hierarchy of partnerships in Latin America because of its strategic importance to Beijing, while the Venezuelan case sheds light on the logic of China's partnership diplomacy, as well as its capabilities and limitations.*

Keywords: *China; Venezuela; Global South; Latin America; foreign policy; strategic partnership; energy policy; investments.*

Manuilova Iuliia Vladimirovna – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Globalistics Department, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: manuylovayv@my.msu.ru
Web of Science Researcher ID: MFH-8002-2025

Введение

Подъем стран Глобального Юга, а именно государств Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, становится сегодня важной движущей силой в формировании нового мирового порядка, который стремится отойти от однополярной или биполярной логики к многополярной системе международных отношений. В этих условиях особую значимость приобретают внешнеполитические стратегии ведущих держав, которые стремятся адаптироваться к внешней среде и предложить альтернативные форматы международного взаимодействия.

Система партнерств КНР и место Латинской Америки в китайской внешней политике

Китай, придерживаясь принципа «партнерство вместо альянса, диалог вместо конфронтации» (对话不对抗、结伴不结盟, «дуйхуа бу дуйкан, цзебань бу цземэн»), отказался от военно-политических альянсов и блоков как инструмента глобального присутствия [Лю 2015; Чжоу 2016]. Вместо этого правительство КНР выстраивает иерархическую систему партнерств (伙伴关系等级体系, «хобань гуаньси дэнцзи тиси»). Для Китая «партнерство» представляет собой новую, более гибкую форму долгосрочного международного сотрудничества, которая не направлена против третьих сторон, основана на принципах равенства, взаимной выгоды и ориентирована на конкретные области сотрудничества (экономика, политика, безопасность, инфраструктура, культура и т.д.) [Гу 2016]. КНР последовательно выстраивает четкую иерархию уровней партнерских отношений [Грачиков 2019; Лексютина 2025; Мэнь 2015; Ши 2024].

Первый уровень – «*особое всеобъемлющее стратегическое партнерство*» (特殊全面战略伙伴, «тэшу цюаньмянь чжаньлюэ хобань») – межгосударственное взаимодействие на высоком стратегическом уровне, которое характеризуется беспрецедентной устойчивостью, скоординированными действиями и сотрудничеством в широком спектре ключевых областей. В категоризации возможны вариации терминов «новая эра» (新时代, «синь шидай») и «всепогодное» (全天候, «цюаньтяньхоу»). Классическим примером являются «всепогодные отношения стратегического сотрудничества и партнерства» между Китаем и Пакистаном (2015 г.) и «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху» с Российской Федерацией (2023 г.).

Второй уровень – «*всеобъемлющее стратегическое партнерство*» (全面战略伙伴关系, «цюаньмянь чжаньлюэ хобань гуаньси») – отражает широкомасштабное, углубленное и тесно скоординированное стратегическое взаимодействие сторон, включая такие форматы, как «всестороннее стратегическое партнерство» (全面战略伙伴关系, «цюаньмянь чжаньлюэ хобань гуаньси») и «всесторонние отношения стратегического сотрудничества и партнерства» (全面战略合作伙伴关系, «цюаньмянь чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси»). В эту группу входит наибольшее количество государств-партнеров КНР, включая как ключевых мировых и региональных акторов, так и развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Третий уровень – «*стратегическое партнерство*» (战略伙伴, «чжаньлюэ хобань») – свидетельствует об определенной стратегической координации и взаимодействии между странами в рамках дружественных отношений, но с меньшей степенью интеграции и широты. Включает форматы партнерства с рядом стран Европы, Ближнего Востока, Азии и Америки.

Четвертый уровень – «*сотрудническое партнерство*» (合作伙伴, «хэцзо хобань») – характеризует базовое состояние дружественных двусторонних отношений с фокусом на общее сотрудничество. Может включать такие модификаторы, как «всеобъемлющее» (全面, «цюаньмянь»), «дружественное» (友好, «юхао») и «инновационное» (创新, «чуансинь»).

Иерархия наглядно демонстрирует, как через дипломатический дискурс Китай дифференцирует внешнеполитические связи, выделяя приоритетные направления и определяя характер взаимодействия с каждой страной в зависимости от их стратегической значимости. Данная структура является основой китайской дипломатии в ряде регионов, включая Латинскую Америку, где начиная с 1970–1980-х годов КНР последовательно расширяла свое дипломатическое присутствие (см. табл. 1).

Таблица 1

Сеть партнерств Китая со странами Латинской Америки

Уровень	Категории уровня партнерства	Подкатегории партнерства	Страна-партнер (по году заключения партнерства)
1-й уровень	Особое всеобъемлющее стратегическое партнерство (特殊全面战略伙伴)	Всепогодные отношения стратегического партнерства (全天候战略伙伴关系)	Венесуэла (сентябрь 2023 г.)
2-й уровень	Всеобъемлющее стратегическое партнерство (全面战略伙伴关系)	Всеобъемлющее стратегическое партнерство (全面战略伙伴关系)	Бразилия (июнь 2012 г.), Мексика (июнь 2013 г.), Перу (апрель 2013 г.), Аргентина (июль 2014 г.), Эквадор (ноябрь 2016 г.), Чили (ноябрь 2016 г.), Уругвай (ноябрь 2023 г.)
3-й уровень	Стратегическое партнерство (战略伙伴)	Отношения стратегического партнерства (战略伙伴关系)	Коста-Рика (январь 2015 г.), Боливия (июнь 2018 г.), Колумбия (октябрь 2023 г.), Никарагуа (декабрь 2023 г.)
4-й уровень	Сотрудническое партнерство (合作伙伴)		

Источник: составлено автором на основе анализа публикаций [Грачиков 2019; Лексютина 2025; Ши 2024] и официальных документов.

Как мы видим, за последнее десятилетие Китай существенно расширил свое политико-дипломатическое и торгово-экономическое присутствие в Латинской Америке, выстроив разветвленную систему двусторонних партнерских отношений. Наиболее представительным является второй уровень, в который входят крупнейшие экономики и политически значимые государства

региона, такие как Бразилия, Мексика, Аргентина, Чили и Перу. Эти страны играют ключевую роль в торговом и экономическом взаимодействии с Китаем, выступая поставщиками сырьевых ресурсов, а также важными рынками сбыта китайской продукции и инвестиций [Zhang, с. 60]. В данном случае партнерства в регионе имеют выраженную прагматическую основу и ориентированы прежде всего на торгово-экономическое взаимодействие. На этом фоне особое внимание привлекает Венесуэла, которая, с одной стороны, занимает уникальное положение в системе китайских партнерств в Латинской Америке, а с другой – уступает ряду латиноамериканских стран по объему торговли и инвестиционной привлекательности. Это делает необходимым анализ не только экономических, но и политико-стратегических оснований китайской политики в отношении Каракаса.

Эволюция китайско-венесуэльских отношений

С момента официального установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Венесуэлой в июне 1974 г. прошло более пяти десятилетий. Период с 1974 по 1999 г. описывается как период скромного взаимодействия. Рост зависимости Китая от импорта нефти в середине 1990-х годов способствовал формированию интереса Пекина к диверсификации источников поставок энергоресурсов. После прихода к власти Уго Чавеса в 1999 г. Венесуэла взяла курс на укрепление нефтяного суверенитета и снижение зависимости от Соединенных Штатов. Так, если для Китая Венесуэла, обладающая крупнейшими в мире доказанными запасами нефти, представляла собой потенциального долгосрочного партнера, то для Венесуэлы Китай – как элемент внешнеполитического балансирования, что создало благоприятную основу для развития более тесных финансово-экономических связей между двумя странами [Briceño, с. 148]. Кроме того, двусторонние отношения олицетворяли собой близость между восходящим руководством Новых левых в Южной Америке и Китаем как нового, альтернативного дипломатического и торгового партнера в регионе.

В 2001 г. Китай и Венесуэла установили «*партнерство в области развития*» (共同发展战略伙伴关系, «гунтун фачжань чжаньлюэ хобань гуаньси») [Zhang, с. 59], что означало «мягкую» форму стратегического сближения. В июле 2014 г. страны объявили о заключении «*всеобъемлющего стратегического партнерства*» (全面战略伙伴关系, «цюаньмянь чжаньлюэ хобань гуаньси»), что подразумевало переход на более высокий уровень политического взаимодействия. Дополнительным шагом в развитии двусторонних отношений стало присоединение Венесуэлы в 2018 г. к инициативе КНР «Пояс и путь», что позволило рассматривать Каракас как часть более широкой сети долгосрочного политико-экономического присутствия КНР в Глобальном Юге

[Чжунго – Ладин Мэйчжоу, с. 35]. В сентябре 2023 г. во время государственного визита президента Венесуэлы Н. Мадуро в Китай отношения между двумя странами были повышены до статуса «*всепогодные отношения стратегического сотрудничества и партнерства*» (全天候战略伙伴关系, «цяньтяньхоу чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси») [Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ Вэйнэйжуйла Боливар гунхэго] – наивысшего в системе партнерств КНР. Данный формат предполагает повышенную степень политического доверия, устойчивость сотрудничества вне зависимости от внешних условий, будь то внешнее давление, смена политической конъюнктуры или экономические потрясения. Повышение произошло именно тогда, когда западные страны удерживали режим наиболее интенсивного санкционного давления против Каракаса [Venezuela: Overview of U.S. Sanctions Policy], что можно интерпретировать как политический сигнал. Интерес Пекина здесь двойственен. С одной стороны, Китай стремится продемонстрировать устойчивость партнерских обязательств с государствами Глобального Юга (даже если они находятся под внешним санкционным давлением), а с другой – речь идет о критике одностороннего давления и санкционного принуждения.

Экономические и энергетические основы китайско-венесуэльского партнерства

Китай является вторым по величине торговым партнером Венесуэлы после Соединенных Штатов. Общий объем торговли Китая с Венесуэлой увеличился с 2020 г., составив в 2024 г. 6,4 млрд долл. США (см. рис. 1). Для сравнения, товарооборот в 2024 г. между Китаем и Бразилией превысил 188 млрд долл. США, между Китаем и Мексикой – 109 млрд долл. США, а между Китаем и Чили – 61,5 млрд долл. США [Чжунго тунцзи няньцзянь 2025]. Таким образом, объем импорта и экспорта Китая и Венесуэлы за 2024 год составил 1,23% от общей торговли Китая со странами Латинской Америки и Карибского бассейна.

С начала 2000-х годов отношения между Китаем и Венесуэлой вышли далеко за рамки торговли и перешли к модели энергетического сотрудничества с совместными предприятиями и фондами развития не только в нефтяном, но и в несырьевом секторах экономики Венесуэлы.

Во-первых, для Китая венесуэльская нефть – один из альтернативных источников поставок энергетических ресурсов (см. рис. 2). По официальным данным Главного таможенного управления КНР, Венесуэла отсутствует среди зафиксированных поставщиков сырой нефти в Китай, тогда как данные независимых аналитических компаний (Kpler, Vortexa) свидетельствуют о реальном объеме поставок около 4% морского импорта [Maduro captured; Venezuelan crude exports drop]. Большая часть нефтяных запасов Венесуэлы сосредоточена в поясе Ориноко и представлена тяжелыми и сверхтяжелыми сортами.

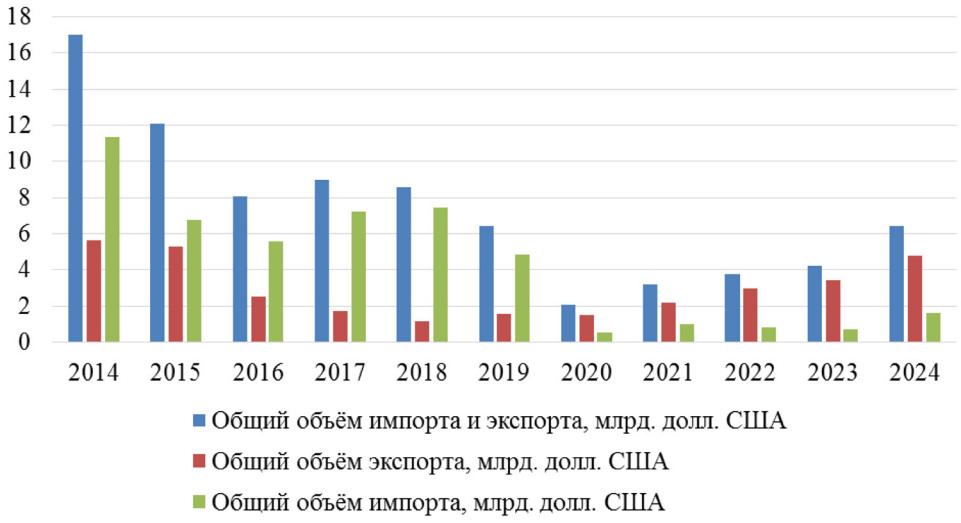

Рисунок 1. Общий объем импорта и экспорта Китая и Венесуэлы, 2014–2024 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Национального статистического бюро КНР: [Чжунго тунцзи няньцзянь 2025].

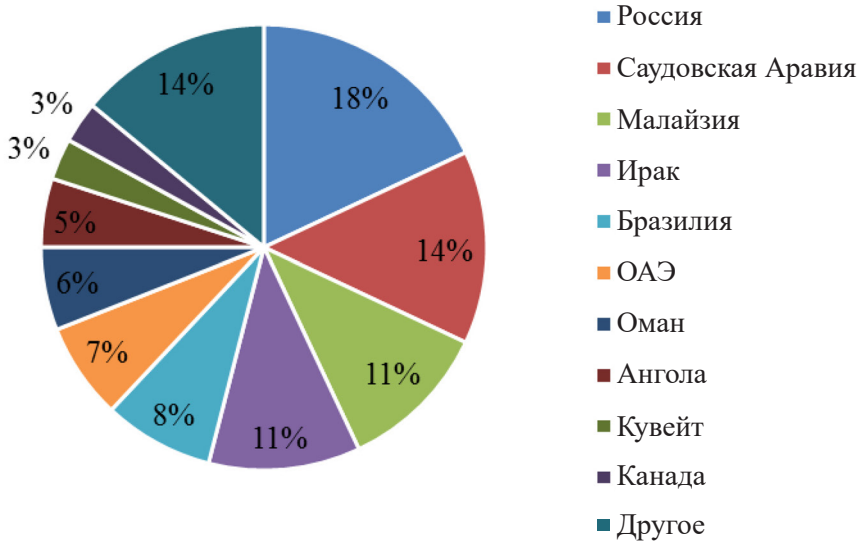

Рисунок 2. Крупнейшие поставщики сырой нефти в Китай в 2025 г., в %.

Источник: составлено автором на основе данных Центра глобальной энергетической политики Колумбийского университета: [Where China Gets Its Oil].

Их высокая вязкость и высокое содержание серы делают добычу, транспортировку и переработку более сложными и затратными [Country Analysis Brief]. Это позволяет лучше понять, почему при огромной ресурсной базе Венесуэла уступала другим поставщикам Китая по масштабу и устойчивости нефтяных поставок. Тем не менее Венесуэла остается важным, хоть и умеренным источником нефти в КНР. Ключевым фактором является доступ к нефтяным ресурсам на сравнительно выгодных условиях, что во многом обусловлено политической нестабильностью в самой Венесуэле, санкционными ограничениями и затрудненным доступом Каракаса к западным рынкам капитала.

Во-вторых, между КНР и Венесуэлой в 2000–2020-х годах сформировалась особая финансово-ресурсная модель сотрудничества, при которой китайские государственные учреждения предоставляли кредиты под будущие поставки нефти [Bull 2026]. Данная схема давала возможность Китаю сочетать цели обеспечения энергетической безопасности с механизмами внешнеэкономического воздействия, гарантируя возврат инвестиций через экспортные потоки углеводородов. Согласно данным научно-исследовательского института AidData, за период 2000–2023 гг. зарегистрировано 106 китайских кредитных обязательств перед Венесуэлой на общую сумму 105,59 млрд долл. США, из которых 95 млрд долл. США направлены на погашение, обеспеченное нефтью [How China's oil-backed lending], что иллюстрирует степень долговой вовлеченности Китая в венесуэльскую нефтяную отрасль.

Работа модели подтверждается стабильностью поставок нефти в КНР, которые в 2024–2025 гг. оставались на высоком уровне (см. рис. 3). Согласно данным, в 2024 г. Венесуэла экспортировала в Китай в среднем около 310 тыс. барр. / сутки нефти и нефтепродуктов, в то время как в 2025 г. объемы возросли до около 470 тыс. барр. / сутки.

Необходимо принимать во внимание, что статистические данные о венесуэльском экспорте нефти в Китай могут различаться в зависимости от источника. Данное расхождение обусловлено тем, что часть поставок выполняется с применением непрозрачных логистических схем, которые направлены на сокрытие венесуэльского происхождения сырья. В частности, осуществляются операции по перевалке «с судна на судно», а также используется перемаркировка нефти как продукции третьих стран (например, Малайзии или Бразилии) [Traders rebrand Venezuelan oil].

В-третьих, дополнительным аспектом долгосрочной связи стало участие китайских нефтегазовых компаний в добычных и инфраструктурных проектах на территории Венесуэлы. Основной формой участия иностранных компаний в венесуэльском нефтяном секторе являются *empresas mixtas* – совместные предприятия с участием венесуэльской государственной нефтяной компании Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima (PDVSA) [China-Venezuela]. Данная модель давала Каракасу возможность юридически «интегрировать» зарубеж-

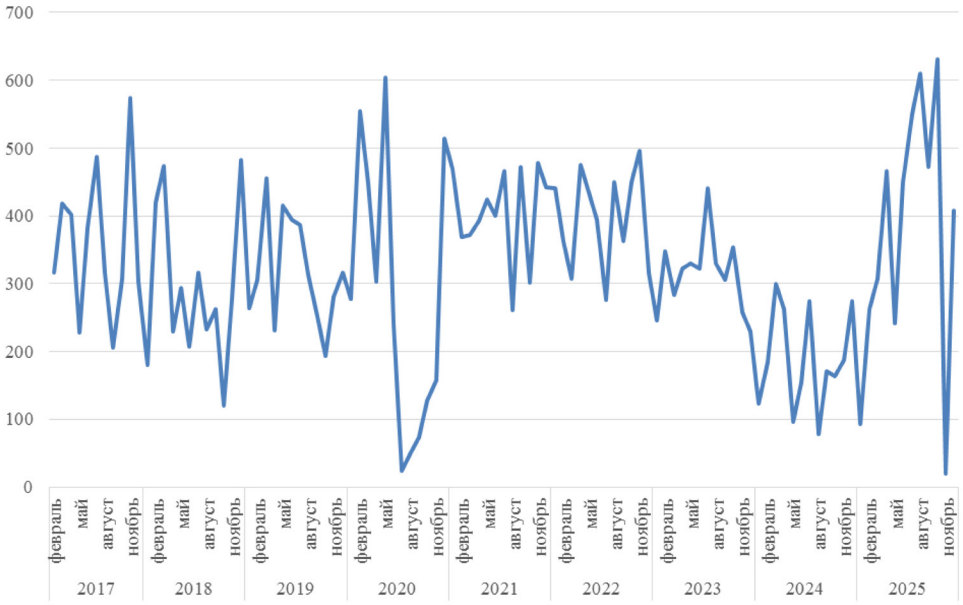

Рисунок 3. Экспорт нефти из Венесуэлы в Китай в 2017–2025 гг., тыс. барр. / сутки

Источник: составлено автором на основе данных Bloomberg: [Where China Gets Its Oil].

ных партнеров в национальную систему недропользования, а Пекину – утвердить долгосрочные позиции. До 2025 г. в Венесуэле было создано шесть совместных предприятий с китайским капиталом в секторе разведки и добычи нефти (см. табл. 2).

Выход китайских нефтяных компаний на венесуэльский нефтяной рынок осуществляется в основном посредством прямых иностранных инвестиций (ПИИ), предоставления кредитов (в обмен на нефть), экономической помощи и одновременного освоения ресурсов [Bull 2026; Гао 2012, с. 57]. Официальные данные Министерства коммерции КНР о потоках прямых иностранных инвестиций из Китая в Венесуэлу за 2004–2024 гг. демонстрируют ярко выраженный политико-циклический характер инвестиционного присутствия (см. табл. 3).

Динамика ПИИ свидетельствует о высокой чувствительности китайской стратегии к политическим и санкционным рискам. В период с 2004 по 2011 г. приток прямых иностранных инвестиций был относительно умеренным. Зафиксированный рост к 2007 г. и в период 2009–2011 гг. демонстрирует фазу институциональной «интеграции» Китая в венесуэльский энергетический сектор в соответствии с геоэкономической стратегией доступа к ключевым ресурсам. Период 2012–2015 гг. следует рассматривать как высшую точку геоэкономи-

Таблица 2

Совместные предприятия КНР и Венесуэлы на территории Венесуэлы в нефтяном секторе

Совместное предприятие (СП)	Китайский партнер	Доли участия, %	Год	Местонахождение	Объем добычи, барр. / сутки	Статус проекта
Petrolera Sinovenzolana	CNPC	PDVSA (75), CNPC (25)	2006	Восточный берег оз. Маракайбо (штат Zulia), месторождение Caracoles	Нет данных	Официальных сведений о добыче нет
Petrozumano	CNPC	PDVSA (60), CNPC (40)	2007	Район Zumano (пояс Ориноко)	1 000	Частично активен
Petrolera Paria	Sinopec	PDVSA (60), Sinopec (32), INE Oil (8)	2007	Восточная часть залива Пария (штат Sucre)	Нет данных	В феврале 2025 г. Sinopec подписала соглашение о продаже своих акций американской компании Amos Global Energy Management (AGEM) [Amos Global Inks SPA]
Industria China Venezolana de Taladros	CPTDC	PDVSA (?), CPTDC (?)	2008	Palital, штат Anzoátegui	Нет данных	Информация о деятельности ограничена
Petrolera Sinovensa	CNPC	PDVSA (60), CNPC (40)	2008	Месторождение MPE-3 (блок Carabobo, пояс Ориноко) и промышленный комплекс José Antonio Páez (штат Anzoátegui)	100 000 [US Action Threatens]	Активен
PetroUrica	CNPC	PDVSA (60), CNPC (40)	2010	Блок Junin 4 (пояс Ориноко)	Нет данных	Информация о деятельности ограничена

Источник: составлено автором на основе анализа документов: [Background Reference; China's oil investments; China-Venezuela].

Таблица 3

Поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китая в Венесуэлу, 2004–2024 гг.

Год	ПИИ, млн долл. США
2004	4,66
2005	7,40
2006	18,36
2007	69,53
2008	9,78
2009	115,72
2010	94,39
2011	81,77
2012	1541,76
2013	425,56
2014	116,08
2015	288,30
2016	-99,86
2017	274,18
2018	328,07
2019	-223,76
2020	-446,00
2021	-241,12
2022	-41,05
2023	2,99
2024	56,70

Источник: составлено автором на основе данных Министерства коммерции КНР [2024 няньду Чжунго].

ческой активности Китая в отношении Венесуэлы. С 2016 г. стартует этап деинвестирования, впервые отмечается отрицательный поток, а в 2019–2022 гг. наблюдается стабильный отток капитала, что согласуется с логикой адаптации КНР к введенным в 2019 г. в отношении Венесуэлы санкционным ограничениям [Executive Order 13884]. Заметно, что в 2023–2024 гг. потоки снова стали положительными, но размеры ПИИ по-прежнему несравнимы с уровнем 2012 г., что подтверждает переход Пекина к модели ограниченного участия.

Таким образом, несмотря на высокий дипломатический статус отношений, китайская политика в отношении Венесуэлы остается риск-ориентированной. Отрицательная динамика ПИИ, ограниченный масштаб двусторонней торгов-

ли и осторожность китайских компаний свидетельствуют о том, что Китай стремится сохранять доступ к стратегическим активам, минимизируя при этом санкционные и коммерческие риски.

Кризис в Венесуэле в январе 2026 г. и его последствия для Китая

События января 2026 г. – вторжение США на территорию Венесуэлы, похищение президента Н. Мадуро и его супруги, а также военно-морская блокада – имели для КНР три ключевых последствия.

Первое – *политико-дипломатическое*. Реакция Китая носила асимметричный характер. Министерство иностранных дел КНР жестко осудило применение силы в отношении суверенного государства, заявив, что «подобные гегемонистские действия США серьезно нарушают международное право и суверенитет Венесуэлы, а также угрожают миру и безопасности в Латинской Америке и Карибском регионе» [Ответы официального представителя]. Однако далее не последовали практические ответные меры, что можно интерпретировать двояко. С одной стороны, как сознательное стремление Пекина избежать силовой конфронтации, несовместимой с образом Китая как державы, подчеркивающей приверженность принципам ненападения, невмешательства и мирного развития [Кашин 2026], а с другой – как проявление ограниченности китайских инструментов влияния в Западном полушарии. Тем самым становится очевидным, что экономическое и дипломатическое присутствие Китая не тождественно его способности обеспечивать безопасность партнеров в ситуации прямого внешнего вмешательства.

Второе – *энергетическое*. Венесуэла остается важным направлением диверсификации нефтяного импорта КНР. Действия Соединенных Штатов в отношении Венесуэлы, помимо внутриполитических и военно-стратегических целей, могли преследовать и краткосрочную задачу в форме ограничения нефтяных потоков геополитических конкурентов, прежде всего Китая [Trump administration demands]. Кроме того, большинство альтернативных поставщиков из числа «санкционных» партнеров Китая, включая Россию и Иран, также находятся под американским давлением. В результате Вашингтон целенаправленно сужает нефтяной маневр Пекина сразу на нескольких направлениях, усиливая общую уязвимость КНР и повышая риск ее «нефтяной изоляции».

Третье – *финансово-инвестиционное*. Пекин проводил в Венесуэле последовательную и взаимосвязанную политику по кредитованию, доступу к нефтяным активам, расчетам поставками сырья и участию китайских компаний в инфраструктурных и технологических проектах. Дестабилизация политического режима Венесуэлы создала для КНР сразу несколько уровней риска. В краткосрочной перспективе под вопросом оказались механизмы погашения венесуэльской задолженности через нефтяные поставки; в среднесрочной – усилилась неопре-

деленность вокруг статуса китайских активов, контрактов и форм участия в совместных проектах. Это позволяет предположить, что кризис может подтолкнуть Пекин к пересмотру модели присутствия в политически нестабильных странах, а именно усилению страхования политических рисков, большей гибкости в структуре владения активами и поиску таких форм партнерства, которые снижают вероятность прямых потерь в условиях внешнего давления.

Заключение

Исключительное место Венесуэлы в иерархии партнерств Китая в Латинской Америке определялось сочетанием нескольких факторов. Венесуэла представляла для КНР интерес как государство, обладающее крупнейшими доказанными запасами нефти, как важное звено кредитно-ресурсной модели китайского присутствия и как партнер, открытый к углублению политического взаимодействия. Поэтому ее значение для Пекина измерялось не столько масштабом товарооборота, сколько возможностью закрепить долгосрочное присутствие в стратегическом секторе экономики и придать двусторонним связям повышенный политический статус.

Пример Венесуэлы позволяет точнее определить и саму функцию системы партнерств КНР, которая служит инструментом внешнеполитической дифференциации. Так Китай выделяет государства, значимые для его долгосрочных геополитических и геоэкономических интересов, и устанавливает с ними отношения на разных уровнях политического доверия. Именно этим объясняется то, что более высокий статус в китайской иерархии получают не только крупнейшие торговые партнеры, но и страны, имеющие для Пекина особую ресурсную, политическую или стратегическую ценность. Венесуэла оказалась в этой группе потому, что в одном направлении сошлись энергетические интересы Китая, механизмы финансового присутствия и стремление закрепиться в Латинской Америке через устойчивые связи с политически значимым партнером.

Одновременно военная операция США в Венесуэле в январе 2026 г. выявила парадокс китайско-венесуэльского партнерства. Высокий дипломатический статус Венесуэлы в системе отношений КНР и значительная экономическая вовлеченность Китая в страну и регион не гарантируют ему сопоставимой способности влиять на развитие кризиса в условиях внешнего силового давления.

Библиография

«2024 няньду Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао» [«Статистический бюллетень о прямых иностранных инвестициях Китая за 2024 год»] // Чжунхуа жэньминь гунхэго шанъубу [Министерство коммерции КНР]. 2025, 08 сентября. URL: https://www.mofcom.gov.cn/xwfb/rcxwfb/art/2025/art_f10eb8e1d3234ee4968c893757b4e10c.html (дата обращения: 28.01.2026).

Гао Чжисюн, Ван Ин. Чжунго шию гунсы тоуцзы Вэйнэйжуйла: моши, сяои юй фэнсянь [Инвестиции китайских нефтяных компаний в Венесуэлу: модели, эффекты и риски] // Ладин Мэйчжоу яньцзю [Исследования Латинской Америки]. 2012. № 2. Р. 54–60.

Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 83–93.

Гу Вэй. Ванчжуан хобань вайцзяо, тунмэн тиси юй «И дай и лу» дэ цзичжи цзяньшэ [Сетевая партнерская дипломатия, союзнические системы и институциональное строительство инициативы «Пояс и путь»] // Гоцзи гуаньси яньцзю [Исследования международных отношений]. 2016. № 6. Р. 78–90.

Кашин В. Почему Китай так вяло реагирует на венесуэльский кризис // Профиль: деловой журнал. 2026. 21 января. URL: https://profile.ru/abroad/pochemu-kitaj-tak-vyalo-reagiruet-na-venesuelskij-krizis-1809882/ (дата обращения: 19.02.2026).

Лексютина Я.В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 2. С. 114–126.

Лю Хунлян. Цун ляньмэн дао чжаньлюэ хобань гуаньси: ляньси юй чаи [От союза к стратегическому партнерству: связи и различия] // Иньдуян цзинцзити яньцзю [Исследования экономик Индийского океана]. 2015. № 5. Р. 42–60.

Мэнь Хунхуа, Лю Сяоян. Чжунго хобань гуаньси чжаньлюэ пингу юй чжаньван [Оценка и перспективы стратегии партнерских отношений Китая] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2015. № 2. Р. 65–95.

Ответы официального представителя МИД КНР на вопросы корреспондентов о военном ударе США по Венесуэле // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 2026. 03 марта. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/fyrbthdhdw/202601/t20260104_11804756.html (дата обращения: 06.01.2026).

Чжоу Ици. Дан хобань «юйцзянь» мэнъю – Чжунго хобань гуаньси юй Мэйго тунмэн тиси дэ худун моши яньцзю [Когда партнер «встречает» союзника: исследование модели взаимодействия между партнерскими отношениями Китая и союзнической системой США] // Гоцзи чжаньван [Международное обозрение]. 2016. № 8(05). Р. 21–39.

Чжунго – Ладин Мэйчжоу хэ Цзялэбиго гоцзя гунцзянь «И дай и лу» фачжань баогао [Доклад о совместном развитии инициативы «Пояс и путь» Китаем, странами Латинской Америки и Карибского бассейна] // Чжунго И дай и лу ван [Китайский портал инициативы «Пояс и путь»]. 2023, 15 декабря. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/a/icmp/2023/12/15/20231215179983118/2d3f3e438a964bedb32c0b57923a2435.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

Чжунго тунцзи няньцзянь 2025 [Статистический ежегодник Китая 2025] // Гоцзя тунцзи цзюй [Государственное статистическое управление КНР]. 2025. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2025/indexch.htm (In Chin.) (дата обращения: 21.02.2026).

Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ Вэйнэйжуйла Боливар гунхэго гуаньюй цзяньли цюаньтяньхоу чжаньлюэ хобань гуаньси дэ ляньхэ шэнмин (цюаньвэнь) [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Боливарианской Республики Венесуэла об установлении всепогодного стратегического партнерства (полный текст)] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. 2023, 14 сентября. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202309/t20230914_11142477.shtml (дата обращения: 16.01.2025).

Ши Синьи. Чжунго дэ хобань гуаньси шэнцзи моши – и Чжунго юй Чжунъя гоцзя хобань гуаньси вэй ли [Модель повышения уровня партнерских отношений Китая на примере партнерских отношений Китая со странами Центральной Азии] // Гоцзи чжаньван [Международное обозрение]. 2024. № 6. Р. 67–88.

Amos Global Inks SPA to Buy Sinopec's Gulf of Paria (PetroParia) Interest in Venezuela // Energy Analytics Institute. 2025. February 16. URL: https://energy-analytics-institute.org/2025/02/16/amos-

global-inks-spa-to-buy-sinopecs-gulf-of-paria-petroparia-interest-in-venezuela/ (дата обращения: 27.01.2026).

Background Reference: Venezuela // U.S. Energy Information Administration. 2019. January 7. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Venezuela/venezuela_bkgd.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

Briceño Ruíz J., Norbert M.M. China-Venezuela Relations in a Context of Change // China – Latin America Relations in the 21st Century. The Dual Complexities of Opportunities and Challenges. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 147–168.

Bull B., Rosales A. Chinese Impact on Development in Venezuela: The Dynamics of Structural Stagnation // New Political Economy. 2026. Vol. 31. № 1. P. 125–144.

China-Venezuela. Financial, economic and production management // Transparencia Venezuela. 2025. URL: https://transparenciave.org/wp-content/uploads/2025/03/China-Venezuela-Relations.-Financial-economic-and-production-management.-Transparencia-Venezuela-en-el-exilio.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

China's oil investments in Venezuela // Reuter. 2025. January 05. URL: https://www.reuters.com/business/energy/chinas-oil-investments-venezuela-2026-01-05/ (дата обращения: 27.01.2026).

Country Analysis Brief: Venezuela // U.S. Energy Information Administration. 2024. February 05. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Venezuela/pdf/venezuela_2024.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

Executive Order 13884 of August 5, 2019. Blocking Property of the Government of Venezuela // Federal Register. 2019. August 05. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/08/07/2019-17052/blocking-property-of-the-government-of-venezuela (дата обращения: 28.01.2026).

How China's oil-backed lending in Venezuela fell into distress – and what might come next // AidData – A Research Lab at William & Mary. 2026. January 23. URL: https://www.aiddata.org/blog/how-chinas-oil-backed-lending-in-venezuela-fell-into-distress (дата обращения: 26.01.2026).

Maduro captured: Venezuela's oil future at a crossroads // Kpler. 2026. January 05. URL: https://www.kpler.com/blog/maduro-captured-venezuelas-oil-future-at-a-crossroads (дата обращения: 05.01.2026).

Traders rebrand Venezuelan oil for China as Brazilian, sources and tanker trackers say // Reuters. 2025. May 12. URL: https://www.reuters.com/business/energy/traders-rebrand-venezuelan-oil-china-brazilian-sources-tanker-trackers-say-2025-05-12/ (дата обращения: 26.01.2026).

Trump administration demands Venezuela cut ties with US adversaries to resume oil production // CNN. 2026. January 07. URL: https://edition.cnn.com/2026/01/07/politics/venezuela-trump-oil-demands (дата обращения: 07.01.2026).

US Action Threatens Venezuela-China Oil Flows, Debt Repayment, and Investments // Center on Global Energy Policy at Columbia University, School of International and Public Affairs. 2026. January 07. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/venezuela-china-oil-ties-severely-impacted-by-us-action/ (дата обращения: 26.01.2026).

Venezuela: Overview of U.S. Sanctions Policy // Library of Congress. 2026. January 16. URL: https://www.congress.gov/crs-product/IF10715 (дата обращения: 16.01.2025).

Venezuelan crude exports drop amid export licence revocation // Vortexa. 2026. May 13. URL: https://www.vortexa.com/insights/venezuelan-crude-exports-drop-in-april (дата обращения: 05.01.2026).

What Trump's Ousting of Venezuela's Maduro Means for China // Bloomberg. 2026. January 05. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-01-05/china-what-ousting-of-venezuela-s-maduro-means-for-taiwan-oil-imports (дата обращения: 26.01.2026).

Where China Gets Its Oil: Crude Imports in 2025 Reveal Stockpiling and Changing Fortunes of Certain Suppliers, Including Those Sanctioned // Center on Global Energy Policy at Columbia University. 2026. January 29. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/where-china-gets-its-oil-crude-

imports-in-2025-reveal-stockpiling-and-changing-fortunes-of-certain-suppliers-including-those-sanctioned/ (дата обращения: 07.02.2026).

Zhang X. Strategic Enhancement and Differential Governance: China's Partnership Diplomacy in Latin America // Relaciones Internacionales. 2024. Vol. 97. № 2. P. 54–75.

References

"2024 niandu Zhongguo duiwai zhijie touzi tongji gongbao" [Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment in 2024]. Zhonghua Renmin Gongheguo Shangwu bu [Ministry of Commerce of the People's Republic of China]. 2025, September 08. URL: https://www.mofcom.gov.cn/xwfb/rcxwfb/art/2025/art_f10eb8e1d3234ee4968c893757b4e10c.html (In Chin.) (data of access: 28.01.2026).

Amos Global Inks SPA to Buy Sinopec's Gulf of Paria (PetroParia) Interest in Venezuela // Energy Analytics Institute. 2025. February 16. URL: https://energy-analytics-institute.org/2025/02/16/amos-global-inks-spa-to-buy-sinopecs-gulf-of-paria-petroparia-interest-in-venezuela/ (data of access: 27.01.2026).

Background Reference: Venezuela // U.S. Energy Information Administration. 2019. January 7. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Venezuela/venezuela_bkgd.pdf (data of access: 29.01.2026).

Briceño Ruíz J., Norbert M.M. China – Venezuela Relations in a Context of Change. China – Latin America Relations in the 21st Century. The Dual Complexities of Opportunities and Challenges. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 147–168.

Bull B., Rosales A. Chinese Impact on Development in Venezuela: The Dynamics of Structural Stagnation // New Political Economy. 2026. Vol. 31. N 1. P. 125–144.

China's oil investments in Venezuela. Reuter. 2025. January 05. URL: https://www.reuters.com/business/energy/chinas-oil-investments-venezuela-2026-01-05/ (data of access: 27.01.2026).

China-Venezuela. Financial, economic and production management. Transparencia Venezuela. 2025. URL: https://transparenciave.org/wp-content/uploads/2025/03/China-Venezuela-Relations.-Financial-economic-and-production-management.-Transparencia-Venezuela-en-el-exilio.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

Country Analysis Brief: Venezuela // U.S. Energy Information Administration. 2024. February 05. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Venezuela/pdf/venezuela_2024.pdf (data of access: 28.02.2026).

Executive Order 13884 of August 5, 2019. Blocking Property of the Government of Venezuela. Federal Register. 2019. August 05. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/08/07/2019-17052/blocking-property-of-the-government-of-venezuela (data of access: 28.01.2026).

Gao Zhixiong, Wang Ying. Zhongguo shiyou gongsi touzi Weineiruila: moshi, xiaoyi yu fengxian [Chinese Oil Companies' Investment in Venezuela: Models, Benefits, and Risks]. Lading Meizhou yanjiu [Latin American Studies]. 2012. N 2. P. 54–60. (In Chin.).

Grachikov E.N. Strategiya partnerskikh otnoshenii KNR: praktika i ee kontseptualizatsiya (1993–2018) [The PRC's Partnership Strategy: Practice and Its Conceptualization (1993–2018)]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. Vol. 63. N 3. P. 83–93. (In Russ.).

Gu Wei. Wangzhuang huoban waijiao, tongmeng tixi yu "Yidai Yilu" de jizhi jianshe [Network Partnership Diplomacy, Alliance Systems, and the Institutional Construction of the Belt and Road Initiative]. Guoji guanxi yanjiu [International Relations Studies]. 2016. N 6. P. 78–90. (In Chin.).

How China's oil-backed lending in Venezuela fell into distress–and what might come next. AidData – A Research Lab at William & Mary. 2026. January 23. URL: https://www.aiddata.org/blog/how-chinas-oil-backed-lending-in-venezuela-fell-into-distress (data of access: 26.01.2026).

Kashin V. Pochemu Kitai tak vyalo reagiruet na venesuelskii krizis [Why China Reacts So Weakly to the Venezuelan Crisis]. Delovoi zhurnal “Profil’” [Business Magazine “Profile”]. 2026. January 21. URL: https://profile.ru/abroad/pochemu-kitaj-tak-vyalo-reagiruet-na-venesuelskij-krizis-1809882/ (data of access: 19.02.2026). (In Russ.)

Leksyutina Ya.V. Diplomatiya Kitaya v Tsentral’noi Azii: mekhanizm mnogourovnevykh partnerstv i mnogostoronnie platformy [China’s Diplomacy in Central Asia: The Mechanism of Multilevel Partnerships and Multilateral Platforms]. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2025. Vol. 8. N 2. P. 114–126. (In Russ.).

Liu Hongliang. Cong lianmeng dao zhanlüe huoban guanxi: lianxi yu chayi [From Alliance to Strategic Partnership: Connections and Differences]. Yinduyang jingjiti yanjiu [Indian Ocean Economic and Political Review]. 2015. N 5. P. 42–60. (In Chin.).

Maduro captured: Venezuela’s oil future at a crossroads. Kpler. 2026. January 05. URL: https://www.kpler.com/blog/maduro-captured-venezuelas-oil-future-at-a-crossroads (data of access: 05.01.2026).

Men Honghua, Liu Xiaoyang. Zhongguo huoban guanxi zhanlüe pinggu yu zhanwang [Assessment and Prospects of China’s Partnership Strategy]. Shijie jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]. 2015. N 2. P. 65–95. (In Chin.).

Otvety ofitsial’nogo predstavitelya MID KNR na voprosy korrespondentov o voennom udare SShA po Venesuele [Answers by the Official Representative of the PRC Ministry of Foreign Affairs to Journalists’ Questions about the U.S. Military Strike on Venezuela]. Ministerstvo inostrannykh del Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China]. 2026. March 03. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/fyrbthdhdw/202601/t20260104_11804756.html (data of access: 06.01.2026). (In Russ.)

Shi Xinyi. Zhongguo de huoban guanxi shengji moshi – yi Zhongguo yu Zhongya guojia huoban guanxi wei li [China’s Partnership Upgrading Model: The Case of China’s Partnership Relations with Central Asian States]. Guoji zhanwang [Global Review]. 2024. N 6. P. 67–88. (In Chin.).

Traders rebrand Venezuelan oil for China as Brazilian, sources and tanker trackers say. Reuters. 2025. May 12. URL: https://www.reuters.com/business/energy/traders-rebrand-venezuelan-oil-china-brazilian-sources-tanker-trackers-say-2025-05-12/ (data of access: 26.01.2026).

Trump administration demands Venezuela cut ties with US adversaries to resume oil production. CNN. 2026. January 07. URL: https://edition.cnn.com/2026/01/07/politics/venezuela-trump-oil-demands (data of access: 07.01.2026).

US Action Threatens Venezuela – China Oil Flows, Debt Repayment, and Investments. Center on Global Energy Policy at Columbia University, School of International and Public Affairs. 2026. January 07. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/venezuela-china-oil-ties-severely-impacted-by-us-action/ (data of access: 26.01.2026).

Venezuela: Overview of U.S. Sanctions Policy. Library of Congress. 2026. January 16. URL: https://www.congress.gov/crs-product/IF10715 (data of access: 16.01.2025).

Venezuelan crude exports drop amid export licence revocation. Vortexa. 2026. May 13. URL: https://www.vortexa.com/insights/venezuelan-crude-exports-drop-in-april (data of access: 05.01.2026).

What Trump’s Ousting of Venezuela’s Maduro Means for China. Bloomberg. 2026. January 05. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-01-05/china-what-ousting-of-venezuela-s-maduro-means-for-taiwan-oil-imports (data of access: 26.01.2026).

Where China Gets Its Oil: Crude Imports in 2025 Reveal Stockpiling and Changing Fortunes of Certain Suppliers, Including Those Sanctioned. Center on Global Energy Policy at Columbia University. 2026. January 29. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/where-china-gets-its-oil-crude-imports-in-2025-reveal-stockpiling-and-changing-fortunes-of-certain-suppliers-including-those-sanctioned/ (data of access: 07.02.2026).

Zhang X. Strategic Enhancement and Differential Governance: China’s Partnership Diplomacy in Latin America. Relaciones Internacionales. 2024. Vol. 97. N 2. P. 54–75.

Zhongguo tongji nianjian 2025 [China Statistical Yearbook 2025]. Guojia tongji ju [National Bureau of Statistics of China]. 2025. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2025/indexch.htm (data of access: 21.02.2026). (In Chin.)

Zhongguo–Lading Meizhou he Jialebiguo guojia gongjian “Yidai Yilu” fazhan baogao [Report on China–Latin America and the Caribbean Countries’ Joint Development of the Belt and Road Initiative]. Zhongguo Yidai Yilu wang [China Belt and Road Portal]. 2023. December 15. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/a/icmp/2023/12/15/20231215179983118/2d3f3e438a964bedb32c0b57923a2435.pdf (data of access: 04.01.2026). (In Chin.)

Zhonghua Renmin Gongheguo he Weineiruila Boli’wa’er Gongheguo guanyu jianli quantianhou zhanlüe huoban guanxi de lianhe shengming (quanwen) [Joint Statement of the People’s Republic of China and the Bolivarian Republic of Venezuela on the Establishment of an All-Weather Strategic Partnership (full text)]. Zhonghua Renmin Gongheguo waijiao bu [Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China]. 2023, September 14. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202309/t20230914_11142477.shtml (data of access: 16.01.2025). (In Chin.)

Zhou Yiqi. Dang huoban “yu jian” mengyou – Zhongguo huoban guanxi yu Meiguo tongmeng tixi de hudong moshi yanjiu [When Partners “Meet” Allies: A Study of the Interaction Model between China’s Partnership Relations and the U.S. Alliance System]. Guoji zhanwang [Global Review]. 2016. N 8(05). P. 21–39. (In Chin.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.07

Уткина М.Ф.

ИММИГРАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИНКЛЮЗИЯ КАК ФАКТОРЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. *В статье рассматривается роль иммиграции как фактора внутриполитической динамики Великобритании, в частности, ее влияния на реализацию стратегии по этнической инклюзии, которая, в свою очередь, превращается в механизм ротации политической элиты Великобритании. Теоретико-методологической основой исследования выступает неоэлитистская традиция, рассматривающая политическую систему как пространство устойчивых коалиций с ограниченным доступом к принятию решений. В работе сочетаются инструменталистский подход к этничности, трактующий культурные различия как ресурс политической мобилизации, модель стратегического проведения национальных границ, объясняющая выбор элит в зависимости от электоральных стимулов, а также концепции «поля политики», «символического» и «экономического» капитала. Такой теоретический синтез позволяет показать, что обновление элиты осуществляется через контролируемую циркуляцию кадров и расширение её социального состава без перераспределения власти, обеспечивая воспроизводство существующей структуры господства.*

Основной тезис заключается в том, что миграционные потоки способствуют расширению поля политики, умеренному обновлению элиты, но не изменяют структуру власти и институциональные механизмы управления. Рассматриваются ключевые миграционные волны и меняющиеся стратегии адаптации британского правительства к новым реалиям. Особое внимание уделяется механизмам партийного рекрутирования этнических меньшинств – приоритетных списков и «безопасным округам», а также протестным медиаполитическим акторам, включая партию «Реформировать Соединенное Королевство» (Reform UK).

Исследование демонстрирует, что фактор иммиграции влияет на ускорение персональной циркуляции политических элит, электоральную мобилизацию, однако, он не создает альтернативного центра власти. Политика этнической инклюзии служит инструментом управляемой адаптации политической системы.

Ключевые слова: *иммиграция в Великобританию; политика инклюзии; политические элиты; символический и электоральный капитал; DEI.*

Уткина Мария Феликсовна, к.п.н., старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, заместитель декана Факультета управления и политики. Россия, Москва.
E-mail: utkina.m.f@my.mgimo.ru
Web of Science Researcher ID KHW-6180-202

Utkina M.F.

Immigration and ethnic inclusion as factors in the United Kingdom's domestic political dynamics

Abstract. *The article examines the role of immigration as a factor in the UK's domestic political dynamics, particularly its impact on the implementation of ethnic inclusion policies, which, in turn, have become a mechanism for the renewal of the UK's political elite. The theoretical and methodological framework of the study is grounded in the neo-elitist tradition, which conceptualizes the political system as a space of stable coalitions with restricted access to decision-making. The article combines an instrumentalist approach to ethnicity, which interprets cultural differences as a resource for political mobilization, with a model of the strategic construction of national boundaries that explains elite choices in terms of electoral incentives, as well as the concepts of the political field, symbolic capital, and economic capital. This theoretical synthesis demonstrates that elite renewal occurs through the controlled circulation of political personnel and the expansion of their social composition without any redistribution of power, thereby ensuring the reproduction of the existing structure of domination.*

The main argument is that migration flows contribute to the expansion of the political arena and the moderate renewal of the elite but do not alter the structure of power or the mechanisms of institutional governance. The article examines the major waves of immigration and the changing strategies adopted by successive British governments in response to new challenges. Particular attention is paid to the mechanisms of party recruitment of ethnic minorities, including priority candidate lists and the allocation of safe seats, as well as to protest media and political actors, including the Reform UK party.

The study demonstrates that immigration has accelerated the circulation of political elites and strengthened electoral mobilization; however, it has not created an alternative center of power. Ethnic inclusion policies serve as an instrument of the managed adaptation of the political system.

Keywords: *immigration to the UK; inclusion policy; political elites; symbolic and electoral capital; DEI.*

Utkina Maria Feliksovna – Candidate of Political Science, Senior Lecturer at the Department of Comparative Politics, MGIMO University; Deputy Dean of the School of Governance and Politics. Russia, Moscow.
E-mail: utkina.m.f@my.mgimo.ru
Web of Science Researcher ID KHW-6180-202

Введение

На протяжении последних десятилетий тема миграции, а также связанные с данным явлением вызовы и изменения занимают важное место в публичном политическом дискурсе как Великобритании, так и многих стран Западной Европы. Влияние миграционного кризиса 2015 г. на отношения Великобритании и Европейского союза, миграционная политика Великобритании до и после

Брекзита, особенности многокультурного британского общества и вопросы интеграции мигрантов были предметом исследований отечественных и зарубежных ученых и исследователей.

Эволюции миграционной политики Великобритании посвящены работы К.А. Годованюк [Годованюк, 2023], Т.С. Кондратьевой [Кондратьева, 2016], О.В. Охошина [Охошин, 2020]. Исследование вопросов интеграции иностранцев в британское общество представлено в трудах С.И. Коданевой [Коданева, 2024], интеграции индийской диаспоры – Л.В. Кулик [Кулик, 2017]. Е.Н. Егорова и Н.Д. Нещадина проанализировали миграционную реформу 2020–2021 гг. в Великобритании с правовой точки зрения и пришли к выводу о формировании более централизованной и селективной модели миграционного регулирования [Егорова, Нещадина, 2024]. А. Хантер и С. Босвелл исследовали формирование общественного и политического дискурса в отношении мигрантов в Великобритании [Hunter, Boswell, 2015], а В. Гафури – вопросы фрейминга миграции в парламентских дискуссиях [Ghafouri, 2025].

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть иммиграцию в Великобританию не как самостоятельный феномен или предмет нормативной оценки, а как новый структурный элемент политической динамики, позволяющий проанализировать, как функционирует и воспроизводит себя британский истеблишмент в условиях существенных волн иммиграции. Основное внимание уделяется тому, как миграционная повестка влияет на ротацию политиков высшего эшелона, перераспределение символического и электорального капитала, а также на появление новых агентов в поле политики. Потоки иммиграции являются как фактором электоральной мобилизации, так и адаптации самой политической системы.

Цель статьи – выявить паттерны воспроизводства британской политической элиты в условиях миграционной турбулентности и продемонстрировать, как иммиграция выступает фактором электоральной мобилизации и партийной конкуренции, а политика инклюзии становится механизмом персональной ротации политической элиты и воспроизводства существующей структуры власти. Исследование опирается на неоэлитистскую традицию, рассматривающую политическую систему как пространство воспроизводства устойчивых коалиций элит при ограниченном доступе новых акторов к ключевым управленческим решениям [Моска, 1994, с. 187–198; Парето, 1979, с. 120]. В этой логике обновление политического класса происходит преимущественно через контролируемую циркуляцию кадров внутри институтов за счет миграции. Применение инструменталистского подхода к британскому контексту позволяет интерпретировать рост значимости миграционной тематики не только из-за увеличения миграционных потоков, но и из-за новых политических стратегий партий. По мере эрозии индустриальной социальной структуры в Великобритании и ослабления классового раскола общества, культурные и национальные вопросы приобретают мобилизационный потенциал. В логике

П. Брасса [Brass, 1991] этнические различия становятся политически значимыми не сами по себе, а когда элиты используют их для мобилизации, создания коалиций и доступа к ресурсам, т. е. как инструмент политики. Модель А. Виммера [Wimmer, 2013], согласно которой политические акторы выбирают стратегии проведения национальных границ в зависимости от электоральных стимулов, позволяет уточнить, что в условиях мажоритарной системы и конкуренции за избирателя символическое ужесточение границ и акцент на контроле мобильности становятся рациональной стратегией, особенно в регионах, затронутых деиндустриализацией. Параллельно в крупных городских округах рациональной оказывается противоположная стратегия – расширение границ членства через рекрутирование кандидатов из этнических меньшинств и апеллирование к мультикультуралистскому дискурсу. Для анализа механизмов включения и исключения социальных акторов в политическое поле и элиту используются такие теоретические концепции П. Бурдье, как «поле политики», «символический капитал», которые позволяют объяснить, почему расширение социального состава элиты не ведет к перераспределению власти.

Иммиграция в рамках этого исследования выступает в нескольких ипостасях – исторически как объект политики, а затем как ее ресурс. Причем важным символическим ресурсом иммиграция является как для системных партий, так и для немейнстримных. Политика этнической инклюзии, будучи продуктом больших миграционных волн, выступает стабилизатором политической системы и превращается в новый механизм рекрутирования британской элиты.

Иммиграция как объект британской политики

Один из самых острых вопросов, связанных с миграционной политикой Великобритании, сводится к тому, является ли хронический миграционный кризис управленческим сбоем или структурным элементом политической системы Великобритании, что требует выявления причинно-следственных связей между крупнейшими волнами иммиграции в Великобританию и специфическими историческими условиями, в которых они происходили.

Изначально следует обратиться к ирландской волне миграции, которую вполне законно обозначить «нулевой» волной в XX в., так как она происходила в рамках тесно связанного политического и экономического пространства. До образования Ирландского Свободного Государства в 1922 г. переселение из Ирландии в Великобританию не имело международного статуса, так как ирландцы являлись подданными Британской короны, а ирландская рабочая сила воспринималась как внутренний ресурс, интегрированный в экономическое и административное устройство государства. Ирландская миграция была фактически встроена в существующие институциональные рамки без необходимости ее политизации.

После образования Ирландского Свободного государства в 1922 г. и установления паспортного контроля на границе, британский истеблишмент столкнулся с необходимостью введения нового режима передвижения. Однако вместо установления жесткого контроля была сохранена практика свободного передвижения – Common Travel Area (CTA) [Common Travel Area 2026]. Этот режим гарантировал ирландским гражданам право свободного передвижения, проживания и трудоустройства в Великобритании, участия в местных выборах. Указанное решение позволило деполитизировать потенциально чувствительный вопрос.

После окончания англо-ирландской войны ирландская миграция приобрела массовый характер, и, несмотря на культурно-правовую близость и сохранявшуюся на социальном уровне дискриминацию, даже в условиях конфликта в Северной Ирландии (Смуты) режим свободного перемещения не был пересмотрен, поскольку ирландцы воспринимались скорее как экономическая необходимость и символически «своя» группа, что отражало адаптационную стратегию британского истеблишмента, основанную на особом правовом режиме, символическом признании и деполитизации.

Первая волна массовой миграции в Великобританию пришлась на послевоенные годы (1945–1970 гг.), поскольку возросла экономическая потребность в дешевой рабочей силе для восстановления промышленности. Кроме того, в 1948 г. парламентом Соединенного Королевства был принят «Закон о британском гражданстве», который уравнивал в правах британских колониальных подданных и тех, кто проживал непосредственно на Британских островах [British Nationality Act 1948]. Закон определял британское гражданство, создавая статус «гражданина Соединенного Королевства и колоний» как единственное национальное гражданство Соединенного Королевства и всех его колоний. Этот закон был принят на фоне имплементации Канадой «Закона о канадском гражданстве», подрывающего статус британского подданного, который ранее не был в полной мере правовым понятием. Закон о британском гражданстве был призван стать нормативным механизмом сохранения имперской идентичности, он был реакцией на изменение международного положения Великобритании после Второй мировой войны и роста автономии британских доминионов и колоний [Hansen, 1999, p. 67]. Закон был продиктован также геополитическими соображениями, а не только экономическими нуждами.

Как следствие, Закон о британском гражданстве фактически легализовал массовую миграцию из Индии, Пакистана и региона Карибского бассейна, предоставив подданным право жить и работать на Британских островах без визовых ограничений. Одним из символов этого времени стало поколение «Виндраш», названное в честь мигрантов, прибывших из Ямайки на борту военного корабля HMT Empire Windrush [Vernon 2010]. К 1971 г. доля граждан Великобритании, рожденных за пределами Великобритании, увеличилась почти до 1,2 млн чело-

век, что радикально поменяло этнокультурный ландшафт Лондона, Бирмингема и Лестера[1].

Для британской политической элиты этот процесс представлял собой структурный вызов. С одной стороны, требовались рабочие руки в сфере транспорта, промышленности и здравоохранения. С другой стороны, свободное перемещение и разрешение на работу для мигрантов из стран Содружества начали создавать социальное напряжение, стали источником дебатов о национальной идентичности, что требовало новых управленческих решений. Британская политическая элита начала адаптироваться к меняющейся структуре общества – менялось законодательство, регулирующее миграционные потоки. После периода свободы перемещения последовали шаги по ограничению права на въезд, был принят Закон об иммигрантах из стран Содружества 1962 г., согласно которому все граждане Содружества, включая граждан Великобритании и колоний, не имеющие соответствующей связи с Великобританией, подлежат иммиграционному контролю [Race Relations Act 1968]. Одним из исторических маркеров эпохи стала речь члена парламента Великобритании Дж. Эн. Пауэлла «Реки крови» в 1968 г. [Powell 1968]. Пауэлл предупреждал о «социальном и расовом кризисе» и описывал миграцию как потенциальный источник насилия, используя метафору «рек крови». Несмотря на скандальный характер его речи, с этого момента миграция стала инструментом политической дискуссии и электоральной стратегии. Миграция перестала быть простой социальной реальностью или экономической потребностью, она превратилась в полноценный инструмент политической мобилизации.

Мигранты действительно способствовали экономическому восстановлению Великобритании, но в то же время оказывали давление на политическую элиту. Общественность требовала совершенствования правового регулирования миграционных процессов и адаптации институтов по управлению этими процессами, а мигранты требовали равных прав и представленности в органах власти, что в конечном счете стало сказываться и на электоральных стратегиях партий. В то же время сложился ранний элитный консенсус закрепил «институциональную нормализованность» миграции, движущейся по имперской инерции.

В достаточно дисперсную волну иммиграции с 1970-го по 1990-й годы наблюдалась стабилизация потоков, прирост мигрантов шел в основном за счет роста числа семейных переселенцев, но в то же время происходило ужесточение законодательства, усиление бюрократии, роста символического значения контроля над миграцией [Immigration Act 1971; Immigration Act 1988]. К миг-

1. Впоследствии термин поколение «Виндраш» стал использоваться для обозначения более широкой волны миграции, которая в совокупности составляла до 600 000 человек, включая граждан из других колоний [Census of Population 1971].

рантам из Южной Азии добавились мигранты из Афганистана, Ирака, Ирана и африканских государств[2].

После расширения ЕС в 2004 г. и 2006 г. граждане Балтии и Центральной и Юго-Восточной Европы получили право на работу и проживание в Великобритании. По оценкам Национальной статистической службы, в 2004–2010 гг. прибыло более 1,2 млн мигрантов из Восточной Европы. Преимущественно это была рабочая, экономическая миграция – она была массовой, но организованной; отмечалось, что уровень занятости восточноевропейских мигрантов был выше среднего по стране. Согласно оценкам, приведённым в публикации Ежегодного опроса населения в 2021 г. 682 000 жителей Великобритании, были рождены в Польше [Polish nationals living].

С 2015 г. началась новая волна иммиграции, вызванная эскалацией военных конфликтов и гуманитарным кризисом на Ближнем Востоке – в Соединенное Королевство устремились беженцы из Сирии, Ирака, Афганистана. После 2019 г. к ним добавились беженцы и мигранты из Судана, Сомали. Рост миграции совпал с нарастанием политического кризиса в самой Великобритании и стал пиковым при премьер-министре Борисе Джонсоне, получив название «Boriswave».

Между политической элитой Британии и британской общественностью назревал консенсус по поводу стремления ограничить прием мигрантов в страну. Тем не менее прирост мигрантов оставался высоким – в результате высокой политической турбулентности на Ближнем Востоке в 2015 г., согласно данным ежеквартального отчета Национальной статистической службы Великобритании, было подано 29 024 заявлений на предоставление убежища, а число мигрантов превысило 630 000 человек [Migration Statistics Quarterly Report 2015].

В 2020 г. после выхода из ЕС Великобритания «на бумаге» восстановила суверенный контроль над миграцией, но не сократила зависимость от внешней рабочей силы. Свобода передвижения была заменена балльной миграционной системой, распространившейся на граждан ЕС и третьих стран, что позволило сохранить приток IT-специалистов, медицинских кадров и студентов. Контроль за нелегальной миграцией ужесточался посредством заключения соглашений с Францией, Руандой, принятием новых законов «О нелегальной миграции» [Годованюк, 2023]. В июле 2025 г. Великобритания и Индия подписали Соглашение о зоне свободной торговли, в рамках которого регулируется деловая мобильность, обеспечивающая взаимный доступ граждан указанных стран для краткосрочных деловых поездок [UK India Free Trade Agreement 2025]. Консервативные правительства Д. Кэмерона, Т. Мэй, Б. Джонсона и Р. Сунака

2. Согласно переписи населения 1991 г., в Великобритании проживали 840 000 этнических индийцев, 500 000 британских афро-карибов, 477 000 пакистанцев, 212 000 чернокожих африканцев, 163 000 бангладешцев, 157 000 китайцев [Lupton, Power 2004, p. 4].

ужесточали правила и процедуры в сфере миграционной политики [Охошин, 2020, с. 509–514].

Тем не менее несмотря на жесткую риторику и попытки консерваторов и лейбористов ограничить наплыв мигрантов, по статистике на июнь 2025 г. в страну въехали 898 000 иммигрантов [Long term international migration 2025], среди них 670 000 граждан не из стран ЕС, преимущественно индийцев, пакистанцев и нигерийцев. Приведенные статистические данные наглядно демонстрируют, что несмотря на Брекзит и стремление Великобритании взять под строгий контроль миграционные процессы, количество иммигрантов и беженцев не уменьшилось. Таким образом, вопрос иммиграции стал постоянным элементом политической повестки дня Великобритании и политической дискуссии.

На первый взгляд может показаться, что сформировался консенсус относительно приемлемости масштабов миграции и форм ассимиляции мигрантов. Однако из-за рассинхронизации экономической, бюрократической политики после Брекзита, политика в отношении мигрантов вплоть до прихода Лейбористов к власти в 2024 г. оставалась непоследовательной. Затяжной политико-управленческий кризис в связи с частой сменой премьер-министров, отсутствие единого центра принятия решений, в том числе из-за переходного периода в рамках Брекзита, наслаивание норм британского и европейского права, ослабили контроль над миграционным вопросом, спровоцировав его стихийный характер. Кроме того, можно отметить высокий уровень освещенности в медийном пространстве вопросов, связанных с миграционной политикой, что способствовало участию широкой общественности в политическом дискурсе и появлению контрэлиты, которая выстраивает свою политическую кампанию на основе антиимигрантской повестки. Таким образом, с 2015 г. тема миграции стала как минимум управляемым кризисом, как максимум – структурным элементом британской политики.

Миграция как ресурс политической мобилизации в Великобритании

Неконтролируемые потоки иммиграции стали симптомом кризиса управляемости британского государства, что напрямую влияет на доверие к политическим институтам. В этих условиях британская политическая элита предпринимает попытку превратить миграцию из *объекта политики* в *ресурс электоральной мобилизации* для решения двух задач – с одной стороны, адаптации политической элиты к требованиям части общественности сделать политическую элиту более этнически разнообразной, при этом для властвующей элиты важно сохранить контроль над базовыми механизмами воспроизводства власти. Такая модель ротации элиты является характерной для Великобритании на протяжении многих веков, когда для новых элементов дверь в верх-

ние эшелоны власти оставляют «приоткрытой» [Уткина, 2023, с. 97]. С другой стороны, миграционная проблематика может быть использована в качестве ресурса символической и электоральной мобилизации. В логике П. Бурдье политические акторы используют этот ресурс для накопления, конвертации и перераспределения различных форм капитала, прежде всего символического.

Системное присутствие проблемы иммиграции, в частности, нелегальной, в политической повестке дня превратило ее в фактор электоральной мобилизации. В определенной степени партиям стало выгодно удерживать этот системный кризис «на плаву», так как в постиндустриальном обществе легче мобилизовать электорат на почве идентичности, чем на классовой принадлежности. В октябре 2025 г. Национальная статистическая служба опубликовала результаты опроса на тему важных проблем, с которыми сталкивается Великобритания сегодня. Среди наиболее часто упоминаемых проблем респондентов была отмечена иммиграция (61%) [Public opinions 2025], что отражает не только реальный рост миграционных потоков, но и усиление ее символического значения в медийном и политическом дискурсе.

Лейбористы одержали победу на всеобщих выборах 2024 г., выстраивая свою предвыборную кампанию на критике политики консервативного правительства, в частности, провале миграционной политики. К. Стармер характеризовал политику консерваторов как «эксперимент с открытыми границами». Он утверждал, что «предыдущее правительство сознательно не выполнило обещания по сокращению иммиграции, использовав Брекзит как инструмент для проведения данной политики» [PM speech on migration 2024]. По его оценке, подобный курс осуществлялся без общественной поддержки и является политически недопустимым.

В 2025 г. Лейбористская партия представила «Белую книгу» с планом, который направлен на укрепление контроля над миграцией и снижение её масштабов; ключевые меры включают увеличение стандартного срока проживания для получения постоянного вида на жительство с 5 до 10 лет, ужесточение требований к знанию английского языка для мигрантов и их семей, а также усиление депортационных практик для иностранных граждан, осуждённых за преступления, при этом правительство подчеркивает, что иммиграция должна быть «контролируемой, выборочной и справедливой». Лейбористская партия, таким образом, предпринимает попытку отвечать на запрос избирателей.

Консервативная партия Великобритании, провалившаяся на всеобщих выборах, отвечая на критику лейбористов, ужесточает риторику в отношении миграции и даже признает провалы в политике [Francis 2024]. Действующий лидер партии тори нигерийского происхождения К. Баденок предлагает ужесточить миграционную политику в отношении легальных и нелегальных иммигрантов [Kemi Badenoch 2025], что уже сравнили со схемой президента США Д. Трам-

па по депортации нелегалов. Конечно, такая риторика в том числе вызвана опасениями, связанными со стремительно растущей популярностью партии «Реформировать Соединенное Королевство» (Reform UK), которая может перетянуть на свою сторону сторонников консервативной партии более правого толка. Об этом свидетельствуют не только результаты на местных выборах[3], но и переход восьми значимых политиков из партии тори в партию Refrom UK, в том числе Р. Дженрика, Д. Крюгер, Э. Розендела, С. Браверман.

Партия Н. Фараджа Reform UK выстраивает политическую программу на базе антиимигрантских лозунгов, что отчасти привело ее к успеху на местных выборах в 2025 г. Миграция стала медиатриггером, позволяющим формировать устойчивую протестную идентичность среди избирателей. Тем не менее пока партия имеет всего пять мест в Палате Общин, т. е. на данном этапе обладает, используя терминологию П. Бурдье, электоральным и символическим капиталом, но не институциональным. Организация Electoral Calculus в декабре 2025 г. опубликовала результаты опроса, согласно которым если бы выборы в парламент проходили завтра, существует высокая вероятность того, что Reform UK наберет простое большинство голосов [General Election Prediction 2026], что свидетельствует о колоссальном успехе партии и влиянии миграционного фактора на внутреннюю политику. При этом Electoral Calculus отмечает, что партия не заняла бы абсолютное большинство мест в парламенте.

Лидер немейнстримной «Партии зеленых Англии и Уэльса» З. Полански использует миграционную тему для привлечения либерального, прогрессивного электората, который, как правило, не поддерживает предложения партии Reform UK. Политика «Партии зеленых» основана на принципах справедливости, гуманности и признания мигрантов как людей со всей полнотой прав – они выступают за отмену «враждебной среды» и развитие справедливой системы управляемой иммиграции, где всех мигрантов рассматривают как граждан в будущем, дают им право голоса и доступ к социальным услугам, упраздняют систему, при которой мигрантам не разрешено получать определенные государственные льготы и социальные выплаты, ликвидируют коммерческую составляющую визовых сборов и прекращают размещение людей в тюрьмах из-за их статуса; партия также планирует создать отдельный Департамент миграции. Все эти меры они представляют как путь к «честной и гуманной» миграционной системе с долгосрочной целью мира без границ (обновленная политика одобрена конференцией партии в 2023 г.) [Green Party migration policy 2023].

Либерал-демократическая партия в своем официальном манифесте «For a Fair Deal» предлагает смягченную миграционную политику, ориентирован-

3. На местных выборах 2025 г. партия Reform UK заняла 677 мест [England local election results 2025].

ную на уважение человеческого достоинства, эффективность системы и безопасные пути для мигрантов и беженцев. Они выступают за отмену системы враждебного отношения к мигрантам, за восстановление международных обязательств Великобритании по защите беженцев; партия также выступает за отмену отправки нелегальных мигрантов в третьи страны (например, в Руанду), ускорение рассмотрения заявлений и передачу функций по рабочим и студенческим визам из Министерства внутренних дел в специализированные ведомства, внедрение более гибкой системы рабочих виз и укрепление мер против нелегального пересечения границы и торговли людьми, при этом гуманно подходя к вопросам содержания под стражей [For a Fair Deal 2024].

Таким образом, все доминирующие и новые партии задействуют тему миграции в политическом дискурсе. Однако, чтобы удержаться в поле политики, новые акторы вынуждены признавать существующие правила, поэтому расширение состава элиты чаще ведет к кооптации, а не к изменению баланса сил. Экономический и институциональный капитал по-прежнему сосредоточен у ограниченного круга акторов. Приобретение символического капитала, легитимирующего положение в верхних эшелонах власти не дает возможности менять всю систему, для этого нужен набор всех форм капитала.

Даже в том случае, если партия Reform UK сможет занять убедительное количество мест в Парламенте, не стоит переоценивать ее трансформационный потенциал. Именно на этом этапе большинство антисистемных игроков теряют радикальность – такой путь уже однажды проходила Лейбористская партия. Мажоритарная избирательная система затрудняет конвертацию поддержки избирателей в устойчивое парламентское представительство. Новые игроки вынуждены адаптироваться к бюрократическим процедурам и регламентам, регулирующим деятельность Парламента Соединенного Королевства, в том числе контроля правительства над законотворчеством.

Политическая инклюзия как механизм ротации политической элиты Великобритании

В XXI в. по мере расширения этнических диаспор усиливалось их требование сделать политическую элиту более репрезентативной. Иногда подобные требования перерастали в ожесточенные протесты на фоне движения Black lives matter, распространения антиколониальных лозунгов [Mohdin 2020; Dray 2021]. Бесспорно, заметное присутствие иммигрантов и их потомков в структуре населения расширило электоральную базу и сформировало запрос на символическое представительство, что «простимулировало» партии активно включать кандидатов с «миграционным происхождением» в политический процесс. Тем не менее этот процесс встроен в существующие партийные механизмы рекрутирования и не подрывает фундаментальные принципы распределения власти.

В демократических государствах выборы часто могут функционировать не только как инструмент институциональных изменений, но и как механизм легитимации status quo [Шумпетер, 1995]. За последние годы в политической системе Великобритании наметилась тенденция, которая ведет к тому, что внутриэлитные группы, «наказывают» действующих лидеров за управленческие провалы, но при этом смена происходит внутри существующих элитных контуров. Политическая ответственность персонализируется, что приводит к частой смене лидеров и кабинетов, как это было в случае неспособности Т. Мэй довести Брекзит до конца [Stewart 2019], или в случае Б. Джонсона, который погряз в политических скандалах [Guy, McGee, Kottasová 2022], или в случае Л. Трасс, которая усугубила экономическую ситуацию в стране [Jankowski 2022], но не затрагивает исполнительную вертикаль. В результате ускоряется темп обновления персоналий, но сохраняется управленческая преемственность.

Великобритания активно внедряет в общественно-политическую и бизнес-сферы комплекс практик, получивший название DEI (diversity, equity, inclusion). Это комплекс ценностей и мер, ориентированных на предотвращение дискриминации и расширение равных возможностей, который реализуется через законодательство (Equality Act 2010), государственные стратегии, корпоративные планы и стандарты оценки.

Правительство и региональные органы власти разработали руководство для политических партий по внедрению принципов инклюзивности, что включает в себя: активное привлечение людей из недопредставленных групп, прозрачность критериев и процедур отбора, которые могут помочь снизить барьеры для людей, не имеющих политических связей, рассмотрение мер позитивного воздействия (например, наставничество, поддержка кандидатов) в тех случаях, когда определенные группы недостаточно представлены – всегда в соответствии с Законом о равенстве [Diversity and inclusion guidance 2025].

В ускорении персональной ротации элит ключевую роль играют следующие механизмы – партийные списки, практика размещения кандидатов в «безопасных округах» (safe seats). Важную роль в изменениях сыграл бывший премьер-министр консерватор Д. Кэмерон, объявивший в 2005 г. курс на изменение облика партии за счет увеличения в парламенте числа женщин, лиц с ограниченными возможностями и представителей этнических меньшинств. В 2005 г. Кэмерон представил план из пяти пунктов, направленный на то, чтобы в Парламенте было представлено больше женщин и представителей этнических меньшинств. Согласно его плану, все новые кандидаты на места, занимаемые консерваторами, будут отбираться из «приоритетного списка» (A-List) потенциальных членов парламента, в котором не менее половины будут женщинами, а «значительная доля» – представителями меньшинств [Cameron 2005].

Благодаря системе приоритетных списков кандидатов, в поле политики вошли Н. Захави (в 2010 г.) и Р. Сунак (в 2015 г.). По схожей траектории про-

двинулись К. Квартенг (экс-канцлер казначейства), С. Браверман (экс-министр внутренних дел) и Дж. Клеверли (экс-министр иностранных дел). Стоит отметить, что данная политика преследовала не только цель «контролируемой ротации» элиты, но и цель расширить электоральную базу консерваторов как за счет голосов этнических меньшинств, так и за счет либерально настроенных белых избирателей [Уткина 2024, с. 114].

В 2022 г. премьер-министр Л. Трасс сформировала самый этнически разнообразный Кабинет министров в истории Великобритании, где семь министров представляли этнические меньшинства. При этом данный Кабинет подвергся критике за социальную эксклюзивность – более двух третей его членов окончили частные школы.

«Назначение» Р. Сунака премьер-министром Великобритании в 2022 г. стало символическим результатом долгосрочного институционального включения этнических меньшинств в политическую элиту. Однако данный прецедент не означает демонтажа элитарности британской политической системы. Социально-образовательный профиль Сунака, его включенность в традиционные элитные сети и опора на внутрипартийные механизмы рекрутирования свидетельствуют о том, что происходит скорее контролируемая диверсификация состава элиты, чем коренная трансформация принципов ее воспроизводства.

Всеобщие национальные выборы 2024 г. в Великобритании ознаменовали появление самого этнически разнообразного парламента в истории страны. Это стало результатом целенаправленных усилий политических партий, прежде всего Лейбористской, и отразило меняющийся демографический ландшафт общества. В Палату общин избрано 90 депутатов, принадлежащих к этническим меньшинствам, что составляет 13,8% от общего состава Палаты. Это значительный рост по сравнению с 65 депутатами (10%) в 2019 г. Однако эта цифра всё еще отстает от доли этнических меньшинств в населении Великобритании, которая оценивается в 18–20%, что указывает на сохраняющийся разрыв в репрезентации.

Основной вклад в эти изменения внесла Лейбористская партия, получившая абсолютное большинство на всеобщих выборах. В ее фракции 71 депутат из этнических меньшинств – это больше, чем общее число таких депутатов во всем предыдущем созыве парламента. В рядах Консервативной партии осталось лишь 10 депутатов из этнических меньшинств, остальные места распределились между Либеральными демократами и прочими партиями. Однако если бы этнический состав Палаты общин пропорционально отражал этнический состав всего населения Великобритании, в ней было бы около 104 депутатов, представляющих этнические меньшинства. Рисунок 1 демонстрирует устойчивый рост этнических меньшинств в структуре Палаты общин [Ethnic diversity in politics and public life 2025].

Лейбористы стараются отражать меняющуюся социальную ткань населения на количестве депутатов – этнических меньшинств, что наглядно вид-

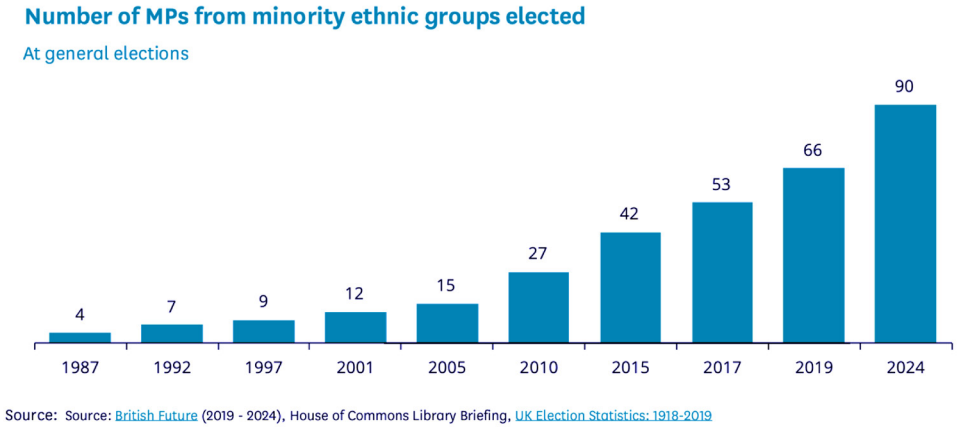

Рис. 1

но по количеству представителей этой социальной категории в парламенте от Лейбористов. Программа Bernie Grant Leadership направлена на подготовку и продвижение талантливых лидеров и будущих политиков из представителей этнических меньшинств, чтобы расширить их участие внутри партии и в публичной политике [The Bernie Grant Leadership Programme 2024].

Консервативная партия имеет некоторые инициативы, связанные с репрезентацией этнических меньшинств, такие как приоритетный список кандидатов, упомянутый ранее, публикация данных об этническом разнообразии кандидатов и взаимодействие с этнокультурными сообществами [Parliamentary Diversity Data 2025]. Однако в отличие от подхода Лейбористской партии, эти действия не оформлены в полноценную стратегию, в результате чего можно считать подход тори к репрезентации этнических меньшинств менее целенаправленным и институционализированным.

Продвижение политиков этнического происхождения, которые чаще отфильтровываются доминирующими партиями, является не только результатом давления диаспор, но и стратегии адаптации партийных структур. Карьерные траектории ключевых британских политиков с этническим бэкграундом свидетельствуют об этом.

Интересен тот факт, что, находясь на ключевых государственных постах, данные политики не только не смягчали миграционные режимы, но становились проводниками жестких ограничительных мер. П. Патель, будучи министром внутренних дел, продвигала жесткие инициативы по контролю границ, Р. Сунак поддерживал соглашения о выдворении просителей убежища [Begum, Bankole, Saini 2023]. Экс-министр внутренних дел С. Джавид также ориентировался на усиление контроля за нелегальной миграцией. Текущий министр внутренних

дел пакистанского происхождения Ш. Махмуд заявила, что «поселиться в этой стране (Великобритании) навсегда – это не право, а привилегия. И ее нужно заслужить» [A fairer pathway to settlement 2025]. Это подчеркивает, что этническое происхождение не транслируется в политическое представительство интересов мигрантов и не меняет приоритетов государственной политики. Их функция – изменение социального профиля элиты, а не изменения политического курса.

Садик Хан, мэр Лондона пакистанского происхождения, избранный в 2016 г. и сохранивший свой пост в течение трех сроков подряд, член Лейбористской партии, выбивается из этой логики, так как критикует политику правительства Лейбористов по ужесточению правил въезда для иммигрантов [Kenyon 2026], но в то же время и встраивается в нее. Его политический успех опирается на мультикультурный электорат Лондона, однако его полномочия ограничены рамками муниципального правления – миграционная политика остается вне его контроля.

Иными словами, в современной Великобритании иммиграция выступает значимым фактором изменения политического класса, однако ее влияние проявляется преимущественно на уровне персональной ротации элиты, а не на уровне институциональной трансформации власти. Следовательно, иммиграция стимулирует обновление истеблишмента, но не создает альтернативного центра власти. Даже протестные лидеры не формируют устойчивую управленческую альтернативу. В то же время системные партии используют миграцию как инструмент для обновления публичных фигур, не меняя логики функционирования государства, а немейнстримные партии нуждаются в миграционной тематике в качестве мобилизационного ресурса. Таким образом, миграция становится фактором расширения поля политики и ускорения персональной циркуляции элит, но не фактором институционального перелома. Архитектура власти остается стабильной, а элитные коалиции достаточно устойчивыми, в то время как нестабильность проявляется на уровне персоналий.

Отвечая на поставленный в начале исследования вопрос, можно утверждать, что миграция в современной Великобритании выступает не только объектом политики, но и механизмом циркуляции политических элит, в рамках которого происходит обновление публичных фигур в верхних эшелонах власти, рост немейнстримных политиков и партий без устойчивого институционального ресурса. Таким образом, миграция влияет на ротацию политической элиты, расширяет ее социальный профиль, повышает конфликтность публичной политики, но не нарушает механизмов воспроизводства власти.

Наконец, в исследовании продемонстрировано, что каждая волна миграции соотносится с конкретной институциональной логикой, а не с единым идеологическим проектом. Все рассмотренные случаи показывают, что миграция становится политической проблемой не автоматически, а в зависимости от того, каким образом политические элиты включают ее или исключают из пространства публичной артикуляции и борьбы за власть в поле политики.

Библиография

Годованюк К.А. «Миграционный кризис» в Британии сквозь призму национальной и международной повесток // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 6 (36). С. 29–41.

Егорова Е.Н., Нещадина Н.Д. Миграционная реформа в Великобритании в целях привлечения высококвалифицированных специалистов // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20, № 2. С. 19–28.

Коданева С.И. «Общество сверхразнообразия»: как решается вопрос интеграции мигрантов в Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3 (123). С. 26–44.

Кулик Л.В. Индийская диаспора в Великобритании // Вестник МГИМО. 2017. № 2 (53). С. 160–184.

Моска Г. Правящий класс// Социс. 1994. №10. С.187–198.;

Охошин О.В. Миграционная политика Великобритании до и после брекзита // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 3. С. 506–516.

Уткина М.Ф. Политические партии Великобритании как институт электорального рекрутирования и продвижения правящих элит // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 87–101.

Уткина М.Ф. Политические элиты Великобритании: каналы и специфика рекрутирования в постимперский период: дис. … канд. полит. наук. М., 2024. 114 с.

Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 539 с.

A fairer pathway to settlement // GOV.UK: official website of the UK government. Statement delivered 20.11.2025. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/a-fairer-pathway-to-settlement (дата обращения: 28.01.2026).

Begum N., Bankole M., Saini R. Minority Ethnic Politicians Are Pushing Harsh Immigration Policies – Why Representation Doesn't Always Mean Racial Justice // The Conversation. 13.07.2023. URL: https://theconversation.com/minority-ethnic-politicians-are-pushing-harsh-immigration-policies-why-representation-doesnt-always-mean-racial-justice-206885 (дата обращения: 09.01.2026).

British Nationality Act 1948 (ch. 56): original version (enacted 30.07.1948) // Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/section/1/enacted (дата обращения: 09.01.2026).

Cameron D. Full text of David Cameron's speech // The Guardian. 12.12.2005. URL: https://www.theguardian.com/politics/2005/dec/12/conservatives.davidcameron (дата обращения: 28.01.2026).

Census of Population 1971 – Preliminary Report // Central Statistics Office Ireland. URL: https://www.cso.ie/en/media/csoie/census/census1971results/volume1/C_1971_V1_P5.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

Common Travel Area: rights of UK and Irish citizens. 01.01.2026. URL: https://www.gov.uk/government/publications/common-travel-area-guidance (дата обращения: 09.01.2026).

Draft diversity and inclusion guidance for registered political parties // GOV.WALES: official website of the Welsh Government. First published 12.11.2024; Last updated 31.03.2025. URL: https://www.gov.wales/diversity-and-inclusion-guidance-for-registered-political-parties-draft-guidance (дата обращения: 27.01.2026).

Dray S. Black Lives Matter: New race inequalities commission and a London statue review // Lords Library: official website of the UK House of Lords Library. 18.03.2021. URL: https://lordslibrary.parliament.uk/black-lives-matter-new-race-inequalities-commission-and-a-london-statue-review/ (дата обращения: 09.01.2026).

England local election results 2025 // BBC. News. URL: https://www.bbc.com/news/election/2025/england/results (дата обращения: 27.01.2026).

Ethnic diversity in politics and public life: Commons Library Research Briefing, Number SN01156 // UK Parliament: official website. 20.10.2025. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN01156/SN01156.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

For a Fair Deal: Manifesto 2024 // Liberal Democrats: official website of the Liberal Democratic Party of Great Britain. URL: https://www.libdems.org.uk/manifesto (дата обращения: 28.01.2026)..

Francis S. Tories got immigration wrong, says Kemi Badenoch // BBC News. 27.11.2024. URL: https://www.bbc.com/news/articles/ckgze55vrx6o (дата обращения: 27.01.2026).

General Election Prediction // Electoral Calculus. Updated 25.04.2026. URL: https://www.electoralcalculus.co.uk/prediction_main.html (дата обращения: 08.05.2026).

Green Party migration policy 2023 // Green Party of England and Wales: official website. URL: https://www.migration.greenparty.org.uk/migration-policy/ (дата обращения: 28.01.2026).

Guy J., McGee L, Kottasová I. UK Prime Minister Boris Johnson resigns after mutiny in his party // CNN. 08.07.2022. https://edition.cnn.com/2022/07/07/europe/boris-johnson-resignation-intl (дата обращения: 09.01.2026).

Immigration Act 1971: original version // Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/contents/2011-04-22 (дата обращения: 09.01.2026);

Immigration Act 1988: original version // Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/14/contents (дата обращения: 09.01.2026).

Jankowski T. [The Great British tax disaster] // The Economic Review. 17.10.2022. URL: https://theeconreview.com/2022/10/17/the-great-british-tax-disaster/ (дата обращения: 09.01.2026).

Kemi Badenoch: A simple way to deter migrants? Make them wait for ten years before they can claim any benefits // Daily Mail. 07.06.2025. URL: https://www.dailymail.com/news/article-14790575/KEMI-BADENOCH-simple-way-deter-migrants-benefits.html (дата обращения: 27.01.2026).

Kenyon M. Sadiq Khan: UK should reject demonisation of immigrants // New Statesman. 04.01.2026. URL: https://www.newstatesman.com/politics/uk-politics/2026/01/sadiq-khan-uk-should-reject-demonisation-of-immigrants (дата обращения: 28.01.2026).

Long term international migration, provisional: year ending June 2025 [Electronic resource] // Office for National Statistics (ONS). 27.11.2025. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingjune2025 (дата обращения: 08.01.2026).

Lupton R., Power A. Minority Ethnic Groupsin Britain // CASE-Brookings Census Briefs. 2004. № 2. November. URL: https://sticerd.lse.ac.uk/dps/case/CBCB/census2_part1.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

Migration Statistics Quarterly Report: August 2015 // Office for National Statistics (ONS). – 27.08.2015. – URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/2015-08-27 (дата обращения: 09.01.2026).

Mohdin A.“We couldn’t be silent”: the new generation behind Britain’s anti racism protests // The Guardian. 29.07.2020. URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jul/29/new-generation-behind-britain-anti-racism-protests-young-black-activists-equality (дата обращения: 09.01.2026);

Parliamentary Diversity Data // Conservatives.com: official website of the Conservative Party. 2025. URL: https://www.conservatives.com/parliamentary-diversity-data (дата обращения: 28.01.2026).

PM speech on migration: 28 November 2024 // GOV.UK: official website of the UK government. Published 28.11.2024. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-migration-28-november-2024 (дата обращения: 14.01.2026).

Polish nationals living in the UK // Office for National Statistics (ONS). – 29.01.2025. URL: https://www.ons.gov.uk/aboutus/transparencyandgovernance/freedomofinformationfoi/polishnationalslivingintheuk (дата обращения: 09.01.2026).

Powell E. Enoch Powell's "Rivers of Blood" speech : full text of the speech delivered on 20 April 1968 in Birmingham // The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/comment/3643823/enoch-powells-rivers-of-blood-speech.html (дата обращения: 09.01.2026).

Public opinions and social trends, Great Britain: October 2025 [Electronic resource] // Office for National Statistics (ONS). 14.11.2025. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/wellbeing/bulletins/publicopinionsandsocialtrendsgreatbritain/october2025 (дата обращения: 14.01.2026).

Race Relations Act 1968: original version // Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/9/contents/enacted (. дата обращения: 09.01.2026).

Stewart H. Theresa May loses Brexit deal vote by majority of 230 // The Guardian. 16.02.2019. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/jan/15/theresa-may-loses-brexit-deal-vote-by-majority-of-230 (дата обращения: 09.01.2026).

The Bernie Grant Leadership Programme // Labour Party: official wesite. 24.10.2024. URL: https://labour.org.uk/updates/members-updates/the-bernie-grant-leadership-programme-3/ (дата обращения: 28.01.2026).

UK India Free Trade Agreement: Business Mobility explainer // GOV.UK: official website of the UK government. 23.07.2025. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-india-free-trade-agreement-business-mobility-explainer/uk-india-free-trade-agreement-business-mobility-explainer (дата обращения: 09.01.2026).

Vernon P. Windrush Day: a fitting way to celebrate our immigrant population // The Guardian. 25.01.2010. URL: https://www.theguardian.com/uk/2010/jan/25/bank-holiday-celebrate-windrush-generation (дата обращения: 27.01.2026).

References

A fairer pathway to settlement. GOV.UK: official website of the UK government. Statement delivered 20.11.2025. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/a-fairer-pathway-to-settlement (date of access: 28.01.2026).

Begum N., Bankole M., Saini R. Minority Ethnic Politicians Are Pushing Harsh Immigration Policies – Why Representation Doesn't Always Mean Racial Justice. The Conversation. 13.07.2023. URL: https://theconversation.com/minority-ethnic-politicians-are-pushing-harsh-immigration-policies-why-representation-doesnt-always-mean-racial-justice-206885 (date of access: 09.01.2026).

British Nationality Act 1948 (ch. 56): original version (enacted 30.07.1948). Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/section/1/enacted (date of access: 09.01.2026).

Cameron D. Full text of David Cameron's speech. The Guardian. 12.12.2005. URL: https://www.theguardian.com/politics/2005/dec/12/conservatives.davidcameron (date of access: 28.01.2026).

Census of Population 1971 – Preliminary Report. Central Statistics Office Ireland. URL: https://www.cso.ie/en/media/csoie/census/census1971results/volume1/C_1971_V1_P5.pdf (date of access: 09.01.2026).

Common Travel Area: rights of UK and Irish citizens. 01.01.2026. URL: https://www.gov.uk/government/publications/common-travel-area-guidance (date of access: 09.01.2026).

Draft diversity and inclusion guidance for registered political parties. GOV.WALES: official website of the Welsh Government. First published 12.11.2024; Last updated 31.03.2025. URL: https://www.gov.wales/diversity-and-inclusion-guidance-for-registered-political-parties-draft-guidance (date of access: 27.01.2026).

Dray S. Black Lives Matter: New race inequalities commission and a London statue review. Lords Library: official website of the UK House of Lords Library. 18.03.2021. URL: https://lordslibrary.par-

liament.uk/black-lives-matter-new-race-inequalities-commission-and-a-london-statue-review/ (date of access: 09.01.2026).

Egorova E.N., Neshchadina N.D. Migratsionnaya reforma v Velikobritanii v tselyakh privlecheniya vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov [Migration Reform in the UK to Attract Highly Qualified Specialists]. Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and Governance. XXI Century]. 2024. Vol. 20, N 2. P. 19–28. (In Russ.)

England local election results 2025. BBC. News. URL: https://www.bbc.com/news/election/2025/england/results (date of access: 27.01.2026).

Ethnic diversity in politics and public life: Commons Library Research Briefing, Number SN01156. UK Parliament: official website. 20.10.2025. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN01156/SN01156.pdf (date of access: 14.01.2026).

For a Fair Deal: Manifesto 2024. Liberal Democrats: official website of the Liberal Democratic Party of Great Britain. URL: https://www.libdems.org.uk/manifesto (date of access: 28.01.2026)..

Francis S. Tories got immigration wrong, says Kemi Badenoch. BBC News. 27.11.2024. URL: https://www.bbc.com/news/articles/ckgze55vrx6o (date of access: 27.01.2026).

General Election Prediction. Electoral Calculus. Updated 25.04.2026. URL: https://www.electoralcalculus.co.uk/prediction_main.html (date of access: 08.05.2026).

Godovanyuk K.A. «Migratsionnyy krizis» v Britanii skvoz' prizmu natsional'noy i mezhdunarodnoy povestok ["The Migration Crisis" in Britain through the Lens of National and International Agendas]. Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]. 2023. N 6 (36). P. 29–41. (In Russ.)

Green Party migration policy 2023. Green Party of England and Wales: official website. URL: https://www.migration.greenparty.org.uk/migration-policy/ (date of access: 28.01.2026).

Guy J., McGee L, Kottasová I. UK Prime Minister Boris Johnson resigns after mutiny in his party. CNN. 08.07.2022. https://edition.cnn.com/2022/07/07/europe/boris-johnson-resignation-intl (date of access: 09.01.2026).

Immigration Act 1971: original version. Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/contents/2011-04-22 (date of access: 09.01.2026);

Immigration Act 1988: original version. Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/14/contents (date of access: 09.01.2026).

Jankowski T. [The Great British tax disaster]. The Economic Review. 17.10.2022. URL: https://theeconreview.com/2022/10/17/the-great-british-tax-disaster/ (date of access: 09.01.2026).

Kemi Badenoch: A simple way to deter migrants? Make them wait for ten years before they can claim any benefits. Daily Mail. 07.06.2025. URL: https://www.dailymail.com/news/article-14790575/KEMI-BADENOCH-simple-way-deter-migrants-benefits.html (date of access: 27.01.2026).

Kenyon M. Sadiq Khan: UK should reject demonisation of immigrants. New Statesman. 04.01.2026. URL: https://www.newstatesman.com/politics/uk-politics/2026/01/sadiq-khan-uk-should-reject-demonisation-of-immigrants (date of access: 28.01.2026).

Kodaneva S.I. «Obshchestvo sverkhraznoobraziya»: kak reshaetsya vopros integratsii migrantov v Velikobritanii [«Superdiversity Society»: How the Issue of Migrant Integration Is Addressed in the UK]. Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2024. N 3 (123). P. 26–44. (In Russ.)

Kulik L.V. Indiyskaya diaspora v Velikobritanii [The Indian Diaspora in the UK], Vestnik MGIMO [MGIMO Review]. 2017. N 2 (53). P. 160–184. (In Russ.)

Long term international migration, provisional: year ending June 2025 [Electronic resource]. Office for National Statistics (ONS). 27.11.2025. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingjune2025 (date of access: 08.01.2026).

Lupton R., Power A. Minority Ethnic Groupsin Britain. CASE-Brookings Census Briefs. 2004. No. 2. November. URL: https://sticerd.lse.ac.uk/dps/case/CBCB/census2_part1.pdf (date of access: 14.01.2026).

Migration Statistics Quarterly Report: August 2015. Office for National Statistics (ONS). – 27.08.2015. – URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/2015-08-27 (date of access: 09.01.2026).

Mohdin A."We couldn't be silent": the new generation behind Britain's anti racism protests. The Guardian. 29.07.2020. URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jul/29/new-generation-behind-britain-anti-racism-protests-young-black-activists-equality (date of access: 09.01.2026);

Moska G. Pravyashchiy klass [The Ruling Class]. Sotsis [Sotsis]. 1994. N 10. P. 187–198. (In Russ.)

Okhoshin O.V. Migratsionnaya politika Velikobritanii do i posle brekzita [UK Migration Policy before and after Brexit]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal. Series: Political Science]. 2020. Vol. 22, N 3. P. 506–516. (In Russ.)

Parliamentary Diversity Data. Conservatives.com: official website of the Conservative Party. 2025. URL: https://www.conservatives.com/parliamentary-diversity-data (date of access: 28.01.2026).

PM speech on migration: 28 November 2024. GOV.UK: official website of the UK government. Published 28.11.2024. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-migration-28-november-2024 (date of access: 14.01.2026).

Polish nationals living in the UK. Office for National Statistics (ONS). – 29.01.2025. URL: https://www.ons.gov.uk/aboutus/transparencyandgovernance/freedomofinformationfoi/polishnationalslivingintheuk (date of access: 09.01.2026).

Powell E. Enoch Powell's "Rivers of Blood" speech : full text of the speech delivered on 20 April 1968 in Birmingham. The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/comment/3643823/enoch-powells-rivers-of-blood-speech.html (date of access: 09.01.2026).

Public opinions and social trends, Great Britain: October 2025 [Electronic resource]. Office for National Statistics (ONS). 14.11.2025. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/wellbeing/bulletins/publicopinionsandsocialtrendsgreatbritain/october2025 (date of access: 14.01.2026).

Race Relations Act 1968: original version. Legislation.gov.uk: official website of UK legislation. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/9/contents/enacted (date of access: 09.01.2026).

Schumpeter J.A. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika [Economics], 1995. 539 p.

Stewart H. Theresa May loses Brexit deal vote by majority of 230. The Guardian. 16.02.2019. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/jan/15/theresa-may-loses-brexit-deal-vote-by-majority-of-230 (date of access: 09.01.2026).

The Bernie Grant Leadership Programme. Labour Party: official wesite. 24.10.2024. URL: https://labour.org.uk/updates/members-updates/the-bernie-grant-leadership-programme-3/ (date of access: 28.01.2026).

UK India Free Trade Agreement: Business Mobility explainer. GOV.UK: official website of the UK government. 23.07.2025. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-india-free-trade-agreement-business-mobility-explainer/uk-india-free-trade-agreement-business-mobility-explainer (date of access: 09.01.2026).

Utkina M.F. Politicheskie elity Velikobritanii: kanaly i spetsifika rekrutirovaniya v postimperskiy period [Political Elites in the UK: Channels and Specificities of Recruitment in the Post-Imperial Period]: dis. … kand. polit. nauk [PhD thesis in Political Sciences]. Moscow, 2024. 114 p. (In Russ.)

Utkina M.F. Politicheskie partii Velikobritanii kak institut elektoral'nogo rekrutirovaniya i prodvizheniya pravyashchikh elit [UK Political Parties as an Institution of Electoral Recruitment and Advancement of Ruling Elites] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. 2023. N 2. P. 87–101. (In Russ.)

Vernon P. Windrush Day: a fitting way to celebrate our immigrant population. The Guardian. 25.01.2010. URL: https://www.theguardian.com/uk/2010/jan/25/bank-holiday-celebrate-windrush-generation (date of access: 27.01.2026).

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.08

Ф.О. Трунов

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА МИД ФРГ КАК ИНДИКАТОР ПРИОРИТЕТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Цель четче выявлять приоритеты внешней политики государства требует расширять набор используемых для этого исследовательских подходов. В статье нашел применение такой редко используемый метод как исследование организационной структуры центрального аппарата министерства иностранных дел. В качестве примера автор выбрал Германию с учетом масштаба ее дипломатической активности в мире в целом и в конкретных его регионах в частности. На примере ситуативных подразделений в прямом подчинении министра иностранных дел отмечено желание ФРГ дополнить официальную дипломатию развитием общественных контактов с США (особенно на фоне переизбрания Д. Трампа и спада межгосударственного диалога) и Польшей (из-за сохранения неофициального спора о лидерстве). Упразднение части должностей и изменение профиля координаторов и уполномоченных при министре иностранных дел отражают несоответствие ожиданиям результатов стратегической активности в восточной части постюгославского пространства, а также ряда направлений постсоветского пространства (в отношении Молдовы, стран Закавказья и Центральной Азии). Показано распределение компетенций между статс-секретарями и статс-министрами, а также внутри каждой из данных категорий заместителя главы МИД ФРГ. Исходя из профилей статс-министров сделан вывод о современных магистральных направлениях в деятельности ведомства. Это сотрудничество с партнерами по Европейскому союзу, кооперация со странами Глобального Юга, а также отношениям с США, англо-саксонскими государствами в целом и участие в «сдерживании» Российской Федерации, Исламской Республики Иран и Китайской Народной Республики. В увязке с этим ФРГ старается заметно увеличить стратегическое присутствие в Арктике, на постсоветском пространстве, на Ближнем Востоке и в Индо-Тихоокеанском регионе.*

Ключевые слова: *министерство иностранных дел; «сдерживание»; постсоветское пространство; Западные Балканы; Ближний Восток; Индо-Тихоокеанский регион; ФРГ; США; Польша; Российская Федерация.*

Трунов Филипп Олегович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: 1trunov@mail.ru
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID: 0000-0001-7092-4864
Web of Science Researcher ID: AAC-7844-2020

Trunov Ph.O.

The organizational structure of the German Foreign Ministry as an indicator of foreign policy priorities

Abstract. *This article argues that the clear identification of a state's foreign policy priorities and strategic objectives requires a broader range of analytical methods. The author proposes an analysis of the structure of the Ministry of Foreign Affairs (MFA), a relatively underutilized approach in foreign policy studies. Germany serves as the case study because of the global scope of its diplomatic activity and its engagement in specific regions. Drawing on the example of situational units directly subordinate to the Federal Foreign Minister, the article highlights Germany's efforts to complement traditional diplomacy with public diplomacy in its relations with the United States, particularly following Donald Trump's re-election, when interstate dialogue again declined, and with Poland, where informal competition for regional leadership has intensified. The abolition of certain posts and changes in the responsibilities of coordinators and special representatives under the Foreign Minister reflected the gap between Germany's strategic objectives and the actual outcomes of its policies in the eastern part of the post-Yugoslav region, as well as in the post-Soviet space, particularly with regard to Moldova and the countries of the South Caucasus and Central Asia. The article also examines the distribution of responsibilities between state secretaries and ministers of state, as well as within each of these categories of deputy foreign ministers. Based on the portfolios of the ministers of state, the author identifies the contemporary priorities of the German Foreign Ministry. These include cooperation with EU partners, engagement with the countries of the Global South, relations with the United States and other Anglophone countries, and support for the policy of deterring Russia and containing Iran and China. In this context, Germany is seeking to expand its strategic presence in the Arctic, the post-Soviet space, the Middle East and the Indo-Pacific region.*

Keywords: *MFA; "containment"; Post-Soviet space; West Balkans; Middle East; Indo-Pacific region; Federal Republic of Germany; United States; Poland; Russian Federation.*

Trunov Philipp Olegovich – Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of Department of Europe and America of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: 1trunov@mail.ru
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID: 0000-0001-7092-4864
Web of Science Researcher ID: AAC-7844-2020

Введение

Исследователь-международник неизменно должен четче определять направленность внешней политики государств. Чаще всего он изучает концептуальные документы и практические шаги, реже – функционирование переговорных форматов. Не принижая важности этих видов анализа, автор предлагает

дополнить их еще одним – обращением к организационной структуре министерства иностранных дел (МИД) конкретной страны[1].

Внешнеполитическое ведомство состоит из центрального аппарата и системы заграничных представительств[2]. Изменения в структуре центрального аппарата легче проследить, а главное – они нагляднее отражают конкретику в эволюции линии на мировой арене. Релевантен контраргумент, что большинство стратегических решений принимает аппарат главы государства или правительства, а МИД отвечает за реализацию поставленных задач. Не оспаривая этого, автор выдвигает два встречных довода. Во-первых, структура ведомства высшего должностного лица в документах, находящихся в открытом доступе, освещена заметно менее подробно, чем структура МИД. Во-вторых, поскольку именно это министерство отвечает за осуществление конкретных мер, особенности его устройства четче показывают, как это происходит или должно происходить по плану. Расхождения между практикой и теорией ведут к корректировке организационной структуры МИД. По этим причинам она ценна как индикатор внешнеполитических задач, их приоритетности, сложностей в достижении.

Настоящая статья призвана путем анализа организационной структуры центрального аппарата МИД Германии, зафиксированной на декабрь 2025 г., определить ряд особенностей и перспектив линии ФРГ на международной арене. В рамках стратегической активности официального Берлина политико-дипломатическая деятельность задавала рамочные условия для использования вооруженных сил. Это особенно актуально для ФРГ с учетом ее исторической ответственности за деяния Третьего рейха как главного агрессора во Второй мировой войне 1939–1945 гг.

В середине 2020-х годов в условиях смены мирового порядка заметно возросло значение фактора военной силы. В числе других государств, возглавляемых либеральными элитами демократий, ФРГ ужесточает «сдерживание» Российской Федерации, отношение к другим активным незападным государствам, прежде всего, к Исламской Республике Иран (ИРИ) [Арзаманова 2025b, с. 218–222] и Китайской Народной Республике (КНР) [Трунов 2024a, с. 226–236], уверенно движется по пути милитаризации. Так, Берлин по сравнению с концом 2010-х годов резко нарастил военные расходы, подготавливает масштабное укрупнение бундесвера. В середине 2020-х годов ФРГ стала крупнейшим европейским донором в деле предоставления Украине военной помощи,

1. Схожая методика применяется в теории строительства вооруженных сил. Изменения их организационно-штатной структуры свидетельствуют об эволюции приоритетов, исходя из того, как перераспределены ресурсы.

2. МИД часто имеет также представительства во внутренних субъектах государства, интересы которого это ведомство представляет. Изменения этого типа учреждений, однако, малоиллюстративны для исследования внешней политики.

а также вкладчиком в деятельность НАТО [Трунов 2024b, с. 54–57]. Поэтому логично фокусирование специалистов на изучении военных шагов и планов ФРГ и, напротив, определенное снижение внимания к дипломатической активности страны. Вместе с тем, изучать ее тактики, и именно в динамике, необходимо, чтобы объективно оценивать возможности и вероятные шаги Германии с целью пытаться обеспечить западно- и европоцентричность вновь возникающего сегодня миропорядка.

Сосредоточившись на «сдерживании» России, ФРГ к середине 2020-х годов сконцентрировала использование своего военного потенциала в основном в пределах Глобального Севера. В начале текущего десятилетия Берлин в числе партнеров по НАТО и Европейскому союзу (ЕС) утратил важнейшие составляющие присутствия бундесвера в Афганистане (к середине 2021 г.) [Трунов 2025a, с. 12–13], Мали и Нигере (к концу 2023 г., см.: [Абрамова, Дегтерев 2025, с. 159–161]). Поэтому, пытаясь не допустить дальнейшего резкого ослабления своего влияния на Глобальном Юге, ФРГ сфокусировалась на применении именно политико-дипломатического (и экономического) инструментария. Берлин отводит ему ключевую роль и в своей стратегической деятельности на вновь возникающем Глобальном Востоке, где использование бундесвера лишь разворачивается, будучи скорее эпизодическим по времени и географии [Трунов 2024b, с. 226–236]. В свою очередь, на Глобальном Севере востребованность Берлина в использовании политико-дипломатических возможностей также остается очень велика. Прежде всего, это необходимо для сохранения и укрепления отношений с теми партнерами по НАТО и ЕС, где у власти, как и в самой ФРГ, были либеральные (постлиберальные) элиты. Данная часть западной элиты находилась в состоянии ценностно-идейного конфликта с другой – традиционалистской [Братерский 2025, с. 14–15]. Примеры последнего – кабинеты В. Орбана в Венгрии (до весны 2026 г.) [Шишелина 2025, с. 101–104], Р. Фицо в Словакии [Ведерников 2025, с. 126–131] и вторая администрация Д. Трампа в США.

В настоящей статье особенности функционирования внешнеполитического ведомства ФРГ изучены в ракурсе, ранее практически не встречавшемся в научной литературе. В работе исследуется структура МИД ФРГ – от аппарата министра к его заместителям, департаментам и отделам.

Ситуативные подразделения личного аппарата министра

В прямом подчинении главы МИД ФРГ находятся подразделения двух типов: постоянные (прежде всего, штабы по управлению и планированию) [Organisationsplan… 2025][3] и ситуативные, которые могут существовать не один

3. Автором использована схема МИД ФРГ в редакции от 9 декабря 2025 г. На сайте министерства файл с указанной схемой обновляется раз в несколько месяцев.

год. Ситуативные подразделения представлены прежде всего координаторами, которых во второй половине 2025 г. насчитывалось два.

В задачи **первого координатора** вошли развитие общественных и культурных связей и распространение политической информации в рамках трансатлантического партнерства [Organisationsplan… 2025]. Традиционно США занимали положение наиболее важного для ФРГ союзника. Однако в первое президентство Д. Трампа (2017–2021 гг.) Белый дом инициировал последовательно нараставший спад двусторонних отношений, которые к концу рассматриваемого отрезка оказались в «ледяном» или даже, по ряду оценок, в «ледниковом» состоянии. В президентство Дж. Байдена (2021–2025 гг.) стороны быстро и полноценно восстановили уровень доверия и масштабы сотрудничества, но Берлин не мог не опасаться новых кризисов в отношениях с официальным Вашингтоном в случае возвращения к власти Трампа или идейно близких ему деятелей [Арзаманова 2025a, с. 186–188]. В первый год второго президентства Трампа (с 20 января 2025 г.) диалог отличала зигзагообразная динамика. До досрочных выборов в Бундестаг (23 февраля 2025 г.) Белый дом стал жестко критиковать либеральные ценности, из адептов которых состояло правительство О. Шольца, и во многом бойкотировала правительство [Merz 2026]. Одновременно Белый дом открыто поддерживал контакты с «Альтернативой для Германии» (АдГ), которая по своим установкам располагается между правыми популистами и крайне правыми, воспринимаясь либеральными элитами ФРГ как внесистемная [Белинский 2025, с. 215–216]. Эта солидаризация привела к созданию правительства «большой коалиции» – Христианско-демократический союз Германии/Христианско-социальный союз в Баварии (ХДС/ХСС) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ) – во главе с Ф. Мерцем (с 6 мая 2025 г.) без участия АдГ, показавшей на досрочных парламентских выборах второй результат. Вместе с тем изначально кабинет Мерца сумел продемонстрировать нормализацию политического диалога с администрацией Трампа. Ровно через месяц после вступления в должность новый канцлер провел весьма доверительные переговоры в Вашингтоне [Merz 2025b]. В ходе них германская сторона обыграла свои – уже достигнутые и только планируемые – результаты в деле милитаризации, особенно по росту военных расходов и готовности активно импортировать вооружение и военную технику производства США. Этот успех в развитии межгосударственных отношений оказался для ФРГ значимым, но всё же тактическим. Со второй половины 2025 г. вновь стал наблюдаться спад в диалоге, хотя его скорость и масштаб были меньше, чем в конце 2010-х годов [Merz 2026]. В условиях идейно-политического размежевания между традиционалистским и либеральным направлением в западных элитах деградация оказалась неизбежна. Из числа национальных правительств наиболее влиятельным представителем последнего был кабинет Мерца. Разногласия по «украинскому вопросу» выступили важнейшей, но вместе с тем од-

ной из многих иллюстраций принципиальных противоречий между Берлином и Белым домом при Д. Трампе по видению будущего Евро-Атлантического сообщества, облика миропорядка (США-центричность или западноцентричность) и способам достижения этого [Frieden für die Ukraine weiter vorantreiben 2025]. На фоне спада межгосударственного диалога для германских элит крайне востребовано обращение к ресурсу «мягкой силы» в отношении США. Это использование дипломатии «второго трека», развитие научных, культурных, межобщественных коммуникаций, особенно с учетом того, что существенную часть населения США составляют потомки немецкоязычных мигрантов. На решение данного обширного круга задач и нацелено профильное ситуативное подразделение в непосредственном подчинении главы МИД ФРГ. При этом эпитет «трансатлантические» предполагал необходимость развития межобщественных контактов ФРГ не только с США, но и с другим североамериканским государством – членом НАТО – Канадой. Однако в последнем случае задача для МИД ФРГ облегчалась по ряду причин. Удельный вес диалога с официальной Оттавой закономерно занимает во внешнеполитическом планировании и практике Берлина несоизмеримо меньшее место, чем с Вашингтоном, хотя спад отношений с США не сопровождался спадом отношений с Канадой: Оттава не только осталась частью либеральных элит, но и активно противодействовала давлению со стороны Трампа. Это положение предопределило наличие заметного потенциала для кооперации ФРГ и Канады. С одной стороны, в середине 2020-х гг. на практике на межгосударственном уровне он оставался востребованным далеко не в полной мере, с другой же – задавал благоприятные рамочные условия для развития разноплановых контактов между обществами двух стран [Трунов 2025c, с. 101–108].

Задачи **второго координатора** – поддержка межграничных и общественных контактов с Республикой Польша [Organisationsplan… 2025]. В середине 2010-х годов произошел заметный спад межгосударственного диалога, обострился неофициальный спор о лидерстве. На длительное время приостановили работу «Веймарский треугольник» (в 2011–2022 гг.) и двусторонний формат межправительственных консультаций (в 2018–2024 гг.) [Трунов 2025b, с. 50]. Официальная Варшава оказывала заметное давление на Берлин в рамках ЕС (прежде всего, на фоне кризиса неконтролируемой миграции в 2015–2017 гг.), а также НАТО (солидаризируясь с администрацией Д. Трампа в требованиях к ФРГ резко нарастить военные расходы). Постепенное, но последовательное развитие двух тесно связанных процессов – милитаризации ФРГ и ужесточение ее подходов к «сдерживанию» России – способствовали улучшению отношений Берлина и Варшавы. Вместе с тем едва ли возможно говорить об исчезновении всех основных «раздражителей» в диалоге: спор о лидерстве в середине 2020-х годов перешел преимущественно в латентные формы, но в основе остается. Польша по-прежнему обыгрывает свое положение в передовой части зоны от-

ветственности НАТО. Из числа крупных государств – членов блока она быстрее всех наращивала численность вооруженных сил, с 2023 г. обойдя по этому показателю бундесвер. В середине 2020-х годов данный разрыв продолжает расти [Defence expenditures… 2025, p. 13], что в контексте ужесточения конфронтации с официальной Москвой Варшава рассматривает как свое значимое практическое преимущество перед Берлином. Как и в отношении США при Д. Трампе, ФРГ одной из тактик для противодействия давлению считала активную публичную дипломатию, в частности поддерживая общественные связи с немецкоязычным населением Польши. Основная его часть проживает в западных воеводствах страны, которые Польша получила по итогам Второй мировой войны. Де-юре все двусторонние пограничные споры урегулированы договором от 17 июня 1991 г. Берлин демонстрирует приверженность этому, но не был готов принять ситуацию, когда Варшава требовала репарации [Lang 2022, p. 3–4]. Один из способов противодействовать – включить понятие «межграничное» в функционал координатора при главе МИД ФРГ: не сделав чувствительных для Варшавы заявлений, Берлин обозначил потенциальную готовность пойти на это.

Примечательно, что при кабинете Ф. Мерца (с 6 мая 2025 г.), в котором МИД возглавил Й. Вадефуль, число координаторов в прямом подчинении министра сократилось с трех до двух. Было упразднено подразделение, призванное содействовать развитию общественных контактов с Южным Кавказом, Молдовой и Центральной Азией, т. е. с девятью бывшими республиками СССР к югу и отчасти к западу от России. Едва ли данное решение по изменению организационной структуры МИД обусловлено снижением интенсивности стратегических усилий ФРГ и, главное, внимания к перечисленным субрегионам и странам. Кабинет Мерца вслед за правительством О. Шольца активно содействует сближению Молдавии с ЕС. Так, канцлер (вместе с польским премьер-министром Д. Ф. Туском и президентом Франции Э. Макроном) посетил Кишинёв 27 августа 2025 г., в День независимости Республики Молдова (годовщина принятия Декларации о выходе Молдавской ССР из СССР), демонстрировал иную поддержку действующему руководству во главе с М. Санду [Merz 2025c]. При Мерце Берлин продолжил поддерживать интенсивные контакты с официальным Ереваном, побуждая премьер-министра Н. Пашиняна продолжать стратегически отдаляться от России [Deutschland und Armenien… 2025]. В сентябре 2024 г. О. Шольц посетил Узбекистан и Казахстан и провел переговоры на высшем уровне в формате Z5+1 (пять стран Центральной Азии и ФРГ), подчеркнув интерес к активизации диалога, импорту углеводородов и редкоземельных металлов [Scholz 2024]. Неизменность этих приоритетов декларировал и Мерц [Merz 2025a]. На данном фоне причина упразднения поста профильного координатора при главе МИД коренилась в снижении результативности прилагаемых ФРГ усилий в середине 2020-х годов, вынужденном

принятии этой тенденции со стороны Берлина. Большинство целей, которые ФРГ заявляла на постсоветском пространстве в контексте ужесточения конфронтации с Россией, остались нереализованными. Иллюстративен здесь спад доверия в межгосударственном диалоге Берлина с официальным Тбилиси: Грузия не только воздержалась от полноценного военного вовлечения в конфронтацию с Россией, но и приняла закон о некоммерческих (фактически западных) организациях, противясь распространению в стране либеральных ценностей и принципов. Логично, что это встретило жесткое неприятие германской стороны [Gemeinsame Erklärung… 2025].

Помимо института координаторов в прямом подчинении главы МИД ФРГ на 2026 г. были **уполномоченный** и **специальный уполномоченный** от федерального правительства. Первый, действуя на постоянной основе, должен был обеспечивать соблюдение прав человека и координировать раздачу гуманитарной помощи[4] [Organisationsplan… 2025]. Обе задачи уполномоченного наиболее востребованы в зонах вооруженных конфликтов, тем самым представляя механизм влияния на ситуацию в них.

При кабинете Ф. Мерца профиль специального уполномоченного от федерального правительства при главе МИД – отслеживать вопросы свободы вероисповедания и убеждений. В первой же половине 2020-х годов подобный чиновник работал по странам Западных Балкан [Organisationsplan… 2025]. Чем обусловлена такая смена функционала? Как и в случае Молдовы, Закавказья и Центральной Азии, стратегический интерес ФРГ к акторам на Западных Балканах не сокращался, т. е. бывшим субъектам Социалистической Федеративной Республики Югославия (республикам и краю Косово), которые не вошли в ЕС. В попытках обеспечить предельное ориентирование данных игроков на ЕС, подчеркнуть неизбежность их вхождения в это объединение в будущем ФРГ играла во многом направляющую роль. Для решения перечисленных задач именно ФРГ инициировала запуск в 2014 г. «Берлинского процесса» – Конференции по Западным Балканам, собирающаяся обычно ежегодно с участием большинства «либеральных демократий» и шести региональных игроков – Албании, Боснии и Герцеговины, Косово, Северной Македонии, Сербии и Черногории. Однако несмотря на прилагаемые активные политико-дипломатические усилия, подготовка расширения ЕС на западнобалканском направлении проходила намного медленнее и сложнее, чем того ожидали в Берлине [Merz 2025d]. Его особое недовольство вызывает то, что Сербия и Республика Сербская как энтитет в составе Боснии и Герцеговины проявляют неготовность участвовать в «сдерживании» России [Ерёмин 2024, с. 215–218; Энтина 2024, с. 189–195]. Вынужденное осознание этого отразила смена профиля специаль-

4. Гуманитарная, т. е. экстренная и краткосрочная, помощь находилась в ведении МИД, плановая и долгосрочная – Министерства экономического сотрудничества и развития (МЭСР).

ного уполномоченного от правительства в МИД ФРГ. Новый функционал этого чиновника должен подчеркивать приверженность ФРГ либеральным ценностям. Одновременно фактически признается наличие масштабных проблем с интеграцией инокультурных мигрантских общин в германское общество [Белинский 2024, с. 64–73].

Функционал статс-министров и статс-секретарей

Насколько в принципе иллюстративна организационная структура центрального аппарата МИД ФРГ при конкретном его руководителе? Иными словами, насколько велико персонифицированное влияние министра и его ближайшего окружения?

Внешняя политика ФРГ в целом, действия на том или ином направлении, демонстрирует высокую степень преемственности.

Во-первых, технически она обеспечена «сцепкой» между Ведомством федерального канцлера и МИД – первое направляет работу второго. Это правило работало при социал-демократе О. Шольце (декабрь 2021 – май 2025 гг.), несмотря на неоднократные попытки министра А. Бербок («Союз 90/Зеленые») частично перенаправить принятие решений на себя. В вопросе роста ударной мощи и объемов военной техники, которую ФРГ с февраля 2022 г. передавала властям в Киеве, скорость и промежуточные пределы устанавливало Ведомство федерального канцлера, вопреки более жестким требованиям главы МИД. Это нашло отражение и в его организационной структуре. Весной 2022 г. был создан только один профильный отдел (рабочий штаб) по Фонду восстановления Украины, т.е. в основном по предоставлению официальной помощи развитию (ОПР). Причем эти сюжеты были компетенцией не только и даже не столько МИД, сколько МЭСР. Последнее при «светофорной коалиции» возглавляла С. Шульце, однопартиец Шольца по СДПГ, что ограничивало активность Бербок. Указанный отдел МИД не был напрямую подчинен министру или как минимум ее заместителю (что было бы логично с учетом важности), но представлял собой обычное подразделение. В сентябре 2024 г. его расформировали, что еще более уменьшило роль Бербок на данном направлении. В 2022–2024 гг. Берлин не только увеличивал объемы поставляемых Украине вооружений, но и расширял их линейку за счет новых видов, чья ударная мощь была больше, чем у предоставлявшихся ранее. Если изначально ФРГ направляла легкое, преимущественно стрелковое, вооружение, то к осени 2022 г. стала выделять бронетехнику – БТР, а затем и БМП. Спустя менее года со старта поставок правительство Шольца приняло решение начать передавать основные боевые танки типа Leopard [Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine 2025]. В итоге к осени 2024 г. парк категорий вооружений, чьи образцы еще не были предоставлены вооруженным силам Украины, оказался резко ограничен, включал прежде всего системы Taurus, которые по дальности полета (порядка

500 км) фактически относились к категории ракет меньшей дальности. Осознавая, что передача данных комплексов неизбежно вызовет резкую эскалацию напряженности, вынуждая Россию к жесткой реакции, Ведомство федерального канцлера в последний год пребывания Шольца у власти проявляло неготовность начать отправку Taurus. В увязке с этим логично стремление ограничить возможности Бербок, сторонника предельного ужесточения конфронтации, пролоббировать положительное решение.

При Ф. Мерце практическая кооперация Ведомства федерального канцлера и МИД в деле оказания поддержки Украины вышла на качественно новый уровень. Этому весьма способствовало то, что Й. Вадефуль – однопартиец (оба из ХДС) и единомышленник главы правительства. Вступив в должность канцлера, Мерц отдал распоряжение засекретить содержание поставок вооружения и военной техники [Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine 2025]. Данная мера, позволяя начать предоставлять Taurus, но с попыткой избежать ответственности за это, предопределила преимущественно закрытый характер сотрудничества двух ведомств. В структуре МИД ФРГ официально не появилось профильного подразделения.

Во-вторых, преемственность во внешней политике ФРГ обеспечивает заметная, часто определяющая, роль кадровых дипломатов перед политиками-назначенцами в деле реализации поставленных задач. В сопоставлении с Боннской республикой, в Берлинской (с 1998 г.) срок пребывания главы МИД в должности стал сокращаться, особенно с конца 2010-х годов. В 2005–2009, 2013–2017 гг. пост занимал Ф.-В. Штайнмайер (от СДПГ; с 2017 г. федеральный президент). Его сменщик от Свободной демократической партии Германии Г. Вестервелле возглавлял МИД ФРГ одну легислатуру (2009–2013), еще менее – З. Габриэль (2017–2018, на время преодоления кризиса с формированием кабинета), Х. Маас (2018–2021), А. Бербок (2021–2025). Каждый министр приводил команду профессиональных политиков; старшие ее члены получали должности статс-министров (обычно их было три). Часть из них имела опыт внешнеполитической работы, но чаще в составе профильных комиссий Бундестага со спецификой, которая весьма отлична от МИД. Поэтому каждому статс-министру требовалось время (как правило, от нескольких месяцев до года), чтобы детально освоить круг обязанностей. Кроме того, деятельность этой категории заместителя министра нацелена во многом вовне – на контакты с другими ведомствами, Бундестагом, общественностью, что заметно сокращает время статс-министра на работу в самом МИД [Die Leitung]. По данным причинам ключевую нагрузку внутри министерства несут статс-секретари – заместители министра из числа кадровых дипломатов. Обычно их двое, при этом часто при приходе нового начальника, чтобы обеспечить работу МИД без сбоев, сменяется только один статс-секретарь, а другой – через некоторое время. После пребывания в должности (обычно 3–5 лет) занимавший ее статс-

секретарь вновь становился главой департамента или получал назначение послом, т. е. перемещался на нижестоящий пост. Такая примечательная практика ротации высокопоставленных кадров по схеме «вверх – вниз» есть устоявшаяся нормальность для МИД ФРГ. Данные схемы функционировали при Бербок, но с дополнением: в марте 2022 г. появился третий статс-секретарь (что иногда имело место и ранее) с весьма узким функционалом – только с задачей продвигать «зеленую» повестку. Однако это стало временным исключением, подтвердившим общее правило, к которому вернулся состав и функционал статс-секретарей при Й. Вадефуле. В 2025 г. должностных лиц данной категории вновь стало двое: А.З. фон Гайр для курирования работы всех территориальных департаментов МИД ФРГ, Б. Котч – функциональных [Organisationsplan… 2025]. Оба чиновника – кадровые дипломаты с ученой степенью PhD, однако часть своей карьеры провели на политико-дипломатической работе в других министерствах. Первый трудился в Ведомстве федерального канцлера, был вице-президентом Федеральной разведывательной службы (BND; 2010–2014), директором по политическим вопросам в военном министерстве (2014–2019), исполнял функции посла в России (2019–2023) и постоянного представителя в НАТО (2023–2025). Исходя из списка перечисленных должностей, был глубоко погружен в разработку и реализацию мер по милитаризации ФРГ и стратегии «сдерживания» России [Die Leitung]. Второй работал заместителем руководителя Ведомства федерального канцлера (2010–2018), был координатором BND (2018–2021), послом ФРГ при Святом Престоле и Мальтийском ордене (2021–2025) [ibid.]. Биографии обоих статс-секретарей при Вадефуле косвенно подтверждают усиление и без того тесного сотрудничества МИД с Ведомством федерального канцлера, а также готовность обеспечивать активное дипломатическое сопровождение как непосредственно роста военной мощи ФРГ, так и возрастающей роли фактора силы в ее внешней политике.

Обычно каждая из категорий заместителей главы МИД охватывала в своей работе весь спектр департаментов, при этом они отнюдь не дублировали работу друг друга. Однако с 2025 г. 1-й департамент (организационный) находился в подчинении Б. Котча, но у него отсутствовал координатор от другой категории заместителей министра иностранных дел – статс-министр [Organisationsplan… 2025].

Статс-секретарь из кадровых дипломатов направлял работу вверенных ему подразделений, а статс-министр из политиков-назначенцев – курировал, т. е. проверял и наблюдал. Если у статс-секретарей один отвечал за отраслевые подразделения, другой – за территориальные, то каждый статс-министр имел смешанную нагрузку. При этом обычно статс-секретарь координировал тот или иной департамент целиком, статс-министр – часто лишь некоторые его отделы, а иные – другой статс-секретарь [ibid.]. По сравнению со статс-секретарями участок работы статс-министра был заметно у́же.

Из числа статс-министров один обычно отвечал за европейское направление с указанием этого в названии его должности: при Й. Вадефуле с мая 2025 г. это Г. Крихбаум. Он координирует работу уполномоченного по германо-французскому сотрудничеству (данное должностное лицо не подчинялось напрямую министру), департаменты «E» (Европейский) и 5-й (правовой), подразделения 2-го департамента, работавших по ОБСЕ и Совету Европы, а также по Закавказью, Центральной Азии и программе «Восточное партнерство» и по Западным Балканам [Organisationsplan… 2025]. Обособление двух последних групп сюжетов подтверждает уже отмеченную их важность во внешней политике ФРГ.

В сферу ответственности статс-министра С. Гюлер входят 3-й департамент (по странам Глобального Юга), но без отдела по Ближнему Востоку (кроме Сирии и Ливана), а также 6-й (по вопросам культуры и общественных связей), 7-й (протокола), «S» (кризисное регулирование, стабилизация, предоставление гуманитарной помощи), а также отдел 2-го департамента по Турции [ibid.]. Таким образом, в ведении Гюлер сосредоточен широкий спектр компетенций по развитию отношений со странами Глобального Юга, в том числе участию ФРГ в борьбе с различными исходящими оттуда угрозами безопасности. На фоне вынужденного вывода контингентов бундесвера в числе сил партнеров по НАТО из Афганистана (в 2021 г.) и по ЕС из Мали и Нигера (к 2024 г.) деятельность МИД на Среднем Востоке и в Африке приобретала для стратегической активности ФРГ на данных направлениях особое значение. Это подчеркивало назначение на соответствующую должность статс-министра профессионального политика-женщины, происходившей из семьи турок-мигрантов, притом полноценно интегрировавшейся в немецкое общество [Die Leitung].

Статс-министр Ф. Хан координирует работу трех департаментов: 4-го (геоэкономические вопросы), «AP» (Asien – Pazifik; АТР, Азиатско-Тихоокеанский регион), «OR» (Internationale Ordnung, Vereinte Nationen und Rüstungskontrolle; международный порядок, ООН, контроль над вооружениями). Кроме того, в ведении Хана находились отделы 2-го департамента, ответственные за отношения с США и в целом англо-саксонскими странами, членство в НАТО, государствами – членами блока вне ЕС, по Арктике, а также за сотрудничество с Украиной и Молдовой, поддержание контактов с Россией и Республикой Беларусь (РБ). В свою очередь, от 3-го департамента в ведении данного статс-министра находится отдел по Ближнему Востоку (кроме Сирии и Ливана) [ibid.]. Соответственно, Хан курирует направления, связанные с тремя основными системами «сдерживания» (России, а также КНР и ИРИ), стратегическим закреплением в бассейне Северного Ледовитого океана. Особенностью активности ФРГ на всех этих направлениях (вблизи перечисленных держав Мирового большинства и в Арктике) является использование бундесвера в различных формах [Трунов 2024а, с. 232–234; Трунов 2025а, с. 12–17].

Особенности осевой структуры МИД ФРГ: от департаментов к отделам

Помимо аппарата министра, все остальные отделы сведены в департаменты. Их состав неодинаков – от 5 до 15 отделов (исключение – 1-й департамент, состоящий из 37 отделов). Управление трехступенчатое: помимо директора департамента это его уполномоченные (от 2 до 4), каждый руководит работой группы отделов. За вычетом подразделений 1-го департамента лишь 26 отделов имеют территориальную (по географическому признаку) направленность, а 78 – отраслевую (по конкретным функциональным вопросам), т. е. втрое больше (рассчитано на основе: [Organisationsplan… 2025]). В реальности разница еще значительнее, так как часть страновых подразделений занимается взаимодействием также за работу с организациями, форматами с членством фокусных государств. Так, отдел по сотрудничеству с партнерами в Центрально-Восточной Европе отвечает также за контакты с «Вышеградской группой» (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) и «Веймарским треугольником» (помимо Германии включает Польшу и Францию), а отдел по сотрудничеству с Великобританией, группой стран Северной и Центральной Европы вне ЕС – с площадкой Е3 (кроме Германии входят Великобритания и Франция). Хотя «Веймарский формат» и «евротройка» имеют в составе также Францию, исходя из структуры МИД ФРГ, для нее эти площадки важны прежде всего из-за третьего государства-участника – Польши и Великобритании соответственно [ibid.].

Отделы внутри департаментов, как и сами они, частью имели буквенные обозначения, частью – нумерацию. Различия не обусловлены тем, является ли подразделение территориальным или отраслевым. Обычно буквенные обозначения получают оргединицы с более узким профилем и/или в тех случаях, когда ФРГ таким образом подчеркивает символизм и значимость того участка в работе МИД, за который отвечает соответствующее подразделение. Так, департамент «E» развивал контакты с партнерами по ЕС и широкому спектру вопросов, связанных с самим объединением, а департамент «AP» – отношения с большинством стран и форматов в АТР. Вслед за США ФРГ стала использовать понятие «ИТР» (Индо-Тихоокеанский регион), соответственно изменила структуру МИД, но название профильного департамента сохранила неизменным. Особое внимание было уделено КНР, в отношении которой власти ФРГ в июле 2023 г. приняли отдельную стратегию [Арзаманова 2024, с. 242–248]. Берлин воспринимал официальный Пекин одновременно как «партнера, конкурента и системного соперника» [China-Strategie der Bundesregierung 2023, S. 10]. Вопросы урегулирования вооруженных конфликтов находились в компетенции департамента «S» (т. е. Sicherheit – безопасность). Длительное время (с 1990-х годов, де-факто до начала 2020-х годов) попытки принять роль гаранта безопасности для страны происхождения вооруженного конфликта были основной тактикой ФРГ в ее стремлении обеспечить стратегическое

присутствие вне Евро-Атлантического сообщества. Функционал департамента «OR» – проблемы эволюции миропорядка, глобальные аспекты безопасности (в частности, нераспространение ядерного оружия), блок вопросов по членству ФРГ в ООН [Organisationsplan… 2025]. Это подчеркивало особое внимание Берлина к Организации, в том числе стремление получить постоянное место в Совете Безопасности. Но данный трек не выделен в компетенцию какого-либо отдела, чтобы не подчеркивать тот факт, что эта весьма значимая для Берлина проблема остается нерешенной.

Таким образом, среди департаментов с буквенным обозначением число территориальных и отраслевых равное – по два подразделения. Иное соотношение наличествовало у номерных: пять из семи отраслевые. Из их числа 1-й – организационный, 4-й – по геоэкономике (до 2025 г. именовался профильным по климатической, экологической и энергетической повестке), 5-й – по правовым аспектам, 6-й – по вопросам культуры и межобщественных связей, 7-й – по протоколу и консульской службе [ibid.].

В свою очередь, каждый из двух территориальных департаментов имел очень широкий географический охват. Так, к задачам 2-го департамента отнесены контакты с государствами Северной Америки и всеми игроками, которые расположены в Европе, но вне ЕС [ibid.]. Соответственно, в рамках задач департамента оказались сведены вместе диалог с США, в целом англо-саксонскими странами и конфронтационное взаимодействие с Россией и РБ. Внутри 2-го департамента продолжал функционировать отдел по Российской Федерации (в его компетенцию традиционно входит также диалог с РБ), добавились контакты (де-факто не поддерживаемые) с Организацией Договора о коллективной безопасности и евразийскими структурами, чего не было до начала 2020-х годов. Структура департаментов «E» и 2-го отражает последовательное стремление ФРГ обеспечить, чтобы эпитеты «входящий в ЕС» и «европейский» звучали не только как синонимичные, но и тождественные. Это противоречит понятию «Европа» географически – прежде всего, в нее входят Россия и РБ. Придавая функционалу 2-го департамента парадоксально смешанный с учетом геостратегических реалий характер, МИД ФРГ демонстрирует приоритетность ЕС перед НАТО для германской внешней политики. Вместе с тем сложно признать безусловность данного положения. В ряду территориальных департаментов 2-й департамент традиционно ставится перед «E», что прежде всего отражает особую важность отношений с США для ФРГ. Они объединены в одном отделе с диалогом с Канадой и вопросами по G7, хотя отделы по контактам с КНР и даже Турцией включают лишь одну эту страну [ibid.]. Уместно дать такие основные объяснения для столь парадоксальной ситуации. Во-первых, важнейшие контакты с США традиционно развивает Ведомство федерального канцлера. Во-вторых, Берлин подчеркивает восприятие США как первой среди равных среди «западных демократий», заинтересованность

именно в мягком лидерстве Белого дома [Merz 2026]. Структура 2-го департамента отражает, что именно Норвегия (а не какая-либо другая страна – участница НАТО с сектором в Северном Ледовитом океане) является важнейшим контрагентом ФРГ для закрепления в Арктике.

3-й департамент объединял контакты с государствами и региональными структурами в Латинской Америке, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, т. е. географически самую широкую внутри МИД ФРГ компетенцию. У департамента функционал большинства отделов обозначен не через перечисление стран (как во 2-м, «E» и «AP»), а лишь название регионов/субрегионов [Organisationsplan… 2025]. Исключения были сделаны лишь для стран происхождения вооруженного конфликта, где ФРГ пыталась активно действовать (Ливан, Ирак, Сирия), а также Бразилии и Мексики, но отнюдь не Аргентины [ibid.], что отражало небольшие объемы кооперации с последней. Подход отражал то, как ФРГ, одна из ведущих «западных демократий», реально воспринимала основной массив стран Глобального Юга.

Заключение

Сохранившийся и, напротив, изменившийся после смены кабинета (май 2025 г.) функционал ситуативных подразделений в подчинении главы МИД является важным индикатором фактических обеспокоенностей Берлина во внешней политике. Внутри Евро-Атлантического сообщества это прежде всего состояние и перспективы межгосударственного диалога ФРГ с США (при администрации Д. Трампа) и Польшей. В обоих случаях структура МИД указывает на стремление ФРГ частично компенсировать «узкие места» на официальном уровне посредством содействия развитию межобщественных контактов, дипломатии публичной и «второго трека». Вне Евро-Атлантического сообщества эволюция организационной структуры МИД ФРГ подтверждает, что в середине 2020-х годов фактические результаты стратегической активности страны заметно меньше ожидаемых в восточной части постъюгославского и на многих направлениях на постсоветском (прежде всего, в Закавказье и Центральной Азии) пространствах.

Профили статс-министров позволяют выделить три магистральных направления в современной деятельности МИД ФРГ: сотрудничество с партнерами по ЕС; кооперация со странами Глобального Юга (с выведением из данного блока вопросов отношений с большинством стран Ближнего Востока); отношения с США и англо-саксонскими странами, участие в «сдерживании» наиболее влиятельных и активных незападных держав – России, КНР, ИРИ. К последнему направлению отнесена и проблематика наращивания стратегического присутствия ФРГ на постсоветском пространстве и в Арктике, ИТР и на Ближнем Востоке. Решение каждой из данных задач Берлин видит прежде всего в контексте участия в системном противодействии соответствующему

оппоненту, т. е. Российской Федерации, КНР, ИРИ. Необходимо подчеркнуть: в середине 2020-х годов бундесвер ориентирован на использование именно на указанных направлениях, при этом масштаб и провокационность форм его применения заметно отличается для конкретных систем «сдерживания», имея наибольшие значение для конфронтации с Россией. Заметный рост вовлеченности в данный процесс воедино связан с милитаризацией ФРГ. Одним из подтверждений этого служат биографии обоих статс-секретарей, вновь назначенных при вступлении Й. Вадефуля в должность.

Структура центрального аппарата МИД ФРГ на уровне департаментов и входящих в них отделов, в том числе трехкратная разница по числу функциональных и территориальных отделов, подтверждает приверженность Берлина либеральным ценностям и принципам, прежде всего мультилатерализму.

Библиография

Абрамова Е.А., Дегтерев Д.А. Франция в меняющейся расстановке сил в Сахеле: геометрия влияния // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 4. С. 154–173. DOI: 10.31249/ape/2025.04.09.

Арзаманова Т.В. Китайская головоломка в контексте «смены эпох» (Zeitenwende) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 240–259. DOI: 10.31249/ape/2024.04.13.

Арзаманова Т.В. От «высокого атлантизма» к дисторсии атлантической солидарности: «эффект Трампа» в фокусе «смены эпох» в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2025a. № 2. С. 184–202. DOI: 10.31249/ape/2025.02.10.

Арзаманова Т.В. Политика ФРГ в отношении Ирана и Израиля: в поиске новых смыслов // Актуальные проблемы Европы. 2025b. № 4. С. 216–233. DOI: 10.31249/ape/2025.04.12.

Белинский А.В. В ожидании ревизора: президентские выборы в США и реакция политических партий ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С. 203–219. DOI: 10.31249/ape/2025.02.11.

Белинский А.В. Новая «война» прусского учителя. Система школьного образования ФРГ и проблема интеграции иммигрантов // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3. С. 63–80. DOI: 10.31249/ape/2024.03.04.

Братерский М.В. Введение. Поиск Западом своего места и роли в меняющемся мире // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С. 7–21. DOI: 10.31249/ape/2025.02.01.

Ведерников М.В. Евровыборы 2024 г. в Чехии и Словакии // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С. 117–135. DOI: 10.31249/ape/2025.01.06.

Ерёмин Д.П. Евро-атлантическая интеграция и проблема двусторонних отношений с РФ во внешней политике Боснии и Герцеговины // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 202–224. DOI: 10.31249/ape/2024.02.11.

Трунов Ф.О. Европейские государства и проблемы безопасности на Большом Ближнем Востоке: устремления и военно-политические возможности // Актуальные проблемы Европы. 2025a. № 4. С. 8–30. DOI: 10.31249/ape/2025.04.01.

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к взаимодействию с РП в сфере безопасности и обороны (к середине 2020-х гг.) // Балтийский регион. 2025b. № 2. С. 49–72. DOI: 10.5922/2079-8555-2025-2-3.

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США – КНР к середине 2020-х годов: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2024a. № 4. С. 223–239. DOI: 10.31249/ape/2024.04.12.

Трунов Ф.О. Роль Германии как «рамочного государства» НАТО // Общественные науки и современность. 2024b. № 1. С. 46–59. DOI: 10.31857/S0869049924010047.

Трунов Ф.О. «Узкие места» диалога Германии и Канады в сфере безопасности и обороны: особенности и причины // США & Канада: экономика, политика, культура. 2025c. № 3. С. 99–112. DOI: 10.31857/S2686673025030082.

Шишелина Л.Н. Европейские и региональные выборы в Венгрии // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С. 100–116. DOI: 10.31249/ape/2025.01.05.

Энтина Е.Г. Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 185–201. DOI: 10.31249/ape/2024.02.10.

China-Strategie der Bundesregierung. Berlin: Auswärtiges Amt, 2023. 62 S.

Defence expenditures of NATO countries (2014–2025). 17 p. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/finance/def-exp-2025-en.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

Deutschland und Armenien vertiefen Partnerschaft mit gemeinsamer Erklärung: Pressekonferenz von Bundeskanzler Merz und Armeniens Ministerpräsident Paschinjan // Bundeskanzleramt. 09.12.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-armenien-deutschland-2398652 (дата обращения: 13.02.2026).

Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine // Bundeskanzleramt. 17.04.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/waffenlieferungen-ukraine-2054514 (дата обращения: 13.02.2026).

Die Leitung // Auswärtiges Amt. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aamt/leitung (дата обращения: 13.02.2026).

Frieden für die Ukraine weiter vorantreiben: Pressekonferenz mit Bundeskanzler Merz nach dem Treffen der Koalition der WilligenPressekonferenz mit Bundeskanzler Merz nach dem Treffen der Koalition der Willigen // Bundeskanzleramt. 06.01.2026. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-koalition-der-willigen-2401806 (дата обращения: 13.02.2026).

Gemeinsame Erklärung der Staats- und Regierungschefs von Frankreich, Polen und Deutschland anlässlich des Unabhängigkeitstages von Georgien // Bundeskanzleramt. 26.05.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2350022/dc3f46361f4fc14f5f2d7d3d2ce72b59/2025-05-26-gemeinsame-erklaerung-georgien-data.pdf?download=1 (дата обращения: 13.02.2026).

Lang K.-O. Warschaus konfrontative Deutschlandpolitik // SWP-Aktuell. 2022. № 68. 8 S. DOI: 10.18449/2022A68.

Merz F. Arbeiten für Deutschland, jeden Tag, mit Verbündeten und Partnern in aller Welt // Bundeskanzleramt. 08.09.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merz-botschafterkonferenz-2383372 (дата обращения: 13.02.2026).

Merz F. Sanktionen gegen Russland, Zölle und die bilateralen Beziehungen // Bundeskanzleramt. 05.06.2025b. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merz-nach-treffen-mit-trump-2352358 (дата обращения: 13.02.2026).

Merz F. Tür in die EU ist für Moldau offen // Bundeskanzleramt. 27.08.2025c. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-kanzler-moldau-2381788 (дата обращения: 13.02.2026).

Merz F. Unsere Freiheit behaupten wir mit unseren Nachbarn // Bundeskanzleramt. 13.02.2026. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-kanzler-msc-2407218 (дата обращения: 13.02.2026).

Merz F. Zukunft der Westbalkanländer liegt in der Europäischen Union // Bundeskanzleramt. 22.10.2025d. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-kanzler-berlin-process-2390570 (дата обращения: 13.02.2026).

Organisationsplan des Auswärtigen Amts. Stand: 9. Dezember 2025 // Auswärtiges Amt. 2025. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/215270/763cd07629a493e381181d797adaa76b/organisationsplan-data.pdf (дата обращения: 13.02.2026).

Scholz O. Zentralasien ist für Deutschland eine äußerst wichtige Region // Bundeskanzleramt. 17.09.2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/rede-bundeskanzler-scholz-z5-2308994 (дата обращения: 13.02.2026).

References

Abramova E.A., Degterev D.A. Frantsiya v menyayushcheysya rasstanovke sil v Sakhele: geometriya vliyaniya [France in the changing balance of power in the Sahel region: geometry of influence France in the changing balance of power in the Sahel region: geometry of influence]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025. N 4. P. 154–173. DOI: 10.31249/ape/2025.04.09. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Kitayskaya golovolomka v kontekste «smeny epokh» (Zeitenwende) [Chinese conundrum in the context of "change of eras" (Zeitenwende)]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 240–259. DOI: 10.31249/ape/2024.04.13. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Ot «vysokogo atlantizma» k distorsii atlanticheskoy solidarnosti: «effekt Trampa» v fokuse «smeny epokh» v FRG [From "High Atlanticism" to the distortion of Atlantic solidarity: the "Trump effect" in the focus of the "change of era" in Germany]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025a. N 2. P. 184–202. DOI: 10.31249/ape/2025.02.10. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Politika FRG v otnoshenii Irana i Izrailya: v poiske novykh smyslov [German policy towards Iran and Israel: in search of new interpretations]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025b. N 4. P. 216–233. DOI: 10.31249/ape/2025.04.12. (In Russ.)

Belinskiy A.V. V ozhidanii revizora: prezidentskie vybory v SShA i reaktsiya politicheskikh partiy FRG [Waiting for the Government Inspector: the US presidential election and the reaction of the political parties in the FRG]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025. N 4. P. 203–219. DOI: 10.31249/ape/2025.02.11. (In Russ.)

Belinskiy A.V. Novaya «voyna» prusskogo uchitelya. Sistema shkol'nogo obrazovaniya FRG i problema integratsii immigrantov [The new "war" of the Prussian teacher. German school system and the problem of immigrant integration]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 3. P. 63–80. DOI: 10.31249/ape/2024.03.04. (In Russ.)

Braterskiy M.V. Vvedenie. Poisk Zapadom svoego mesta i roli v menyayushchemsya mire [Introduction. The West in search of its place and role in a changing world]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025. N 2. P. 7–21. DOI: 10.31249/ape/2025.02.01. (In Russ.)

China-Strategie der Bundesregierung. Berlin: Auswärtiges Amt, 2023. 62 S.

Defence expenditures of NATO countries (2014–2025). 17 p. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/finance/def-exp-2025-en.pdf (date of access: 01.06.2026).

Deutschland und Armenien vertiefen Partnerschaft mit gemeinsamer Erklärung: Pressekonferenz von Bundeskanzler Merz und Armeniens Ministerpräsident Paschinjan. Bundeskanzleramt. 09.12.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-armenien-deutschland-2398652 (date of access: 13.02.2026).

Die Leitung. Auswärtiges Amt. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aamt/leitung (date of access: 13.02.2026).

Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine. Bundeskanzleramt. 17.04.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/waffenlieferungen-ukraine-2054514 (date of access: 13.02.2026).

Entina E.G. Serbskaya vneshnyaya politika: vyzovy i vospriyatie [Serbian foreign policy: challenges and perception]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 2. P. 185–201. DOI: 10.31249/ape/2024.02.10. (In Russ.)

Eremin D.P. Evro-atlanticheskaya integratsiya i problema dvustoronnikh otnosheniy s RF vo vneshney politike Bosnii i Gertsegoviny [Euro-Atlantic integration and the issue of bilateral relations with the Russian Federation in the foreign policy of Bosnia and Herzegovina]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 2. P. 202–224. DOI: 10.31249/ape/2024.02.11. (In Russ.)

Frieden für die Ukraine weiter vorantreiben: Pressekonferenz mit Bundeskanzler Merz nach dem Treffen der Koalition der Willigen. Bundeskanzleramt. 06.01.2026. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-koalition-der-willigen-2401806 (date of access: 13.02.2026).

Gemeinsame Erklärung der Staats- und Regierungschefs von Frankreich, Polen und Deutschland anlässlich des Unabhängigkeitstages von Georgien. Bundeskanzleramt. 26.05.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2350022/dc3f46361f4fc14f5f2d7d3d2ce72b59/2025-05-26-gemeinsame-erklaerung-georgien-data.pdf?download=1 (date of access: 13.02.2026).

Lang K.-O. Warschaus konfrontative Deutschlandpolitik. SWP-Aktuell. 2022. № 68. 8 S. DOI: 10.18449/2022A68.

Merz F. Arbeiten für Deutschland, jeden Tag, mit Verbündeten und Partnern in aller Welt. Bundeskanzleramt. 08.09.2025a. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merz-botschafterkonferenz-2383372 (date of access: 13.02.2026).

Merz F. Sanktionen gegen Russland, Zölle und die bilateralen Beziehungen. Bundeskanzleramt. 05.06.2025b. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merz-nach-treffen-mit-trump-2352358 (date of access: 13.02.2026).

Merz F. Tür in die EU ist für Moldau offen. Bundeskaznleramt. 27.08.2025c. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-kanzler-moldau-2381788 (date of access: 13.02.2026).

Merz F. Unsere Freiheit behaupten wir mit unseren Nachbarn. Bundeskaznleramt. 13.02.2026. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-kanzler-msc-2407218 (date of access: 13.02.2026).

Merz F. Zukunft der Westbalkanländer liegt in der Europäischen Union. Bundeskanzleramt. 22.10.2025d. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-kanzler-berlin-process-2390570 (date of access: 13.02.2026).

Organisationsplan des Auswärtigen Amts. Stand: 9. Dezember 2025. Auswärtiges Amt. 2025. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/215270/763cd07629a493e381181d797adaa76b/organisationsplan-data.pdf (date of access: 13.02.2026).

Scholz O. Zentralasien ist für Deutschland eine äußerst wichtige Region. Bundeskanzleramt. 17.09.2024. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/rede-bundeskanzler-scholz-z5-2308994 (date of access: 13.02.2026).

Shishelina L.N. Evropeyskie i regional'nye vybory v Vengrii [European and regional elections in Hungary]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025. N 2. P. 100–116. DOI: 10.31249/ape/2025.01.05. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Evropeyskie gosudarstva i problemy bezopasnosti na Bol'shom Blizhnem Vostoke: ustremleniya i voenno-politicheskie vozmozhnosti [European states and security challenges in the Greater Middle East: aspirations and military-political capabilities]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025a. N 4. P. 8–30. DOI: 10.31249/ape/2025.04.01. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Podkhod FRG k protivostoyaniyu SShA – KNR k seredine 2020-kh godov: politicheskie i voennye aspekty [FRG's approach to the US – China rivalry by the mid-2020s: political and military aspects]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024a. N 4. P. 223–239. DOI: 10.31249/ape/2024.04.12. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Podkhod FRG k vzaimodeystviyu s RP v sfere bezopasnosti i oborony (k seredine 2020-kh gg.) [Germany's approach to security and defence cooperation with Poland by the mid-2020s]. Baltiyskiy region [Baltic region]. 2025b. N 2. P. 49–72. DOI: 10.5922/2079-8555-2025-2-3. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Rol' Germanii kak «ramochnogo gosudarstva» NATO [The Role of Germany as a NATO "Framework Nation"]. // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and contemporary world]. 2024b. N 1. P. 46–59. DOI: 10.31857/S0869049924010047. (In Russ.)

Trunov Ph.O. «Uzkie mesta» dialoga Germanii i Kanady v sfere bezopasnosti i oborony: osobennosti i prichiny ["The Bottlenecks" of German-Canadian Dialogue in the Sphere of Security and Defence: Features and Reasons]. SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: Economics, Politics, Culture]. 2025c. N 3. P. 46–59. DOI: 10.31857/S2686673025030082. (In Russ.)

Vedernikov M.V. Evrovybory 2024 g. v Chekhii i Slovakii [Elections to the European Parliament in Czechia and Slovakia in 2024]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025. N 2. P. 117–135. DOI: 10.31249/ape/2025.01.06. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.09

Д.К. Баканов

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРИАТА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ РСФСР[1]

Аннотация. *Статья посвящена деятельности Белорусского национального комиссариата, являвшегося подразделением Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. В работе показана структура Белорусского комиссариата, исследован его кадровый состав и конкретные мероприятия, реализованные этим органом советской власти в марте – ноябре 1918 г. Отдельно прослеживается роль комиссариата в государственном и национальном строительстве Белоруссии. Рассматривается судьба ряда сотрудников указанного ведомства на фоне восстания левых социалистов-революционеров в июле 1918 г. Поднимается вопрос о взаимодействии различных органов советской власти на партийном, государственном и местном уровнях. Сделан вывод о том, что советская национальная политика, частным проявлением которой стала деятельность Белорусского комиссариата, способствовала росту симпатий по отношению к Советской России и левым идеям со стороны национальных меньшинств и оказала содействие утверждению стабилизирующей роли России в мире.*

Ключевые слова: *Наркомнац; Белнацком; Облискомзап; И.В. Сталин; А.Г. Червяков; И.В. Лагун; Н.С. Семенович; В.В. Скоринко; РСФСР.*

Баканов Дмитрий Константинович – младший научный сотрудник Отдела региональных исследований Института всеобщей истории Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: b79190524539@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-1078-9373
Web of Science Researcher ID: KMX-3490-2024

D.K. Bakanov

The early period of activity of the Belarusian National Commissariat of the RSFSR People's Commissariat for Nationalities

Abstract. *This article examines the activities of the Belarusian National Commissariat, a subdivision of the People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR. It analyzes the organizational structure of the Belarusian Commissariat, its personnel and the specific*

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

measures implemented by this Soviet institution between March and November 1918. Particular attention is paid to the Commissariat's role in the state-building and nation-building of Belarus. The article also examines the fate of several of the Commissariat's employees against the backdrop of the Left Socialist-Revolutionary uprising of July 1918. It further explores the interaction among Soviet authorities at the party, state and local levels. The study concludes that Soviet nationality policy, of which the activities of the Belarusian Commissariat constituted a particular manifestation, contributed to growing sympathy for Soviet Russia and left-wing ideas among national minorities and helped consolidate Russia's role as a stabilizing force in international affairs.

Keywords: *People's Commissariat of Nationalities; Belarusian People's Commissariat for Nationalities; Executive Committee of the Western Region; J.V. Stalin; A.G. Chervyakov; I.V. Lagun; N.S. Semenovich; V.V. Skorinko; RSFSR.*

Bakanov Dmitry Konstantinovich – junior research assistant of the Department of Regional Studies, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: b79190524539@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-1078-9373
Web of Science Researcher ID: KMX-3490-2024

Введение

Одним из ведомств первого советского правительства – Совета Народных Комиссаров (СНК), созданного на II Всероссийском съезде Советов, был Народный комиссариат по делам национальностей, или Национальный комиссариат (Наркомнац, НКН), под руководством И.В. Сталина. Важнейшей задачей нового ведомства стало привлечение на сторону советской власти представителей национальных меньшинств России. В отличие от комиссариатов просвещения, юстиции, финансов и иных, Наркомнац не имел аналогов ни в российской, ни в мировой истории [Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920-е годы 2022, с. 11].

Первое организационное собрание сотрудников Наркомнаца состоялось 15 февраля 1918 г. На нем был учрежден высший орган управления комиссариатом – коллегия, куда помимо И.В. Сталина, его заместителя С.С. Пестковского и управляющего делами Ф.М. Сенюты, должны были войти по два представителя от каждого из национальных подразделений комиссариата [там же, с. 81–82]. На том же заседании было постановлено создать при Наркомнаце свой печатный орган, которым стала газета «Жизнь национальностей» (ее первый выпуск увидел свет, однако, только 9 ноября 1918 г.). Национальные подразделения комиссариата, созданные до учреждения коллегии, назывались также комиссариатами, а те, что после – отделами (за исключением Комиссариата по латышским национальным делам) [Баканов 2025]. Несмотря на равенство

полномочий национальных комиссариатов и отделов, первичность создания, а также более звучное название – комиссариат, подчеркивало приоритетность большевистского руководства в работе с народами, национальные подразделения которых были созданы первыми. Одним из таких подразделений был Белорусский национальный комиссариат Наркомнаца РСФСР, или Белнацком (БНК).

Создание Белнацкома в структуре Наркомнаца РСФСР неразрывно связано с темой белорусского национального строительства. По итогам российского участия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. к моменту заключения Брестского мира 1918 г. западная и центральная части белорусских земель оказалась под контролем Германии. Однако в восточной части Белоруссии, включавшей города Витебск, Орша и Могилёв, советская власть сохранилась. Управление данными территориями с ноября 1917 г. осуществлял Исполнительный комитет Западной области и фронта (Облискомзап), во главе которого стояли Александр Федорович Мясников (Мясникян) и Моисей Иосифович Калманович, а СНК Западной области возглавлял Карл Иванович Ландер [Короткова 2019, с. 49–50]. До немецкого наступления в феврале 1918 г. административный центр Западной области располагался в Минске, а затем в связи с его занятием немцами руководство Западной области перебралось в Смоленск [Рудовіч 2020, с. 33]. В свою очередь на подконтрольных Германии территориях белорусские националисты развернули активную деятельность, итогом которой стало провозглашение 9 марта 1918 г. формально независимой Белорусской народной республики [Мазец 2020, с. 130]. Но германскими властями она признана не была. Видение сторонников независимости разделяла некоторая часть населения, в первую очередь представители интеллигенции [История белорусской государственности 2019, с. 138]. В свою очередь, в советской части Белоруссии А.Ф. Мясников и К.И. Ландер считали белорусский национализм угрозой для советской власти на этих территориях, в связи с чем еще 18 декабря 1917 г. подчинявшиеся Облискомзапу войска разогнали I Всебелорусский съезд [там же, с. 94–95]. Примечательно, что данное собрание изначально задумывалось как белорусский представительный орган, альтернативный созванной на германской территории Белорусской раде и лояльный советской власти, а в его организации принимал участие Наркомнац РСФСР [там же, с. 84–87]. Впоследствии до конца 1918 г. А.Ф. Мясников и К.И. Ландер пресекали деятельность всех белорусских националистических организаций, включая лояльные советской власти [Короткова 2019, с. 49–59].

Значительная часть белорусской интеллигенции, поддерживавшая большевиков, не желала отделения Белоруссии от России, выступая за культурную и языковую автономию [История белорусской государственности 2019, с. 76]. В интересах этой группы, а также для создания лояльной большевикам белорусской национальной организации, которая должна была стать противовесом

белорусским сепаратистам из подконтрольной Германии части Белоруссии [Короткова 2019, с. 79], 31 января (13 февраля) 1918 г. советским руководством и было принято решение о создании Белнацкома при Наркомнаце РСФСР. Декрет СНК о создании этого комиссариата в структуре Наркомнаца, подписанный В.И. Лениным и И.В. Сталиным, 14, 15 и 17 февраля 1918 г. распространили через прессу [Декреты советской власти 1957, № 300, с. 460–461]. Первым руководителем данного подразделения Наркомнаца стал большевик Александр Григорьевич Червяков, товарищем, т.е. заместителем, комиссара – Владислав Викентьевич Скоринко, а главным секретарем – Дмитрий Федорович Жилунович [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 20]. Помимо представителей РКП (б) среди сотрудников Белнацкома были члены партии левых социалистов-революционеров (эсеров) и левого крыла Белорусской социалистической громады, членом которой изначально был Жилунович [Турук 1921, с. 42].

Формирование структуры Белнацкома: записка В.В. Скоринко

Белнацком был создан в Петрограде, но ввиду немецкой угрозы вместе с остальными органами советской власти переведен в Москву [Скалабан 1987, с. 9]. На момент переезда в марте 1918 г. численность сотрудников Белнацкома не превышала 20 человек, включая технический персонал [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 6]. Структура и функции Белнацкома нашли отражение в справке В.В. Скоринко от 9 апреля 1918 г. Согласно данному документу, в Белнацкоме функционировало восемь отделов, некоторые из них включали собственные подотделы [там же, л. 8].

Первым подразделением Белнацкома, отраженном в справке, был ***статистический отдел***, который должен был «учесть все стороны жизни Белоруссии, как-то: определить духовные и материальные средства, подсчитать исторические памятники культуры, языка, литературы, науки, искусства (песни, театры, музыка, архитектура), определить численность белорусов, их распространение, расселение, образ жизни и деятельности, процент заболеваемости, рождаемости и смертности, выяснить средства и пути в области просвещения, организации хозяйства, промышленности и торговли и т.п.» [там же].

Вторым подразделением, отмеченным в справке, был ***культурно-просветительный отдел***, включавший пять подотделов: общешкольный; прикладных знаний; художественный; библиотечный; агитационный. В.В. Скоринко называл две задачи, стоявшие перед отделом – пропагандистскую и агитационную, вкладывая в эти понятия такой смысл: «В задачу первой входит посылка на места литературы, инструкторов и лекторов. В задачу второй – организация на местах преподавания предметов белоруссоведения, организация школьного и внешкольного образования, устройство и открытие библиотек и читален, передвижных и постоянных выставок, музеев и всякого рода культурно-просве-

тительных и научных учреждений, организация курсов политических и социальных занятий для учителей и взрослых с целью широкого распространения таковых среди крестьянских и рабочих масс путем лекций и собеседований. А также открытие специальных курсов для агитаторов, посылаемых на Белоруссию» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 6]. Таким образом, в Белнацкоме не делили марксистскую идеологию и просвещение в области неполитизированных наук, воспринимая агитационные мероприятия приобщением народа как к политике коммунистов, так и к научному знанию.

Третьим подразделением Белнацкома был ***юридический отдел***, имевший, согласно справке, в своем составе три подотдела: общий; судебный; кодификационный. Общий подотдел занимался канцелярской и секретарской работой Белнацкома, связанной с юридическими аспектами деятельности комиссариата, а также осуществлял юридические консультации белорусского населения, обращавшегося в Белнацком, и регистрировал белорусские общественные организации политического, научного и культурно-просветительского характера. Судебный подотдел должен был отвечать за организацию общих и мировых судебных органов на территории Белоруссии, а также за работу с эвакуированным во время Первой мировой войны имуществом из того региона. В полномочия кодификационного подотдела входили упорядочивание материалов по обычному праву белорусов и координация с другими органами советской власти по вопросу узаконений и распоряжений, имевших отношение к Белоруссии. При юридическом отделе в апреле 1918 г. планировалось создать особое совещание по разработке законодательных предположений и практических мероприятий для их внедрения на территории Белоруссии [там же, л. 8–8 об.].

Четвертым подразделением Белнацкома, названным в справке, был ***отдел труда***. В его полномочия входили регистрация спроса и предложения рабочей силы от белорусов, содействие вступлению белорусских рабочих и крестьян в профессиональные и политические сообщества, организованные сторонниками советской власти. В справке особо отмечалось, что в рамках деятельности отдела труда планировалось организовать сеть ремесленных училищ и курсов, передвижных мастерских разных ремесел для белорусских рабочих и крестьян [там же, л. 8 об.].

Пятым подразделением Белнацкома был ***беженский отдел***, однако ввиду дублирования полномочий остальных отделов, согласно справке, в его полномочия входило оказание «культурно-просветительной помощи» беженцам-белорусам, а также участие представителей отдела в Центральной коллеги по делам о пленных и беженцев при Народном комиссариате по военным делам [там же].

Шестым подразделением Белнацкома являлся ***военный отдел***, имевший, по справке, следующие полномочия: «…главной задачей имеет подготовку опытных инструкторов партизанских отрядов, намечаемых к отправке в заня-

тую неприятелем Беларусь, а также организацию частей красной социалистической армии (так в документе. – *Д. Б.*), как в прифронтовой полосе, так и по всей Российской республике. Регистрация всех военных белорусских организаций старой конструкции и немедленное их расформирование и роспуск в случае их отказа перейти на службу в распоряжение Рабоче-Крестьянского правительства» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 6].

Седьмым подразделением Белнацкома, отмеченным в справке, был ***издательский отдел***, основной задачей которого был выпуск первой советской газеты на белорусском языке – «Дзянніца» (буквально – денница, предположительно в значении «утренняя заря», «рассвет»), созданной как печатный орган Белнацкома [Круталевич 1975, с. 305]. Помимо выпуска собственной газеты, издательским отделом печатались агитационные листовки, воззвания и прокламации на русском и белорусском языках. Также при отделе в апреле 1918 г. была создана коллегия переводчиков, занимавшаяся переводом на белорусский язык политической литературы. Кроме того, в тексте справки В.В. Скоринко отмечалось: «…отдел собирает творения писателей белорусов, вышедших из среды крестьян и рабочих, и исторически ценные акты и грамоты, относящиеся к прошлому Белоруссии» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 9].

Восьмым подразделением в справке названа ***канцелярия Белнацкома***, занимавшаяся документооборотом Белнацкома и перепиской его сотрудников с другими советскими ведомствами и учреждениями [там же].

Структура комиссариата, обозначенная в справке В.В. Скоринко, отражала только видение возможной деятельности Белнацкома руководством данного органа, а не ее саму. В условиях дефицита кадров заполнить все должности в каждом отделе, часть которых имела внутренние подотделы, не представлялось возможным. Кроме того, если бы все структурные единицы, указанные в справке, начали функционировать, то это бы создало сложности в государственном управлении ввиду дублирования полномочий других ведомств центрального и местного уровней власти.

Начало работы Белнацкома и его культурно-просветительский отдел

Результаты реальной деятельности Белнацкома в первые месяцы существования были скромными. Первым практическую деятельность начал издательский отдел: 1 марта 1918 г. им был выпущен первый номер газеты «Дзянніца», издание которой не прекращалось до 24 февраля 1919 г. (за это время вышло 49 номеров) [Круталевич 1975, с. 305]. Кроме того, отделом 2 апреля 1918 г. были опубликованы воззвания, являвшиеся политическим манифестом белорусских национал-коммунистов: «К народам польскому, украинскому, литовскому», «К германскому народу и германской армии»

и «К демократии России, Западной Европы, Америки и Востока» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 12].

Культурно-просветительный отдел[2] начал свою работу только в конце апреля 1918 г. [там же, л. 34–34 об.]. К 15 мая 1918 г. для коллегии Наркомнаца РСФСР сотрудники этого отдела подготовили первый доклад о своей деятельности. Практической работы к моменту написания отчета отдел еще не начал: первые месяцы ушли на организационные мероприятия. Согласно отчету, в отделе начали подготовку проектов учебников, научных и художественных книг на белорусском языке. Кроме того, Белнацкомом были зарегистрированы 60 белорусских национальных организаций на территории РСФСР, сотрудники отдела посетили государственные совещания по вопросам образования при Народном комиссариате просвещения РСФСР [там же, л. 35–35 об.].

К тексту отчета был приложен проект устройства культурно-просветительского отдела. В целом он повторял проект, изложенный в справке В.В. Скоринко, но с уточнениями. Руководить отделом должен был заведующий, предусматривались должности помощника заведующего отделом (по задумке авторов проекта, должен был совместно с заведующим осуществлять общее руководство отделом) и секретаря (в случае расширения штата трансформировалась бы в должность заведующего канцелярией с собственными работниками). За конкретные направления работы должны были отвечать подотделы во главе с заведующими подотделами. Культурно-просветительский отдел должен был включать шесть подотделов: внешкольного образования; общешкольного образования (в некоторых документах он упоминался как школьный); прикладных знаний; дошкольного образования и здравоохранения; научно-художественный; литературно-издательский. Для координации работы культурно-просветительского отдела заведующий, его помощник, заведующие подотделами и секретарь отдела объединялись в коллегию культурно-просветительского отдела, которая должна была собираться не реже одного раза в неделю и принимать основные решения о мероприятиях отдела. Проект подразумевал, что заведующие подотделами будут расширять деятельность и привлекать новых сотрудников, которых также утвердит коллегия [там же, л. 36–36 об.]. Таким образом, устройство этого отдела копировало устройство не только Белнацкома, но и самого Наркомнаца РСФСР в меньшем масштабе[3].

2. Культурно-просветительские отделы национальных комиссариатов в 1918 г., обладая наибольшим числом работников, осуществляли самую масштабную работу и имели некоторую автономию относительно самих комиссариатов.

3. Как показало наше предыдущее исследование, остальные отделы национальных комиссариатов имели похожую структуру с собственным заведующим, его заместителем и заведующими отдельными направлениями [Баканов 2025].

Первая смена руководства Белнацкома

Практическая деятельность Белнацкома тормозилась из-за личного конфликта между комиссаром А.Г. Червяковым и его заместителем В.В. Скоринко. Для выяснения обстоятельств этого конфликта из Петрограда был направлен Иосиф Васильевич Лагун – до июня 1918 г. комиссар Белнацкома в Петрограде, не являвшийся подчиненным Червякова, поскольку петроградское отделение Белнацкома до лета 1918 г. было автономным и не подчинялось московскому [Кодин 2025, с. 22].

О данном конфликте (суть его неизвестна) и вызванных им проблемах комиссариата И.В. Лагун сообщил во второй половине мая 1918 г. на заседании Белорусской секции РКП (б) – организации, дублировавшей Белнацком на партийном уровне[4]. По итогам доклада Лагуна на упомянутом заседании секция решила (далее орфография и пунктуация документа сохранена. – *Д. Б.*): «…товарищам Червякову и Скоринко вынесть порицание за бездеятельность и упущенное время активно напряженной работы… “Секция Белорусов” постановляет тов. Сталина впредь до выяснения возможности, отстранить от должности Комиссара Червякова и его помощника Скоринко. Назначить во временное управление делами Комиссариата Семеновича Николая Степановича/член Ц.К. С. Р. лев./коему поручить заняться реорганизацией Комиссариата» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 38]. Таким образом, конфликт между А.Г. Червяковым и В.В. Скоринко дошел до И.В. Сталина. При этом Скоринко был отправлен в отставку 15 мая, т.е. до сообщения И.В. Лагуна в Белорусскую секцию ЦК РКП (б) [там же, л. 39].

Передача дел комиссариата А.Г. Червяковым новому руководителю Белнацкома Н.С. Семеновичу, согласно тексту постановления являвшемуся членом ЦК партии левых эсеров, состоялась 24 мая 1918 г. В официальном акте об этом событии сообщалось, что новый комиссар получил выписки из кассовой книги и описи дел беженского, культурно-просветительского, издательского, юридического отделов и общей канцелярии [там же, л. 22]. Это позволяет заключить, что к 24 мая 1918 г. в реальности из восьми подразделений, указанных в справке В.В. Скоринко в апреле того же года, существовали только названные в акте – четыре отдела и канцелярия.

К 20 июня 1918 г. действовавшие на тот момент национальные подразделения Наркомнаца подготовили отчеты о своей работе с момента установления советской власти. Собранные в единый текст, они были официально опубликованы как общий обзор деятельности Наркомнаца, где каждому национально-

4. Данная партийная организация была создана в апреле 1918 г. и функционировала в Петрограде, в то время как в Москве Белорусская секция РКП (б) появилась только в ноябре того же года [Скалабан 1987, с. 10].

му комиссариату и отделу была посвящена глава. Целью публикации данного документа было ознакомление населения с началом реализации национальной политики советской власти. Согласно тексту данного отчета, к моменту его создания в Белнацкоме существовало пять отделов: агитационно-политический; культурно-просветительный; издательский; ликвидационный; беженский [Отчет о деятельности 1918, с. 34].

Агитационно-политическое направление работы было главным в работе Белнацкома. Структурно одноименный отдел комиссариата объединил полномочия так и не созданных отделов, о которых упоминалось в справке В.В. Скоринко (статистического, военного и труда), а также общей канцелярии. В рамках деятельности отдела была установлена связь с региональными белорусскими политическими объединениями, сочувствующими советской власти, а также создан ряд новых, распространялась политическая литература и проводились агитационные митинги. Работа культурно-просветительного отдела к моменту составления отчета носила подготовительный характер, а направления, в рамках которых велась эта подготовка, в целом повторяют содержание отчета от 15 мая 1918 г., который, вероятно, и использовался при составлении июньского обзора. Издательский отдел к середине июня 1918 г. опубликовал 16 номеров «Дзянніцы» тиражом 3 тыс. экземпляров каждый. Кроме того, данным отделом на белорусском языке были напечатаны брошюры «Советская республика», «Пауки и мухи», «Восьмичасовой рабочий день», «Аграрный вопрос» и ряд других брошюр, а также сборник произведений писателей-белорусов. Ликвидационный отдел был преобразован из юридического, поскольку основные правовые вопросы, которые решались Белнацкомом, были связаны с ликвидацией или подготовкой к возможной реэвакуации вывезенного с белорусских земель во время Первой мировой войны имущества. К моменту написания отчета Белнацкома были взяты под контроль дела 437 эвакуированных учреждений. Примечательно, что белорусскими считались учреждения, эвакуированные из Гродненской, Виленской, Минской и Ковенской губерний (т. е. не только Белоруссии, но и Литвы), а также имущество ликвидационной комиссии Западного фронта. Беженский отдел занимался регистрацией беженцев с белорусских земель, а также ведением статистики, связанной с этим вопросом. Кроме того, согласно тексту отчета, в рамках деятельности данного отдела для помощи беженцам Белнацком устанавливал связь с лояльными советской власти белорусскими беженскими организациями. Примечательно, что помимо работы с беженцами и их организациями в Москве и Петрограде в регионы направлялись представители Белнацкома (эмиссары). На момент составления отчета Белнацкомом для работы с беженцами были направлены два эмиссара в Оршу и по одному в Тамбов и Калугу [там же, с. 34–39].

Помимо сведений о деятельности Белнацкома, в тексте отчета содержатся важные сведения об изменении в структуре управления комиссариатом, произошедших после смещения А.Г. Червякова с поста комиссара и замены его на левого эсера Н.С. Семеновича. До мая 1918 г. руководство комиссариатом было типичным для национальных подразделений Наркомнаца и осуществлялось коллегией, куда входил комиссар, его помощник и руководители функциональных отделов, что давало сотрудникам национальных подразделений самостоятельно определять направления своей работы [Скалабан 1987, с. 9]. Однако, согласно тексту отчета о деятельности Наркомнаца за период 1 ноября 1917–20 июня 1918 гг., политическое руководство Белнацкомом осуществлял собирающийся по мере необходимости совет. В соответствии с текстом названного отчета, этот совет состоял из 15 человек и формировался следующим образом: «…от ЦК партии социалистов-революционеров – 1, от секции белорусов при ЦК партии левых с.-р. – 2, от ЦК коммунистов – 1, от белорусской секции коммунистов – 2, от ЦИК – 3, от Исполнительного комитета Крестьянской секции ЦИК – 3, и от главного земельного совета – 3» [Отчет о деятельности 1918, с. 33]. Таким образом, левый эсер Н.С. Семенович поставил управление Белнацкомом под управление внешнего органа (совета), состоявшего из государственных и партийных работников, относившихся как к большевикам, так и к левым эсерам. Вероятно, это было сделано в интересах партии левых эсеров, для уравновешивания их положения с коммунистами.

Еще одним моментом, отраженным в тексте вышеназванного отчета, связанным с партийной принадлежностью руководителя Белнацкома, стал фрагмент сообщения о деятельности агитационно-политического отдела. О нем сообщалось: «При посредстве секции белорусов при ЦК партии левых с.-р. устроено несколько крупных собраний-митингов белорусов в Москве, а коммунистами в Петрограде» [там же, с. 34]. Данное сообщение, а также изменения в структуре руководства Белнацкома демонстрирует, что после назначения Н.С. Семеновича в центральном отделении Белнацкома в Москве влияние левых эсеров сравнялось и даже начало превосходить влияние большевиков (формально из 15 членов совета большевиков и левых эсеров было поровну – по три, партийная принадлежность оставшихся девять де-юре не оговаривалась). Безусловно, данная ситуация не могла не отразиться на деятельности Белнацкома ввиду восстания левых эсеров 6 июля 1918 г.

Большинство сторонников партии левых эсеров после восстания оказались на нелегальном положении и были вынуждены покинуть советские государственные учреждения, в том числе и Белнацком. Кадровые изменения, связанные с уходом из Белнацкома нелояльных большевикам левых эсеров, поставили деятельность Белнацкома на паузу. При этом региональные отделения, в отличии от Московского, контролировались большевиками [Круталевич 1975, с. 291].

Вторая смена руководства и стабилизация работы Белнацкома

Ввиду значительного присутствия левых эсеров в московском отделении для Белнацкома июль и август 1918 г. были ознаменованы кадровыми перестановками. Руководитель Белнацкома Н.С. Семенович после 6 июля 1918 г. был арестован, но вскоре отпущен (Особая следственная комиссия по расследованию мятежа левых эсеров через канцелярию Белнацкома вернула Семеновичу его вещи и документы) [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 56]. Тем не менее оставаться руководителем Белнацкома бывший левый эсер не мог. Уже 28 июля вышло распоряжение коллегии Наркомнаца о назначении на должность управляющего делами Белнацкома И.В. Лагуна, на должность помощника управляющего – Александра Харитоновича Устиловича, а Семенович стал главным секретарем Белнацкома [там же, л. 59]. Данные перестановки демонстрируют, что бывший руководитель Белнацкома не имел отношения к заговору и не участвовал в мятеже, однако его принадлежность к выступившей против большевиков партии не позволила ему остаться руководителем советского ведомства. Если должность временно управляющего делами Белнацкома в мае 1918 г. Семенович получил благодаря Лагуну и его расследованию конфликта А.Г. Червякова и В.В. Скоринко, то в новых обстоятельствах «группа» петроградских коммунистов (в составе Лагуна и Устиновича) способствовала сохранению Семеновичем места в Белнацкоме, несмотря на его прошлую принадлежность к мятежной партии.

Под руководством временно управляющего И.В. Лагуна, его помощника А.Х. Устиловича и секретаря Н.С. Семеновича Белнацком проработал до ноября 1918 г.[5] [Перечень отделов Народного Комиссариата по делам национальностей и их ответственных работников 1918, с. 8]. Среди мероприятий, проведенных Белнацкомом в июле–августе 1918 г., было изучение сотрудниками Белнацкома деятельности белорусских националистических организаций – «Центрального гродненского комитета» и «Союза граждан Гродненской губернии». По итогу разбирательства Белнацком постановил закрыть данные организации, арестовать их участников силовыми ведомствами РСФСР и передать имущество этих организаций в пользу Белнацкома [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 50–51].

Наибольший фронт работ Белнацкома осуществлялся культурно-просветительским отделом. К ноябрю 1918 г. в этом отделе существовало три подотдела из планировавшихся ранее пяти–шести: внешкольного образования (заведующий – Игнатий Николаевич Мазур); школьный (заведующий –

5. Этим месяцем, по нашему мнению, завершается начальный период существования Белнацкома, после чего начался, продлившийся до марта 1919 г., завершающий период.

Игнатий Юрьевич Мицкевич); научно-художественный (заведующий – Антон Антонович Гриневич); заведовал всем культурно-просветительским отделом Федор Федорович Турук [там же, л. 73 об.]. В июле – ноябре 1918 г. сотрудники отдела организовывали (совместно с Народным комиссариатом просвещения) работу Белорусского научного общества и Петроградского белорусского вольно-экономического общества, а также открыли несколько белорусских школ в Москве и Петрограде [Круталевич 1975, с. 298–300]. В июле 1918 г. в Москве начал работу Белорусский народный университет. Работа этого учебного заведения продолжалась два месяца: были прочитаны курсы лекций по общественно-политическим, экономическим, педагогическим и естественным наукам, а также по белорусоведению [Кукса 2024, с. 658–659]. Кроме того, работниками отдела в Москве был открыт культурно-просветительский клуб «Белорусская хатка» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 68].

Беженским отделом Белнацкома во второй половине 1918 г. также велась работа по регистрации и выдаче удостоверений белорусским беженцам [Карнялюк 2017, с. 45]. Сотрудниками ликвидационного отдела бралось под учет эвакуированное во время Первой мировой войны имущество – в частности, в ведение Белнацкома перешло имущество Виленского Мариинского Высшего женского института, который планировалось реорганизовать в белорусскоязычную школу для учителей [Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей 1918, с. 7].

Издательским отделом выпускалась газета «Дзянніца» и журнал на белорусском языке «Червоны Шлях» (Красный Путь) [Список произведений печати 1918, с. 8]. В свою очередь, сотрудники агитационно-пропагандистского отдела, считавшегося главным в Белнацкоме, принимали участие в работе каждого из структурных отделов, а также содействовали организации пропагандистских мероприятий на территории РСФСР и на контролируемых германской армией белорусских землях [Круталевич 1975, с. 293–300]. В частности, в конце ноября – начале декабря 1918 г. управляющий делами комиссариата И.В. Лагун находился в командировке в подконтрольной Германии части Белоруссии [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 80].

Помимо центрального отделения Белнацкома, в столице существовали еще региональные представительства комиссариата, отделения которого работали в Петрограде, Витебске и Смоленске [там же, л. 70]. Также центральным отделением Белнацкома были направлены эмиссары для работы на местах. К ноябрю 1918 г. комиссариат имел представителей в Орше, Тамбове, Орле, Саратове, Калуге и Самаре, где велась работа по учету эвакуированного во время Первой мировой войны имущества, агитационная и культурно-просветительская работа среди белорусских беженцев [там же, л. 74].

Заключение

В начальный период своего существования Белнацком организовал ряд культурно-просветительских мероприятий, вел учет эвакуированного с территории Белоруссии имущества, издавал газету и журнал на белорусском языке и партийную литературу на белорусском и русском языках. Анализ проекта культурно-просветительского отдела Белнацкома позволил расширить наши представления о принципе устройства Наркомнаца РСФСР, при котором каждый нижний уровень повторял по форме устройство вышестоящего: отделами руководили заведующий, его помощник и секретарь, отделы состояли из структурных подразделений – подотделов.

Работу Белнацкома тормозила и отчасти парализовывала политическая турбулентность. Из-за конфликта комиссара А.Г. Червякова и его товарища В.В. Скоринко в мае 1918 г. произошла первая смена руководства: комиссариат возглавил левый эсэр Н.С. Семенович, что привело к кратковременному усилению позиций его однопартийцев. Мятеж левых эсеров, однако, стал причиной второй смены руководства ведомства.

На подконтрольной большевикам территории Белоруссии местные власти выступали против белорусского национализма, что нашло выражение в неприятии ими различных белорусских национальных организаций, включая лояльных большевикам. Ликвидируя конкурентов, Белнацком стремился стать центром притяжения сторонников белорусского национального проекта. Новые возможности в этом отношении появились в связи с началом наступления Красной Армии на Запад в ноябре 1918 г. [Шубин 2020, с. 636–637].

Пример Белнацкома стал отражением практики молодого советского государства по организации многонационального пространства, основанной не на угнетении национальных меньшинств, а на равноправии культур и народов. Ее реализация способствовала росту симпатий неевропейских народов к Советской России и левым идеям, что стало одной из причин развития национально-освободительных движений, завершившихся распадом колониальных империй. Таким образом, национальная политика первых лет советской власти, частным примером которой является деятельность Белнацкома, стала одним из проявлений стабилизирующей роли России в мире.

Библиография

Баканов Д.К. Комиссариат по латышским национальным делам в 1918 г.: организация, основные направления и результативность деятельности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16, вып. 7 (153). URL: https://history.jes.su/s207987840036300-9-1/ (дата обращения 01.03. 2026). DOI: 10.18254/S207987840036300-9.

ГА РФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90.

Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 626 с.

Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей // Жизнь национальностей: Орган Народного Комиссариата по делам национальностей. 1918. № 2. С. 7.

История белорусской государственности. Т. 3. Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). Минск: Беларуская навука, 2019. 639 с.

Кодин Е.В. Не состоявшееся Смоленское отделение Народного комиссариата по делам национальностей, 1918 г. // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2025. № 11. С. 21–29.

Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 222 с.

Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской Республики. (На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918 г.). Минск: Наука и техника, 1975. 336 с.

Кукса А.Н. Белорусский национальный комиссариат и проекты высшей школы в первые годы советской власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69, вып. 3. С. 651–668. DOI: 0.21638/spbu02.2024.307.

Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920-е годы. М.: Этносфера, 2022. 551 с.

Отчет о деятельности [Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР]. 1 ноября 1917 года – 20 июня 1918 года. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1918. 47 с.

Перечень отделов Народного Комиссариата по делам национальностей и их ответственных работников // Жизнь национальностей: Орган Народного Комиссариата по делам национальностей. 1918. № 2. С. 8.

Скалабан В.В. Белорусский национальный комиссариат (январь 1918 – март 1919 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1987. 17 с.

Список произведений печати, изданных национальными отделами Народного Комиссариата по делам национальностей и национальными коммунистическими организациями // Жизнь национальностей: Орган Народного Комиссариата по делам национальностей. 1918. № 1. С. 8.

Турук Ф.Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов. М.: Государственное издательство, 1921. 145 с.

Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с.

Карнялюк В.Р. Рээвакуацыя вымушаных мігрантаў з Беларусі: удзел беларускіх бежанскіх арганізацый у каардынацыі працэсу (1917–1918) // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2017. № 4. С. 41–49.

Мазец В.Г. Некаторыя аспекты нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі ў канцы 1917–1918 гг. // Беларуская Народная Рэспубліка ў гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці: зб. арт. Мінск: Беларуская навука, 2020. С. 128–140.

Рудовіч С.С. Заходняя вобласць (камуна) РСФСР (1917–1918 гг.) і Беларуская ССР (1919 г.): неафішыруемая пераемнасць // Октябрьская революция в исторических судьбах белорусской государственности: сборник статей. Минск: Беларуская навука, 2020. С. 32–41.

References

Bakanov D.K. Komissariat po latyshskim natsional’nym delam v 1918 g.: organizatsiya, osnovnye napravleniya i rezul’tativnost’ deyatel’nosti [The commissariat for latvian national affairs in 1918: organization, main directions and performance]. Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2025. Vol. 16, Iss. 7 (153). URL: https://history.jes.su/s207987840036300-9-1/ (date of access: 01.03. 2026). DOI: 10.18254/S207987840036300-9. (In Russ.)

Dekrety sovetskoy vlasti [Decrees of the Soviet Government]. Vol. 1. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. [October 25, 1917 – March 16, 1918]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. 626 p. (In Russ.)

GA RF (Gosudarstvennyy Arkhiv Rossiyskoy Federatsii) [State Archive of the Russian Federation]. F. P-1318. Inv. 1. Case. 90. (In Russ.)

Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti [History of the Belarusian statehood]. Vol. 3. Belorusskaya gosudarstvennost': ot idei k natsional'nomu gosudarstvu (1917–1939 gg.) [Belarusian statehood: from an idea to a national state (1917–1939)]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2019. 639 p. (In Russ.)

Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam natsional'nostey [From the activities of the People's Commissariat of Nationalities]. Zhizn' natsional'nostey: Organ Narodnogo Komissariata po delam Natsional'nostey [Life of Nationalities: Organ of the People's Commissariat of Nationalities]. 1918. N 2. P. 7. (In Russ.)

Karnyalyuk V.R. Reevakuatsyya vymushanykh migrantaў z Belarusi: udzel belaruskikh bezhanskikh arganizatsyy u kaardynatsyi pratsesu (1917–1918) [Re-evacuation of forced migrants from Belarus: Belarusian refugee agencies and organizations in the coordination process (1917–1918)]. Chasopis Belaruskaga dzyarzhaўnaga ўniversiteta. Gistoryya [Journal of the Belarusian State University. History]. 2017. N 4. P. 41–49.

Kodin E.V. Ne sostoyavsheesya Smolenskoe otdelenie Narodnogo komissariata po delam natsional'nostey, 1918 g. [The Abortive Smolensk branch of the People's commissariat for nationalities, 1918]. Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem [Russia and Belarus: history and Culture in the past and present]. 2025. N 11. P. 21–29. (In Russ.)

Korotkova D.A. Belorusskie zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniyakh. Razmennaya karta v protivostoyanii dvukh derzhav. 1918–1921 gg. [Belarusian lands in Soviet-Polish relations. A bargaining chip in the confrontation between the two powers. 1918–1921]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019. 222 p. (In Russ.)

Krutalevich V.A. Rozhdenie Belorusskoy Sovetskoy Respubliki. (Na puti k provozglasheniyu respubliki. Oktyabr' 1917 – dekabr' 1918 g.) [The Birth of the Belarusian Soviet Republic. (On the way to the proclamation of the republic. October 1917 – December 1918)]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1975. 336 p. (In Russ.)

Kuksa A.N. Belorusskiy natsional'nyy komissariat i proekty vysshey shkoly v pervye gody sovetskoy vlasti [Belarusian National Commissariat and Higher School Projects in the First Years of Soviet Power]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2024. Vol. 69, Iss. 3. P. 651–668. DOI: 0.21638/spbu02.2024.307. (In Russ.)

Mazets V.G. Nekatoryya aspekty natsyyanal'na-dzyarzhaўnaga budaўnitstva ў Belarusi ў kantsy 1917–1918 gg. [Some aspects of the national-state uprising in Belarus at the end of 1917–1918]. Belaruskaya Narodnaya Respublika ў gistoryi belaruskay natsyyanal'nay dzyarzhaўnastsi: zb. art [The Belarusian People's Republic in the history of the Belarusian national statehood: collection of articles]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2020. P. 128–140.

Narkomnats RSFSR i realizatsiya natsional'noy politiki v 1917–1920-e gody [The People's Commissariat of the RSFSR and the implementation of national policy in the 1917–1920s]. Moscow: Etnosfera, 2022. 551 p. (In Russ.)

Otchet o deyatel'nosti [Narodnogo komissariata po delam natsional'nostey RSFSR] 1 noyabrya 1917 goda – 20 iyunya 1918 goda [Activity report [of People's Commissariat for Ethnic Affairs of RSFSR]. November 1, 1917 – June 20, 1918] . Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, 1918. 47 p. (In Russ.)

Perechen' otdelov Narodnogo Komissariata po delam natsional'nostey i ikh otvetstvennykh rabotnikov [List of departments of the People's Commissariat of Nationalities and their responsible employees]. Zhizn' natsional'nostey: Organ Narodnogo Komissariata po delam Natsional'nostey [Life of Nationalities: Organ of the People's Commissariat of Nationalities]. 1918. N 2. P. 8. (In Russ.)

Rudovich S.S. Zakhodnyaya voblasts' (kamuna) RSFSR (1917–1918 gg.) i Belaruskaya SSR (1919 g.): neafishyruemaya peraemnasts' [The Western region (commune) of the RSFSR (1917–1918) and the Byelorussian SSR (1919): unofficial succession]. Oktyabr'skaya revolyutsiya v istoricheskikh sud'bakh belorusskoy gosudarstvennosti: sbornik statey [The October Revolution in the historical destinies of the Belarusian state: a collection of articles]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2020. P. 32–41.

Skalaban V.V. Belorusskiy natsional'nyy komissariat (yanvar' 1918 – mart 1919 gg.): avtoref. dis. … kand. ist. nauk [The Belarusian National Commissariat (January 1918 – March 1919). Abstract of the dissertation of Candidate of Historical Sciences]. Minsk, 1987. 17 p. (In Russ.)

Shubin A.V. Mirovaya revolyutsionnaya volna (1918–1923). Priliv [The World Revolutionary wave (1918–1923). The tide]. Moscow: Akademicheskiy proyekt, 2020. 773 p. (In Russ.)

Spisok proizvedeniy pechati, izdannykh natsional'nymi otdelami Narodnogo Komissariata po delam Natsional'nostey i natsional'nymi kommunisticheskimi organizatsiyami [List of printed works published by the People's Commissariat for Nationalities and national communist organizations]. Zhizn' natsional'nostey: Organ Narodnogo Komissariata po delam natsional'nostey [Life of Nationalities: Organ of the People's Commissariat of Nationalities]. 1918. N 1. P. 8. (In Russ.)

Turuk F.F. Belorusskoye dvizheniye: ocherk istorii natsional'nogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov [The Belarusian movement: an essay on the history of the national and revolutionary movement of Belarusians]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1921. 145 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.10

А.А. Ильин

ЗНАНИЯ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОРГАНИЗАЦИЯ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ В СОВЕТСКИХ ВУЗАХ В 1950–1980-е годы[1]

Аннотация. *Статья посвящена истории вступительных экзаменов в советские вузы в 1950–1980-е годы, которая изучена сквозь призму академических и внешних критериев отбора. Автором приводятся основные статистические показатели, показывается роль центральных ведомств, а также отдельных вузов в организации и проведении экзаменов. Вступительные экзамены рассматривались их организаторами как важный фактор влияния на будущее советской экономики и политической системы, поскольку будущие студенты должны были занять впоследствии ключевые посты в стране. Академические критерии считались организаторами экзаменов воплощением конституционно гарантированного равенства, хотя именно экзамены исключали большинство желающих учиться в вузах. Использование внешних критериев – социального положения абитуриентов, места проживания и/или работы, пола, национальности, наличия полезных связей – объяснялось стремлением сгладить социальное неравенство, сохранить политическую лояльность студенчества, а также интересами ведомств, блатом и коррупцией. Система приема была нацелена на увеличение числа студентов из рабочих и крестьян, а также других традиционно недостаточно представленных категорий: женщин, представителей титульных народностей. При этом власти старались не полагаться на прямые запреты и внеконкурсное зачисление по политическим мотивам, или по крайней мере не афишировали такие меры. Советская система приема не была полностью меритократической, но и не сводилась к коррупции и неравенству. Ее определяли ситуативные решения, направляемые политическими установками, ведомственными и личными интересами.*

Ключевые слова: *вступительные экзамены; прием в вузы; высшее образование; история университетов; позднесоветская история; СССР.*

Ильин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский физико-технический институт. Россия, Долгопрудный.
E-mail: andrew.a.ilyin@gmail.com
Web of Science Researcher ID: JOK-5228-2023
Scopus Author ID: 57212521043

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-78-00077 «Социалистический конкурс: вступительные экзамены в советских вузах 1960–1980-х гг.» (https://rscf.ru/project/24-78-00077/).

A.A. Ilyin

Knowledge or Social Justice: The Organization of Entrance Examinations in Soviet Higher Education, 1950s–1980s

Abstract. *This article examines the history of university admissions in the Soviet Union from the 1950s to the 1980s through the prism of academic and non-academic selection criteria. It presents key statistical data and demonstrates the roles of central government agencies and individual universities in organizing and administering entrance examinations. These examinations were regarded by policymakers as an important mechanism shaping the future of the Soviet economy and political system, as they determined who would occupy key positions in the country. Academic criteria were presented as an embodiment of the constitutionally guaranteed principle of equality, although the examinations themselves excluded the majority of applicants from admission. The use of non-academic criteria – including applicants' social background, place of residence, gender, nationality, place of employment and personal connections – was justified by the need to reduce social inequality, maintain students' political loyalty, and accommodate the interests of government agencies, informal networks and corruption. The admissions system was intended to increase the representation of applicants from working-class and peasant backgrounds, as well as other traditionally underrepresented groups, including women and members of titular nationalities. At the same time, the authorities sought to avoid explicit political restrictions on admission or overt non-competitive admissions, or at least to keep such practices out of public view. The Soviet admissions system was neither fully meritocratic nor entirely shaped by corruption and inequality. Rather, it was characterized by ad hoc decisions driven by political priorities, departmental interests and personal interests.*

Keywords: *entrance examinations; university admissions; higher education; history of universities; late Soviet history; USSR.*

Ilin Andrei Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Moscow Institute of Physics and Technology. Russia, Dolgoprudny.
E-mail: andrew.a.ilyin@gmail.com
Web of Science Researcher ID: JOK-5228-2023
Scopus Author ID: 57212521043

Введение

Вступительные экзамены в вузы были одним из основных инструментов, позволявших через высшее образование влиять на будущее советской системы. От выпускников вузов, которые должны были занять ключевые посты в экономике и системе управления, во многом зависело, продолжится ли советский политический проект и сможет ли СССР участвовать в технологической и экономической гонке «холодной войны».

Экзамены были главным регулятором личного состава студенчества: распределяемых вне конкурса мест было относительно немного, а отчисление студентов администрации вузов и чиновники обычно старались минимизировать, считая деньги, потраченные на недоучившихся, бесполезной тратой [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 5849. Л. 13–14; Берг 1971; Погорадзе 1972].

В литературе рассматривалась общая статистика и основные правила поступления [Matthews 1982, p. 153–158; Татур 2002, с. 53–57; Олесик 2008; Tromly 2013, p. 56–67, 160–165; Кузьминов, Юдкевич 2022, с. 104–108], а также приемные кампании в отдельных регионах [Батурина 2009; Молчанова 2012; Петрик, Куперт 2018; Алмаев 2021]. Однако за пределами внимания исследователей осталась институциональная история вступительных экзаменов в СССР.

В настоящей статье рассматривается, как именно организовывались и проводились вступительные экзамены, какие решения определяли основные параметры экзаменов, и в чьих интересах эти решения принимались, кто и как контролировал ход экзаменов. При этом делается акцент на наиболее стабильных параметрах вступительных испытаний[2].

Одной из главных проблем для организации экзаменов на протяжении многих лет было соединение академических и «внешних» критериев отбора. С одной стороны, экзамены должны были давать равный доступ к высшему образованию, который был гарантирован начиная с Конституции СССР 1936 г., поэтому прямые запреты или поступление без экзаменов использовались в самом ограниченном объеме и обычно не афишировались. С другой стороны, наиболее способные абитуриенты не всегда были самыми желанными студентами с политической точки зрения, если, например, они были из семей служащих и портили статистику по соотношению рабочих, крестьян и служащих. Также самых успешных, с академической точки зрения, абитуриентов могли не принять в силу отсутствия местной прописки, нехватки мест в общежитии, проблем со здоровьем и т. п.

Хронологические рамки статьи – 1950–1980-е годы – обусловлены тем, что именно в этот период после первых послевоенных лет восстановления сложилась относительно стабильная система приема в вузы, основанная на устойчивых правилах и административных механизмах.

Статистика: места, конкурс, стоимость проведения

По мере поступления в вузы послевоенных поколений система высшего образования постепенно адаптировалась к новым условиям. Как видно из рисунка 1, восстановление цифр приема в вузы после 1945 г. завершилось выходом на плато в 1955–1957 гг., а затем начался быстрый рост, продолжавшийся всю «семилетку» – 1959–1965 гг.

Конкурс, выросший в середине 1950-х годов до 3–4 человек на место, в начале следующего десятилетия снова снизился до значений чуть выше двух человек [Народное образование, наука и образование в СССР 1977, с. 92, 246; Кузьминов, Юдкевич 2022, с. 104]. В 1960-е годы он удерживался на уровне

2. Правила претерпевали определенные изменения, анализ которых остается за рамками данной работы.

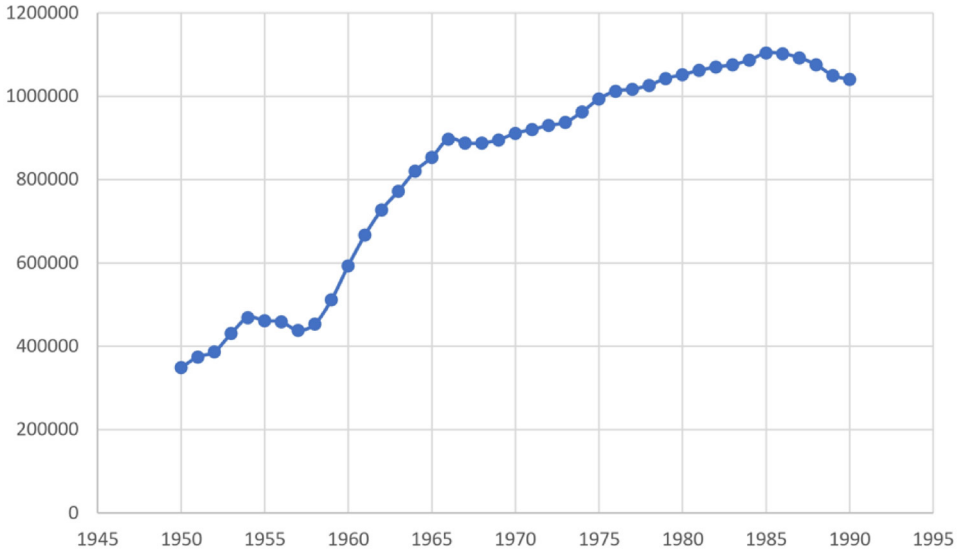

Рис. 1. Число мест на первом курсе в 1950–1990 гг.

Источники: [Народное образование, наука и культура в СССР 1977, с. 246; Народное хозяйство СССР в 1977 году 1977, с. 501; Народное хозяйство СССР в 1979 году 1980, с. 498–499; СССР цифрах в 1984, с. 249; Народное хозяйство СССР за 70 лет 1987, с. 550; СССР в цифрах в 1990 году 1991, с. 100; Savelyev, Zuyev, Galagan, Yagodin 1990, 76].

около двух человек [РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 39. Д. 95. Л. 122], в 1970-е годы в отдельные годы доходил до трех человек [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 6543. Л. 35], а в 1980-е годы снова снижался и к 1988 г. составил 1,92 заявления на место [Народное образование, наука и культура в СССР 1989, с. 230].

Региональные различия были значительны. Высокий конкурс сохранялся, например, на Южном Кавказе [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5457. Л. 118], тогда как в республиках, по мнению Министерства высшего и среднего специального образования СССР (Минвуза СССР), с низким уровнем владения русским языком (например, в Эстонской ССР) он мог быть ниже единицы [ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 50. Л. 72]. В 1960–1980-е гг. наиболее высокими были конкурсы на специальности, связанные с карьерой в партийно-государственных структурах, торговле и снабжении, играли роль и соображения престижа. Так, в Московском историко-архивном институте в 1967 г. конкурс достигал 12 человек на место [ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 1951. Л. 98], в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 1976 г. – около шести [Тернов 1976]. Однако в известных технических вузах конкурс мог и не превышать средний по стране [ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 2684. Л. 72].

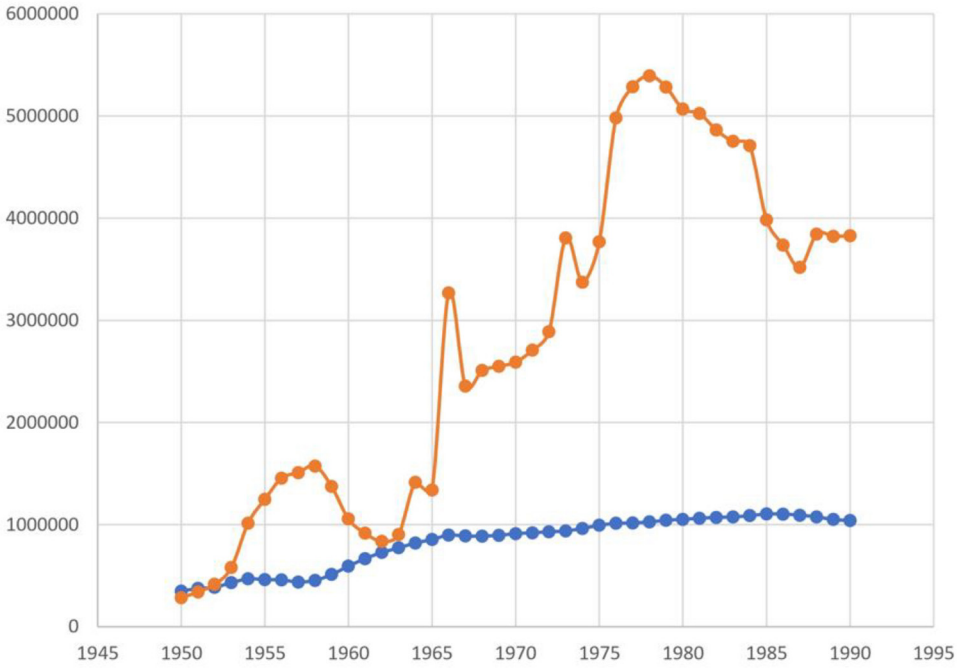

Рис. 2. Соотношение числа выпускников школ и средних специальных учебных заведений с количеством мест на первом курсе вузов в 1950–1990 гг.

Источники: [Народное образование, наука и культура в СССР 1977, с. 92, 246; Народное хозяйство СССР в 1977 г. 1977, с. 501; Народное хозяйство СССР в 1979 г. 1980, с. 488, 498–499; СССР цифрах в 1980 г. 1981, с. 203; Народное хозяйство СССР в 1982 г. 1983, с. 469; СССР цифрах в 1983 г. 1984, с. 216; СССР цифрах в 1984 г. 1985, с. 246, 249; Народное хозяйство СССР за 70 лет 1987, с. 187, 550; СССР в цифрах в 1990 г. 1991, с. 99, 100; Savelyev, Zuyev, Galagan, Yagodin 1990, p. 76].

Стабильный или снижающийся конкурс стал одной из причин того, что с середины 1960-х годов нарушилась связь между числом бюджетных мест и количеством выпускников школ и техникумов (рис. 2). Характерное для «семилетки» стремление обеспечить местами как можно больше выпускников школ и техникумов уступило место пониманию, что всё меньше обладателей аттестатов стремились в вузы. В 1970–1980-е годы многие выпускники школ и средних специальных учебных заведений предпочитали рабочие профессии и прием фактически перестал расти, что официально называлось «стабилизацией приема» [ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 206. Л. 10] и объяснялось «неблагоприятными демографическими условиями» – уменьшением доли молодежи в населении страны [там же Д. 165. Л. 33], хотя число ежегодно получавших

среднее образование граждан за 1970–1980-е годы только выросло. Внутривузовские обсуждения указывали и на конкуренцию с заводами и стройками, предлагавшими демобилизованным солдатам жилье и зарплату, превышавшую студенческую стипендию [ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 4346. Л. 13–14]. Для части абитуриентов это оказывалось важнее традиционно престижного умственного труда, доступ к которому обеспечивал вузовский диплом [Tromly 2013, p. 10]. Наконец, отсутствие роста числа студентов в 1970–1980-е годы было отчасти связано и с экономическими трудностями: отрасли не стремились вкладываться в профильные вузы и иногда с трудом находили места для распределяемых выпускников [Татур 2002, с. 55].

Еще одним важным количественным показателем была стоимость проведения экзаменов. В конце 1960-х годов, по оценке Л.Н. Келля – ректора Ленинградского горного института имени Г.В. Плеханова, курировавшего приемные кампании в Ленинграде, в одном только городе с его 38 вузами экзамены обходились примерно в 120 тыс. руб. в год [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 4127. Л. 110]. Неясно, включала ли эта сумма расходы на рекламу, печать материалов или только оплату труда членов комиссий. Хотя работа в комиссиях формально включалась в преподавательскую ставку, зная «стоимость» этой работы в часах, в каждом вузе можно подсчитать, какую часть зарплаты в течение года преподаватель фактически получал за участие в летней приемной кампании. Общие затраты на вступительные экзамены по стране в конце 1960-х годов, когда действовало около 800 вузов (805 в 1970/1971 уч. г.) [СССР в цифрах в 1971 г. 1972, с. 196], могли превышать 2 млн руб. в год. Эта сумма была сопоставима с годовым бюджетом небольшого вуза.

Правила и процедуры экзаменов

Правила и порядок организации приемных кампаний в целом оставались относительно устойчивыми на протяжении всего рассматриваемого периода, хотя отдельные изменения и имели место. ЦК КПСС, союзные и республиканские министерства высшего образования и отдельные вузы тратили много сил и времени на каждую приемную кампанию. Она начиналась с установления цифр приема и подготовки правил, составляемых Минвузом СССР и утверждаемых в ЦК КПСС[3]. Публиковались необходимые материалы, проходили заседания и совещания, сотрудники Министерства ездили по стране, проверяя подготовку и проведение экзаменов [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 2412. Л. 2]. С конца

3. Эти сведения были сообщены автору 30 июля 2025 г. в интервью Ю.Г. Татуром, возглавлявшим в 1980-е гг. Учебно-методическое управление Минвуза СССР, которое составляло и согласовывало правила приема.

1950-х годов Минвуз СССР каждый год издавал справочник на русском языке, а республиканские министерства выпускали свои версии на русском и национальных языках. Такая практика была частью одновременно республиканской национальной политики и социальной политики союзного уровня: массовое издание справочников на родном языке облегчало поступление сельской молодежи в вузы и способствовало развитию национального образования [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 264. Л. 2].

Основная нагрузка ложилась на сотрудников приемных и предметных комиссий, а также работников министерств и партийных органов, курировавших прием. Они собирали и статистически обрабатывали многочисленные запросы и жалобы. Одной из главных задач было уложиться в плановые цифры приема и провести кампанию без скандалов и эксцессов [ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 2684. Л. 73].

Приемные комиссии занимались агитацией среди потенциальных абитуриентов в школах, колхозах, на предприятиях, давали объявления в прессе, на радио и телевидении [ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 2272. Л. 3–5; Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 20. Л. 16; Ф. Р-858. Оп. 1. Д. 2964. Л. 8; Петрик, Куперт 2018, с. 181–182; Алмаев 2021, с. 273]. Одним из ограничений этой работы была невозможность рассказывать абитуриентам о специальностях, связанных с секретностью [ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 5125. Л. 8].

Приемные комиссии были озабочены поиском подходящих аудиторий, чтобы разместить всех абитуриентов и подготовить нужное количество мест в общежитиях, комплектов постельного белья для иногородних. Столовые должны были подготовиться к приезду абитуриентов, число которых часто превышало пиковые нагрузки в другое время. Оценить потребность в местах и аудитории заранее было сложно; одним из способов была, например, оценка по количеству заранее присланных писем иногородних абитуриентов. Вероятно, процент предупреждающих о своем приезде в общей массе иногородних абитуриентов мог оставаться довольно стабильным [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 20. Л. 65]. За порядком на экзаменах следили специальные комсомольские отряды, набиравшиеся из студентов. Абитуриенты, не поступившие в вуз, представляли потенциальную опасность для экзаменаторов, порой даже угрожая им физической расправой [ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 1598. Л. 15]. Еще в 1960-е годы в Таджикской ССР и, возможно в некоторых других союзных республиках, за приехавшими из сельской местности абитуриентками могли вскоре последовать родственники, старавшиеся не допустить поступления девушек в вуз, охрана последних также была обязанностью вузовских комсомолок и комсомольцев [РГАСПИ. М-1. Оп. 39. Д. 40. Л. 6].

Обычно перед экзаменами абитуриенты проходили вузовскую медицинскую комиссию. Комиссии помогали предупредить вспышки болезней, например, выявляя абитуриентов с открытой формой туберкулеза [ЦГАМ.

Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 20. Л. 65]. Конкретные требования по здоровью устанавливались с учетом мнения будущих работодателей. В частности, в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ), который ориентировался на атомную отрасль и военно-промышленный комплекс, все абитуриенты проходили стандартный тест на остроту зрения [ЦГАМ. Ф. Р-1036. Оп. 1. Д. 342. Л. 17].

Экзамены по каждой дисциплине регулировались подробными министерскими инструкциями, предназначенными для предотвращения коррупции, минимизации конфликтов и обеспечения единообразия процедуры во всех вузах. Время и пространство экзамена стремились сделать максимально формализованными и стандартизированными. Например, согласно министерской инструкции 1973 г., строго определялись правила подготовки и выдачи экзаменационных билетов: их хранили в опечатанном помещении, а выдавал организаторам лично ректор не ранее чем за 20 минут до начала экзамена. По той же инструкции в помещение, где находились экзаменуемые, запрещалось допускать посторонних, преподаватели не могли принимать экзамен в одиночку. Письменные работы подписывались не фамилией абитуриента, а специальным шифром. Небольшой процент (около 5%) работ, оцененных на «2» и «5», отбирался в случайном порядке для перепроверки, которая должна была повысить объективность экзамена. Процедуры апелляций и исправления оценок также были строго регламентированы [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5462. Л. 79–81]. Подобные правила действовали и в другие годы, претерпевая незначительные изменения.

В 1960–1980-х годах в большинстве случаев в один год разрешалось поступать только в один вуз; в случае неудачи абитуриент мог сразу поступать только в профессиональное техническое училище. Для обеспечения этого правила приемные комиссии хранили аттестаты непоступивших абитуриентов еще полгода [там же, л. 83 об.], предположительно, чтобы не допустить подачи документов не только в летнюю приемную кампанию текущего года, но и в декабре, когда некоторые вузы принимали на заочную форму обучения.

Как и все другие важные показатели в плановой экономике, набор в вузы описывался как «баланс», который должен был «сойтись», что происходило далеко не всегда из-за непредсказуемой ситуации на местах [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 2766. Л. 41]. Одни институты не могли заполнить выделенные им места, другие принимали студентов сверх плана. В случае недостатка абитуриентов представители вузов обращались к тем, кто не прошел по конкурсу на другие специальности, обращались в министерство за разрешением продлить прием в этом году [Алмаев 2021, с. 274–275], вели агитацию среди рабочей молодежи и готовившихся к демобилизации солдат [Белиловский 1962; ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 4346. Л. 13–14].

Особые случаи приема в вузы

Прием в вузы не был основан только на обязательных к исполнению основных правилах: существовало множество модификаций, оговорок и исключений, которые были связаны, прежде всего, с вопросами социальной справедливости и ведомственными интересами. Эти исключения были призваны, прежде всего, помочь (а в некоторых случаях помешать) поступить в вузы рабочим и крестьянам, а также детям рабочих и крестьян, женщинам, представителям различных национальностей и жителям определенных регионов.

Процент рабочих, крестьян и их детей был ключевым показателем, по которому в ЦК КПСС оценивали прошедшую приемную кампанию. Если процент рабочих и крестьян был ниже, чем в прошлом году, цифры в отчетах сопровождались анализом проблемы и обещаниями улучшить цифры в следующем году [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 566. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 4020. Л. 18–19; Д. 4885. Л. 187–193; ЦГАМ. Ф. Р-1866. Оп. 1. Д. 3199. Л. 18]. Также следили за национальным составом поступивших, который должен был в целом соответствовать статистике региона, в котором располагался вуз [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8581. Л. 11].

Сложной была ситуация с поступавшими девушками: ограничения и поощрения существовали бок о бок. В 1960 г. был составлен список специальностей, на которые не брали женщин (он включал 22 специальности, связанные с добычей полезных ископаемых, металлургией, атомной промышленностью и морским делом [Архив МФТИ. Приказы Министерства высшего образования 1960. Л. 124 об.]), в 1985 г. он был обновлен. Впрочем, вузы зачастую нарушали запрет, зачисляя девушек на эти специальности [ГА РФ. Ф. Р-9606 Оп. 3. Д. 1616. Л. 163]. Запрет мотивировался плохими условиями труда и заботой о репродуктивном здоровье [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 3603. Л. 34]. В Минвузе СССР существовало смешанное отношение к этому списку, в том числе потому, что само его существование могло повредить СССР «в международном плане» [там же, л. 35]. Чиновники дорожили имиджем СССР как страны победившего равноправия, где даже среди принимаемых на инженерные специальности было около 50% женщин, чем не могла похвастаться ни одна капиталистическая страна [там же, л. 34–35].

Способы повлиять на состав по социальному происхождению, полу и национальному признаку могли быть непрямыми либо неформальными. Непрямые способы не скрывались, так как не нарушали прямо равенства абитуриентов перед экзаменами, а неформальные средства нарушали это официальное равенство и поэтому скрывались теми, кто к ним прибегал.

К непрямым способам относятся нацеленные на определенные категории поступающих подготовительные курсы и подготовительные отделения, существовавшие при части вузов с 1969 г.; агитация среди абитуриентов нужных

категорий, например, на заводах и в колхозах. К неформальным способам повлиять на результат экзаменов относились, например, пометки на письменных работах, которые говорили экзаменаторам, что к тем или иным абитуриентам следует относиться мягче или, наоборот, строже. Такие пометки могли ставиться, например, на работы абитуриентов из крестьянских семей [РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 39. Д. 95. Л. 125]. Дискриминация евреев и представителей некоторых других народов была результатом местных инициатив, а не официальных ограничений, поэтому также строилась на слишком сложных экзаменационных заданиях и недобросовестной проверке работ [You Failed Your Math Test 2005, p. 162–187].

Для женщин не существовало никаких официальных преференций, но иногда приемные комиссии, возможно, старались выправить баланс, принимая как можно больше девушек. Например, в Московском физико-техническом институте (МФТИ), как и в других технических вузах, большинство студентов были мужского пола, но у девушек в определенных случаях могло быть больше шансов поступить, чем у молодых людей, что может, среди прочего, объясняться стремлением приемной комиссии улучшить отчетные показатели. В МФТИ все, сдавшие письменную физику на «тройку» и выше, проходили устный экзамен по физике в формате собеседования, направленного, как это обычно говорилось, на отбор творчески мыслящих студентов с широким кругозором. После удачного собеседования в список на зачисление могли попасть и сдавшие письменную часть плохо, обойдя отличников. В 1968 г. письменную часть как минимум на «3» сдали и были допущены к собеседованию 30% мужчин и 16% женщин от числа подавших заявление в институт, но этап собеседования успешно прошли 67% сдавших письменный экзамен женщин и 51,2% мужчин, т. е. шансы женщин были на 30,1% выше. Также у крестьян и рабочих шансы пройти собеседование были выше, чем у детей служащих – 68,2%, 64% и 49% соответственно [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 31. Л. 183–184].

Участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. принимали без конкурса на протяжении всего рассматриваемого периода.

Официально существовали преференции для членов и сотрудников определенных структур, что было результатом ведомственного лоббизма [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5462. Л. 74–78; Алмаев 2021, с. 272]. Например, школьных учителей, еще не имевших высшего образования, относительно легко брали на заочные отделения педагогических институтов; льготы для обучения в профильных вузах были у металлургов и шахтеров, фармацевтов и строителей, монтажников и выпускников профессионально-технических училищ Министерства рыбного хозяйства СССР, спортивных, художественных и музыкальных училищ [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5462. Л. 82–83]. В 1964–1988 гг. особые преимущества были у армии и Комитета государственной безопасности – вплоть до внеконкурсного зачисления в гражданские вузы уволенных

со службы по уважительным причинам офицеров, у которых уже было как минимум неоконченное высшее образование [Справочник для поступающих в вузы 1964, с. 7; Справочник для поступающих в вузы 1988, с. 444].

Свои интересы лоббировали не только ведомства, но и власти национальных республик, у которых была возможность отправлять небольшое (в середине 1970-х годов около 5 тыс. в год, т. е. 0,5% от общего числа) абитуриентов для внеконкурсного зачисления в вузы других регионов [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 6024. Л. 67].

Существенным ограничением при поступлении была прописка. Ограничения возникали, когда то или иное ведомство заявляло, что им нужны работники в Москве или каком-либо другом крупном городе, но что оно не имеет возможности помогать иногородним с регистрацией и предоставлять им жилье. В некоторых московских вузах в 1960–1980-е годы значительная часть мест резервировалась для москвичей, а для иногородних устанавливались квоты, из-за чего проходной балл для них был заметно выше [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 2440. Л. 17–18; ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 3937. Л. 7]. Впрочем, администрации вузов нередко пытались обойти эти правила [ЦГАМ. Ф. Р-858. Оп. 1. Д. 2070. Л. 72] или же прямо их нарушали, набирая иногородних студентов [ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–3]. Хотя санкционировавшие эти квоты чиновники понимали, что таким образом они создают «конфликтную ситуацию» и принимали это решение без большого энтузиазма, они не могли не учитывать материальные ограничения и иерархии советской системы снабжения [ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 69. Л. 83].

В других крупных городах, ставших точками притяжения для внутренней миграции населения, существовали сходные ограничения, связанные с пропиской [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 6035. Л. 136].

При поступлении учитывались результаты школьных олимпиад. Система школьных конкурсов была упорядочена в 1960-е годы, первыми и самыми заметными стали физическая и математическая олимпиады. Школьники, занявшие первые 5 мест на республиканском, региональном или городском уровнях олимпиад (в случае больших и/или столичных городов), автоматически получали «5» за этот предмет на экзамене. С 1973 г. занявшие первые три места на всесоюзных и международных олимпиадах получали право на зачисление вне конкурса [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5462. Л. 74][4].

Собственные олимпиады вузов учитывались по усмотрению вузов. Могли складываться ситуации, когда вуз не давал никаких преимуществ победителям, а другие вузы эту олимпиаду учитывали. Такой была, например, ситуация

4. Сведения об учете результатов олимпиад при поступлении в интервью автору 4 мая 2026 г. также сообщил Н.Х. Агаханов – участник и затем организатор всесоюзных олимпиад по математике на протяжении 1960–1980-х годов.

с олимпиадой Московского института радиотехники, электроники и автоматики в 1980-е годы [Максимова 1986, с. 3].

У правила, согласно которому в один год можно было подавать документы только в один вуз, также были исключения. В вузы искусства и некоторые другие престижные учебные заведения экзамены проходили в июле, непоступившим аттестаты выдавались на руки, поэтому в августе абитуриенты могли попробовать свои силы снова, причем иногда возможно было участвовать в конкурсе другого вуза с уже полученными в июле баллами. На физико-технический факультет МГУ экзамены в июле проводились с 1947 г., затем этот порядок распространился на созданный в 1951 г. на основе указанного факультета МФТИ [Карлов 2005, с. 2], в МИФИ экзамены проводились в июле с 1960 г. [ЦГАМ. Ф. Р-1036. Оп. 1. Д. 342. Л. 7]. К середине 1970-х годов, помимо вузов искусства, в этот не раз менявшийся список исключений входили Московский институт международных отношений, МИФИ, МФТИ, а также естественнонаучные факультеты МГУ [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8568. Л. 153; Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5462. Л. 83]. К концу 1980-х годов эти правила были распространены на более широкий круг вузов Москвы и Ленинграда [ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 207. Л. 136].

Нарушения правил приема в вузы

Несмотря на детальные правила, вступительные экзамены в советских вузах часто проходили с нарушениями: терялись работы [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 2440. Л. 24], ставились оценки за несданные предметы [ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 58. Л. 192], назначенные члены приемной комиссии могли не появиться в вузе ни одного раза [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 31. Л. 173]. Новые правила нередко вызывали споры, которые приходилось разрешать министерским чиновникам.

Отдельными проблемами были взяточничество и блат. Первая категория определялась юридическими формулировками и практиками, тогда как вторая была более расплывчатой и спорной. Изучавшая феномен советского блата А.П. Леденёва заметила, что примерно одни и те же явления применительно к себе описывались информантами как дружеская помощь, но по отношению к другим – как аморальное использование связей и положения [Ledeneva 1998, p. 6]. Различия между законным и незаконным, морально приемлемым или аморальным в случае вступительных экзаменов также были довольно зыбкими, становясь источником противоречий. Так, в 1967 г. на совещании Московского городского комитета комсомола обсуждались вскрывшиеся моральные изъяны подрастающего поколения и неудача одного из педагогов: ученица выпускного 10-го класса школы, хорошистка и активная участница местной комсомольской организации, во время дискуссии с одноклассниками о нравственности сказа-

ла, что самый важный человек в ее жизни, «светлый луч», это ее знакомый, «который работает в институте» и поможет ей «пролезть в институт», а в ответ на резкую реакцию учительницы обратилась ко всем присутствующим, заметив, что, по-видимому, никто не отказался бы от подобной помощи и потому едва ли ее сейчас осудит [ЦГАМ. Ф. П-635. Оп. 1. Д. 2754. Л. 37].

В советских вузах, особенно престижных, поступление могло зависеть не только от экзаменов, но и от связей, давления сверху и коррупции. Формально действовал конкурс, однако решения о зачислении нередко принимались в ходе неофициальных договоренностей между вузовскими администрациями, ведомствами и отдельными влиятельными чиновниками. Например, на историческом факультете МГУ в 1956 г. проходной балл составил 19 из 20 возможных, при этом сверх плана по звонку из Минвуза СССР приняли 10 детей и родственников «руководящих работников»; одна абитуриентка из дополнительного списка набрала всего 13 баллов [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 44. Л. 110]. Ректор и другие ответственные лица получали многочисленные просьбы о помощи с зачислением определенных абитуриентов. Московский авиационный институт, по оценке его проректора по учебной работе Н.В. Холодкова (дана в 1989 г.), получал около 100 таких просьб в год [Пискарева 1989, с. 3]. Ректоры иногда вели специальные записные книжки с «особыми» абитуриентами [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 39. Д. 95. Л. 79].

Если за помощь с поступлением сотрудник вуза получал явную материальную выгоду, то это могло квалифицироваться как взяточничество, возбуждалось уголовное дело. Только в 1970–1973 гг. за взятки, полученные в ходе приемных кампаний, по всей стране привлекли к уголовной ответственности около 500 сотрудников вузов [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 5840. Л. 15]. Рядовой участник преступной схемы мог получить от 8 до 15 лет [Амальрик 1982, с. 127], что, однако, далеко не всегда останавливало взяточников, которых привлекала относительно большая материальная выгода. В середине 1970-х годов в Калинине рядовой экзаменатор получал за каждого «особенного» студента 20–25 руб. [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 6543. Л. 31]. Коррумпированный ответственный секретарь приемной комиссии московского вуза средней величины – Всесоюзного заочного политехнического института, на рубеже 1960–1970-х годов за несколько лет сумел скопить 25 тыс. руб. [Шатуновский 1971, с. 6].

Власти стремились не показывать масштабы проблемы, чтобы не подрывать представления о справедливости и меритократичности советской системы образования. Как заметил один из министерских чиновников, каждый «единичный случай… льет воду на мельницу обывателей, злопыхателей, которые утверждают – вот не попадешь в вуз безо всяких, прямым путем, нужны связи и взятки» [ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 6543. Л. 36]. В редакции газеты «Комсомольская правда» в 1968 г. жаловались на фактический запрет освещать проблему, что мешало борьбе с распространявшимися по стране слухами [РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 39.

Д. 95. Л. 44]. Действительно существовали соответствующие слухи и анекдоты. Сделавший себе имя на критическом изображении советской действительности Ю.М. Поляков привел в вышедшей в 1989 г. повести «Апофегей» более ранний анекдот: «Выходит ректор к возмущенным абитуриентам и говорит: «Товарищи, экзаменов не будет!» Ему орут: «Почему?!» А он отвечает: «Потому что все билеты проданы!»» [Поляков 1989, с. 20]. Кроме взяток, встречались и другие незаконные схемы, например, когда за абитуриентов экзамены сдавали другие люди по их документам [ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 3209. Л. 119; ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 19. Л. 23; Молчанова 2012, с. 28].

Заключение

Советская система вступительных экзаменов не строилась исключительно на академических или социально-политических критериях отбора. Экзамены во многом зависели от ситуативных решений, принимавшихся в ходе разработки правил и исключений на уровне центральных органов власти, а также от интерпретаций и нарушений этих правил отдельными членами приемных комиссий и абитуриентами.

В правилах Минвуза СССР и ЦК КПСС прослеживались одновременно стремление направить в вузы наиболее подготовленных абитуриентов и поддержать имидж советской системы образования как демократичной и эгалитарной. В правилах также отражался лоббизм ведомств, нуждавшихся в квалифицированных кадрах, которые чаще всего старались привлечь за счет сокращения числа экзаменов и введения льгот вплоть до внеконкурсного приема. Несмотря на подробные регламенты и частые проверки, члены приемных комиссий обладали определенной свободой действий. Интерпретируя правила нужным образом или нарушая их, сотрудники вузов могли способствовать отбору наиболее подготовленных кандидатов или же, если этого от них ждали в вышестоящих инстанциях, увеличению процента приема тех или иных категорий студентов. Сотрудники вузов могли преследовать и личные интересы, что нередко приводило к обвинениям в блате и взяточничестве.

Цели принимаемых решений часто противоречили друг другу. Ведомства подталкивали вузы к зачислению абитуриентов с местной пропиской, что могло вступать в противоречие с желанием привлечь самых сильных кандидатов, часть которых была иногородними. Одни и те же механизмы, например пометки на экзаменационных работах, использовались и для позитивной, и для негативной дискриминации.

За известными исследователям цифрами приема стоит сложная и противоречивая институциональная история, которую необходимо учитывать, выстраивая общие интерпретации, касающиеся советской вузовской системы и истории экзаменов.

Библиография

Алмаев Р.З. Набор студенческого контингента педагогических вузов Южного Урала в условиях реализации школьной реформы 1958 года // Преподаватель XXI век. 2021. № 3, ч. 2. С. 267–280.

Амальрик А.А. Записки диссидента. Энн Арбор: Ardis, 1982. 361 с.

Архив Московского физико-технического института (МФТИ). Приказы Министерства высшего образования 06.06–31.12.1960.

Батурина Ю.Ю. Организационные изменения в учебном процессе высших учебных заведений в 1956–1964 годах (на примере Нижнего Поволжья) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41 (179). История. Вып. 38. С. 96–103.

Белиловский Е.Л. Солдатский дневник. 1962 // Некрополь. URL: https://www.nekropol.com/Jivie/TextYehil2.htm (дата обращения: 11.06.2025).

Берг А.И. В вуз – без экзамена // Литературная газета. 1971. № 41 (6 октября). С. 11.

ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8568.

ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 4127.

ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 5840.

ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 5849.

ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 6543.

ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8581.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 2412.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 2440.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 3209.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 3603.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 4020.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 4885.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5457.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 5462.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 6024.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 6035.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 264.

ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 1616.

Карлов Н.В. Повесть древних времен, или предыстория Физтеха. М.: Центр гуманитарного образования МФТИ, 2005. 200 с.

Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 616 с.

Максимова Э. Июльские беседы // Известия. 1986. № 198 (5 июля). С. 3.

Молчанова Т.В. Особенности приема студентов в Ленинградские вузы в 1950–1960-е годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 149. С. 26–32.

Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1977. 448 с.

Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1989. 432 с.

Народное хозяйство СССР в 1977 году. М.: Статистика, 1977. 654 с.

Народное хозяйство СССР в 1979 году. М.: Финансы и статистика, 1980. 583 с.

Народное хозяйство СССР в 1982 году. М.: Финансы и статистика, 1983. 576 с.

Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

Олесик Е.Я. Проблемы формирования студенческого контингента вузов СССР (1944–1990 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 82–87.

Петрик В.В., Куперт Ю.В. Набор студенческого контингента в высшей технической школе Сибири в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 181–183.

Пискарева Т. Проба на золото // Правда. 1989. № 218 (6 августа). С. 3.

Погорадзе А.А. Анализ проблемы отсева студентов в социологической литературе // Известия Томского политехнического университета. 1972. Т. 256. С. 68–75.

Поляков Ю.М. Апофегей // Юность. 1989. № 5. С. 10–36.

РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 35. Д. 44.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 566.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1. Оп. 39. Д. 40.

РГАСПИ. М-1. Оп. 39. Д. 95.

Справочник для поступающих в высшие учебные заведения в 1964 году. М.: Высшая школа, 1964. 286 с.

Справочник для поступающих в высшие учебные заведения в 1988 году. М.: Высшая школа, 1988. 447 с.

СССР в цифрах в 1971 году. М.: Статистика, 1972. 239 с.

СССР в цифрах в 1980 году. М.: Финансы и статистика, 1981. 220 с.

СССР в цифрах в 1983 году. М.: Финансы и статистика, 1984. 237 с.

СССР в цифрах в 1984 году. М: Финансы и статистика, 1985. 268 с.

СССР в цифрах в 1990 году. М.: Финансы и статистика, 1991. 320 с.

Татур Ю.Г. Система высшего образования России: Методология анализа и проектирования. М.: Издательство МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2002. 271 с.

Тернов И.М. Размышления о приемных экзаменах // Известия. 1976. № 289 (8 декабря). С. 2.

ЦГАМ (Центральный городской архив Москвы). Ф. П-635. Оп. 1. Д. 2754.

ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 50.

ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 58.

ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 69.

ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 165.

ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 166.

ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 206.

ЦГАМ. Ф. П-4644. Оп. 1. Д. 207.

ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 19.

ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 20.

ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 31.

ЦГАМ. Ф. Р-858. Оп. 1. Д. 2070.

ЦГАМ. Ф. Р-858. Оп. 1. Д. 2964.

ЦГАМ. Ф. Р-1036. Оп. 1. Д. 342.

ЦГАМ. Ф. Р-1866. Оп. 1. Д. 3199.

ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 1598.

ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 1951.

ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 2272.

ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 2684.

ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 3937.

ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 4346.

ЦГАМ. Ф. Р-1992. Оп. 4. Д. 5125.

Шатуновский И.М. Клад в цветочной клумбе: фельетон // Правда. 1971. № 180 (29 июня). С. 6.

Ledeneva A.V. Russia's Economy of Favours. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 256 p.

Matthews M. Education in the Soviet Union Policies and Institutions Since Stalin. Crows Nest: Allen & Unwin, 1982. 225 p.

Savelyev A.Y., Zuyev V.M., Galagan A.I., Yagodin G.A. Higher education in the USSR. Bucharest: CEPES, 1990. 94 p.

Tromly B. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 308 p.

You Failed Your Math Test, Comrade Einstein: Adventures and Misadventures of Young Mathematicians, or Test Your Skills in Almost Recreational Mathematics / ed. by M. Shifman: New Jersey: World Scientific, 2005. 232 p.

References

Almaev R.Z. Nabor studencheskogo kontingenta pedagogicheskikh vuzov Yuzhnogo Urala v usloviyakh realizatsii shkol'noy reformy 1958 goda [Enrollment of Students to Pedagogical Universities in the Southern Urals during the Implementation of the 1958 School Reform]. Prepodavatel' XXI vek [Teacher of the 21st century]. 2021. N 3, Iss. 2. P. 267–280. (In Russ.)

Amal'rik A.A. Zapiski dissidenta [Notes of a Dissident]. Enn Arbor: Ardis, 1982. 361 p. (In Russ.)

Arkhiv MFTI (Moskovskogo fiziko-tekhnicheskogo instituta) [Archive of the Moscow Institute of Physics and Technology]. Prikazy Ministerstva vysshego obrazovaniya 06.06–31.12.1960 [Orders of the Ministry of the Higher education. June 6 – 31 December 31, 1960]. (In Russ.)

Baturina Yu.Yu. Organizatsionnye izmeneniya v uchebnom protsesse vysshikh uchebnykh zavedeniy v 1956–1964 godakh (na primere Nizhnego Povolzh'ya) [Organizational Changes in the Educational Process of Higher Educational Institutions in 1956–1964 (Using the Lower Volga Region as an Example)]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State Universityl]. 2009. N 41 (179). Istoriya [History]. Iss. 38. P. 96–103. (In Russ.)

Belilovskiy E.L. Soldatskiy dnevnik [Soldier's Diary]. 1962. Nekropol' [Necropolis]. URL: https://www.nekropol.com/Jivie/TextYehil2.htm (date of access: 11.06.2025). (In Russ.)

Berg A.I. V vuz – bez ekzamena [To a university – without an exam]. Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper]. 1971. N 41 (October 6). P. 11. (In Russ.)

GA RF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii) [State Archive of the Russian Federation]. F. A-605. Inv. 1. Case 8568. (In Russ.)

GA RF. F. A-605. Inv. 1. Case 4127. (In Russ.)

GA RF. F. A-605. Inv. 1. Case 5840. (In Russ.)

GA RF. F. A-605. Inv. 1. Case 5849. (In Russ.)

GA RF. F. A-605. Inv. 1. Case 6543. (In Russ.)

GA RF. F. A-605. Inv. 1. Case 8581. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 2412. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 2440. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 3209. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 3603. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 4020. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 4885. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 5457. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 5462. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 6024. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 1. Case 6035. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 3. Case 264. (In Russ.)

GA RF. F. R-9606. Inv. 3. Case 1616. (In Russ.)

Karlov N.V. Povest' drevnikh vremen, ili predystoriya Fiztekha [A tale of ancient times, or Prehistory of Fiztekh]. Moscow: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya MFTI, 2005. 200 p.

Kuz'minov Ya.I., Yudkevich M.M. Universitety v Rossii: kak eto rabotaet [Universities in Russia: How it Works]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2022. 616 p. (In Russ.)

Ledeneva A.V. Russia's Economy of Favours. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Maksimova E. Iyul'skie besedy [July Conversations]. Izvestiya [The News]. 1986. N 198 (July 5). P. 3. (In Russ.)

Matthews M. Education in the Soviet Union Policies and Institutions Since Stalin. Crows Nest: Allen & Unwin, 1982. 225 p.

Molchanova T.V. Osobennosti priema studentov v Leningradskie vuzy v 1950–1960-e gody [The Specifics of Student Admission to Leningrad Universities in the 1950s and 1960s]. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2012. N 149. P. 26–32. (In Russ.)

Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1977 godu [The National Economy of the USSR in 1977]. Moscow: Statistika, 1977. 654 p. (In Russ.)

Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1979 godu [The National Economy of the USSR in 1979]. Moscow: Finansy i statistika, 1980. 583 p. (In Russ.)

Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1982 godu [The National Economy of the USSR in 1982]. Moscow: Finansy i statistika, 1983. 576 p. (In Russ.)

Narodnoe khozyaystvo SSSR za 70 let [The National Economy of the USSR for 70 Years]. Moscow: Finansy i statistika, 1987. 766 p. (In Russ.)

Narodnoe obrazovanie, nauka i kul'tura v SSSR. Statisticheskiy sbornik [Public Education, Science, and Culture in the USSR. Statistical Digest]. Moscow: Statistika, 1977. 448 p. (In Russ.)

Narodnoe obrazovanie, nauka i kul'tura v SSSR. Statisticheskiy sbornik [Public Education, Science, and Culture in the USSR. Statistical Digest]. Moscow: Finansy i statistika, 1989. 432 p. (In Russ.)

Olesik E.Ya. Problemy formirovaniya studencheskogo kontingenta vuzov SSSR (1944–1990 gg.) [Problems of Formation of the Student Contingent of Universities of the USSR (1944–1990)]. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya [Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies, Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies]. 2008. N 2. P. 82–87. (In Russ.)

Petrik V.V., Kupert Yu.V. Nabor studencheskogo kontingenta v vysshey tekhnicheskoy shkole Sibiri v kontse 1950-kh – pervoy polovine 1960-kh gg. [Student Enrollment at the Siberian Higher Technical School in the Late 1950s – first half of the 1960s]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk Polytechnic University. History]. 2018. N 55. P. 181–183. (In Russ.)

Piskareva T. Proba na zoloto [Gold Test]. Pravda [Truth]. 1989. N 218 (August 6). P. 3. (In Russ.)

Pogoradze A.A. Analiz problemy otseva studentov v sotsiologicheskoy literature [Analysis of the Problem of Student Attrition in Sociological Literature]. Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. 1972. Vol. 256. P. 68–75. (In Russ.)

Polyakov Yu.M. Apofegey [Apofegei]. Yunost' [Youth]. 1989. N 5. P. 10–36. (In Russ.)

RGANI (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii) [Russian State Archive of Contemporary History]. F. 5. Inv. 35. Case 44. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Inv. 68. Case 566. (In Russ.)

RGASPI (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii) [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. M-1. Inv. 39. Case 40. (In Russ.)

RGASPI. F. M-1. Inv. 39. Case 95. (In Russ.)

Savelyev A.Y., Zuyev V.M., Galagan A.I., Yagodin G.A. Higher education in the USSR. Bucharest: CEPES, 1990. 94 p.

Shatunovskiy I.M. Klad v tsvetochnoy klumbe: fel'eton [Treasure in a flower bed: feuilleton]. Pravda [Truth]. 1971. N 180 (June 29). P. 6. (In Russ.)

Spravochnik dlya postupayushchikh v vysshie uchebnye zavedeniya v 1964 godu [Handbook for Applicants to Higher Education Institutions in 1964]. Moscow: Vysshaya shkola, 1964. 286 p. (In Russ.)

Spravochnik dlya postupayushchikh v vysshie uchebnye zavedeniya v 1988 godu [Handbook for Applicants to Higher Education Institutions in 1988]. Moscow: Vysshaya shkola, 1988. 447 p. (In Russ.)

SSSR v tsifrakh v 1971 godu [The USSR in Numbers in 1971]. Moscow: Statistika, 1972. 239 p. (In Russ.)

SSSR v tsifrakh v 1980 godu [The USSR in Numbers in 1980]. Moscow: Finansy i statistika, 1981. 220 p. (In Russ.)

SSSR v tsifrakh v 1983 godu [The USSR in Numbers in 1983]. Moscow: Finansy i statistika, 1984. 237 p. (In Russ.)

SSSR v tsifrakh v 1984 godu [The USSR in Numbers in 1984]. Moscow: Finansy i statistika, 1985. 268 p. (In Russ.)

SSSR v tsifrakh v 1990 godu [The USSR in Numbers in 1990]. Moscow: Finansy i statistika, 1991. 320 p. (In Russ.)

Tatur Yu.G. Sistema vysshego obrazovaniya Rossii: Metodologiya analiza i proektirovaniya [The Russian Higher Education System: Methodology of Analysis and Design]. Moscow: Izdatel'stvo MGTU imeni N.E. Baumana, 2002. 271 p. (In Russ.)

Ternov I.M. Razmyshleniya o priemnykh ekzamenakh [Reflections on Entrance Exams]. Izvestiya [The News]. 1976. N 289 (December 8). P. 2. (In Russ.)

Tromly B. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 308 p.

TsGAM (Tsentral'nyy gorodskoy arkhiv Moskvy) [Central City Archive of Moscow]. F. P-635. Inv. 1. Case 2754. (In Russ.)

TsGAM. F. P-4644. Inv. 1. Case 50. (In Russ.)

TsGAM. F. P-4644. Inv. 1. Case 58. (In Russ.)

TsGAM. F. P-4644. Inv. 1. Case 69. (In Russ.)

TsGAM. F. P-4644. Inv. 1. Case 165. (In Russ.)

TsGAM. F. P-4644. Inv. 1. Case 166. (In Russ.)

TsGAM. F. P-4644. Inv. 1. Case 206. (In Russ.)

TsGAM. F. P-4644. Inv. 1. Case 207. (In Russ.)

TsGAM. F. P-6095. Inv. 1. Case 19. (In Russ.)

TsGAM. F. P-6095. Inv. 1. Case 20. (In Russ.)

TsGAM. F. P-6095. Inv. 1. Case 31. (In Russ.)

TsGAM. F. R-858. Inv. 1. Case 2070. (In Russ.)

TsGAM. F. R-858. Inv. 1. Case 2964. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1036. Inv. 1. Case 342. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1866. Inv. 1. Case 3199. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1992. Inv. 4. Case 1598. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1992. Inv. 4. Case 1951. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1992. Inv. 4. Case 2272. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1992. Inv. 4. Case 2684. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1992. Inv. 4. Case 3937. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1992. Inv. 4. Case 4346. (In Russ.)

TsGAM. F. R-1992. Inv. 4. Case 5125. (In Russ.)

You Failed Your Math Test, Comrade Einstein: Adventures and Misadventures of Young Mathematicians, or Test Your Skills in Almost Recreational Mathematics / ed. by M. Shifman: New Jersey: World Scientific, 2005. 232 p.

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.11

К.Б. Божик

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО «НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ» ФРГ. ПИСЬМО БУРГОМИСТРА ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА В. БРАНДТА ПОСЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГДР П. А. АБРАСИМОВУ

Аннотация. *В 1966 г. бургомистр Западного Берлина, в прошлом оппозиционер нацистскому режиму Вилли Брандт по своей инициативе провёл пять встреч с послом СССР в ГДР П.А. Абрасимовым по вопросам нормализации советско-западногерманских и германо-германских отношений. В свою очередь, П.А. Абрасимов нашёл возможность осуществить эти переговоры. В декабре 1966 г. В. Брандт заступил на пост вице-канцлера и министра иностранных дел ФРГ в правительстве «большой коалиции». Этот период стал подготовительным к начатой В. Брандтом, после перехода в 1969 г. на пост федерального канцлера, «новой восточной политике», которая ознаменовалась выражением Федеративной Республикой Германией моральной ответственности перед народами Восточной Европы, выразилась в признании послевоенных границ и нормализации отношений с ГДР, Польшей, Чехословакией, СССР. 1 декабря 1966 г. перед отбытием в Бонн В. Брандт направил П.А. Абрасимову краткое письмо с выражением признательности и надежды на прогресс в отношениях «на благо наших народов». Диалог 1966 г. как значимое событие на этом пути упоминают в своих воспоминаниях как В. Брандт («Встречи и прозрения. 1960–1975», Гамбург, 1976), так и П.А. Абрасимов («Четверть века послом Советского Союза», М., 2007).*

Примечательно, что первые шаги к «разрядке» и одолению призрака германского реваншизма были сделаны немецким антифашистом Брандтом и бывшим заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения Белоруссии Абрасимовым: каждый из них признавал эмпатию своего «трудного» визави.

Ключевые слова: *П.А. Абрасимов; В. Брандт; ФРГ; ГДР; советско-западногерманские отношения; германо-германские отношения; «новая восточная политика».*

Божик Кристина Богдановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Россия, Москва.
E-mail: kristina_bozhik@mail.ru
Researcher ID: OZF-0429-2025
ORCID 0009-0002-7051-3138

Bozhik K.B.

A New Source on the FRG'S "New East Policy". Mayor of West Berlin W. Brandt's Letter to P. A. Abrasimov, Ambassador of the Soviet Union to the GDR

Abstract. *This article examines the unofficial dialogue between West Berlin Mayor Willy Brandt and P.A. Abrasimov, the Soviet ambassador to the German Democratic Republic, in 1966 as an important precursor to the Federal Republic of Germany's Ostpolitik. Acting on his own initiative, Brandt, a former opponent of the Nazi regime, held five meetings with Abrasimov to discuss the normalization of Soviet-West German and inter-German relations. For his part, Abrasimov made these contacts possible despite the political constraints of the period. In December 1966, Brandt became Vice Chancellor and Federal Minister for Foreign Affairs in the Grand Coalition government. This stage proved preparatory to the Neue Ostpolitik that he launched after assuming the office of Federal Chancellor in 1969. That policy was marked by the Federal Republic of Germany's acknowledgment of its moral responsibility toward the peoples of Eastern Europe, the recognition of the post-war borders, and the normalization of relations with the German Democratic Republic, Poland, Czechoslovakia and the Soviet Union. On 1 December 1966, shortly before leaving for Bonn, Brandt sent Abrasimov a brief letter expressing his gratitude and his hope for progress in bilateral relations "for the good of our peoples". The significance of the 1966 dialogue was later acknowledged by both participants in their memoirs. The article argues that the first important steps toward détente and overcoming the legacy of German revanchism were taken through the dialogue between the German anti-fascist Brandt and Abrasimov, the former deputy chief of the Central Headquarters of the Belarusian Partisan Movement, each of whom recognized the sincerity and empathy of his difficult interlocutor.*

Keywords: *P.A. Abramov; Willy Brandt; FRG; GDR; Soviet-West German relations; Inter-German relations; New Eastern Policy.*

Bozhik Kristina Bogdanovna – candidate of Historical sciences, Docent of the politology department of Institute of international relations and social-political sciences of Moscow state linguistic university. Russia, Moscow.
E-mail: kristina_bozhik@mail.ru
Researcher ID: OZF-0429-2025
ORCID 0009-0002-7051-3138

В распоряжении автора публикации находится личный архив почётного профессора Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), доктора исторических наук И.С. Кремера (1922–2020), который был научным руководителем автора публикации. И.С. Кремер много лет дружил с известным советским дипломатом, Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в ГДР П.А. Абрасимовом (1912–2009) и был редактором его воспоминаний [Абрасимов 2007]. Оригинал публикуемого письма был подарен П.А. Абрасимовым И.С. Кремеру в 2008 г. и хранился в его личном архиве.

Публикация этого нового источника, в сопровождении комментариев участников советско-германского диалога П.А. Абрасимова и В. Брандта, помогает историкам найти отправную точку «новой восточной политики» ФРГ, положившей начало не только политике «разрядки» и снижению напряжённости на линии «Восток – Запад» в 1970-е годы, но и плодотворному сотрудничеству ФРГ и СССР в экономической и гуманитарной сферах. Примечательно, что документ впервые публикуется в 2026 г. – к 55-летию начала «новой восточной политики» Брандта. Это документальное свидетельство плодотворности диалога СССР–ФРГ служит актуальным напоминанием современным политикам. Советско-западногерманский диалог был основан на осознании национальных интересов и проявлении доброй воли. Эти качества необходимы для перехода от военно-политического противостояния к снижению международной напряжённости. Как отметил 15 января 2026 г. Президент России В.В. Путин на церемонии вручения верительных грамот иностранными послами, «Недаром говорят: мир не наступает сам, его строят, причём каждый день. Мир требует усилий, ответственности и осознанного выбора» [Колесников 2026].

В 1966 г. между Брандтом и Абрасимовым установился регулярный контакт, выразившийся в пяти личных встречах, которые пришлись на вторую половину года, когда Брандт занимал должность правящего бургомистра Западного Берлина. В декабре 1966 г. Брандт отбыл в Бонн, где по итогам выборов в бундестаг занял пост вице-канцлера и министра иностранных дел в правительстве «большой коалиции» К.Г. Кизингера.

«Ещё в начале 60-х, – вспоминал Абрасимов, – когда я только приступил к исполнению своих обязанностей посла в ГДР, Брандт довольно активно прощупывал почву относительно встречи с главой советской правительственной делегации, направлявшейся в ГДР. Это означало, что в ФРГ росло понимание бесперспективности политики неприятия послевоенных реальностей, которой придерживался тогдашний канцлер Аденауэр. Брандт, несмотря на, мягко говоря, более чем сдержанное отношение западных стран к его замыслу, сделал ставку на нормализацию отношений ФРГ и стран Восточной Европы и не только победил на выборах, но и осуществил эту задачу. Моё личное знакомство с Брандтом и первые встречи с ним еще раз убедили меня в том, что «новая восточная политика» – это результат его мучительных поисков выхода из тупика, в котором оказалась ФРГ» [Абрасимов 2007].

В книге В. Брандта «Встречи и прозрения. 1960–1975» сообщается, что будущий канцлер ФРГ в то время видел «семь препятствий» на пути к диалогу с советским послом: «Во-первых, мне было важным зафиксировать, что инициатива исходит с советской стороны. П. Абрасимов, напротив, создавал впечатление, что мы встретились по моему желанию… Во-вторых, необходимо было определить, в каком качестве мы встретимся.…Я ведь уже

длительное время был председателем социал-демократической партии Германии и, таким образом, мог выступать в беседе в двойном качестве. Что же касалось Абрасимова, являющегося только членом ЦК КПСС, мне было важно избежать щекотливой проблемы его полномочий. Он должен был выступать в беседах со мной не как советский посол при правительстве ГДР, а как один из Верховных комиссаров четырёх держав, которые несли ответственность за Германию в целом, и за Берлин. В-третьих, нужно было выяснить, кто его приведет на встречу… В-четвертых, я должен был заранее позаботиться о том, чтобы наша встреча не была неверно истолкована. Поэтому я сам информировал министра иностранных дел Шрёдера и его статс-секретаря Карстенса…В-пятых, необходимо было проинформировать представителей союзнических властей в Берлине и обязательно ограничить эту информацию минимальным числом лиц. У французов и англичан не было никаких возражений. Американцы вели себя сдержанно, но не негативно. Они хотели, чтобы был подчёркнут «частный» характер встречи… В-шестых, в начале мая, будучи в Стокгольме, я переговорил с министром иностранных дел Швеции Нильсоном, шефом моего друга Баклюнда. Последний пользовался доверием своего шефа, но в том случае, если возникли бы осложнения, именно Баклюнд мог стать козлом отпущения как хозяин. В-седьмых, проблема конфиденциальности. Она включала в себя договорённость о характере информации для общественности в том случае, если бы произошла огласка» [Brandt 1976].

Поскольку автор этой публикации был знаком с П.А. Абрасимовым, он может констатировать, что бывшему послу СССР в ГДР и в глубоко преклонном возрасте были свойственны живой ум, такт, искренний интерес к общению, умение общаться и выстраивать добросердечные отношения с людьми, в чём-то отличными от него самого. Очевидно, эта способность П.А. Абрасимова была одним из факторов, побудивших бургомистра Западного Берлина пойти на установление рабочих отношений с советским послом в ГДР в обход официальных Бонна и Берлина.

Подготовка к встрече заняла несколько месяцев и, как пишет Брандт, «в мае 1966 г. открылся путь к обмену мнениями с советским правительством, правда, таким образом, который я сам ещё полгода назад не считал возможным. В Далеме, в доме осторожного и умного шведского генерального консула Свена Баклюнда… я встретился с послом СССР в ГДР… Сегодня легко писать об этом, и трудно представить теперь, какой тщательной и долгой, конфиденциальной подготовки, продолжавшейся несколько месяцев, требовала такая встреча» [Brandt 1976].

Эта встреча, по словам Брандта, «как ни удивительно, осталась незамеченной» [Brandt 1976], т.е. не вызвала нареканий ни одной из сторон. Следующие четыре были проведены уже без первоначальных предосторожностей.

Брандт предлагал «концентрировать внимание на вещах, решение которых возможно в недалёком будущем: торговля, культура, облегчение положения для людей», а реакцию советского посла назвал «жёсткой, но при этом гибкой» [Абрасимов 2007].

Абрасимов соглашался, что «интересы переговоров, продвижения вперёд предполагали проявление гибкости, особенно когда речь заходила о проблемах не столько политических, сколько общечеловеческих – например, о пересечении границы в дни празднования Рождества или Нового года, воссоединения семей» [Абрасимов 2007].

В воспоминаниях Абрасимов сообщает, что Брандт, «когда мы заходили в тупик, предлагал: “Давайте эту проблему оставим для решения нашим детям”», а в интервью 1968 г., будучи уже вице-канцлером, рассказывая об этих встречал, «отмечал, что он “не хотел упустить ни одного шанса” показать свою точку зрения и вместе с тем “ближе познакомиться с точкой зрения такого важного и тяжелого партнера”» [Абрасимов 2007].

При этом об искреннем тёплом отношении немецкого политика к советскому послу и стремлении нового главы западногерманской дипломатии работать на благо обоих народов наглядно свидетельствует прощальное письмо Брандта Абрасимову, написанное в связи с отъездом из Западного Берлина в Бонн, где Брандт занял посты вице-канцлера и министра иностранных дел в правительстве К. Кизингера.

Публикуем сделанный нами полный перевод с немецкого языка. этого источника.

«1 декабря 1966 г.

Многоуважаемый господин Посол!

С сегодняшнего дня характер моей деятельности изменится, и нам, очевидно, будет непросто продолжать начавшийся между нами обмен мнениями.

Поэтому я считаю тем более необходимым сказать Вам, как высоко я ценю те откровенные беседы, которые состоялись между нами в последние месяцы. Я надеюсь, что эти встречи, столь приятные и с чисто человеческой точки зрения, послужат во благо наших народов и государств.

С наилучшими пожеланиями Вам и Вашей семье и с дружеским приветом.

Глубоко преданный Вам Вилли Брандт»[1].

В заключение приведём слова Абрасимова о Брандте: «В моей памяти Вилли Брандт остался … мудрым, реально мыслящим политическим деятелем… Приведу одну запись, сделанную мною во время вторичного посещения Берлина в качестве посла (уже были подписаны “восточные договоры”,

1. Немецкий оригинал хранится в личном архиве И.С. Кремера.

сделавшие возможным проведение хельсинкской встречи, разворачивались процессы разрядки): “Брандт предполагал развитие событий, которое, может быть, и в неблизком будущем, но приведёт к воссоединению немцев в результате центробежных тенденций в соцлагере – возможно, под влиянием идеологии социал-демократизма”» [Абрасимов 2007]. История внесла свои коррективы относительно времени и формы объединения двух Германий, но в 1990 г. этот процесс осуществился. Не оставляет сомнений факт, что в этот процесс внесла свою лепту реалистичная и дальновидная политика Вилли Брандта.

Письмо В. Брандта П. А. Абрасимову от 1 декабря 1966 г. – дополнительное свидетельство инициативных и доверительных отношений, установившихся между будущим руководителем ФРГ и советским послом в ГДР, ставших прологом к серьёзным переменам европейской и мировой политики в 70-е годы XX в. «Новая восточная политика» Брандта, взятый им курс на нормализацию отношений с ГДР и СССР, на экономическое и гуманитарное сотрудничество «поверх барьеров», способствовали снижению международной напряжённости, угасанию пугающего призрака «западногерманского реваншизма» и улучшению жизни людей как в ФРГ и ГДР, так и в СССР. Готовность Брандта пойти против настроений значительной части политического класса и привычного курса на бесплодное жёсткое противостояние с Востоком, искать пути к преодолению тупика через символические, но исполненные гуманистического содержания компромиссы и заботу о нуждах простых людей по обе стороны «железного занавеса» являет собой актуальный пример эффективной дипломатии. Личная переписка западногерманского и советского государственных деятелей, имевших разного рода личный опыт как противостояния нацизму, так и вклада в строительство противостоящих систем, свидетельствует о важной роли личных отношений в политических начинаниях.

Библиография

Абрасимов П.А. Вспоминая прошедшие годы: четверть века послом Советского Союза. М.: Международные отношения, 1992. 340 с.

Абрасимов П.А. Четверть века послом Советского Союза. Издание второе, дополненное. М.: Национальное обозрение, 2007. С. 228.

Божик К.Б. Приоритеты внешней политики Германии до и после объединения (1945–2005 гг.). Дисс. на… канд. ист. наук. М., 2022. 258 с.

Кремер И.С. ФРГ: внутриполитическая борьба и внешняя ориентация. М.: Мысль, 1977. 334 с.

Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М: Междунар. отношения, 1986. 220 с.

Колесников А.И. Как посол с послами говоря // Коммерсантъ. 2026. 15 января. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8342428?ysclid=mkqv81z0a8356665271 (дата обращения: 27.01.2026).

Willy Brandt. Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960–1975. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1976. S. 245.

References

Abrasimov P.A. Vspominaya proshedshie gody: chetvert' veka poslom Sovetskogo Soyuza [Remembering the Past Years: A Quarter of a Century as Ambassador of the Soviet Union]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992. 340 p. (In Russ.)

Abrasimov P.A. Chetvert' veka poslom Sovetskogo Soyuza. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [Quarter of a Century as Ambassador of the Soviet Union. Second Edition, Supplemented]. Moscow: Nacional'noe obozrenie, 2007. 307 p. (In Russ.)

Bozhik K.B. Prioritety vneshnej politiki Germanii do i posle ob"edineniya (1945–2005 gg.) [Priorities of Germany's Foreign Policy Before and After Unification (1945–2005)]. Diss. na… kand. ist. nauk. Moscow, 2022. 258 p. (In Russ.)

Kremer I.S. FRG: vnutripoliticheskaya bor'ba i vneshnyaya orientaciya [The Federal Republic of Germany: Domestic Political Struggle and Foreign Orientation]. Moscow: Mysl', 1977. 334 p. (In Russ.)

Kremer I.S. FRG: ehtapy «vostochnoj politiki» [The Federal Republic of Germany: Stages of "Eastern Policy"]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1986. 220 p. (In Russ.)

Kolesnikov A.I. Kak posol s poslami govorya ["Like an Ambassador Speaking to Ambassadors"]. Kommersant. 2026. Jan. 15. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8342428?ysclid=mkqv81z0a8356665271 (date of access: 27.01.2026). (In Russ.)

Willy Brandt. Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960–1975. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1976. S. 245.

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.12

Г.Н. Андреева

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ СЦЕНАРИЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ: О РЕСКРИПТЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I А.Я. ИТАЛИНСКОМУ ОТ 26 МАЯ 1799 г.

Аннотация. *В конце XVIII в. в рамках британо-османо-российской коалиции Российская империя участвовала в военных действиях против Франции на Средиземном море. В составе объединенной российско-османской эскадры находились российские военные корабли под командованием Ф.Ф. Ушакова. Ионические острова, занятые французами, были освобождены, и решался вопрос о создании на них Республики Семи Соединенных островов, а также о подготовке для нее конституционного акта. Роль главы военной администрации на островах для обеспечения на них спокойствия выполнял Ушаков, при этом он продолжал командовать российской эскадрой, заниматься ее материально-техническим обеспечением, координировать действия эскадры с союзниками. В условиях сложной политической ситуации на островах в российской Коллегии иностранных дел предполагали послать в помощь Ушакову для участия в конституционном процессе опытного дипломата А.Я. Италинского, для чего был подготовлен рескрипт императора Павла I от 26 мая 1799 г. В статье проанализировано содержание этого рескрипта, выявлены политические и организационно-технические факторы, которые помешали его реализации. Хотя данный сценарий не был реализован, сама по себе его разработка Коллегией иностранных дел раскрывает потенциал и направленность внешнеполитической и юридической деятельности российского государственного аппарата. В самой Российской империи в этот период не было опыта создания кодифицированной конституции и организации конституционного процесса, поэтому подготовка такой конституции для другого государства являлась задачей повышенной сложности, но российские власти попытались это сделать даже в условиях острого гражданского противостояния на островах.*

Ключевые слова: *Ионические острова; конституционный процесс; император Павел I; А.Я. Италинский; Ф.Ф. Ушаков; В.С. Томара; Российская империя.*

Андреева Галина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Российская Федерация, Москва.
E-mail: g.n.andreeva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3465-522X
Web of Science Researcher ID: S-1277-2018

Andreeva G.N.

An Unrealized Scenario for Organizing the Constitutional Process in the Ionian Islands: On Emperor Paul I's Rescript to A.Ya. Italinsky of 26 May 1799

Abstract. *This article examines Russia's participation in the British–Ottoman–Russian coalition against France in the Mediterranean at the end of the eighteenth century. The combined Russo-Turkish squadron, commanded by F.F. Ushakov, liberated the Ionian Islands from French control, after which the establishment of the Septinsular Republic the drafting of its constitutional framework became matters of political concern. As head of the military administration on the islands, Ushakov was responsible for maintaining public order while continuing to command the Russian squadron, oversee its logistical support, coordinate its operations with the allied forces, and perform his other duties. In response to the difficult political situation on the islands, the College of Foreign Affairs of the Russian Empire proposed sending the experienced diplomat A.Ya. Italinsky to assist Ushakov in the constitutional process. To this end, Emperor Paul I issued a rescript to Italinsky on 26 May 1799. The article analyzes the content of this rescript and identifies the political, organizational, and practical factors that prevented its implementation. Although this plan was never realized, its development by the College of Foreign Affairs reveals the priorities and potential of the Russian Empire's foreign policy and legal strategy. At that time, the Russian Empire had no experience in drafting a codified constitution or conducting a constitutional process. Consequently, preparing a constitutional framework for another state was an exceptionally complex task, which the Russian authorities nevertheless attempted to accomplish despite the acute civil conflict on the islands.*

Keywords: *Ionian Islands; constitutional process; Emperor Paul I; A.Ya. Italinsky; F.F. Ushakov; V.S. Tomara; Russian Empire.*

Andreeva Galina Nikolaevna – PhD in Law, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION). Russia, Moscow.
E-mail: g.n.andreeva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3465-522X
Web of Science Researcher ID: S-1277-2018

Введение

Документ, являющийся объектом данного исследования, относится к нетипичному периоду в развитии российско-османских отношений: в конце XVIII в. Российская и Османской империи вступили в союз против революционной Франции. В Средиземное море была направлена эскадра под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова, которая освободила занятые французами Ионические острова. Российским руководством рассматривались различные варианты их правового статуса. Ушаков не только командовал эскадрой, но и выполнял по сути роль главы военной администрации на островах, решая множество разноплановых управленческих и снабженческих задач, а также

осуществлял в дополнение к ним дипломатические функции. В помощь ему для решения проблем оформления статуса Ионических островов было решено прислать профессионального дипломата А.Я. Италинского. В связи с этим был подготовлен рескрипт императора Павла I, подписанный им 26 мая 1799 г.

Внешняя политика Российской империи этого периода достаточно подробно освещена в российской дореволюционной, советской и постсоветской исторической литературе. Целый ряд работ посвящен Конституции Ионических островов[1] и конституционному процессу на них. Библиография и обзор содержания публикаций по этой тематике содержатся в статье А.В. Чернова [Чернов 2023, с. 121–125]. В ряде исследований в контексте рассматриваемых авторами разнообразных тем упоминается и анализируемый нами рескрипт. Так, о нереализованном намерении российских властей направить А.Я. Италинского на Ионические острова говорится в монографии А.М. Станиславской [Станиславская 1983, с. 216]. Об этом поручении Италинскому упоминается в статье А.С. Агеева [Агеев 2025, с. 84–85]. Однако комплексный анализ содержания рескрипта до сих пор не был осуществлен, хотя в его положениях содержится один из сценариев организации конституционного процесса на Ионических островах, присутствуют выразительная характеристика особенностей средиземноморской кампании конца XVIII в., а также тех усилий, которые предпринимались государственными органами Российской империи для ее успешного проведения.

Общая характеристика рескрипта Павла I

Рескрипт в соответствии со сложившейся к этому времени практикой был отправлен от имени императора и отразил его внешнеполитические намерения и позицию, не только потому, что иначе он не был бы им подписан, но и в силу общего духа, настроя и стиля данного послания. Естественно, император сам не писал рескрипты: тексты готовились в соответствующих ведомствах согласно личным указаниям монарха во исполнение его воли. Вместе с тем анализ текста рескрипта показывает, что этот документ отражает шаги, уже предпринятые Коллегией иностранных дел (например, упоминание о направленных российскому дипломатическому представителю в Константинополе В.С. Томаре также от имени императора указаниях, что, впрочем, тоже вписывается

1. Для краткого обозначения данного документа в научной исторической литературе исследователями используются различные наименования: Ионическая конституция, Конституция Ионической Республики, Конституция Ионических островов, Конституция Семи Ионических островов, Конституция Республики Семи Соединенных островов. Официальное название конституции – «План об учреждении правления на освобожденных от французов прежде бывших венецианских островах и об установлении во оных порядка» [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 379. Л. 274; Адмирал Ушаков 1952, с. 520].

и в стиль Павла I, уделявшего большое внимание деталям). Кроме того, часть текста свидетельствует: внешнеполитическое ведомство нуждалось в дополнительной информации, необходимой для эффективного осуществления своей деятельности (указание на сбор различного рода сведений об островах). Тем не менее в целом данный рескрипт является документом самого высокого уровня, выражающим волю императора и его внешнеполитические намерения.

Павел I обладал своеобразным характером и был достаточно сложным человеком в общении, что позволило его политическим противникам (особенно желавшим оправдать цареубийство) создать миф о неспособности этого монарха управлять государством. Однако усилиями современных историков удалось воссоздать более объективную картину его государственной деятельности как продуманной и направленной на искоренение взяточничества, казнокрадства, притеснений низших сословий (см. подробнее: [Михневич, Позднякова 2018]). Более того, некоторые начинания Павла I, не реализованные в силу краткости правления, осуществили его потомки. В оценке деятельности Павла I в области внешней политики в результате проведенных исследований стала выявляться определенная линия, направленная на усиление роли России в международных отношениях [Томсинов 2008, с. LIII–LVIII]. Документы, обеспечивавшие проведение внешней политики, включая анализируемый рескрипт, подтверждают это. Однако их особенностью являлась некоторая «расплывчатость», что отмечено в современных исследованиях [Агеев 2025, с. 99]. Такая особенность может рассматриваться двояко, в зависимости от контекста: и как достоинство, и как недостаток. В условиях быстро менявшейся военной ситуации обозначение только общего характера действий без особой конкретики создавало для исполнителей широкие возможности для маневрирования, позволяя им выбирать оптимальный вариант поведения в конкретной ситуации. Однако в случае разграничения полномочий между исполнителями, неопределенность является недостатком, что проявилось и в этом рескрипте. Вместе с тем неопределенность указаний или рекомендательная форма, преобладающая и в данном рескрипте, не освобождала исполнителей от ответственности за исполнение. Как отмечает В.А. Томсинов, «рекомендательная форма… не должна вводить в заблуждение – Павел I часто выражал свои повеления в форме пожеланий, но это не мешало ему строго требовать их исполнения» [Томсинов 2008, с. XXXV].

Андрей Яковлевич Италинский – адресат указаний Павла I

Андрей Яковлевич Италинский (1743–1827 гг.) был определен в качестве исполнителя указаний императора по рескрипту неслучайно. В российской научной литературе его обоснованно характеризуют как «талантливого представителя русской школы дипломатии» [Гребенщикова 2018, с. 21]. Его жизненный путь не был ординарным, а карьера впечатляет.

Будучи разносторонне образованным человеком, А.Я. Италинский ярко проявил себя в самых разных областях. Изначально он собирался стать священнослужителем и поступил в Киево-Могилянскую академию, после окончания которой избрал другое направление – медицину. В ней он достиг значительных успехов, работал лекарем, в том числе в условиях боевых действий, а также защитил докторскую диссертацию по медицине в Лейденском университете (Республика Соединенных провинций, ныне Нидерланды), практиковал в Лондоне. Российский дипломатический представитель в столице Великобритании (в 1779–1784 гг.). И.М. Симолин разглядел в Италинском талант дипломата, смог убедить его начать дипломатическую карьеру. В 1785 г. Италинский был назначен советником российского посольства (обычно второе лицо в миссии) в Неаполе, при дворе неаполитанского и сицилийского короля Фердинанда [Гребенщикова 2018, с. 25]. Италинский состоял на дипломатической службе на разных должностях: в Неаполе (до 1802 г.), Константинополе (в 1802–1806 и 1812–1816 гг.) и Риме (в 1817–1827 гг.). Его успехи на дипломатическом поприще были весьма впечатляющими и обстоятельно показаны Г.А. Гребенщиковой [там же, с. 20–34]. В научной литературе также особо выделяется его способность налаживать контакты. В частности, фактически возглавляя посольство в Неаполитанском и Сицилийском королевствах (с 1816 г. объединены в Королевство Обеих Сицилий), он добился расположения королевского двора (о чем упоминается и в анализируемом в данной статье рескрипте), а впоследствии, являясь главой дипломатической миссии в Константинополе, установил прекрасные контакты с У. Драммондом, британским послом в Константинополе [Станиславская 1962, с. 263].

Будучи полиглотом, Италинский активно интересовался восточными языками, владел арабским, сирийским, халдейским, персидским, армянским и некоторыми другими языками, был известным ориенталистом. Его публикация с расшифровкой такого сложного памятника эпиграфики как арабская надпись на мраморном надгробии XII в., посвященная Маймуне, породила огромную литературу [Крачковский 1953, с. 27]. Он стал одним из первых исследователей восточных элементов в «Слове о полку Игореве» [там же, с. 23–30]. Собрание восточных рукописей в библиотеке Италинского, по мнению британского дипломата и ориенталиста Дж. Хаммера, общавшегося с Италинским в Константинополе, превосходило коллекцию не только библиотеки Барберини, но и Ватикана [там же, с. 27]. Увлеченный библиофил и коллекционер, Италинский собирал разнообразные произведения искусства. Показателем ценности его коллекции является тот факт, что в конце 1820-х годов после его смерти в Эрмитаж поступили две принадлежавшие ему картины мастеров XVIII в., а также нумизматическое собрание. Нумизматическая коллекция Италинского является частью фондов Эрмитажа [Архивы России… 1997, с. 834]. Книги из его библиотеки были приобретены Императорской публичной библиотекой [Банников, Сапожников 2007, с. 211].

Вклад А.Я. Италинского в культуру получил признание: он являлся почетным членом Российской академии наук и Академии наук Английского королевского общества.

Содержание рескрипта императора Павла I

Рескрипт императора Павла I А.Я. Италинскому, датированый 26 мая 1799 г., неоднозначен по содержанию и в силу этого допускал многовариантные решения при выполнении поставленных им задач. При этом вопрос о том, как именно и кто будет определять, какой вариант предпочесть, не имеет ответа в тексте. Можно допустить, что из-за неопределенности и изменчивости общей политической ситуации в регионе (а также проблем с почтой, когда письма приходили адресатам порой через два месяца), предполагались дополнительные указания, а в случае крайней необходимости А.Я. Италинский мог действовать по своему усмотрению со ссылкой на срочные обстоятельства.

Начинается рескрипт с объяснения причин отказа А.Я. Италинскому в отпуске[2], явившегося информированием дипломата о ситуации в регионе. В рескрипте отмечена необходимость в условиях военных действий в Средиземном море и «в настоящих смутных обстоятельствах Италии» поддерживать связь с военными [РГАДА. Ф. 1261. Оп.1. Д. 1744. Л. 1]. Далее прямо перечислены представители военного руководства, с которыми Италинскому надлежало тесно контактировать и координировать военные действия: генерал-фельдмаршал граф А.В. Суворов-Рымникский, Ф.Ф. Ушаков, другие российские военачальники (их имена не названы) и военное руководство Османской империи. Дополнительным аргументом в пользу выбора кандидатуры Италинского стали хорошие отношения с неаполитанским королем: «Его Неаполитанскому Величеству приятно будет продолжение пребывания вашего при дворе его» [там же].

Помимо выполнения дипломатической миссии при неаполитанском дворе, на А.Я. Италинского предполагалось возложить «особенное поручение», которое касалось Ионических островов (в рескрипте они называются «островами бывшими венецианскими» [там же, л. 1об.]). Отмечено, что В.С. Томаре уже даны по этому вопросу предписания, выписки из которых были приложены к рескрипту. В этих выписках содержались указания относительно формы

2. О непростых отношениях А.Я. Италинского, пользовавшегося расположением Неаполитанского двора, имевшего необходимые связи и сеть информаторов и исполнявшего в случае отсутствия или болезни функции посланника, и назначенного на эту должность в 1797 г. новичка в дипломатической сфере графа В.В. Мусина-Пушкина-Брюса, о несоответствии реальных ролей этих двух дипломатов, а также о многочисленных ходатайствах Италинского об отпуске см.: [Агеев 2025, с. 84–85].

правления на Ионических островах по образцу Дубровницкой Республики и об их подвластности Османской империи[3].

Поручение включало, согласно рескрипту, также обязанность А.Я. Италинского отправиться на остров Корфу, собрать там необходимые сведения и представить императору свои соображения – «совокупные с людьми именитейшими и благомысленнейшими… обстоятельные виды к установлению на тех островах правления республики аристократической, под покровительством Порты состоящей и другими союзными державами обеспеченной» [РГАДА. Ф. 1261. Оп.1. Д. 1744., л. 2 об.]. Поручение включало обязанность убедить жителей островов в пользе зависимости от Османской империи, при этом изложена аргументация, которую дипломату следовало использовать, а именно: выгоды торговли, свободный проход судов в Черном море, небольшой размер дани османскому султану. Кроме того, по результатам поездки на острова Италинский должен был сообщить императору «обстоятельные (подчеркнуто мной. – *Г. А.*) сведения о населении оных, о продуктах, в торговле иностранной обращающихся, и тех, кои туда привозятся для внутреннего употребления, и о навигации собственной островов сих» [там же, л. 3 об.].

Причиной этого поручения было объявлено то, что «воинские упражнения адмирала Ушакова не позволят ему самому войти в столь большие подробности, каковых требуют все нужные по сему распоряжения» [там же, л. 2]. По сути в данном предложении косвенно отразились сообщения самого Ф.Ф. Ушакова, который неоднократно писал в Санкт-Петербург о своей чрезмерной загруженности по воинской части и недостаточной материально-технической базе экспедиции. Но одна ситуация, когда об этом писал Ушаков, и другая – когда по мнению Коллегии иностранных дел и императора именно загруженность Ушакова по воинской части являлась основной причиной поручения А.Я. Италинскому. В последнем случае это выглядит как очевидная недооценка сложности самой задачи установления на островах предполагавшейся формы правления после французов с принесенными ими идеями равенства и братства, а также убеждения населения в необходимости и полезности подвластности островов Османской империи.

Статус А.Я. Италинского при выполнении этого поручения в рескрипте оставлен неопределенным: он должен был стать «содеятелем» либо «помощником» Ф.Ф. Ушакова в вопросах организации управления на Ионических островах [там же]. Соответственно, с административной точки зрения, такая неопределенность изначально не закладывала эффективное решение поставленной задачи, так как предполагала самостоятельное распределение Италинским и Ушаковым полномочий, и тем самым определение статуса Италинско-

3. Подробнее о том, что понималось под этим образцом для Ионических островов, см.: [Андреева 2011].

го. Между тем как будет показано далее, этот вопрос для элиты островов был весьма значим.

По ходу изложения в рескрипте даются указания о бескорыстной дружбе с Османской империей, необходимости демонстрировать единодушие с ней «во всех декларациях, манифестах и других бумагах; как совокупно ли от имени адмирала Ушакова и турецкого морского начальника или порознь, но одинакового содержания обнародуемы быть имеют» [там же, л. 3]. Это указание должно было обеспечить единую линию действий А.Я. Италинского, Ф.Ф. Ушакова, В.С. Томары и османских представителей.

Реальное развитие событий

Как уже было отмечено, описанный в императорском рескрипте сценарий не был реализован по ряду причин. Основными из них были длительная доставка распоряжений императора в силу существовавших в то время средств связи (секретная почта доставлялась с доверенными людьми и с оказией, которой могло не быть длительное время). В результате А.Я. Италинский получил рескрипт (в копии) только 10 (20) июля 1799 г. через В.С. Томару [Агеев 2025, с. 85]. Но до этого, еще в мае 1799 г., на Ионических островах уже была выработана и принята конституция, и 21 мая Ф.Ф. Ушаков направил «пресветлейшему державнейшему государю императору и самодержцу всероссийскому» рапорт «о поступлении к нему Плана от депутатов всех освобожденных нами от французов, прежде бывших венецианских островов» [РГАДА Ф. 20. Оп. 1. Д. 379. Л. 271]. К рапорту был приложен сам План (в переводе с итальянского языка на русский), копия перевода письма депутатов к Ушакову и копия его ответа депутатам. Этот ответ был воспроизведен и в самом рапорте: «На оное письмо по получении ответствовал я им: «рассматривая оной План нахожу с объяснением опубликованного Святейшим патриархом Константинопольским манифестом согласным, а как сие учреждение и республика оных островов зависит от воли и конфирмации союзных российской и блистательной Порты Оттоманской высочайших дворов, потому с прошением об отправлении к оным высочайших депутатов для испрошения конфирмации и воли Всероссийского и блистательной Порты государей Императоров я согласен, тем паче, что и блистательная Порта Оттоманская требует от вас скорейшей присылки депутатов и предлагает отправлением депутатов оных не замедлить. Которые вскорости отсель и отправятся…» [там же]. Почти одновременно такой же пакет документов был направлен в Константинополь В.С. Томаре, а в рескрипте Павла I от 15 июля 1799 г. Томаре действия Ф.Ф. Ушакова на островах и представления по этому поводу Османской империи самого Томары были одобрены императором [АВП РИ. Ф. 90. Д. 1409. Л. 80]. Таким образом, к моменту получения А.Я. Италинским

рескрипта от 26 мая 1799 г. необходимости в выполнении поручения на Ионических островах уже не было.

Такая необходимость, однако, вновь возникла позднее, когда Османская империя под видом удовлетворения требований прибывших в Константинополь депутатов-нобилей решила пересмотреть текст Плана в свою пользу, а В.С. Томара, познакомившись с избранными для конфирмации депутатами, сделал неприятное открытие о разногласиях между ними. В черновике письма А.Я. Италинскому от 2 (13) ноября 1799 г. В.С. Томара разработал план решения проблемы, предполагая, что адресат побывает на островах и сможет урегулировать там спорные вопросы, организовав разработку новой конституции или доработку имеющейся. По мнению Томары, если бы этот новый вариант конституции понравился «одному десятку рассудительных и добрых людей», и Италинский утвердил бы его у Павла I, то Томара, в свою очередь, бы «постарался о таковой у Султана», «а там легко бы оная принята была разногласными греками островов в виду эскадры нашей и турецкой» (подробнее об этом варианте, предложенном Томарой см.: [Андреева 2020]). Это письмо свидетельствует о крайне высокой степени разногласий на островах, практически непримиримых, если даже для такого дипломата-аналитика, как Томара, собственное предложение найти хотя бы десять человек, готовых к договоренностям, было скорее гипотетическим.

Оценка реалистичности сценария организации конституционного процесса, содержавшегося в рескрипте

Замысел Павла I и Коллегии иностранных дел очевиден. Посылка на Ионические острова опытного дипломата и, что особенно немаловажно, полиглота, должна была не только несколько «разгрузить» Ф.Ф. Ушакова, но и обеспечить неизбежную дипломатическую составляющую конституционного процесса, в котором было изначально задумано участие собственно Ионических островов и еще двух империй, а также принести дополнительную информацию об островах.

В содержании рескрипта просматривается несколько важных моментов, которые изначально делали этот сценарий не слишком жизнеспособным.

Во-первых, недооценка сложности ситуации и наличия конфликтов и брожений на Ионических островах после того, как французы принесли туда идеи равенства и свободы. Присутствие военной эскадры, личные распоряжения и действия ее командующего Ф.Ф. Ушакова, направленные на поддержание спокойствия на островах, сдерживали в определенной мере недовольство, но это не означало появления сколько-нибудь удовлетворительных условий для течения конституционного процесса, во время которого недовольство могло обостриться и обрести нежелательную форму. В этих условиях не диплома-

тия, а существование военной администрации становилось решающим фактором конституционного процесса.

Во-вторых, необходимость убеждения местного населения в пользе зависимости островов от Османской империи. Учитывая крайне негативное отношение жителей к такой перспективе, решение этой задачи требовало длительного убеждения островитян, в то время как от участников конституционного процесса ожидалось быстрое решение вопроса.

В-третьих, физическая возможность А.Я. Италинского осуществлять два вида разнородной и требующей присутствия в разных местах и при этом нередко одновременно деятельности: координацию военных действий в регионе (что требовало его внимания и поддержания постоянных контактов с перечисленными в рескрипте военачальниками, изменения тактики в случае перемены политической и военной ситуации, нередко присутствия в местах, приближенных к зоне военных действий, и организовывать конституционный процесс на Семи Ионических островах. Организация конституционного процесса являлась сложной и самостоятельной задачей и никак не сочеталась с координацией военных действий союзников. Кроме того, была явно недооценена сложность политической ситуации на Ионических островах. В этом смысле нельзя не согласиться с самим Италинским, который в письме В.С. Томаре от 7 (28) ноября 1799 г. весьма определенно и скептически высказался по поводу того, что вряд ли он может быть полезным на Ионических островах, где «все в великом безпорядке» (цит. по: [Агеев 2025, с. 85]). При этом очевидно, что Италинскому следовало не только посетить острова – «…отправиться на Корфу и объехать и другие острова…» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1744. Л. 2], но и пообщаться даже не с различными слоями населения для выяснения настроений, а хотя бы с политической элитой (что при принятом в то время неспешном этикете требовало само по себе немало времени), а также наладить необходимые для успешного осуществления конституционного процесса контакты. С учетом особенностей транспортных коммуникаций того времени между островами только по морю выполнение этой задачи никак не укладывалось в ограниченные временные рамки, как это изображено в рескрипте, и свидетельствует о недооценке сложности подготовки конституционных актов.

В-четвертых, нельзя не отметить значение для островов, бывших венецианских, с достаточно укорененными аристократическими представлениями об иерархии и этикете, вопроса о статусе А.Я. Италинского. В рескрипте этот вопрос, как уже говорилось, предоставлен на совместное, по-видимому, решение Ф.Ф. Ушакова и самого Италинского, который мог быть представлен на островах как «содеятель» или «помощник» Ушакова. Такой статус был явно недостаточным, по крайней мере в глазах аристократической элиты островов, для оказания существенного влияния на конституционный процесс. С одной стороны, понятно, что Коллегия иностранных дел не могла предоставить Ита-

линскому какой-то особо выдающийся статус, как, например, это было сделано для М.И. Кутузова при направлении его императрицей Екатериной II в Константинополь для налаживания отношений с Османской империей. Особый статус не в последнюю очередь (наряду, разумеется, прежде всего с военными достижениями и дипломатическим талантом Кутузова) способствовал успеху его миссии[4]: посол не только был с почестями принят в османской столице, но и приглашен для беседы с матерью султана в гарем (невероятная честь, которой не удостаивались дипломаты ни одной страны), что позволило Кутузову решить ряд торговых вопросов в пользу России [Ахметшин 2013, с. 143–144]. Этот пример показывает значимость предоставления особого статуса лицу, направляемому с дипломатической миссией, учитывающего особенности менталитета элит того времени и региона, в который предполагалось направить Италинского. Однако следует отметить, что к этому моменту Ионические острова еще не получили статус государства, поэтому отправление аналогичного рода дипломатической миссии было неуместным и могло быть расценено союзниками, прежде всего Османской империей, как проявление каких-то особых необъявленных им планов России. А предусмотренный рескриптом неопределенный статус Италинского для населения островов, особенно их аристократической элиты, не был убедительным и не являлся проявлением уважения к ним, что не только не облегчало выполнение его задачи, но и могло в принципе серьезно усложнить ее.

Заключение

Конкретно-исторические условия сложились таким образом, что предполагаемый по рескрипту Павла I сценарий А.Я. Италинскому не пришлось реализовывать и, соответственно, участвовать в конституционном процессе на Ионических островах. Военные действия, которые ему довелось координировать, и осложнившаяся обстановка в Средиземноморском регионе, которые привели к участию в военных действиях российской эскадры, потребовали полного внимания и присутствия Италинского в Неаполе. Текст конституционного акта для Ионических островов был разработан без его участия, одобрен российским императором, но делегация, посланная в Османскую империю, увидела возможность изменить ход событий, и процесс конфирмации сначала затянулся, а затем не был завершен.

В рамках исследований альтернативной истории возможно имело бы смысл оценить перспективы, которые могли возникнуть в случае участия А.Я. Италинского в конституционном процессе на островах. Например, можно было бы

4. В российской литературе достаточно подробно освещена эта миссия Кутузова [Ахметшин 2013, с. 110, 113–114, 134–147].

предположить, что Италинскому, используя свои дипломатические навыки, знание языков и благодаря предоставленной возможности непосредственного общения с жителями островов без переводчиков, удалось бы сформировать более гармоничный состав делегации в Османскую империю, что несколько повысило бы шансы конфирмации, но повлиять на конституционный процесс в целом он едва ли смог бы. Глубокие противоречия на самих островах и слишком короткие сроки, отведенные на решение проблемы такого уровня сложности как создание конституции, в напряженной внешнеполитической ситуации в регионе делают такой сценарий маловероятным.

Другими странами к концу XVIII в. был уже накоплен довольно значительный опыт конституционного регулирования и сложились определенные представления об организации конституционного процесса. На практике данный процесс, как правило, протекал в рамках одной страны (США, Речь Посполитая, Франция) и по инициативе национальных политических сил. К моменту разработки Ионической конституции имелся и опыт конституционного строительства стран-сателлитов Франции: Конституция Цезальпинской Республики 1797 г., Конституция Гельветической Республики 1798 г. и Конституция Батавской Республики 1798 г. были созданы по образцу французской Конституции 1795 г., а конституционный процесс в этих государствах, соответственно, находился под французским контролем. В случае конституционного процесса на Ионических островах, помимо фактора большего расстояния между государствами-участниками, сама идея одобрения двумя другими государствами конституционного акта, принятого на островах, и, таким образом, включения их в конституционный процесс была новаторской, хотя и неизбежно согласование позиций участников конституционного процесса требовало значительных усилий и успех не был гарантирован. Тем не менее, как представляется, для более глубокого понимания потенциала и направленности внешнеполитической и юридической деятельности российского государственного аппарата этого периода значительный научный интерес представляет сама по себе разработка Коллегией иностранных дел описанного выше сценария организации конституционного процесса, поскольку в самой России к тому моменту такого рода опыт отсутствовал.

Библиография

Агеев А.С. Между адмиралом Ф.Ф. Ушаковым и Сицилийским двором: дипломатическая миссия А.Я. Италинского в Неаполе (1799 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. С. 81–101.

Адмирал Ушаков / под ред. Р.Н. Мордвинова. Т. 2. М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства СССР, 1952. 606 с.

Андреева Г.Н. Об особенностях конституционного процесса на Ионических островах и черновике письма В.С. Томары А.Я. Италинскому от 2/13 ноября 1799 г. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 10–30.

Андреева Г.Н. Дубровницкая (Рагузская) республика как образец для создания полунезависимого греческого государства в конце XVIII – начале XIX веков: К вопросу об источниках Ионической конституции 1799 г. // Реформы и право. 2011. № 2. С. 64–70.

Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409.

Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. М.: Археографический центр, 1997. 1070 с.

Ахметшин Ш.К. Князь Виктор Павлович Кочубей – первый министр внутренних дел, канцлер Российской империи. СПб.: Славия, 2013. 456 с., 243 илл.

Банников А.П., Сапожников С.А. Собиратели и хранители прекрасного: Энциклопедический словарь российских коллекционеров от Петра I до Николая II. 1700–1918 годы. М.: Центрполиграф, 2007. 607 с.

Гребенщикова Г.А. Андрей Яковлевич Италинский // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 20–34.

Крачковский И.Ю. Один из первых исследователей восточных элементов в «Слове о полку Игореве» // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 23–30.

Михневич А.В., Позднякова Е.Ю. Реформы Павла I и их значение для развития российского государства // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 6. С. 203–207.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 379; Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1744.

Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции, 1798–1800 г. М.: Наука, 1983. 302 с.

Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья (1798–1807). М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 505 с.

Томсинов В.А. Император Павел Первый (1754–1801): государственный деятель и законодатель // Законодательство императора Павла I. М.: Зерцало, 2008. С. XV–LXIV.

Чернов А.В. Ионическая конституция 1799 г. в отечественной историографии // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 120–129.

References

Admiral Ushakov / pod red. R.N. Mordvinova [Admiral Ushakov / ed. by R.N. Mordvinov]. Vol. 2. Moscow: Voenno-morskoe izdatel'stvo Voenno-morskogo ministerstva SSSR, 1952. 606 p. (In Russ.)

Ageev A.S. Mezhdu admiralom F.F. Ushakovym i Sitsiliyskim dvorom: diplomaticheskaya missiya A.Ya. Italinskogo v Neapole (1799 g.) [Between Admiral F.F. Ushakov and the Sicilian court: the diplomatic mission of A.Ya. Italinsky in Naples (1799)]. Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya [Historical journal: scientific research]. 2025. N 1. P. 81–101. (In Russ.)

Akhmetshin Sh.K. Knyaz' Viktor Pavlovich Kochubey – pervyy ministr vnutrennikh del, kantsler Rossiyskoy imperii [Prince Viktor Pavlovich Kochubey – First Minister of the Interior, Chancellor of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Slaviya, 2013. 456 p., 243 ill. (In Russ.)

Andreeva G.N. Dubrovnitskaya (Raguzskaya) respublika kak obrazets dlya sozdaniya polunezavisimogo grecheskogo gosudarstva v kontse XVIII – nachale XIX vekov: K voprosu ob istochnikakh Ionicheskoy konstitutsii 1799 g. [Dubrovnik (Ragusa) Republic as a model for the creation of a semi-independent Greek state in the late XVIII – early XIX centuries: On the question of the sources of the Ionian Constitution of 1799]. Reformy i pravo [Reforms and law]. 2011. N 2. P. 64–70. (In Russ.)

Andreeva G.N. Ob osobennostyakh konstitutsionnogo protsessa na Ionicheskikh ostrovakh i chernovike pis'ma V.S. Tomary A.Ya. Italinskomu ot 2/13 noyabrya 1799 g. [On the Peculiarities of the Constitutional Process in the Ionian Islands and the Draft of a Letter from V.S. Tomara to A.Ya. Italinsky dated November 2/13, 1799]. Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs [Historical and Legal Problems: A New Perspective]. 2020. N 1. P. 10–30. (In Russ.)

Arhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii Ministerstva inostrannyh del Rossiyskoy Federatcii (AVP RI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign (AFPRE)]. F. 90. Inv. 1. Case 1409. (In Russ.)

Arkhivy Rossii. Moskva i Sankt-Peterburg. Spravochnik-obozrenie i bibliograficheskiy ukazatel' [Archives of Russia. Moscow and Saint Petersburg. Reference-review and bibliographic index]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1997. 1070 p. (In Russ.)

Bannikov A.P., Sapozhnikov S.A. Sobirateli i khraniteli prekrasnogo: Entsiklopedicheskiy slovar' rossiyskikh kollektsionerov ot Petra I do Nikolaya II. 1700–1918 gody [Collectors and keepers of the beautiful: Encyclopedic Dictionary of Russian collectors from Peter I to Nicholas II 1700–1918]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 607 p. (In Russ.)

Chernov A.V. Ionicheskaya konstitutsiya 1799 g. v otechestvennoy istoriografii [Ionic Constitution of 1799 in Russian historiography]. Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Science]. 2023. N 2. P. 120–129. (In Russ.). 2023. № 2. S. 120–129.

Grebenshchikova G.A. Andrey Yakovlevich Italinskiy [Andrey Yakovlevich Italinsky]. Voprosy istorii [Questions of history]. 2018. N 3. P. 20–34. (In Russ.)

Krachkovskiy I.Yu. Odin iz pervykh issledovateley vostochnykh elementov v «Slove o polku Igoreve» [One of the first researchers of oriental elements in the "Word on Igor's Regiment"]. Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya [Essays on the history of Russian oriental studies]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. P. 23–30. (In Russ.)

Mikhnevich A.V., Pozdnyakova E.Yu. Reformy Pavla I i ikh znachenie dlya razvitiya rossiyskogo gosudarstva [Reforms of Paul I and their significance for the development of the Russian state]. Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy [International Journal of Applied and Fundamental Research]. 2018. N 6. P. 203–207. (In Russ.).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 20. Inv. 1. Case 379; F. 1261. Inv. 1. Case 1744. (In Russ.)

Stanislavskaya A.M. Politicheskaya deyatel'nost' F.F. Ushakova v Gretsii, 1798–1800 g. [Political activity of F.F. Ushakov in Greece, 1798–1800]. Moscow: Nauka, 1983. 302 p. (In Russ.)

Stanislavskaya A.M. Russko-angliyskie otnosheniya i problema Sredizemnomor'ya (1798–1807) [Russian-English relations and the Mediterranean problem (1798–1807)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 505 p. (In Russ.)

Tomsinov V.A. Imperator Pavel Pervyy (1754–1801): gosudarstvennyy deyatel' i zakonodatel' [Emperor Paul the First (1754–1801): statesman and legislator]. Zakonodatel'stvo imperatora Pavla I [Legislation of Emperor Paul I]. Moscow: Zercalo, 2008. P. XV–LXIV. (In Russ.). Moscow: Zertsalo, 2008. P. XV–LXIV. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.13

Г.Г. Голава

СОВРЕМЕННАЯ ГРУЗИЯ МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И ЗАПАДНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОЛЕ ДИСКУРСИВНОЙ БОРЬБЫ

Аннотация. *В статье исследуется, как различные политические и общественные акторы современной Грузии – правительство, оппозиция, гражданское общество – ведут дискурсивную борьбу за западную идентичность. Исследование основано на методе политического дискурс-анализа и охватывает период протестов ноября-декабря 2024 г., когда осмысление Себя посредством концепта Европы (как части коллективного Запада) оказалась в центре общественно-политического дискурса идентичности. Корпус источников включает в себя публичные заявления премьер-министра Грузии, выступления представителей оппозиции, а также медийные материалы гражданского общества.*

Автор доказывает, что несмотря на политическую поляризацию, все ключевые дискурсы в Грузии не отрицают европейскую идентичность нации. Напротив, они совместно ее воспроизводят. Даже в конфликте они признают Европу/Запад источником легитимности и морального авторитета, но интерпретируют ее по-разному. Власть интерпретирует Запад как культурно-религиозное наследие, оппозиция – как правовой и демократический идеал, гражданское общество – как жизненную норму.

Научная новизна определяется тремя аспектами. Теоретическая новизна: автор предлагает рассматривать идентичность Грузии не как бинарную оппозицию Запад–Восток, а как многоуровневое поле дискурсивной борьбы, а также выделяет три репертуара смыслов западного дискурса в современной Грузии – нормативно-либеральный, национально-суверенный и гражданский. Методологическая новизна: разработана аналитическая типология репертуаров смыслов, пригодная для сравнительных исследований постсоветских обществ. Эмпирическая новизна: впервые проведен системный анализ корпуса публичных текстов ноября-декабря 2024 г., включающего не только государственные и оппозиционные нарративы, но и гражданский дискурс, ранее игнорировавшийся в академической литературе.

Ключевые слова: *Грузия; коллективный Запад; Европейский союз; дискурс; дискурс-анализ; идентичность.*

Голава Гия Гивиевич – аспирант кафедры американских исследований Факультета международных отношений РГГУ. Россия, Москва.
E-mail: giaforever@mail.ru

Golava G.G.

Contemporary Georgia between tradition and Western values: Identity as a field of discursive struggle

Abstract. *The article explores how various political and societal actors – the government, the opposition and civil society – engage in a discursive struggle over Western identity in contemporary Georgia. The study is based on political discourse analysis and focuses on the November–December 2024 protests, during which conceptions of Europe as part of the collective West became central to debates over sociopolitical identity. The source base includes public statements by the Prime Minister of Georgia, speeches by opposition representatives and media materials produced by civil society.*

The author argues that, despite political polarization, the key political discourses in Georgia do not reject but collectively reproduce the nation's Western identity. Even in the context of conflict, they recognize the West as a source of legitimacy and moral authority while interpreting it in different ways: the government emphasizes its cultural and religious heritage, the opposition views it as a legal and democratic ideal, and civil society presents it as a normative model of everyday life.

The article's scholarly contribution is threefold. First, it reconceptualizes Georgia's identity not as a binary West–East opposition but as a multilevel field of discursive contestation and identifies three repertoires of meaning within contemporary Western discourse in Georgia: normative-liberal, national-sovereign and civic. Second, it develops an analytical typology of these repertoires that can be applied in comparative studies of post-Soviet societies. Third, it provides the first systematic analysis of a corpus of public texts produced between November and December 2024, encompassing not only official and opposition narratives but also civil society discourse, which has received little attention in the existing academic literature.

Keywords: *Georgia; Collective West; European Union; discourse; discourse analysis; identity.*

Golava Gia Givievitch – postgraduate student of the Department of American Studies at the Faculty of International Relations of the RSUH. Russia, Moscow. E-mail: giaforever@mail.ru

Введение

Идентичность – это то, что делает общество сплоченным и устойчивым перед историческими вызовами. Но в Грузии вопрос идентичности является объектом общественно-политических споров, которые нередко приобретают радикальные формы. В 2024 г. грузинское правительство фактически заморозило переговоры о вступлении в ЕС. С этого момента вопрос о том, насколько Грузия является Европой как части коллективного Запада, стал центральным элементом публичного дискурса. Несмотря на глубокую традиционность грузинского общества, грузины связывают свое цивилизационное будущее именно с Западом. «Запад» превратился в символический ресурс, который позволя-

ет определять идентичность в самых разных ее интерпретациях. Запад в этом смысле предстает дискурсивным конструктом, основанным на представлениях о ценности модернизации, суверенитета и традиций развития.

Национальную идентичность можно понимать по-разному. Б. Андерсон называл нации «воображаемыми сообществами», в которых члены воспринимают себя как часть единого целого [Anderson 1983, p. 47]. Этносимволисты рассматривают вопрос национальной идентичности через историко-культурные связи, мифы и символы [Smith 2009, p. 135], тогда как модернисты видят нацию продуктом индустриализации, создающей потребность в однородной культуре [Gellner 1983, p. 114]. С этим подходом перекликается идея Э. Хобсбаума и Т. Рейджера об «изобретенных традициях» – наборе практик, которые кажутся старинными, но создаются здесь и сейчас для укрепления чувства общности [Hobsbawm, Ranger 1983]. Конструктивисты подчеркивают, что в «текучей современности» национальная идентичность конструируется людьми снова и снова [Bauman 2000, p. 14], а А. Вендт добавляет роль международного контекста: как нация позиционирует себя в мире и воспринимается другими государствами [Wendt 1999].

Российские исследователи смотрят на вопрос грузинской идентичности скептически. Грузия географически не относится к Западу, общество остается консервативным, а грузинский национализм плохо сочетается с либеральной моделью ЕС. Поэтому «Запад» не является реальной культурной принадлежностью грузин. Российские авторы рассматривают «Запад» как внешнеполитическую конструкцию. Особенно ярко это выражено у М.В. Кирчанова, который рассматривает дихотомию «Запад»/«Россия» как изобретенную традицию грузинского национализма [Кирчанов 2021]. Работы М.В. Кирчанова составляют исключение в российской академической традиции, так как обычно вопрос грузинской идентичности не рассматривается как самостоятельный концепт. Распространенный подход заключается в том, что это вопрос либо противопоставления России [Муханов 2017], либо позиционирования перед ЕС [Фадеева, Плотников 2024].

В американской литературе проблема обычно ставится иначе. Одни авторы объясняют становление грузинской идентичности травмирующим опытом постсоветских трансформаций [Jones 2012, Mitchell 2008]. Другие авторы просто исторически описывают процесс формирования национального самосознания в контексте Российской империи/СССР [Suny 1994, King 2006]. Однако ни российские, ни американские исследователи не рассматривают Запад как ценностный ориентир для грузинского народа.

Грузинские авторы также отмечают, что идентичность – это конструкция, а Европа как конструкт в грузинском дискурсе идентичности становится маркером политического размежевания. До обретения независимости Европа воспринималась как единственная альтернатива России, а отсюда –

определенность в вопросе идентичности как в XIX в. [Gabisonia 2012, pp. 66–81], так и в начале XX в. [Nodia 1998, p. 21]. Но в настоящее время, когда Грузия предоставлена сама себе, идентичность оказалась расколота между национально-традиционным и европейским-западным измерениями [Bogishvili, Osepashvili, Gavashelishvili, Gugushvili 2026]. Европа стала внутренним политическим маркером, она помогает гибко позиционировать себя между разными полюсами, сочетая национальные интересы с прагматизмом [Guliashvili 2025, pp. 86–114]. По мере радикализации внутренней ситуации в Грузии дискурс о Европе становится орудием в руках как правящей элиты, так и оппозиции [Tsuladze, Abzianidze 2025]. Более того, в последнее время идеализированное представление о коллективном Западе вообще и Европе, в частности, переосмысливается через крайне правые нарративы [Gozalishvili, Kilasonia, 2025, pp. 81–104].

Цель настоящего исследования – выявить, как образ Запада используется для конструирования национальной идентичности в грузинском общественно-политическом дискурсе. Анализ литературы показал, что этому вопросу не уделяется достаточного внимания. Чаще всего исследования фиксируют двойственность идентичности (преобладают бинарные модели наподобие «Запад»/«Восток», «Европа»/«Россия»), но мало раскрывают механизмы и дискурсивные стратегии ее воспроизводства, особенно под влиянием международных событий. Теории национализма объясняют происхождение наций, но не отражают специфику постсоветских обществ. Конструктивистские подходы редко системно применяются к анализу Грузии. Конструктивистские подходы дают для этого более гибкий инструментарий, но применительно к малым государствам наподобие Грузии они используются весьма ограниченно.

Методологический контекст

Хронологические рамки исследования охватывают ноябрь-декабрь 2024 г., когда после заявления премьер-министра И. Кобахидзе о приостановке переговоров о вступлении в ЕС до 2028 г. [მიმართვა ევროკავშირს [Обращение к Европейскому союзу] 2024] произошла резкая трансформация дискурса о Европе и начались массовые протесты. В этот период ключевые акторы – власть, оппозиция и гражданское общество – сделали значимые заявления (Грузинская православная церковь не рассматривается, поскольку официально старается не вмешиваться в политику и предпочитает нейтральные формулировки).

Поскольку исследуется не реальная политика, а способы говорения о Западе как элементе национальной идентичности, в статье используется конструктивистский подход. Опрос 2023 г. показал колоссальную поддержку

прозападного курса (89% опрошенных выступали за вступление в ЕС, 80% – за вступление в НАТО) [Georgian Survey of Public Opinion 2023], но не раскрывает, как понимается «Запад». Статистика фиксирует идентичность как факт, тогда как дискурс-анализ рассматривает ее как процесс, проявляющийся в языке, образах и риторике.

Теоретической базой политического дискурс-анализа являются работы М. Фуко, Н. Фэркло, Т. Ван Дейка, Э. Лакло, Ш. Муфф, Р. Водак.

М. Фуко рассматривал власть как множественный дискурс, а анализ текста – как анализ стоящей за ним власти, выделяя механизмы контроля: внешние (что можно говорить) и внутренние (кто имеет право комментировать) [Foucault 1971, pp. 7–30]. В свою очередь, Н. Фэркло предложил трехуровневую модель: лингвистический уровень (как сказано), дискурсивная практика (кто, кому и зачем говорит) и социальная практика (социальный и идеологический контекст) [Fairclough 1971]. Со своей стороны, Т. Ван Дейк добавил когнитивный уровень – ментальные модели, через которые формируется восприятие мира и аргументация [Van Dijk 1997, pp. 11–52]. Э. Лакло и Ш. Муфф рассматривали дискурс как средство гегемонии, а элементами дискурса выступают так называемые «пустые знаки» – термины, заполняемые разными смыслами [Laclau, Mouffe 1985]. Наконец, Р. Водак предложила структурированную схема анализа дискурсивных стратегий: идентификация стратегий (конструирование «своих» и «чужих», легитимация, делигитимация оппонентов), языковые приемы (метафоры, эвфемизмы, повторы, оценки), интертекстуальные отсылки [Wodak 2009].

Эмпирическая база включает заявления премьер-министра И. Кобахидзе, президента С. Зурабишвили и представителей гражданского общества. Такая выборка позволяет сравнить властный, оппозиционный и общественный дискурсы и проследить, как меняются стратегии конструирования идентичности в условиях растущего конфликта между властью и обществом.

Правительственный дискурс

Партия «Грузинская мечта» пришла к власти в 2012 г. Несмотря на начало нормализации отношений с Россией и обвинение правительства М. Саакашвили в радикализме, новое правительство не отказалось от курса на евроатлантическую интеграцию. Однако дискурс приобрел более прагматические очертания в силу признания фактического положения вещей: Россия продолжает оставаться ключевым торговым партнером Грузии; во многом от России зависят вопросы Абхазии и Южной Осетии; украинский кризис подтвердил слабость Европы и невозможность западных гарантий безопасности для Грузии; несмотря на масштабные реформы и практические шаги «Грузинской мечты» процесс евроатлантической интеграции затянулся по инициативе

Брюсселя и породил спекуляции [Minesashvili 2021, p. 128–155]. Все эти факторы внесли корректировки в дискурс о европейской идентичности Грузии. Подтверждением этому служат выдержки из заявлений премьер-министра Грузии И. Кобахидзе, в которых формулируется следующий репертуар смыслов: Грузия – европейская страна и часть христианской цивилизации [Ираклий Кобахидзе: наша обязанность – сделать Грузию полноправным членом европейской семьи 2024]; евроатлантическая интеграция как услуга неприемлема; Грузия и ЕС могут обогатить друг друга; Запад перестал быть символом справедливости). [ირაკლი კობახიძე – ჩვენ გვახსოვს სხვანაირი ევროპა, ევროპა იყო სამართლიანობის სიმბოლო [Ираклий Кобахидзе: Мы помним другую Европу, Европу, которая была символом справедливости] 2024]; Западу не удалось добиться «украинизации» Грузии; в насильственном митинге в Грузии виноваты европейские чиновники и «пятая колонна» [Ираклий Кобахидзе: «Нацмайдан» не может быть проведен в Грузии] 2024]; «Грузинская мечта» защитит Грузию от «либерального фашизма» [პრემიერი: ყველას დავიცავთ ლიბერალური ფაშიზმისგან [Премьер-министр: мы защитим каждого от либерального фашизма] 2024].

Шаг 1 – тип дискурса. Здесь представлен гибридный дискурс, сочетающий в себе оборонительно-националистические (обвинения в адрес Европы, популистская легитимация власти через моральное превосходство и защиту народа) и неолиберальные проевропейские нарративы (риторика принадлежности к Европе).

ШАГ 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА		
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ	**СОДЕРЖАНИЕ**	**ЦЕЛЬ**
Историческая принадлежность Грузии к Западу	Грузия – древняя христианская страна, органично европейская	легитимировать принадлежность к Западу через религию и историю, а не через демократию
Обида	ЕС несправедлив к Грузии и нарушает принцип равенства	создать образ обделенной, но гордой нации
Суверенитет и независимость	Грузия – опытная, мудрая нация, не Украина	утверждение независимости от внешних акторов на основе древней традиции государственности
Внешний и внутренний враг	европейские бюрократы, пятая колонна, либеральный фашизм	создание внутреннего и внешнего врага для консолидации населения
Традиционные ценности	защита народа от либерального фашизма	самолегитимизация власти как защитника народа и традиции

ШАГ 3. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ (ПО Р. ВОДАК)		
СТРАТЕГИЯ	**РЕАЛИЗАЦИЯ**	**ФУНКЦИЯ**
Номинация (кто есть кто)	Запад– «бастион христианства», Грузия – древняя христианская страна, несправедливая позиция ЕС	обусловливает историко-религиозный контекст идентичности
Предикация (какие качества описываются)	Европа – несправедливая, переживающая кризис; Грузия – мудрая и исторически опытная	формирует бинарную оппозицию: нравственная Грузия vs деградирующая Европа
Аргументация	через ссылки на историю, религию, справедливость	замещает рациональные аргументы эмоционально-моральными
Перспективация (от чьего имени делается заявление)	обращение от имени грузинского народа со ссылкой на историю	правительство присваивает себе статус коллективного субъекта
Интенсификация/ смягчение	категорически неприемлемо, либеральный фашизм, пятая колонна	эмоциональная мобилизация, демонизация противника

ШАГ 4. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА		
КАТЕГОРИЯ	**ПРИМЕРЫ**	**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**
Моральная модальность	мы несем ответственность перед предками, обогатить Европу	Европа – не политический выбор, а долг и честь
Оценочная лексика	несправедливость, кризисные процессы, либеральный фашизм	дискредитация «глубинного государства» на Западе
Бинарные оппозиции	самостоятельный грузинский народ vs ведомые Западом украинцы; традиционные ценности vs либеральный фашизм	дихотомическое мировоззрение «свой vs чужой»
Апелляция к прошлому	древняя христианская страна, великая история	прошлое в настоящем (легитимация власти через наследие)
Сакрализация народа	мудрый и непоколебимый народ	нация как непогрешимый субъект, не нуждающийся в поучениях

Шаг 5 – интерпретация. Правительственный дискурс являет собой инверсию либерального языка прав человека. Теперь защита народа – это борьба с либерализмом. И. Кобахидзе формирует концепт «национальной демократии», где Запад – символ утраченной справедливости. Фундамент подобной риторики – традиционные ценности. Его цель – перенести ответственность за неудачную евроатлантическую интеграцию на внешних акторов.

Для большей убедительности государство прибегает к правопопулистским методам. Члены правительства часто повторяют, что настоящая Европа отошла от своих христианских корней. А это значит, что «европейские ценности» должны определяться через религию, а не через современные либеральные нарративы.

Политический оппозиционный дискурс

Выбор в пользу Европы определяется не только соображениями безопасности. Самоидентификация Грузии глубоко укоренена в культурных и цивилизационных идеалах. Западная модель самоопределения (не просто «мы – христиане, как европейцы», а «мы – европейцы») стала преобладать в Грузии еще в XIX в. [Gabisonia 2012, p. 68]. И первая республика при социал-демократе Н. Жордания, и вторая республика при националисте З. Гамсахурдия, и третья республика при Э. Шеварднадзе, и четвертая республика при неолиберальном М. Саакашвили так или иначе связывали свой путь с Западом [Nodia 1998, pp. 12–43].

За основу оппозиционного дискурса было взято совместное заявление четырех оппозиционных политических партий («Единое национальное движение», «Коалиция за перемены», «Гахария за Грузию» и «Сильная Грузия») от 30 ноября 2024 г. [Публикация United National Movement 2024], а также заявления президента Грузии С. Зурабишвили, которая встала на сторону протестующих, от 29 ноября 2024 г. [Публикация Salome Zourabichvili 2024].

Шаг 1 – тип дискурса. Оба текста относятся к оппозиционному политическому дискурсу, возникшему на фоне кризиса легитимности власти и заморозки переговоров о вступлении в ЕС. Адресаты – как внутренние (граждане, протестующие), так и внешние (коллективный Запад). Репертуар смыслов представленных текстов расходится с официальным дискурсом «Грузинской мечты», который выстраивается вокруг идей стабильности, суверенитета, нейтралитета и мира. Одновременно оппозиционный дискурс наследует дискурсу «Революции роз» с его концептами европейского пути, народного достоинства, справедливых выборов, и встраивается в панъевропейский демократический метадискурс, апеллирующий к практикам мирного протеста, правам человека и верховенству закона.

ШАГ 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА		
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ	**СОДЕРЖАНИЕ**	**ЦЕЛЬ**
Степень легитимности власти	нелегитимный режим, незаконные выборы	моральная и юридическая дискредитация режима
Мирный протест	систематическое насилие в отношении демонстрантов, конституционное движение сопротивления	оппозиция маркируется как жертва

Народная борьба	солидаризация с народом в общей борьбе	формирование коллективной идентичности (народ vs режим)
Россия vs Запад	пророссийская политика	борьба за цивилизационный выбор
Спасение государства	восстановление конституционного строя	восстановление, а не разрушение государства

ШАГ 3. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ (ПО Р. ВОДАК)		
СТРАТЕГИЯ	**РЕАЛИЗАЦИЯ**	**ФУНКЦИЯ**
Номинация	нелегитимный режим, мирные демонстранты, грузинский народ	делигитимация власти и героизация оппозиции
Предикация	власть – насильственная, народ – спаситель государства	формирование моральной дихотомии
Аргументация (интертекстуальность)	ссылки на Конституцию, международное право, западные ценности	рационализация протеста как законного
Перспективация	субъект говорит от имени народа («мы») и обращается к Европе	придание позиции универсального характера
Интенсификация	масштабное движение (вся страна), целеполагание – конечная победа демократии	эмоциональная мобилизация, вера в обязательный успех борьбы

ШАГ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА		
КАТЕГОРИЯ	**ПРИМЕРЫ**	**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**
Эмоционально заряженные слова	насилие, спасение, борьба, «солидарность»	дихотомия добра и зла
Оценочная модальность	пророссийская политика	все, что связано с Россией, демонизируется
Активные конструкции с коллективным субъектом	мы боремся, мы призываем, мы вместе	все общество консолидировано в борьбе с нелегитимным режимом
Риторика повтора	многократное «вместе» и «мы»	выделение ключевых смыслов и создание ритма для более легкого восприятия текста
Императивные призывы	осудить, предпринять, освободить	призыв к незамедлительному действию

Шаг 5. Интерпретация. В соответствии с оппозиционным дискурсом грузинская идентичность представляется истинно западной. Грузинское общество противопоставляется «пророссийскому» «нелегитимному» режиму «Грузинской мечты». Партия власти представлена как антинациональная сила, а оппозиция – как истинный выразитель национальной воли.

Власть потеряла легитимность из-за насилия, фальсификации выборов и потери международного признания. Значит, протест против такой власти воспринимается как этический акт. Через такую логику оппозиция утверждает моральное право на власть: победа оппозиции (т.е. демократии) подается как восстановление попранной справедливости.

Гражданский дискурс

Для реконструкции этого дискурса обратимся к анализу совместного заявления грузинских ночных клубов[1] от 29 ноября 2024 г. [თბილისის კლუგების საერთო განცხადება [Совместное заявление грузинских клубов] 2024], заявлению ресторана «Каклеби» от 30 ноября 2024 г. [რესტორანი «კაკლები» პროტესტის ნიშნად დაიხურა [Ресторан «Каклеби» закрылся в знак протеста] 2024], заявлениям двух крупнейших операторов связи – MagtiCom [Публикация MagtiCom 2024] и Silknet [Публикация Silknet 2024] – от 30 ноября 2024 г., заявлению грузинского бренда одежды MACH & MACH от 2 декабря 2024 [Публикация MACH & MACH 2024], а также манифесту 93 грузинских музыкантов от 5 декабря 2024 г. [რესტორანი «კაკლები» პროტესტის ნიშნად დაიხურა [Музыканты: мы отказываемся участвовать в каких-либо государственных мероприятиях] 2024].

Шаг 1 – тип дискурса. Вышеприведенные тексты объединяет общий идеологический каркас: делигитимация действующей власти; определение Европы как нормативного центра идентичности; дихотомия власть vs народ; использование языка универсальных ценностей (свобода, равенство, достоинство). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с либерально-демократическим дискурсом.

ШАГ 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА		
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ	**СОДЕРЖАНИЕ**	**ЦЕЛЬ**
Европейская идентичность	европейская семья, будущее – в Европе, Грузия была, есть и будет частью Европы	нормативная рамка: Европа = свобода и прогресс

1. Ночные клубы не первый раз выступают в роли политических акторов и участников политического дискурса. Например, в 2018 г. несколько ночных клубов парализовали проспект Руставели в Тбилиси после рейдов полиции, а возле здания парламента шли протестные вечеринки. Эти события известны как «клубная революция».

Степень легитимности власти	нелегитимное правительство, насилие против народа	делигитимация власти, моральное оправдание протеста
Свобода и самовыражение	борьба за свободу и равенство, искусство не может быть безмолвным	либеральная этика: свобода как условие идентичности
Коллективное Мы	мы не можем безмолвствовать и бездействовать	формирование единого морального субъекта – грузинского народа
Констатация кризиса	временная приостановка, вернемся на правильный путь, мы выиграем эту войну	стратегия надежды, объяснение протеста как сопротивления во имя настоящего и будущего

ШАГ 3. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ (ПО Р. ВОДАК)		
СТРАТЕГИЯ	**РЕАЛИЗАЦИЯ**	**ФУНКЦИЯ**
Номинация (кто есть кто)	нелегитимное правительство»vs грузинский народ	нормативная рамка: Запад = свобода и прогресс
Предикация (какие качества описываются)	отвергло волю народа, мирные демонстрации, приверженность свободе	делигитимация власти, моральное оправдание протеста
Аргументация	ссылка на статью 78 конституции Грузии, апелляция к моральным ценностям	либеральная этика: свобода как условие идентичности
Перспективация (от чьего имени делается заявление)	коллективное Мы, обращение от имени всего общества	позиция жертвы как способ легитимации заявителя
Интенсификация/ смягчение	категорически осуждает, нет насилию, мы верим	эмоциональная мобилизация, усиление эффекта моральной правоты

ШАГ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА		
КАТЕГОРИЯ	**ПРИМЕРЫ**	**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**
Модальность долженствования	не можем закрывать глаза, не можем развлекаться и бездействовать	призыв к действию, как диктует совесть
Метафоры	европейская семья, война за будущее	Европа – это дом, а власть – препятствие на европейском пути
Лексика легитимности	воля народа, конституционный порядок, демократическое государство	утверждение морального и юридического права на протест
Эвфемеризация кризиса	временно приостановлена, сложная ситуация	стратегия надежды
Интертекстуальность	конституция, универсальные ценности	включение в западный политико-правовому дискурс

Шаг 5. Интерпретация. Запад в общем и Европа, в частности, в этом дискурсе выступают как ценностные категории, синонимы цивилизованности, свободы и будущего. Власть, напротив, представлена как источник насилия и нелегитимности. Только народ является моральным авторитетом. Бизнес и культура могут предоставить площадки для протеста, тем самым превращая дискурс в инструмент политической мобилизации.

Европейскость / западность – это неотъемлемая характеристика грузинской идентичности, предопределенная историческим развитием Грузии. В свете этого происходит переосмысление патриотизма: быть патриотом – значит выступать за интеграцию в западное сообщество. Это типичный пример либерального гражданского дискурса. Культурная и экономическая элиты берут на себя роль морального рупора общества.

Заключение

Образ Запада в современной Грузии является объектом активной дискурсивной борьбы между правительством, оппозицией и гражданским обществом. В этой борьбе не только определяются политические позиции, но и артикулируется национальная идентичность. Причем каждая сторона стремится перехватить право монопольно говорить от имени «западной» Грузии. То есть «Запад» является легитимизирующей референцией для всех сторон, но понимается по-разному.

Репертуар смыслов дискурса о Западе в современной Грузии колеблется между тремя полюсами:

• Грузия как подлинная «Европа» (национально-суверенный дискурс). Ключевые концепты: национальные интересы, либеральный фашизм, традиционные ценности, внешнее давление. Основные функции: символическое присвоение европейской идентичности при одновременной критике ЕС, переопределение Европы через моральную и религиозную аутентичность, легитимация политического курса как продолжения «истинной европейской традиции» в противовес либеральному Западу, защита от обвинений в антиевропейскости через риторику суверенного выбора. Субъекты дискурса: представители властных структур и правящей партии (иногда к этому присоединяются религиозные деятели). Дискурсивная стратегия: инверсия смыслов.

• Запад как цивилизационный идеал (нормативно-либеральный дискурс). Ключевые концепты: западные ценности, демократия, права человека, свобода выбора, возвращение в Европу. Основные функции: легитимация политического выбора в пользу евроинтеграции, моральная делигитимация власти (Запад – это будущее», а авторитарная власть – это прошлое), конструирование национального «Мы» через принадлежность к европейской цивилизации. Субъекты дискурса: оппозиционные партии, часть гражданского общества, студенческие

и правозащитные организации. Дискурсивная стратегия: моральная универсализация: Запад представляется как объективное благо, воплощение нормальности и прогресса.

• Запад как пространство возможностей (гражданский дискурс). Ключевые концепты: Запад как стиль жизни, корпоративная ответственность, европейское качество, западная культура, социальная модернизация. Основные функции: перенос европейских смыслов в сферу повседневности, десакрализация политической риторики (Европа воспринимается как практическая норма качества и модерности), формирование «европейского самоощущения» через бренды, образование, профессиональные стандарты. Субъекты дискурса: гражданское общество в широком смысле (банки, телеком-операторы, креативная индустрия, университеты, культурные деятели, бизнес). Дискурсивная стратегия: социальная европеизация (Европа не идеал и не антипод, а ресурс повседневного обновления, стиль жизни и институциональной культуры).

Географически Грузия находится между разными мирами – Европой, Ближним Востоком, Россией. В силу этого вопрос цивилизационного выбора для грузин имеет жизненно важное значение. Грузины видят в Западе модель успешного государства и защиту, стремятся уйти от статуса имперской периферии в семью небольших, но независимых европейских народов. То есть грузины мыслят себя частью Запада, что подтверждается репертуаром смыслов грузинского западного дискурса. И государство, и оппозиция, и гражданское общество легитимируют метафору именно «западной Грузии», хотя и по-разному. Поэтому никто отказываться от западного пути не собирается, несмотря на заморозку переговоров о вступлении в ЕС. Отсюда – болезненная реакция на любые сигналы, что Грузия «не устраивает» Европу. Вопрос внутри Грузии стоит так: быть западной, но самобытной Грузией или быть кавказской «копией» Германии или Франции. Это смягчает радикализм дискурса, поскольку все стороны солидарны в принадлежности к одному культурному пространству. Если бы вопрос звучал иначе (например, быть Западом или быть Россией), то дискурс приобрел бы более радикальные формы.

Библиография

Кирчанов М.В. Дихотомия «Европа – Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма // Международная аналитика. 2021. № 12 (1). С. 35–54.

Муханов В.М. К вопросу о ключевых темах совместной российско-грузинской истории и их современных интерпретациях // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 56–62.

Публикация Salome Zourabichvili // Facebook*. 2024. 29 нояб. URL: https://www.facebook.com/share/v/18PGvtb46d/ (дата обращения: 08.02.2026).

Публикация MACH & MACH // Facebook*. 2024. 02 дек. URL: https://www.facebook.com/machandmach/posts/1108366947310070 (дата обращения: 08.02.2026).

Публикация MagtiCom // Facebook*. 2024. 30 нояб. URL: https://www.facebook.com/magti/posts/961663455991903 (дата обращения: 08.02.2026).

Публикация Silknet // Facebook*. 2024. 30 нояб. URL: https://www.facebook.com/silknet/posts/999126188920889 (дата обращения: 08.02.2026).

Публикация United National Movement // Facebook*. 2024. 30 нояб. URL: https://www.facebook.com/nacionalurimodzraoba/posts/pfbid02UpRFTuxQmvd38iDVTuHfTwDSkefFhE4YfD2a8zTx3P9HUuXwK39kcsubc8ksF5mCl (дата обращения: 08.02.2026).

Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Неевропейские европейцы: грузинский вариант политики идентичности // Вестник Пермского университета. 2024. №2. С. 99–110.

Anderson B. Imagined Communities // London: Verso. 1983. 240 p.

Bauman Z. Liquid Modernity // Cambridge: Polity Press. 228 p.

Bogishvili D., Osepashvili I., Gavashelishvili E., Gugushvili N. Georgian National Identity: Conflict and Integration // Tbilisi: Nekeri. 2016. 312 p.

Fairclough N. Discourse and Social Change // Cambridge: Polity Press. 1992. 259 p.

Foucault M. The Order of Discourse: Inaugural Lecture at the Collège de France // Social Science Information. 1971. Vol. 10. Iss. 2. P. 7–30.

Gabisonia A. Formation of the Georgian National Discourse // Identity Studies in the Caucasus and the Black Sea Region. Vol. 4. 2012. P. 66–81.

Gellner E. Nations and Nationalism // Ithaca: Cornell University Press. 1983. 150 p.

Georgian Survey of Public Opinion // Center for Insights in Survey Research. 2023. March. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2023/04/IRI-Poll-Presentation-Georgia-March-2023-Final-CISR-Approved-.pdf?fbclid=IwAR2yZ0LUYei4SB9q-aPSR3YncR-T4a3BZ0ZZgaFh2Igg_kbZk-CAxCRprlNo (дата обращения: 08.02.2026).

Gozalishvili N., Kilasonia M. Rethinking alignment: framing pragmatism in Georgia's identity debate // Bristol: Bristol University Press. 2025. P. 81–104.

Guliashvili N. Georgia's Path to Europe: A Corpus-Assisted Discourse Study of Presidential and Prime-Ministerial Speeches // Cambridge: European Scientific Journal. 2025. Vol. 21. Iss. 32. P. 86–114.

Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition // Cambridge: Cambridge University Press. 1983. 320 p.

Jones S.F. Georgia: A Political History Since Independence // London: Bloomsbury Academic. 2012. 400 p.

King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus // Oxford: Oxford University Press. 2008. 314 p.

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics // London: Verso. 1985. 197 p.

Minesashvili S. Europe in Georgia's Identity Discourse: Contestation and the Impact of External Developments // Communist and Post-Communist Studies. 2021. Vol. 54. Iss. 1. P. 128–155.

Mitchell Lincoln A. Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution // Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 192 p.

Nodia G. The Georgian perception of the West // Commonwealth and Independence in Post-Soviet Eurasia. 1998. P. 12–43.

Smith A. Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach // London: Routledge. 2009. 184 p.

Suny R.G. The Making of the Georgian Nation // Bloomington: Indiana University Press. 1994. 418 p.

Tsuladze L., Abzianidze N. Polarisation through deviation discourse: strategic usage of Europeanisation by political and media actors in Georgia // East European Politics. 2025. Vol. 42. Iss. 2. P. 294–315.

Van Dijk T.A. What Is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11. Iss. 1. P. 11–52.

Wendt A. Social Theory of International Politics // Cambridge: Cambridge University Press. 1999. 429 p.

Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual // Basingstoke: Palgrave MacMillan. 2009. 252 p.

ირაკლი კობახიძე: საქართველოში „ნაცმაიდანი“ ვერ შედგება [Ираклий Кобахидзе: «Нацмайдан» не может быть проведен в Грузии] // Imedinews. 2024. 30 нояб. URL: https://imedinews.ge/ge/politika/364252/irakli-kobakhidze-saqartveloshi-natsmaidani-ver-shedgeba-gushindel-dzaladobriv-mitingze-umtavresi-pasukhismgebloba-ekisrebat-shesabamis-evropel-politikosebsa-da-biurokratebs-da-adgilobriv-agenturas-mekhute-kolonas (дата обращения: 08.02.2026).

ირაკლი კობახიძე - ჩვენ გვახსოვს სხვანაირი ევროპა, ევროპა იყო სამართლიანობის სიმბოლო [Ираклий Кобахидзе: Мы помним другую Европу, Европу, которая была символом справедливости.] // Georgian Public Broadcaster. 2024. 29 нояб. URL: https://1tv.ge/news/irakli-kobakhidze-chven-gvakhsovs-skhvanairi-evropa-evropa-iyo-samartlianobis-simbolo-sad-gaqra-es-samartlianoba-ratom-ar-aris-samartliani-damokidebuleba-saqartvelos-mimart/ (дата обращения: 08.02.2026).

ირაკლი კობახიძე: ჩვენი პასუხისმგებლობაა, საქართველო ევროპული ოჯახის სრულფასოვან წევრად ვაქციოთ [Ираклий Кобахидзе: наша обязанность – сделать Грузию полноправным членом европейской семьи] // Imedinews. 2024. 28 нояб. URL: https://imedinews.ge/ge/politika/363980/irakli-kobakhidze-chveni-pasukhismgeblobaa-saqartvelo-evropuli-ojakhis-srulpasovan-tsevrad-vaqtsiot-shesabamisad-chveni-sakhelmtsipoebrivi-amotsanaa-saqartvelo-2030-tsels-gakhdes-evrokavshiris-tsevri-qvekana (дата обращения: 08.02.2026).

მიმართვა ევროკავშირს [Обращение к Европейскому союзу] // Imedi. 2024. 28 нояб. URL: https://www.imedi.ge/ge/video/176693/mimartva-evrokavshirs (дата обращения: 08.02.2026).

მუსიკოსები: ვიფიცებით და უარს ვამბობთ ნებისმიერ სახელმწიფო ღონისძიებაში მონაწილეობაზე [Музыканты: мы отказываемся участвовать в каких-либо государственных мероприятиях] // Facebook*. 2024. 05 дек. URL: https://publika.ge/musikosebi-vificebit-da-uars-vambobt-nebismier-sakhelmwifo-ghonisdziebashi-monawileobaze/ (дата обращения: 08.02.2026).

პრემიერი: ყველას დავიცავთ ლიბერალური ფაშიზმისგან [Премьер-министр: мы защитим каждого от либерального фашизма] // Imedinews. 2024. 02 дек. URL: https://imedinews.ge/ge/politika/364635/premieri-kvelas-davitsavt-liberaluri-pashizmisgan-iqneba-es-sajaro-mokhele-skolis-pedagogi-universitetis-leqtori-mostsavle-studenti-tu-jurnalisti-es-aris-khelisuplebis-pasukhismgebloba (дата обращения: 08.02.2026).

რესტორანი «კაკლები» პროტესტის ნიშნად დაიხურა [Ресторан «Каклеби» закрылся в знак протеста] // Commersant.ge. 2024. 30 нояб. URL: https://commersant.ge/news/busuness/restorani-kaklebi-protestis-nishnad-daikhura (дата обращения: 08.02.2026).

თბილისის კლუგების საერთო განცხადება [Совместное заявление грузинских клубов] // Instagram*. 2024. 29 нояб. URL: https://www.instagram.com/p/DC9flkONX_x/ (дата обращения: 08.02.2026).

*** Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.**

References

Anderson B. Imagined Communities. London: Verso. 1983. 240 p.

Appeal to the European Union. Imedi. 2024. 28 Nov. URL: https://www.imedi.ge/ge/video/176693/mimartva-evrokavshirs (date of access: 08.02.2026). (In Georgian).

Appeal to the European Union Musicians: We refuse to participate in any government events. Facebook*. 2024. 05 Nov. URL: https://publika.ge/musikosebi-vificebit-da-uars-vambobt-nebismier-sakhelmwifo-ghonisdziebashi-monawileobaze/ (date of access: 08.02.2026). (In Georgian).

Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press. 228 p.

Bogishvili D., Osepashvili I., Gavashelishvili E., Gugushvili N. Georgian National Identity: Conflict and Integration. Tbilisi: Nekeri. 2016. 312 p.

Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Neevropejskie evropejcy: gruzinskij variant politiki identichnosti [Non-European Europeans: The Georgian Variant of Identity Politics]. Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University]. 2024. N 2. P. 99–110. (In Russ.)

Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press. 1992. 259 p.

Foucault M. The Order of Discourse: Inaugural Lecture at the Collège de France. Social Science Information. 1971. Vol. 10. Iss. 2. P. 7–30.

Gabisonia A. Formation of the Georgian National Discourse. Identity Studies in the Caucasus and the Black Sea Region. Vol. 4. 2012. P. 66–81.

Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press. 1983. 150 p.

Georgian Survey of Public Opinion. Center for Insights in Survey Research. 2023. March. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2023/04/IRI-Poll-Presentation-Georgia-March-2023-Final-CISR-Approved-.pdf?fbclid=IwAR2yZ0LUYei4SB9q-aPSR3YncR-T4a3BZ0ZZgaFh2Igg_kbZk-CAxCRprlNo (date of access: 08.02.2026).

Gozalishvili N., Kilasonia M. Rethinking alignment: framing pragmatism in Georgia's identity debate. Bristol: Bristol University Press. 2025. P. 81–104.

Guliashvili N. Georgia's Path to Europe: A Corpus-Assisted Discourse Study of Presidential and Prime-Ministerial Speeches. Cambridge: European Scientific Journal. 2025. Vol. 21. Iss. 32. P. 86–114.

Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press. 1983. 320 p.

Irakli Kobakhidze: "Natsmaidan" cannot be held in Georgia. Imedinews. 2024. 30 Nov. URL: https://imedinews.ge/ge/politika/364252/irakli-kobakhidze-saqartveloshi-natsmaidani-ver-shedgeba-gushindel-dzaladobriv-mitingze-umtavresi-pasukhismgebloba-ekisrebat-shesabamis-evropel-politikosebsa-da-biurokratebs-da-adgilobriv-agenturas-mekhute-kolonas (date of access: 08.02.2026). (in Georgian).

Irakli Kobakhidze: We remember a different Europe, a Europe that was a symbol of justice. Georgian Public Broadcaster. 2024. 29 Nov. URL: https://1tv.ge/news/irakli-kobakhidze-chven-gvakhsovs-skhvanairi-evropa-evropa-iyo-samartlianobis-simbolo-sad-gaqra-es-samartlianoba-ratom-ar-aris-samartliani-damokidebuleba-saqartvelos-mimart/ (date of access: 08.02.2026). (In Georgian.)

Irakli Kobakhidze: Our duty is to make Georgia a full member of the European family]. Imedinews. 2024. 28 Nov. URL: https://imedinews.ge/ge/politika/363980/irakli-kobakhidze-chveni-pasukhismgeblobaa-saqartvelo-evropuli-ojakhis-srulpasovan-tsevrad-vaqtsiot-shesabamisad-chveni-sakhelmtsipoebrivi-amotsanaa-saqartvelo-2030-tsels-gakhdes-evrokavshiris-tsevri-qvekana (date of access: 08.02.2026). (In Georgian.)

Joint statement by Georgian clubs. Instagram*. 2024. 29 Nov. URL: https://www.instagram.com/p/DC9flkONX_x/ (date of access: 08.02.2026). (In Georgian.)

Jones S.F. Georgia: A Political History Since Independence. London: Bloomsbury Academic. 2012. 400 p.

Kaklebi Restaurant Closed in Protest. Commersant.ge. 2024. 30 Nov. URL: https://commersant.ge/news/busuness/restorani-kaklebi-protestis-nishnad-daikhura (date of access: 08.02.2026). (In Georgian).

King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press. 2008. 314 p.

Kirchanov M.V. Dixotomiya «Evropa – Rossiya» kak izobretennaya tradiciya sovremennogo gruzinskogo nacionalizma [The Dichotomy "Europe-Russia" as an Invented Tradition of Modern Georgian Nationalism]. Mezhdunarodnaya analitika [International analytics]. 2021. N 12 (1). P. 35–54. (In Russ.)

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso. 1985. 197 p.

Minesashvili S. Europe in Georgia's Identity Discourse: Contestation and the Impact of External Developments. Communist and Post-Communist Studies. 2021. Vol. 54. Iss. 1. P. 128–155.

Mitchell Lincoln A. Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 192 p.

Muxanov V.M. K voprosu o klyuchevy`x temax sovmestnoj rossijsko-gruzinskoj istorii i ix sovremenny`x interpretaciyax [On the Key Themes of the Joint Russian-Georgian History and Their Modern Interpretations]. Mezhdunarodnaya analitika [International analytics]. 2017. N 3 (21). P. 56–62. (In Russ.)

Nodia G. The Georgian perception of the West. Commonwealth and Independence in Post-Soviet Eurasia. 1998. P. 12–43.

Prime Minister: We will protect everyone from liberal fascism. Imedinews. 2024. 02 Nov. URL: https://imedinews.ge/ge/politika/364635/premieri-kvelas-davitsavt-liberaluri-pashizmisgan-iqneba-es-sajaro-mokhele-skolis-pedagogi-universitetis-leqtori-mostsavle-studenti-tu-jurnalisti-es-aris-kheli-suplebis-pasukhismgebloba (date of access: 08.02.2026). (In Georgian).

Publikaciya Salome Zourabichvili [Publication by Salome Zourabichvili]. Facebook*. 2024. 29 Nov. URL: https://www.facebook.com/share/v/18PGvtb46d/ (date of access: 08.02.2026).

Publikaciya MACH & MACH [Publication by MACH & MACH]. Facebook*. 2024. 02 Dec. URL: https://www.facebook.com/machandmach/posts/1108366947310070 (date of access: 08.02.2026).

Publikaciya MagtiCom [MagtiCom publication]. Facebook*. 2024. 30 Nov. URL: https://www.facebook.com/magti/posts/961663455991903 (date of access: 08.02.2026).

Publikaciya Silknet [Silknet publication]. Facebook*. 2024. 30 Nov. URL: https://www.facebook.com/silknet/posts/999126188920889 (date of access: 08.02.2026).

Publikaciya United National Movement [Publication of the United National Movement]. Facebook*. 2024. 30 Nov. URL: https://www.facebook.com/nacionalurimodzraoba/posts/pfbid02UpRFTuxQmvd38iDVTuHfTwDSkefFhE4YfD2a8zTx3P9HUuXwK39kcsubc8ksF5mCl (date of access: 08.02.2026). (In Russ.)

Smith A. Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach. London: Routledge. 2009. 184 p.

Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington: Indiana University Press. 1994. 418 p.

Tsuladze L., Abzianidze N. Polarisation through deviation discourse: strategic usage of Europeanisation by political and media actors in Georgia. East European Politics. 2025. Vol. 42. Iss. 2. P. 294–315.

Van Dijk T.A. What Is Political Discourse Analysis? Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11. Iss. 1. P. 11–52.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. 429 p.

Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Basingstoke: Palgrave MacMillan. 2009. 252 p.

* It is owned by Meta, a company that has been designated as extremist and banned in the Russian Federation.

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.14

А.М. Коломина, Г.И. Кутырев

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. *Статья исследует влияние климатических изменений на трансформацию международных отношений в Центральной Азии, с акцентом на национальные интересы государств региона и стратегии внешних акторов. Климатические вызовы – ускоренное таяние ледников, дефицит водных ресурсов, деградация сельхозугодий – ставят под угрозу ключевые элементы национальной безопасности: продовольственную автономию, энергетическую независимость и социальную стабильность. Эти процессы обостряют конкуренцию за контроль над трансграничными реками, где государства верховья (Таджикистан, Кыргызстан) и низовья (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) сталкиваются в противоречиях между гидроэнергетическими амбициями и ирригационными потребностями. Внешние игроки – Китай, Россия, Европейский союз (ЕС) и США – используют климатическую повестку для укрепления своих позиций: Пекин продвигает «зелёные» проекты в рамках инициативы «Пояс и Путь», Москва расширяет энергетическое сотрудничество, Брюссель и Вашингтон продвигают экологические стандарты как инструмент «мягкой силы». Методология исследования включает анализ политических деклараций, международных соглашений и статистических данных о ресурсных конфликтах. Актуальность работы обусловлена растущей взаимосвязью экологических рисков с политикой, особенно в контексте борьбы за влияние в Евразии. Полученные результаты подчёркивают, что эффективность климатической политики центральноазиатских государств зависит от баланса между адаптацией к последствиям климатических изменений и защитой национальных интересов, а также от их способности маневрировать в условиях конкуренции внешних игроков.*

Ключевые слова: *климатические изменения; Центральная Азия; Китай; Россия; Европейский союз; международные отношения; водные ресурсы; энергетическая безопасность; продовольственная безопасность; экологическая адаптация.*

Коломина Анастасия Максимовна – аспирант Департамента зарубежного регионоведения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», эксперт проекта «Сибирская Россия: “Поворот на Восток 2.0”». Россия, Москва.
E-mail: amkolomina@hse.ru

Кутырев Георгий Игоревич – кандидат политических наук, доцент Департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: gkutyrev@hse.ru, https://orcid.org/0000-0001-5580-8822

Kolomina A.M., Kutyrev G.I.

The Impact of Climate Change on International Relations in Central Asia

Abstract. *This article examines the impact of climate change on the transformation of international relations in Central Asia, with a particular focus on the national interests of the region's states and the strategies of external actors. Climate-related challenges – including accelerated glacier melt, water scarcity and land degradation – pose threats to key components of national security, including food security, energy security and social stability. These processes intensify competition over the management of transboundary water resources, as upstream states (Tajikistan and Kyrgyzstan) and downstream states (Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan) face competing priorities regarding hydropower development and irrigation. External actors–including China, Russia, the European Union (EU) and the United States – use the climate agenda to strengthen their positions: Beijing promotes green projects under the Belt and Road Initiative, Moscow expands energy cooperation, while Brussels and Washington advance environmental standards as instruments of soft power. The research methodology combines an analysis of political declarations, international agreements, and statistical data on resource-related conflicts. The relevance of the study is determined by the growing interconnection between environmental risks and international politics, particularly in the context of competition for influence in Eurasia. The findings underscore that the effectiveness of climate policy in the Central Asian states depends on achieving a balance between adaptation to climate change and the protection of national interests, as well as on these states' ability to maneuver amid competition among external actors.*

Keywords: *climate change; Central Asia; China; Russia; European Union; international relations; water resources; energy security; food security; environmental adaptation.*

Kolomina Anastasia Maximovna – graduate student, Department of Foreign Regional Studies, National Research University Higher School of Economics, expert for the project «Siberian Russia: "Turn to the East 2.0"». Russia, Moscow.
E-mail: amkolomina@hse.ru

Kutyrev Georgy Igorevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics, Research Fellow at the Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: gkutyrev@hse.ru

Введение

Регион Центральной Азии (ЦА) в значительной степени подвержен влиянию климатических изменений. В последние десятилетия наблюдается ряд ключевых процессов: ускоренное таяние горных ледников и сокращение снежного покрова в высокогорных зонах Тянь-Шаня и Памира, трансформация режима водообеспечения и увеличение частоты экстремальных гидрометеорологических явлений [Бедствия, вызванные … 2026; Безкоровайная 2024]. Пространственно-временные характеристики этих изменений хорошо изучены в отечественной научной историографии: классические работы российских географов и гляциологов, например исследования В.М. Котлякова и И.В. Северского, ещё в 2000-х годах зафиксировали деградацию оледенения Центральной Азии и прогнозировали снижение стока рек [Котляков, Северский 2007]. Фундаментальные исследования А.Ф. Глазовского, Ю.Я. Мачерета, а также В.В. Севастьянова заложили основу понимания уязвимости водных ресурсов региона перед климатическими флуктуациями [Глазовский, Мачерет 2014; Севастьянов 1998].

Исследования центральноазиатских учёных детально анализируют проблемы вододефицита, деградации земель и опустынивания, предлагая меры адаптации и устойчивого природопользования, в то время как современные зарубежные работы показывают, что климатическая повестка всё активнее транслируется в сферу международных отношений и региональной политики [Базарбаев и др. 2019].

За последние 50–60 лет ледники Центральной Азии существенно деградировали: по оценкам международных организаций и исследований, их площадь сократилась примерно на 30%. В водном балансе крупнейших рек региона ключевую роль в тёплый (вегетационный) период играют талые воды сезонного снега и ледников, причем вклад ледникового компонента особенно значим в высокогорных частях бассейнов и в конце лета; количественные оценки различаются между Амударьей и Сырдарьей [Чен, Ли, Фанг, Ли 2017; В цифрах 2022], поэтому уменьшение ледникового покрова и снегозапасов напрямую отражается на наполнении водохранилищ и стабильности водообеспечения.

Например, в мае 2023 г. приток к крупнейшему Нурекскому водохранилищу в Таджикистане оказался на 117 млн м³ меньше официально прогнозируемого [Караев 2023]. Этот разрыв между политическими заявлениями и фактическими данными подчёркивает проблему верифицируемости статистики водных ресурсов: отсутствие прозрачных и точных метрик стока и наполнения водохранилищ снижает доверие между странами региона и осложняет сотрудничество по управлению реками.

Климатические изменения становятся значимым фактором и для региональной политики и безопасности, усиливая продовольственные и водно-

энергетические риски, а также ставя под вопрос устойчивость существующих механизмов распределения трансграничных водных ресурсов [The Working Group II 2022]. Неслучайно все страны ЦА (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) в полном составе ратифицировали Парижское соглашение по климату и взяли на себя обязательства по национально определяемым вкладам. Тем не менее способность этих стран адаптироваться к экологическим рискам во многом зависит от научно обоснованных данных и эффективного регионального сотрудничества.

Климатические изменения и водные ресурсы

Гидрологический режим ЦА уже претерпевает существенные изменения под влиянием потепления. Анализ длительных рядов наблюдений показал, что в бассейнах уже упомянутых ранее Амударьи и Сырдарьи во второй половине XX в. значительно снизились средние годовые и вегетационные стоки по сравнению с дореформенным периодом, а межгодовая изменчивость стока возросла примерно на 22–24% [Коновалов, Вильямс 2005].

Это свидетельствует об увеличении коэффициентов вариации водного стока и усложнении планирования водопользования. Изменения снежного покрова приводят к сдвигам в сезонном распределении водных ресурсов: ежегодное сокращение длительности снегозадержания всего на 0,5–0,7 дня в водосборе Сырдарьи приводит к более раннему весеннему таянию снега и смещает начало половодья на 1–2 недели по сравнению с началом 2000-х годов. Криосферные наблюдения подтверждают эти тенденции: за последние 30 лет площадь ледников в регионе сократилась на четверть, а число дней со снежным покровом ежегодно уменьшается на 1,5–2 дня [Снег – главный источник воды 2025]. Одновременно усиливается экстремальность гидрометеорологических явлений – учащение засух, паводков, селей, что повышает нагрузку на водохозяйственную инфраструктуру.

По данным Всемирной метеорологической организации (ВМО) ближайшие десятилетия могут принести ЦА экстремальные температурные аномалии и перераспределение осадков. Прогнозы указывают на выраженную сезонную асимметрию климатических изменений: ожидается увеличение зимних осадков при одновременном резком сокращении летних. Это может сместить максимум стока на более ранние весенние месяцы и усилить риски летних маловодий и засух [Изменение климата 2024].

В свою очередь, ускоренное таяние ледниковых массивов, которые играют роль природных «резервуаров» воды, чревато каскадными эффектами. В настоящее время наблюдается временное увеличение стока некоторых рек за счёт ускоренного таяния ледников (так называемый «ледниковый бонус») [Demuth, Pietroniro 2003; однако по мере истощения ледового запаса общий годовой сток начнёт неуклонно снижаться [Special Report 2019].

Уже в 2022–2024 гг. зафиксирована рекордная скорость потери массы ледников: этот трёхлетний период стал самым масштабным по таянию за всю историю наблюдений, отражая критическую уязвимость природных водных резервов региона [Lee 2025]. Если текущие тенденции сохранятся, то к 2050 г. суммарный годовой сток в главных бассейнах может сократиться на десятки процентов, что поставит под угрозу водообеспечение населения, сельского хозяйства и гидроэнергетики ЦА. Важно отметить географическую неоднородность этих процессов: небольшие горные реки Амударьи и Сырдарьи (Зеравшан, Чу, Талас и др.) особенно уязвимы к чередованию влажных и засушливых лет и сильнее страдают от уменьшения снегозапасов [Saks et al. 2021].

Например, в засушливые 2020–2021 гг. сток ряда притоков Зеравшана и Чу падал до исторических минимумов, что приводило к локальным кризисам водоснабжения. Подобные дисбалансы увеличивают риск деградации экосистем и могут вызывать напряжённость между локальными сообществами водопользователей. Роль снега и льда в гидробалансе ЦА чрезвычайно велика [Караев 2023].

Поэтому уменьшение запасов снега сразу отражается на уровнях воды в ключевых водохранилищах, используемых для орошения и энергетики. Так, заметное сокращение снежного покрова зимой 2022–2023 гг. обусловило в Таджикистане аномально низкий паводок весной 2023 г. и, как следствие, недобор воды в Нурекском водохранилище.

Подобные эпизоды демонстрируют, насколько климатические факторы могут обострять проблему вододефицита в регионе. Помимо этого, рост температуры и высыхание почв повышают вероятность пыльных бурь (например, всё чаще фиксируются переносы соли и песка с высохшего дна Аральского моря на сотни километров [Снег – главный источник воды 2025], что негативно сказывается на состояниях ледников (через потемнение поверхности льда) и на здоровье населения.

Большинство современных учёных подтверждают высокую уязвимость водной системы ЦА к климатическим изменениям [The Working Group II 2022]. Например, исследования Т. Болча и А. Сорга, основанные на спутниковых данных, предоставили обширные количественные оценки деградации ледников Тянь-Шаня и Памира. Установлено, что за последние 50 лет горные ледники региона потеряли около 27% своей массы (примерно половина нынешнего объёма льда может исчезнуть к середине XXI в.) [Sorg et al. 2012].

Исследование М. Кумму и О. Варис показало, что из-за комбинации климатических и антропогенных факторов все основные речные системы ЦА обладают высокой степенью уязвимости; наиболее стрессовыми являются все те же бассейны Сырдарьи и Амударьи.

Эти данные согласуются с оценками Ф.П. Миклина, описавшего ситуацию в Аральском бассейне как пример экологической катастрофы, вызванной

преимущественно неустойчивым водопользованием на фоне изменяющегося климата. Климатические изменения уже ведут к перераспределению водных ресурсов и увеличению их дефицита в ЦА [Кононов 2014]. В последующих разделах рассмотрим, как эти процессы влияют на смежные сектора – сельское хозяйство и энергетику – и каким образом нарастающая водная напряжённость трансформирует региональные отношения и политику внешних держав.

Воздействие на сельское хозяйство и деградацию земель

Сельское хозяйство ЦА исторически зависит от ирригации и чувствительно к климатическим колебаниям. Регион характеризуется значительным разнообразием аграрного производства, отражающим как природно-климатические условия, так и постсоветскую трансформацию сельхозсектора. В последние годы изменение климата усугубляет существующие проблемы аграрного комплекса. Учащение засух и рост температур ускоряют деградацию земель и опустынивание.

Например, засуха 2021 г. привела к существенному снижению урожайности зерновых в Казахстане и гибели части поголовья скота в приграничных районах Кыргызстана и Узбекистана. Одновременно чрезмерные осадки и паводки в 2022 г. повредили посевы хлопчатника в Ферганской долине.

Экстенсивные методы землепользования и наследие советской ирригационной инфраструктуры приводят к деградации почв. Неэффективные оросительные системы и устаревшие технологии приводят к потере до 40–60% забираемой воды на фильтрацию и испарение, вызывая вторичное засоление почв и заболачивание в низовьях. В результате плодородие орошаемых земель снижается: по оценкам, около 20% пахотных земель Казахстана и до 30% орошаемых земель Узбекистана и Туркменистана уже деградировали в значительной степени [ФАО 2020].

Происходит опустынивание – распространение сорной растительности на истощённых пастбищах, дегумификация почв, потеря биоразнообразия агроландшафтов. Деградация земель приобретает угрожающий масштаб: по данным совместного доклада центральноазиатских учёных, экономический ущерб от деградации земель оценивается до 6% ВВП региона. В денежном выражении это порядка 6 млрд долл. ежегодно [Quillérou et al 2016]. Эта проблема напрямую связана с климатом: повышение температуры и изменение режима осадков усугубляют иссушение почвы, а перенос солей с высохшего дна Аральского моря приводит к засолению новых территорий.

Особую озабоченность вызывает кризис в Приаралье. Осушение Аральского моря – один из крупнейших примеров экологической катастрофы, вызванной сочетанием неустойчивого водопользования и климатических трендов. Сегодня обнажившееся дно бывшего моря (более 6 млн га) стало источником

пыльных бурь и солевых штормов, наносящих ущерб сельскому хозяйству на огромных пространствах. Ежегодно около 150 млн т солёной пыли и аэрозолей поднимается с поверхности высохшего Арала и переносится ветрами на расстояния до 500–1000 км, выпадая затем в виде «солёных» дождей и снега [Снегирев 2024].

Это приводит к вторичному засолению почв, снижению урожайности и росту заболеваемости населения в районах выпадения осадков. Академик З. Б. Новицкий, много лет исследующий проблему, подчеркивает необходимость срочных мер по биологической рекультивации осушенного дна (например, посадки солеустойчивых растений) для создания «зеленого щита» против пыльных бурь. Однако до сих пор засажено лишь около 1/3 этой площади – порядка 2 млн га, и отсутствие достаточного финансирования и координации между странами тормозит эти проекты [Рахматова 2021].

Таким образом, повышение климатической нестабильности ставит под угрозу продовольственную безопасность и социальную стабильность сельских районов. Темпы деградации пастбищ также ускоряются: из-за уменьшения осадков и высыхания поверхностных вод увеличивается площадь малопродуктивных земель. По оценкам экспертов, опустыниванию подвержено до 70% пастбищ Туркменистана и Узбекистана. Это создаёт риски для животноводства и продовольственной безопасности сельских сообществ [Quillérou et al. 2016].

Однако потенциал сельского хозяйства ограничен комплексом взаимосвязанных проблем, усугубляемых климатическими изменениями. Рост частоты экстремальных погодных явлений – длительных засух, внезапных ливней, градобитий – создаёт угрозы урожаям, повышая вариабельность агропроизводства из года в год.

Национальные правительственные программы пытаются противостоять деградации земель. Разрабатываются стратегии борьбы с опустыниванием: внедрение влагосберегающих технологий земледелия, модернизация ирригационных сетей (переход на капельное орошение, бетонные каналы), лесомелиорация и создание защитных лесополос. Однако отсутствие точных и сопоставимых метрик деградации осложняет мониторинг эффективности этих мер.

Кроме того, деградация земель – проблема трансграничная, никакая страна поодиночке не способна решить проблему пыльных бурь с Арала; требуются совместные усилия всех государств бассейна [Водно-энергетическая программа 2024]. Пока же текущие темпы деградации продолжают угрожать продовольственной безопасности, усиливают миграционное давление (отток населения из сельских районов) и создают предпосылки для долгосрочных экономических потерь.

Эти вызовы диктуют необходимость многоуровневого подхода, сочетающего технологическую модернизацию (например, оцифровка орошения, климатически умное сельское хозяйство) с усилением регионального сотрудни-

чества в управлении общими природными ресурсами. В качестве позитивного шага можно отметить создание региональных площадок типа Центральноазиатского регионального экологического центра (CAREC), где обсуждаются вопросы адаптации сельского хозяйства к изменению климата и обмен передовым опытом между странами.

Таким образом, климатические изменения обостряют и без того сложные проблемы аграрного развития ЦА. Сокращение водных ресурсов и деградация почв прямо бьют по основам продовольственной безопасности и сельской экономики. Это, в свою очередь, влияет на социально-политическую обстановку, усиливая внутренние миграции и потенциально приводя к напряжённости между регионами внутри стран (например, между орошаемыми низовьями и засушливыми пустынными районами, конкурирующими за воду).

Климатическая адаптация и «зелёная» экономика

Столкнувшись с нарастающими экологическими угрозами, страны ЦА постепенно включают климатическую составляющую в свою стратегическую повестку развития. В мировом дискурсе набирает популярность концепция «зелёной экономики», под которой, согласно определению ЮНЕП, понимается экономика, повышающая благосостояние людей и обеспечивающая социальную справедливость при одновременном снижении рисков для окружающей среды. Для центральноазиатских государств переход к «зелёной» модели означает необходимость модернизации хозяйства, снижения углеводородной зависимости и учёта климатических рисков в планировании.

В Узбекистане принят «Секторальный адаптационный план сельского хозяйства Узбекистана на период 2025–2030 годов», предусматривающий модернизацию ирригационной инфраструктуры и селекцию засухоустойчивых культур [Секторальный адаптационный план 2025]. Казахстан реализует программы повышения эффективности водопользования в аграрном секторе, включая субсидирование капельного орошения и развитие цифровых систем мониторинга влаги в почве [Итоги года 2024].

Тем не менее ограниченность финансовых ресурсов и институциональные трудности скоординированного управления водой затрудняют масштабное внедрение этих мер. Усиление регионального сотрудничества могло бы способствовать обмену лучшими практиками и привлечению внешней поддержки для устойчивого развития сельского хозяйства.

Таджикистан и Кыргызстан, как наиболее уязвимые к изменению климата, интегрировали вопросы адаптации в программы развития горных территорий, защиты лесов и противодействия бедствиям (селей, лавин). Таким образом, на бумаге климатическая повестка институционализирована повсеместно – через национально-определяемые вклады (NDC) в рамках Парижского соглаше-

ния, отраслевые программы и создание специальных ведомств или координационных советов по климату [Kyrgyz Republic NDC 2025].

Однако реализация этих намерений сталкивается с объективными трудностями. Глобальные кризисы 2020-х годов (пандемия COVID-19, экономические спады) отвлекли ресурсы и внимание правительств. В 2020 г. ВВП Казахстана сократился на 2,4%, Кыргызстана – на 8,6% [Шамшиев 2021], что привело к сокращению экологических и климатических бюджетов. Многие «зелёные» инициативы были отложены. Например, в Кыргызстане планы по расширению лесопокрытой площади и реформе ирригации замедлились из-за финансовых проблем. В целом, бюджетные дефициты и необходимость решать насущные социально-экономические задачи временно отодвинули климатическую повестку на второй план.

В рамках ООН и других международных институтов региональные государства участвуют в многочисленных климатических проектах – от адаптации сельского хозяйства (программа ПРООН по климатически устойчивым сельским сообществам) до управления рисками стихийных бедствий. Особое внимание уделяется водному измерению климатической адаптации: реализуется Программа по воде и энергетике для ЦА (CAWEP) при поддержке Всемирного банка [Quillérou at al. 2016], ряд проектов финансируется Глобальным экологическим фондом (например, проект ЮНЕСКО по изучению криосферы и климата в горах Узбекистана).

Эти инициативы повышают научно-технический потенциал стран, способствуют обмену данными и лучшими практиками. Так, создан Центральноазиатский климатический информационный портал (CAREC Information Portal), публикующий региональные данные об изменениях снежного покрова, температурных аномалиях и т. д.

Несмотря на прогресс, остаётся проблема координации усилий: национальные климатические стратегии пока недостаточно синхронизированы между собой. Отсутствует действенный механизм совместного реагирования на трансграничные экологические вызовы (кроме частных случаев типа Международного фонда спасения Арала, эффективность которого ограничена). Экологические НПО региона настаивают на создании постоянной региональной рабочей группы по климату при участии всех пяти государств, которая занималась бы прогнозированием и предотвращением климатических рисков, разработкой единых стандартов (например, по раннему оповещению о наводнениях).

Энергетика и трансграничные водные конфликты

Центральноазиатский регион обладает значительным энергетическим потенциалом, распределённым неравномерно. Страны низовья – Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – богаты углеводородными ресурсами (нефтью, газом, углём), тогда как государства верховья – Кыргызстан и Таджикистан – распо-

лагают обширными, но не до конца реализованными гидроэнергетическими ресурсами горных рек. Теоретически это открывает возможности для взаимодополняющей модели регионального энергобаланса: летняя гидрогенерация на реках верховий могла бы дополнять зимнюю тепловую генерацию низовий [Водно-энергетическая программа 2024]. Уже в советское время эта идея реализовывалась через обмен «вода-энергия»: летом Кыргызстан и Таджикистан сбрасывали воду на орошение вниз по течению, взамен зимой получая уголь и газ от Казахстана и Узбекистана для отопления. Однако после распада СССР данная кооперативная схема дала сбой [Всемирный банк 2004].

Климатические изменения значительно осложнили ситуацию. Водный фактор стал тесно переплетён с энергетическим. Уменьшение ледников и осадков снизило естественный сток в тёплое время года, что стимулировало Кыргызстан и Таджикистан накапливать воду в своих водохранилищах для выработки электричества зимой. Но такое удержание воды чревато недопоставкой её для летнего орошения в низовьях. Конкуренция между странами верхнего течения, ориентированными на гидроэнергетику, и государствами нижнего течения, зависимыми от ирригации, превратила воду в чувствительный элемент региональной безопасности [Интегрированное управление 2014].

Ещё в 1990-е годы участились конфликтные ситуации: например, Узбекистан обвинял Кыргызстан в избыточном заполнении Токтогульского водохранилища и недостаточном сбросе воды летом, тогда как Бишкек указывал на вынужденные меры для покрытия своего зимнего дефицита электроэнергии. Пик напряжённости пришёлся на 2008–2009 гг., когда аномальная засуха совпала с энергетическим кризисом, и страны обменивались взаимными обвинениями в нарушении водных договорённостей.

Для управления ситуацией в 1992 г. была создана Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК) пятью странами региона, призванная регулировать режим работы водохранилищ и распределение стока трансграничных рек. Однако МКВК с её мандатом и ресурсами эпохи 1990-х годов не справляется с новыми вызовами [Утюпин 2019].

Парадоксальным образом климатическая повестка, усложняя развитие традиционной энергетики из-за водных конфликтов, стимулирует интерес к возобновляемым источникам (ВИЭ). Синергия между гидро-, солнечной и ветровой энергетикой, а также интеграция энергорынков способны не только снизить риски ресурсных противостояний, но и усилить позиции ЦА в евразийской энергетической архитектуре.

Однако достижение этого требует преодоления субрегиональных противоречий и разработки новых форматов сотрудничества, учитывающих климатические риски и необходимость баланса между энергетическими, сельскохозяйственными и экологическими интересами.

Под влиянием фактора климатических изменений в мире начала приобретать популярность концепция «зеленой экономики», которая, по определению ЮНЕП, «повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение» [Навстречу «зеленой» экономике 2011]. Однако глобальные кризисы 2020-х годов, включая пандемию COVID-19 и экономическую нестабильность, создали для государств региона системные риски, связанные с неопределённостью восстановления мировой экономики и бюджетными дефицитами. В первый же год пандемии ВВП Казахстана сократился на 2,4% [Итоги социально-экономического развития 2021]; Кыргызстана – на 8,6% [Кыргызская Республика 2021]. Безусловно, этот фактор ограничил возможности реализации «зелёных» программ [Жильцов 2021].

Важным аспектом остаётся угроза «зелёного протекционизма», при котором экологические требования развитых стран могут стать барьером для центральноазиатских товаров на мировых рынках. Дополнительным риском является увязка международной помощи с жёсткими экологическими условиями, что способно ограничить суверенное право государств определять траекторию модернизации.

Для изучения международных климатических отношений в ЦА важно понимание того, что большинство наднациональных климатических организаций и коалиций в регионе формируется не только под влиянием внутриполитических факторов местных государств, но и при активном участии внешних, внерегиональных, игроков, каждый из которых предлагает собственное видение климатического сотрудничества.

В целом, можно заключить, что климатические изменения уже привели к усилению водно-энергетической взаимозависимости в регионе. Это заставляет страны либо искать новые форматы сотрудничества, либо рисковать углублением конфликтов. В следующем разделе рассмотрим, как государства ЦА адаптируются к новым экологическим реалиям через концепцию «зелёной экономики» и какую роль в этом играют внешние силы.

Таким образом, можно говорить о начале «зелёного перехода» в ЦА, хотя и неравномерного и пока в большей степени декларативного. Главные ограничения – финансовые, технологические и институциональные. Без поддержки извне странам сложно привлечь инвестиции в дорогие климатические проекты (ГЭС, ВИЭ, модернизацию сетей). Технологический разрыв также ощутим: требуется импорт оборудования, но санкционные и геополитические барьеры усложняют доступ к западным технологиям, а китайские проекты иногда сопровождаются долгами и зависимостью.

Институционально – силы сопротивления внутри стран (лобби традиционных отраслей, коррупция) могут тормозить реформы. Например, попытки реформировать систему водного управления наталкиваются на противодействие локальных элит, привыкших к существующему порядку распределения ресурсов.

Тем не менее растет понимание, что без экологической модернизации регион рискует оказаться на периферии мировой экономики. Климатический фактор всё явственнее становится компонентой международной конкурентоспособности: инвесторы учитывают ESG-рейтинги, рынки требуют «чистой» продукции. ЦА, обладая богатым потенциалом возобновляемой энергии (солнечной, ветровой, гидро) и необходимостью реконструкции инфраструктуры, может при правильной стратегии превратить вызовы в возможности. Но для этого, как отмечают эксперты, странам региона нужно усилить координацию между собой, совместно привлекать внешние ресурсы и обмениваться наработками по адаптации. В конечном счёте успех климатической политики в ЦА будет зависеть не только от решений в столицах, но и от вовлечённости местных сообществ, бизнеса, научного сообщества и поддержки международных партнёров.

Внешние акторы и климатическая повестка в регионе

Климатические изменения в ЦА имеют не только внутреннее измерение, но и геополитические последствия. Внешние державы, традиционно присутствующие в регионе или проявляющие к нему интерес, адаптируют свои стратегии с учётом экологического фактора. Можно выделить несколько ключевых направлений, по которым климатическая повестка вплетается во внешнеполитические сюжеты: энергетика, инфраструктура, продовольственная безопасность, гуманитарное сотрудничество и «мягкая сила».

Китай занимает особое место, будучи и соседом, и крупнейшим инвестором. В рамках инициативы «Пояс и Путь» (BRI) Пекин продвигает в Центральной Азии имидж ответственного экологического партнера [Матевосян 2024]. Реализуются «зелёные» проекты: строительство солнечных и ветровых парков (в Казахстане и Узбекистане), модернизация оросительных систем с китайскими технологиями, создание совместных исследовательских центров по изменению климата [Центральная Азия и Китай 2023].

Китайская дипломатия активно использует климатическую риторику: на региональных форумах подчёркивается общность экологических вызовов и предлагается инициатива «Экологизация пояса и пути». В 2023 г. Китай запустил программу обучающих семинаров для специалистов стран ЦА по возобновляемой энергетике и управлению водными ресурсами. Одновременно Пекин заинтересован в водных проектах: так, обсуждается участие китайских компаний в строительстве каскада ГЭС на реке Нарын в Кыргызстане. Китайские СМИ (агентство Синьхуа и др.) освещают эти усилия, формируя образ Китая как локомотива борьбы с изменением климата в Евразии.

Однако за всей миролюбивой китайской риторикой некоторые аналитики видят призрачную угрозу суверенитету: страны региона опасаются долговой

зависимости и экологических последствий китайских проектов (например, проекты по переброске части стока ирригационных рек в СУАР КНР вызывали критику). Тем не менее сотрудничество Китая с ЦА по климату постепенно расширяется и становится важной составляющей двусторонних отношений [Laruelle 2018]. Китай, продвигая концепцию «Экологической цивилизации», предлагает инфраструктурное финансирование «зелёных» проектов. Через механизмы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Эксимбанка КНР профинансированы солнечные и ветряные электростанции в Казахстане, проекты модернизации ирригации в Узбекистане.

Климатическая политика ЕС в ЦА сочетает амбиции развития «зелёного» курса с геополитическими интересами. Через инициативу *Green Central Asia*, региональные стратегии и финансирование «зелёных» проектов Европа предлагает Казахстану, Узбекистану, Киргизии, Таджикистану и Туркмении помощь в адаптации к климатическим рискам. Одновременно ЕС использует новые климатические правила для стимулирования модернизации экономики и соблюдения собственных экологических стандартов. Финансируются проекты через инструменты развития ЕС (например, Программа ЕС по экологии и водным ресурсам, бюджетом € 20 млн). Особое внимание уделяется смежным сферам: вода-энергетика-продовольствие – так называемый водно-энергетико-продовольственный Nexus. ЕС продвигает принципы интегрированного управления водными ресурсами (IWRM) и поддерживает МКВК и МФСА финансово и технически. Также ЕС заинтересован предотвратить экологическую миграцию: программы по устойчивому развитию сельских районов (особенно в Ферганской долине, Приаралье) включают климатический компонент, чтобы люди могли адаптироваться на месте и не были вынуждены мигрировать из-за деградации природы

Местные власти видят в этом и угрозы (торговые барьеры для энергетически ёмких отраслей), и возможности (доступ к финансированию «зелёных» инвестиций, сотрудничество в углеродных рынках). В целом политика ЕС в ЦА по климату направлена на интеграцию региона в глобальные «зелёные» цепочки стоимости, усиление транскордонной координации и построение устойчивой экономики по европейскому образцу.

В рамках своей стратегии по климату и энергетике (European Green Deal) ЕС планирует вкладывать средства в проекты по возобновляемой энергетике и энергоэффективности в Центральной Азии [Кавешников 2023]. ЕС также вводит механизмы «зелёного протекционизма» – например, углеродный пограничный корректирующий механизм (CBAM), который в перспективе может ограничить экспорт центральноазиатских энергоёмких товаров на европейский рынок, если они не будут соответствовать низкоуглеродным стандартам.

США традиционно сосредоточены на вопросах безопасности и развития демократии в ЦА, но и климат становится частью их политики. В 2021 г. США инициировали Платформу по климатическим инвестициям С5+1

(в формате пять стран ЦА + США), целью которой заявлено привлечение инвестиций в чистую энергетику и климатоустойчивую инфраструктуру. Агентство USAID финансирует проекты по управлению водными ресурсами (например, программа Smart Waters), обучает фермеров методам адаптации к засухе. В 2022 г. США объявили о создании Регионального центра климатических данных в Алма-Ате совместно с казахстанскими партнёрами, чтобы улучшить прогнозы погоды и климатическое моделирование для всего региона. Кроме того, Вашингтон использует климатическую повестку как элемент «soft power»: поддерживаются молодежные инициативы, гранты НПО на экологическое просвещение, проводятся информационные кампании о важности возобновляемой энергетики и сохранения природы. Это вписывается в общую стратегию США по укреплению позиций в ЦА путём «народной дипломатии», отличной от сугубо экономического подхода Китая или военно-политического – России.

Таким образом, внешние акторы вводят климатическую повестку в канву своего взаимодействия с ЦА, преследуя и прагматические интересы, и имиджевые цели. Для стран региона такое внимание – шанс диверсифицировать сотрудничество и получить ресурсы на решение острых проблем. Однако есть и риски геополитизации экологической тематики: конкуренция проектов (например, европейские vs китайские стандарты), возможная политическая обусловленность экологической помощи. Балансируя между разными центрами силы, центральноазиатским государствам важно сохранять приоритет своих национальных интересов – то есть направлять внешнюю поддержку на реализацию собственных стратегий адаптации и развития, а не подстраиваться под чужие повестки. В идеале климатическое взаимодействие с внешними игроками должно дополнять региональное сотрудничество, а не подменять его. Пока же наблюдается некоторая фрагментация: каждая держава работает со странами ЦА преимущественно на двусторонней основе, и лишь немногие проекты охватывают регион целиком.

Заключение

Климатические изменения из абстрактной экологической проблемы постепенно превратились в значимый фактор международных отношений в ЦА. Проведенный анализ показывает, что потепление климата и связанные с ним явления – сокращение водных ресурсов, деградация земель, учащение природных бедствий – уже сегодня влияют на ключевые аспекты региональной безопасности и сотрудничества. Во-первых, трансформируется водно-энергетический баланс: хронический дефицит воды и изменение режима стока обострили противоречия между странами верховьев и низовьев трансграничных рек, поставив под вопрос долгосрочную устойчивость прежних договоренностей. Во-

вторых, продовольственная безопасность оказалась под ударом из-за деградации почв и экстремальных погодных явлений, что провоцирует экономические потери и рост социального напряжения. В-третьих, усиление экологически обусловленной миграции (внутренней и внешней) добавило новое измерение к проблеме перемещения населения, требуя от правительств адаптивных мер. Таким образом, климатические риски стали неотъемлемой частью повестки развития региона.

Для национальных государств ЦА основной вызов – найти баланс между адаптацией к климату и защитой своих интересов. С одной стороны, необходимо внедрять современные технологии и управленческие практики для смягчения негативных последствий (эффективное водопользование, климатически устойчивое сельское хозяйство, системы раннего предупреждения стихийных бедствий). С другой стороны, государства стремятся сохранить суверенитет над ресурсами и избежать внешнего диктата под видом экологических требований. Как показывает опыт, наиболее успешны там, где реформы воспринимаются не как навязанные извне, а как внутренний приоритет. Например, Казахстан, осознавая угрозу водного дефицита для своей экономики, самостоятельно инвестирует в переработку сточных вод, строит опреснительные установки и активно развивает возобновляемую энергетику. Узбекистан за последние годы пересмотрел структуру севооборота, сократив площади хлопка ради водосберегающих культур, что продиктовано не только рекомендациями доноров, но и острой необходимостью экономить воду. Такие шаги повышают климатическую устойчивость и одновременно укрепляют национальную безопасность.

На региональном уровне прослеживаются как тенденции солидарности, так и разобщённости. С одной стороны, понимание общей угрозы (например, судьбы Аральского моря) побуждает страны к совместным действиям – возобновлению работы МФСА, обмену гидрометеоданными, участию в региональных климатических диалогах. С другой стороны, политические и экономические разногласия часто мешают выработке обязывающих механизмов сотрудничества. Тем не менее без коллективных усилий справиться с трансграничными вызовами будет невозможно. Оптимальным решением могло бы стать обновление региональной договорно-правовой базы с учётом климатических реалий – например, заключение нового рамочного соглашения по трансграничным водам, где были бы прописаны гибкие режимы работы водохранилищ в разные по водности годы и механизмы компенсаций. Также важно формирование региональной системы мониторинга климатических рисков, чтобы страны заблаговременно готовились к засухам или паводкам сообща. Примером может служить опыт Европы (Международная комиссия по защите Рейна и др.), где наднациональные органы координируют действия нескольких государств в области вод и экологии.

Роль внешних акторов, как показано выше, двойственна. С одной стороны, они приносят столь необходимые инвестиции, технологии и экспертизу.

С другой стороны – их интересы могут не совпадать с интересами самих центральноазиатских обществ. В этом контексте странам региона важно выстраивать многовекторную климатическую дипломатию, привлекая ресурсы от всех партнёров, но избегая попадания в зависимость. Возможности широки: от участия в глобальных климатических инициативах (например, Климатическом саммите ООН) до точечного сотрудничества (например, с Нидерландами по управлению водными ресурсами, с Израилем по капельному орошению, с Японией по системам раннего оповещения). Уже сейчас есть позитивные примеры: в 2022 г. Узбекистан объединился со Швейцарией для финансирования научных исследований по таянию ледников (проект CATCOS), а Таджикистан совместно с Всемирным банком реализует программу улучшения метеослужбы. Такие партнёрства следует расширять.

В итоге регион ЦА стоит на пороге эры, когда успехи или неудачи в преодолении климатических вызовов во многом определят траекторию его развития и позицию на мировой арене. Климатическая устойчивость становится синонимом национальной и региональной безопасности. Международные отношения в регионе всё более «пронизываются» экологическим измерением – как в диалоге между самими странами Центральной Азии, так и во взаимодействии с внешними державами. В этом новом контексте особую ценность приобретает научно обоснованная политика. Необходимы дальнейшие комплексные исследования климата, гидрологии и экосистем Центральной Азии и их влияния на социально-политические процессы. Такие знания станут фундаментом для информированного принятия решений. Синергия между научным сообществом, органами власти и международными партнёрами способна обеспечить формирование эффективных адаптационных стратегий. Успех климатической политики центральноазиатских государств будет зависеть от способности находить баланс между адаптацией и развитием, между национальными приоритетами и региональной солидарностью, а также от умения преобразовать внешнее внимание к климату в реальные выгоды для своих народов.

Библиография

Базарбаев А.Т., Баекенова М.К., Мамадияров Б.С., Базарбаева А.А. Инновации, новые технологии и устойчивое развитие стран Центральной // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2019. № 4. С. 28–30.

Безкоровайная К. Почему дефицит воды угрожает национальной безопасности Узбекистана // Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR). 04.09.2024. URL: https://cabar.asia/ru/pochemu-defitsit-vody-ugrozhaet-natsionalnoj-bezopasnosti-kazahstana (дата обращения: 23.03.2025).

В цифрах: изменение климата в Центральной Азии // Азиатский банк развития (ADB). URL: https://www.adb.org/ru/news/features/numbers-climate-change-central-asia (дата обращения: 23.03.2025).

Водно-энергетическая программа для центральной Азии – 4-я фаза. Годовой отчет // Группа Всемирного банка: офиц. сайт. 2024. URL: https://documents.vsemirnyjbank.org/ru/publication/documents-reports/documentdetail/099750110292456802 (дата обращения: 23.03.2025).

Глазовский А.Ф., Мачерет Ю.Я. Вода в ледниках. Методы и результаты геофизических исследований. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2014. 527 с.

Жильцов С.С. Принципы «зеленой экономики» в политике стран Центральной Азии // Россия и мир. 2021. № 3 (29). С. 70–86.

Изменение климата и экстремальные погодные явления: вызовы Азии // Всемирная метеорологическая организация (ВМО). 23.04.2024. URL: https://wmo.int/ru/news/media-centre/izmenenie-klimata-i-ekstremalnye-pogodnye-yavleniya-silno-udarili-po-azii, 2024.

Интегрированное управление водными ресурсами в Центральной Азии: проблемы управления большими трансграничными реками // Глобальное водное партнерство (Global Water Partnership). URL: https://cawater-info.net/library/rus/gwp/iwrm-ca.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

Итоги года: Развитие водной инфраструктуры и технологий для устойчивого будущего Казахстана // Министерство водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан. 13.12.2024. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/water/press/news/details/902713?lang=ru (дата обращения: 25.03.2025).

Итоги социально-экономического развития Республики Казахстан за 2020 год // Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан, 12.01.2021. URL: https://primeminister.kz/ru/media/infographic/itogi-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rk-i-ispolnenie-respublikanskogo-byudzheta-za-2020-god-1201741 (дата обращения: 28.04.2025).

Кавешников Н.Ю. Стратегия ЕС в области климата и энергетики // Современная Европа. 2015. Выпуск 1. С. 93–103.

Караев С. Маловодье уже пришло в Центральную Азию // Asia-Plus: независимая медиагруппа Таджикистана. 20.07.2023. URL: https://asiaplus.news/2023/07/20/malovode-uzhe-prishlo-v-czentralnuyu-aziyu/ (дата обращения: 25.03.2025).

Коновалов В.Г., Вильямс М.В. Многолетние колебания оледенения в Центральной Азии и климатические условия // Метеорология и гидрология. 2005. № 9. С. 69–83.

Кононов И.В. Конец аридной эпохи в истории Центральной Азии: пример обмеления Приаралья // Доклады РАН. Серия географическая. 2014. № 1. С. 108–114.

Котляков В.М., Северский И.В. Оледенение Центральной Азии: история и влияние на водные ресурсы // Гляциология и ледниковое машиностроение. 2007. № 2. С. 45–53.

Кыргызская Республика. Социально-экономическая ситуация в 2020 году и среднесрочные перспективы // Евразийский фонд стабилизации и развития. 2021. URL: https://efsd.org/upload/iblock/1d1/KR_-Makroobzor_2020.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

Матевосян А.Т. Экологическая политика Китая и потенциал «мягкого влияния» // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2024. №2. С. 56–76.

Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур. 2011 г. // The One UN Climate Change Learning Partnership. URL: https://www.uncclearn.org/wp-content/uploads/library/unep119_rus_0.pdf (дата обращения: 07.05.2026).

Рахматова Д. Осталось засадить 400 тыс. га осушенного дна Арала // Агентство по реализации проектов Международного Фонда спасения Арала в Узбекистанею 31.08.2021. URL: https://aral.uz/wp/2021/09/06/ostalos-zasazit-400-tys-ga/ (дата обращения: 23.03.2025).

Севастьянов В.В. Климат высокогорных районов Алтая и Саян. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1998. 202 с.

Секторальный адаптационный план сельского хозяйства Узбекистана на период 2025–2030 годов // Рамочная конвенция ООН об изменении климата (United Nations Framework Convention

on Climate Change). 2025. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Uzbekistan_SAP_Agriculture_RUS.pdf (дата обращения: 07.05.2026).

Снег – главный источник воды в ЦА, но он держится на 40 дней меньше, чем в начале века // Gazeta.uz: интернет-издание. 2025. – URL: https://www.gazeta.uz/ru/2025/09/23/water-security/ (дата обращения: 07.05.2026).

Снегирев В. На дне. Как вместо большого и богатого моря образовалась большая и мертвая пустыня // Российская газета. 08.04.2024. URL: https://rg.ru/2024/04/08/na-dne.html (дата обращения: 10.12.2025).

Утюпин Д. Водные ресурсы Центральной Азии и климат // Ливень (Living Asia). 2019. 16 ноября. URL: https://livingasia.org.kz/2019/11/16/vodnye-resursy-czentralnoj-azii-i-klimat/ (дата обращения: 23.03.2025).

Центральная Азия и Китай: «зеленый принцип – один на всех»: интервью с Зафаром Махмудовым // Региональный экологический центр Центральной Азии (CAREC). 12.09.2023. URL: https://www.carececo.org/main/news/tsentralnaya-aziya-i-kitay-zelenyy-printsip-odin-na-vsekh/ (дата обращения: 17.04.2024).

Шамшиев С. Осторожный оптимизм // Новое наблюдение Шелкового пути (SiluxGC). 19.05.2021. URL: https://2016ru.siluxgc.com/html/R1413/202105/49209424651371119.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

Demuth M.N., Pietroniro A. The Impact of Climate Change On The Glaciers Of The Canadian Rocky Mountain Eastern Slopes and Implications for Water Resource Adaptation in the Canadian Prairies – Phase I – Headwaters Of The North Saskatchewan River Basin: Report to the Climate Change Action Fund – Prairie Adaptation Research Collaborative (PARC) Project P55. Ottawa: Geological Survey of Canada, 2003. 162 p.

Laruelle M. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: GWU Central Asia Program and Nazarbayev University, 2018. 120 p.

Lee M. Climate-driven glacier decline: implications for water security and linked assets in Central Asia // Ainvest. 2025. URL: https://www.ainvest.com/news/climate-driven-glacier-decline-implications-water-security-linked-assets-central-asia-2509. (дата обращения: 17.04.2024).

Quillérou E., Thomas R., Guchgeldiyev O., Ettling S., Etter H., Stewart N. Broadening Land Management Options for Improved Economic Sustainability Across Central Asia: Central Asia Regional Report // The Economics of Land Degradation (ELD) Initiativ. 2016. URL: https://www.eld-initiative.org/fileadmin/pdf/ELD_CA_regional_report.pdf. (дата обращения: 17.04.2024).

Saks T., Pohl E., Machguth H., et al. Glacier Runoff Variation Since 1981 in the Upper Naryn River Catchments, Central Tien Shan // Frontiers in Environmental Science. 2021. Vol. 9. URL: https://www.frontiersin.org/journals/environmental-science/articles/10.3389/fenvs.2021.780466/full

Sorg A., Bolch T., Stoffel M. et al. Climate change impacts on glaciers and runoff in Tien Shan (Central Asia) // Nature Climate Change. 2012. № 2. P. 725–731.

Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate // The Intergovernmental Panel on Climate Change. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/srocc.

References

Bazarbaev A.T., Baekenova M.K., Mamadiyarov B.S., Bazarbaeva A.A. Innovatsii, novye tekhnologii i ustoychivoe razvitie stran Tsentral'noy Azii [Innovations, New Technologies and Sustainable Development of Central Asian Countries]. Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana [Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan]. 2019. N 4. P. 28–30. (In Russ.)

Bezkorovaynaya K. Pochemu defitsit vody ugrozhaet natsional'noy bezopasnosti Uzbekistana [Why Water Scarcity Threatens Uzbekistan's National Security]. Central Asian Bureau for Analytical

Reporting (CABAR). 04.09.2024. URL: https://cabar.asia/ru/pochemu-defitsit-vody-ugrozhaet-natsionalnoj-bezopasnosti-kazahstana (date of access: 23.03.2025). (In Russ.)

Demuth M.N., Pietroniro A. The Impact of Climate Change On The Glaciers Of The Canadian Rocky Mountain Eastern Slopes and Implications for Water Resource Adaptation in the Canadian Prairies – Phase I – Headwaters Of The North Saskatchewan River Basin: Report to the Climate Change Action Fund – Prairie Adaptation Research Collaborative (PARC) Project P55. Ottawa: Geological Survey of Canada, 2003. 162 p.

Glazovskiy A.F., Macheret Yu.Ya. Voda v lednikakh. Metody i rezul'taty geofizicheskikh issledovaniy [Water in Glaciers. Methods and Results of Geophysical Research]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 527 p. (In Russ.)

Integrirovannoe upravlenie vodnymi resursami v Tsentral'noy Azii: problemy upravleniya bol'shimi transgranichnymi rekami [Integrated Water Resources Management in Central Asia: Challenges of Managing Large Transboundary Rivers]. Global'noe vodnoe partnerstvo [Global Water Partnership]. URL: https://cawater-info.net/library/rus/gwp/iwrm-ca.pdf (date of access: 23.03.2025). (In Russ.)

Itogi goda: Razvitie vodnoy infrastruktury i tekhnologiy dlya ustoychivogo budushchego Kazakhstana [Year in Review: Development of Water Infrastructure and Technologies for a Sustainable Future in Kazakhstan]. Ministerstvo vodnykh resursov i irrigatsii Respubliki Kazakhstan [Ministry of Water Resources and Irrigation of the Republic of Kazakhstan]. 13.12.2024. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/water/press/news/details/902713?lang=ru (date of access: 25.03.2025). (In Russ.)

Itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kazakhstan za 2020 god [Results of Socio-Economic Development of the Republic of Kazakhstan for 2020]. Ofitsial'nyy informatsionnyy resurs Prem'er-ministra Respubliki Kazakhstan [Official Information Resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan], 12.01.2021. URL: https://primeminister.kz/ru/media/infographic/itogi-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rk-i-ispolnenie-respublikanskogo-byudzheta-za-2020-god-1201741 (date of access: 28.04.2025). (In Russ.)

Izmenenie klimata i ekstremal'nye pogodnye yavleniya: vyzovy Azii [Climate Change and Extreme Weather Events: Challenges for Asia]. Vsemirnaya meteorologicheskaya organizatsiya (VMO) [World Meteorological Organization (WMO)]. 23.04.2024. URL: https://documents.vsemirnyjbank.org/ru/publication/documents-reports/documentdetail/099750110292456802 (date of access: 20.05.2025) (In Russ.)

Karaev S. Malovod'e uzhe prishlo v Tsentral'nuyu Aziyu [Water Scarcity Has Already Come to Central Asia]. Asia-Plus: nezavisimaya mediagruppa Tadzhikistana [Asia-Plus: Independent Media Group of Tajikistan]. 20.07.2023. URL: https://asiaplus.news/2023/07/20/malovode-uzhe-prishlo-v-czentralnuyu-aziyu/ (date of access: 25.03.2025). (In Russ.)

Kaveshnikov N.Yu. Strategiya ES v oblasti klimata i energetiki [EU Climate and Energy Strategy]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2015. Issue 1. P. 93–103. (In Russ.)

Kononov I.V. Konets aridnoy epokhi v istorii Tsentral'noy Azii: primer obmeleniya Priaral'ya [End of the Arid Era in Central Asian History: The Case of the Shrinking Aral Sea Region]. Doklady RAN. Seriya geograficheskaya [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]. 2014. N 1. P. 108–114. (In Russ.)

Konovalov V.G., Vil'yams M.V. Mnogoletnie kolebaniya oledeneniya v Tsentral'noy Azii i klimaticheskie usloviya [Long-Term Fluctuations of Glaciation in Central Asia and Climatic Conditions]. Meteorologiya i gidrologiya [Meteorology and Hydrology]. 2005. N 9. P. 69–83. (In Russ.)

Kotlyakov V.M., Severskiy I.V. Oledenenie Tsentral'noy Azii: istoriya i vliyanie na vodnye resursy [Glaciation of Central Asia: History and Impact on Water Resources]. Glyatsiologiya i lednikovoe mashinostroenie [Glaciology and Glacial Engineering]. 2007. N 2. P. 45–53. (In Russ.)

Kyrgyzskaya Respublika. Sotsial'no-ekonomicheskaya situatsiya v 2020 godu i srednesrochnye perspektivy [Kyrgyz Republic. Socio-Economic Situation in 2020 and Medium-Term Prospects]. Evraziyskiy fond stabilizatsii i razvitiya [Eurasian Fund for Stabilization and Development]. 2021.

URL: https://efsd.org/upload/iblock/1d1/KR_-Makroobzor_2020.pdf (date of access: 28.04.2025). (In Russ.)

Laruelle M. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: GWU Central Asia Program and Nazarbayev University, 2018. 120 p.

Lee M. Climate-driven glacier decline: implications for water security and linked assets in Central Asia. Ainvest. 2025. URL: https://www.ainvest.com/news/climate-driven-glacier-decline-implications-water-security-linked-assets-central-asia-2509. (date of access:17.04.2024).

Matevosyan A.T. Ekologicheskaya politika Kitaya i potentsial «myagkogo vliyaniya» [Environmental Policy of China and the Potential of «Soft Influence»]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics]. 2024. N 2. P. 56–76. (In Russ.)

Navstrechu «zelenoy» ekonomike: puti k ustoychivomu razvitiyu i iskoreneniyu bednosti – obobshchayushchiy doklad dlya predstaviteley vlastnykh struktur [Towards a «Green» Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication – Synthesis Report for Policymakers]. The One UN Climate Change Learning Partnership. 2011. URL: https://www.uncclearn.org/wp-content/uploads/library/unep119_rus_0.pdf (date of access: 07.05.2026). (In Russ.)

Quillérou E., Thomas R., Guchgeldiyev O., Ettling S., Etter H., Stewart N. Broadening Land Management Options for Improved Economic Sustainability Across Central Asia: Central Asia Regional Report. The Economics of Land Degradation (ELD) Initiativ. 2016. URL: https://www.eld-initiative.org/fileadmin/pdf/ELD_CA_regional_report.pdf. (date of access: 17.04.2024).

Rakhmatova D. Ostalos' zasadit' 400 tys. ga osushennogo dna Arala [400 Thousand Hectares of the Dried-Up Aral Sea Bed Remain to Be Planted]. Agentstvo po realizatsii proektov Mezhdunarodnogo Fonda spaseniya Arala v Uzbekistane [Agency for Project Implementation of the International Fund for Saving the Aral Sea in Uzbekistan]. 31.08.2021. URL: https://aral.uz/wp/2021/09/06/ostalos-zasazit-400-tys-ga/ (date of access: 23.03.2025). (In Russ.)

Saks T., Pohl E., Machguth H., et al. Glacier Runoff Variation Since 1981 in the Upper Naryn River Catchments, Central Tien Shan. Frontiers in Environmental Science. 2021. Vol. 9. URL: https://www.frontiersin.org/journals/environmental-science/articles/10.3389/fenvs.2021.780466/full (date of access: 12.01.2025).

Sektoral'nyy adaptatsionnyy plan sel'skogo khozyaystva Uzbekistana na period 2025–2030 godov [Sectoral Adaptation Plan for Agriculture of Uzbekistan for 2025–2030]. Ramochnaya konventsiya OON ob izmenenii klimata [United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC)]. 2025. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Uzbekistan_SAP_Agriculture_RUS.pdf (date of access: 07.05.2026). (In Russ.)

Sevast'yanov V.V. Klimat vysokogornykh rayonov Altaya i Sayan [Climate of High-Mountain Regions of Altai and Sayan]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998. 202 p. (In Russ.)

Shamshiev S. Ostorozhnyy optimizm [Cautious Optimism]. Novoe nablyudenie Shelkovogo puti (SiluxGC) [New Observation of the Silk Road (SiluxGC)]. 19.05.2021. URL: https://2016ru.siluxgc.com/html/R1413/202105/49209424651371119.shtml (date of access: 17.04.2024). (In Russ.)

Sneg – glavnyy istochnik vody v TsA, no on derzhitsya na 40 dney men'she, chem v nachale veka [Snow Is the Main Water Source in Central Asia, but It Lasts 40 Days Less Than at the Beginning of the Century]. Gazeta.uz: internet-izdanie [Gazeta.uz: online publication]. 2025. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2025/09/23/water-security/ (date of access: 07.05.2026). (In Russ.)

Snegirev V. Na dne. Kak vmesto bol'shogo i bogatogo morya obrazovalas' bol'shaya i mertvaya pustynya [At the Bottom. How a Large and Dead Desert Formed Instead of a Large and Rich Sea]. Rossiyskaya gazeta [Russian Newspaper]. 08.04.2024. URL: https://rg.ru/2024/04/08/na-dne.html (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Sorg A., Bolch T., Stoffel M. et al. Climate change impacts on glaciers and runoff in Tien Shan (Central Asia). Nature Climate Change. 2012. N 2. P. 725–731.

Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. The Intergovernmental Panel on Climate Change. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/srocc.

Tsentral'naya Aziya i Kitay: «zelenyy printsip – odin na vsekh»: interv'yu s Zafarom Makhmudovym [Central Asia and China: «Green Principle – One for All»: Interview with Zafar Makhmudov]. Regional'nyy ekologicheskiy tsentr Tsentral'noy Azii (CAREC) [Regional Environmental Centre for Central Asia (CAREC)]. 12.09.2023. URL: https://www.carececo.org/main/news/tsentralnaya-aziya-i-kitay-zelenyy-printsip-odin-na-vsekh/ (date of access: 17.04.2024). (In Russ.)

Utyupin D. Vodnye resursy Tsentral'noy Azii i klimat [Water Resources of Central Asia and Climate]. Liven' (Living Asia) [Livn' (Living Asia)]. 2019. 16 November. URL: https://livingasia.org.kz/2019/11/16/vodnye-resursy-czentralnoj-azii-i-klimat/ (date of access: 23.03.2025). (In Russ.)

V tsifrakh: izmenenie klimata v Tsentral'noy Azii [In Numbers: Climate Change in Central Asia]. Aziatskiy bank razvitiya (ADB) [Asian Development Bank (ADB)]. URL: https://www.adb.org/ru/news/features/numbers-climate-change-central-asia (date of access: 23.03.2025). (In Russ.)

Vodno-energeticheskaya programma dlya Tsentral'noy Azii – 4-ya faza. Godovoy otchet [Water and Energy Program for Central Asia – Phase 4. Annual Report]. Gruppa Vsemirnogo banka [World Bank Group]: official website. 2024. URL: https://documents.vsemirnyjbank.org/ru/publication/documents-reports/documentdetail/099750110292456802 (date of access: 23.03.2025). (In Russ.)

Zhil'tsov S.S. Printsipy «zelenoy ekonomiki» v politike stran Tsentral'noy Azii [Principles of the «Green Economy» in the Policies of Central Asian Countries]. Rossiya i mir [Russia and the World]. 2021. N 3 (29). P. 70–86. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.15

Ц. Тао

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. *Уникальность евразийского постсоветского пространства (размеры, континентальное геополитическое положение, природные богатства, относительно низкая плотность населения, «недоосвоенность» большей части территорий) заставляет предположить целесообразность разработки соответствующей интеграционной теории, которая бы служила опорой для стратегического управления совместным развитием сотрудничающих стран. Успешность интеграции в первую очередь зависит от положения и позиции стран Центральной Азии и, прежде всего, Казахстана. Усиливающийся фактор Китая, развитие проекта «Один пояс, Один путь» при сохраняющейся технологической и финансовой зависимости стран Центральной Азии от Запада, рост международной напряженности, военные и террористические угрозы еще более заостряют данный вопрос. В работе рассматривается эволюция политических теорий интеграции в трудах российских и зарубежных авторов с точки зрения «практикоприменимости» их положений к евразийским интеграционным процессам. Евразийская идея как инициатива лидеров Казахстана сохраняет свою актуальность, но, вместе с тем, подвергается целому ряду внутренних и внешних вызовов. Показана стратегическая целесообразность усилий по ее сохранению и развитию в условиях трансформации миропорядка. Казахстан, являясь ключевой державой Центральной Азии стал «колыбелью» евразийской идеи. Без интеграционных процессов и «умной» многовекторности в сохранении вектора устойчивого развития не обойтись ни одной стране мира и евразийского пространства, в частности. Проведенный анализ показывает, что политическая зрелость должна включать собственную идеологию развития страны внутри себя и в глобальном мире. В этом отношении отход от евразийской идеи, которая бы развивалась научно и распространялась образовательно и просвещенчески внутри и вовне страны, является стратегическим вызовом национальной и региональной безопасности.*

Ключевые слова: *евразийское пространство; евразийская идея; теории интеграции; Республика Казахстан.*

Тао Цзылун – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: 867378772@qq.com
Scopus Author ID:
Web of Science Researcher ID: QLV-0541-2026

Tao Z.

Kazakhstan's Eurasian Idea in the Context of the Development of Political Integration Theories

Abstract. *This article argues that the unique characteristics of the Eurasian post-Soviet space – including its vast territory, continental geopolitical position, abundant natural resources, relatively low population density and the uneven development of much of its territory – create the need for an integration theory capable of providing a conceptual foundation for the strategic governance of cooperation among the participating states. The success of Eurasian integration depends largely on the role and position of the Central Asian countries, particularly Kazakhstan. This issue has become even more significant in light of China's growing influence and the development of the Belt and Road Initiative, alongside the continuing technological and financial dependence of the Central Asian states on the West, rising international tensions and increasing military and terrorist threats. The article examines the evolution of theories of political integration in the works of Russian and foreign scholars from the perspective of their applicability to Eurasian integration processes. It argues that the Eurasian idea, originally advanced by Kazakhstan's leadership, remains relevant despite facing numerous internal and external challenges. The study demonstrates the strategic importance of preserving and further developing this concept in the context of the ongoing transformation of the global order. As the leading regional power in Central Asia, Kazakhstan has become the birthplace of the Eurasian idea. The article further argues that no country, either in Eurasia or elsewhere, can successfully pursue sustainable development without participating in integration processes and adopting a balanced multi-vector foreign policy. The analysis suggests that political maturity requires a coherent national development strategy grounded in both domestic priorities and the country's role in the international system. From this perspective, abandoning the Eurasian idea – supported by sustained academic research and educational outreach both within Kazakhstan and abroad – would constitute a strategic challenge to national and regional security.*

Keywords: *Eurasian space; Eurasian idea; integration theories; Republic of Kazakhstan.*

Tao Zilong – graduate student in the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.
E-mail: 867378772@qq.com
Web of Science Researcher ID: QLV-0541-2026

Евразийское пространство так или иначе является интегрированным (от полной интеграции и инкорпорации государств и территорий в Российскую Империю до партнерско-союзнических отношений с экономической интеграцией по европейскому типу) на протяжении последних 200–300 лет.

Уникальность евразийского постсоветского пространства (размеры, континентальное геополитическое положение, природные богатства, относительно низкая плотность населения, «недоосвоенность» большей части территорий) заставляет предположить целесообразность разработки соответствующей ин-

теграционной теории, которая бы служила опорой для стратегического управления совместным развитием сотрудничающих стран.

Активизация процессов глобализации в 1990-х – 2000-х годах происходила параллельно с усилением региональных тенденций – образования, укрепления и расширения региональных экономических союзов и военно-политических блоков. Выделяют четыре основных теоретических направления в осмыслении интеграции: функционализм и неофункционализм, федерализм и транснационализм (плюралистическая школа). Наибольшую историю имеет концепция федерализма, основателем которой считается И.И. Альтузиус [Althusius 1964], немецкий философ конца XVI – начала XVII в., автор теории «народного суверенитета», рассматривавшей федеративное государство как союз общностей, между которыми существуют договорные отношения. Французский философ П.-Ж. Прудон написал в середине 19 в. «Принцип федерации» [Proudhon 1997], постулировав, что задача федерализма – формирование в конечном итоге всемирной федерации. В XX в. принципы федерализма получили самое широкое развитие в научных теориях. А. Марк и Р. Арон являются авторами труда «Принципы федерализма» (1948 г.) [Marc 1948], в котором была представлена концепция интегрального федерализма. К классическим теориям федерализма относят теории, появившиеся в XVII–XVIII вв. в Европе, и связаны они с формированием концепций по сохранению мира. В XX в. во время Второй мировой войны появились работы лидера европейского федералистского движения А. Спинелли [Spinelli 1957]. Согласно его идеям, полномочия местных, региональных, национальных органов и органов европейского масштаба должны сочетаться и дополнять друг друга, при этом полномочия межгосударственных органов должны быть ограничены, данные идеи получили развитие в работах его последователей [Michelmann 1994].

Неофедерализм (американский политолог А. Этциони) предполагает в качестве цели интеграции формирование «политического сообщества», имеющего такие характеристики, как обладание эффективным контролем над средствами насилия; наличие влиятельного центра принятия решений; возникновение общей самоидентификации среди граждан. Саму федерацию целесообразно реализовывать как «сверху» (Ж. Моннэ [Monnet 1962], К. Уир [Wheare 1963], «неофедералист» К. Пиндер [Pinder 1991]), от политической идеи с постепенным развитием экономических и других интеграционных процессов, так и в мягком, гибком формате (А. Марк [Marc 1997]).

В реализации федералистских проектов немалую трудность составляет определение и согласование компетенций наднациональных органов. Помимо Европейского союза, рассматривались концепции Атлантического союза с включением в него США и стран Западной Европы (У. Фулбрайт [Fulbright 1989], Г. Киссинджер [Kissinger 2014]) У. Райткер считал, что современные «федерализмы» – это заимствование именно американского федерализма

[Riker 1964]. В других интеграционных объединениях, таких как Экономическое сообщество стран Восточной и Южной Африки (COMESA), Южноафриканское сообщество развития (SADC), Восточноафриканское сообщество (EAC), Южноафриканский таможенный союз (SACU), Карибское сообщество (CARICOM), Сообщество сахело-сахарских государств (SEN-SAD), Андское сообщество (CAN), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (SAARC) ценностный фактор и стремление к миру в регионе также присутствуют, хотя и в меньшей степени [Валовая 2018].

Если федерализм ставит во главу угла идею совместного общежития в одном государстве, то функционализм (румынский ученый Д. Митрани [Mitrany 1965]) рассматривает интеграцию как процесс, оптимальной реализацией которого будет совместное решение конкретных задач экономического, социального, научно-технического характера. Неофункционалисты (американский исследователь Э. Хаас и др. [Dahlberg 1970; Haas 1975]) полагают, что интеграция должна служить удовлетворению потребностей социальных групп. С неофункционализмом тесно связана теория взаимозависимости [Keohane 1997], имеющая выраженный политэкономический характер.

Эффективная интеграция в международные структуры невозможна без четкого осознания своих национальных интересов, реализация которых, в свою очередь, практически для всех государств, в том числе и США, откровенно претендующих на мировую гегемонию, зависит от состояния и динамики глобального развития в целом, равно как и от действий партнеров и конкурентов.

Евразийская интеграция несет свои неповторимые черты. Новая евразийская идея принадлежит первому президенту Н.А. Назарбаеву, который в 1994 г. высказался о перспективности Евразийского союза, сформированного посредством добровольной реинтеграции новых независимых государств бывшего СССР [Кофнер 2019]. Обращение с начала нового тысячелетия к экономической повестке дало новый толчок к экономическим процессам. Серьезным достижением новейшей истории евразийской интеграции стало подписание в 2014 г. в Астане «Договора о Евразийском экономическом союзе» и учреждение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) 1 января 2015 г. В том же году к объединению присоседились Армения и Кыргызстан [Кофнер 2019]. При этом внутри ЕАЭС нарастает китайский (в рамках двусторонних связей и реализации китайского евразийского проекта «Экономический пояс Шелкового пути») вектор, наряду с наличием разной степени интенсивности контактов с США и Европой, другими странами (Турция, арабские страны Персидского залива, Иран), и данное обстоятельство не может не привлекать внимание России (что показали события 2020 г. в Нагорном Карабахе и начала 2022 г. в Казахстане). В целом евразийская (постсоветская) интеграция – важнейший геостратегический процесс, выходящий за рамки чисто экономических потребностей. И дело здесь не столько в обеспечении благоприятных

условий международного экономического обмена, сколько в создании «мощного интеллектуально-производительного очага, способного самостоятельно, хотя и во взаимодействии с мировым контекстом решать задачи всестороннего социохозяйственного развития в эффективном сочетании с традицией» [Евразийская интеграция 2014].

Регионализм стал самостоятельной теорией, отличной от интеграционных подходов, которая развивается и в российских исследованиях [Лагутина 2020]. С конца 1980-х годов начался новый этап развития регионализма, связанный с активизацией формирования Европейского союза, Североамериканской зоны свободной торговли и Азиатско-Тихоокеанского региона, появлением (в начале 1990-х) Содружества Независимых Государств, аналогичными процессами в других регионах [Hettne 1998].

Этот же период отмечен появлением и развитием концепции, а затем теории секьюритизации Копенгагенской школы исследования безопасности, в рамках которой получила развитие теория комплекса региональной безопасности (ТКРБ, англ. *Regional security complex theory* или RSCT) [Buzan 2003].

Термин «сравнительный регионализм» связан с изучением процессов регионализации за пределами Европы и сравнением их с европейским опытом [Acharya 2008; Telo 2007; The Oxford Handbook 2016]. Следуя европейским (и европоцентричным) традициям, региональные конструкции рассматриваются с позиций конструктивизма (сначала идея, затем – ее последовательное воплощение) [Laursen 2003].

Одной из первых российских работ по «сравнительной интеграции» стала монография А.А. Байкова, опубликованная в 2012 г. [Байков 2012], в которой автор предложил свой вариант инструментария для сравнительного анализа региональных версий интеграционного взаимодействия. Теоретическим основам регионализации современных международных отношений, характеру преломления глобальных политических и экономических закономерностей в региональных сегментах мира – макрорегионах и глобальных регионах, перспективам развития регионального мирового порядка посвящены работы А.Д. Воскресенского [Воскресенский 2012; Voskressenski 2019], Е.Б. Михайленко [Mikhaylenko, Mikhaylenko 2020] С.К. Песцова [Песцов 2018]. Одной из первых теоретические положения по современному регионализму разработала профессор ФГП МГУ О.Г. Леонова [Леонова 2013]. Д.А. Кузнецов [Кузнецов 2018], М.Л. Лагутина поднимают в своих работах проблемы интеррегионализма[1], трансрегионализма[2] и глобального региона (такого, как например,

1. Интеррегионализм – расширение взаимодействия в политических, экономических и социетальных сферах между международными регионами.

2. Трансрегионализм – процесс появления больших, зачастую географически распределенных международных кластеров, межгосударственных объединений,

объединение БРИКС). М.Л. Лагутина в своей докторской диссертации определяет глобальный регион как «сегмент мирового пространства, где осуществляются трансграничные взаимодействия государств, бизнеса и гражданского общества на многосторонней основе с целью решения общих проблем современного развития глобального социума» [Лагутина 2016].

Формирование регионалистских теорий федерализма, функционализма, неофункционализма, теории взаимозависимости Ф. Содербаум относит к первому этапу развития региональных исследований как экономического регионализма (период так называемого «старого регионализма») [Söderbaum 2015]. Регион на первом этапе понимался как группа близких географически, экономически, общественно-политически, национально-этнически и культурно государств [Мурадян 1995]. В рамках возникновения «нового регионализма», по мнению М. Шульца, Ф. Содербаума и И. Ожендаля, принципиально важным является изменение подходов к пониманию того, что есть регион и как складывается регионализация [Schulz et al 2001]. Регионализм в рамках его «нового» варианта представляет собой спонтанный процесс, направленный «снизу» и «изнутри» регионального пространства, захватывающий и вовлекающий самые разные сферы взаимоотношений. Параллельно с теориями «нового» регионализма получили развитие исследования «мира регионов» как результата глобального развития [Katzenstein 2005]. П. Катценштейн справедливо утверждает, что рассматривать евразийскую и азиатскую интеграцию строго через призму европейской неверно. Конвергенция идей двух школ – «нового регионализма» и подходов «мира регионов» – дала импульс для начала третьего этапа в исследованиях региональных процессов.

При этом важным вопросом являются критерии сравнения регионов. Исследователи, изучающие разные регионы мира, столкнулись с проблемой критериев сравнительного анализа [De Lombaerde et al 2010]. Зачастую критерием для сравнения выступал ЕС, поэтому многие региональные проекты за пределами Евросоюза стали идентифицироваться как неудачные проекты [Kubicek 2009; Taylor 2005]. Однако в последние годы наблюдается наращивание числа региональных исследований в рамках подхода, называемого «концептуальный плюрализм» [De Lombaerde et al 2010]. Среди объектов региональных исследований Евразия также стала объектом изучения [Laruelle 2015; Molchanov 2015; Libman, Obydenkova 2017; Obydenkova 2019] (на Западе и вообще в дальнем зарубежье существует немало центров исследований Евразии). Плюралистический подход к изучению интеграции создает вместе с тем немалые сложности [De Lombaerde 2010]. Действительно, возникают новые определения регионов, принципы внутри- и межрегионального взаимодействия.

Идейную основу Евразийского экономического союза составляют три основополагающие концепции: концепция глобальной регионализации, концепция полицентричного мира, концепция «срединного пространства» [Лагутина 2016].

Сегодня интеграционные процессы в регионах – часть глобализации, ее регионально ориентированный сценарий – мейнстрим начала XXI в., он проходит наряду с активной конвергенцией уровня и характера развития стран Запада и развивающихся стран, использующих американские и европейские достижения для ускоренного подъема экономики, образования, науки и техники при сохранении своих культурных и политических особенностей.

Интеграционный союз – это показывает опыт и Европейского и Евразийского союзов – является объединением стран, принадлежащих к одному региону, как правило, имеющее ярко выраженного лидера интеграционного процесса (Германия и Франция в случае Евросоюза и Россия в случае союза Евразийского).

И.А. Селезнев, рассматривая роль евразийской интеграции в обеспечении безопасности [Селезнев 2017], говорит о ее ключевой роли в данном процессе. По причине большого масштаба и размытости границ, в Евразии существует несколько уровней структур безопасности – «секьюритизации». Многие из них пересекаются между собой, идут наложения и дублирование функций, одно и то же государство состоит в нескольких группах. А.А. Кривопалов [Krivopalov 2021], пытаясь выйти за пределы традиционного описательного подхода исследований на тему ОДКБ, пишет о том, что имеется необходимость «в более четкой структурной и теоретической основе», которая объяснит трудности России на пути интеграции на постсоветском пространстве.

Как пишет А.А. Казанцев, «между странами Центральной Азии, с одной стороны, и Москвой, и Пекином, с другой – по-прежнему существует множество практических вопросов, которые необходимо решить для продвижения интеграции, и в настоящее время нет никаких индикаторов того, что эти проблемы будут решены в будущем» [Kazantsev et al 2021].

Вместе с тем Президент России В.В. Путин на юбилейном саммите СНГ (2021 г., Санкт-Петербург) «отметил, что за прошедшие десятилетия было много изменений, в том числе кардинальных, но само создание СНГ было оправданным, интеграция по очень многим направлениям углублялась, в том числе в сфере обеспечения безопасности и в сфере экономики» [Путин рассказал … 2021].

По мнению А. Искандарова, стремление к безопасности является двигателем для интеграции в регионе, что особенно характерно для Центральной Азии, без интеграции не будет комплексной безопасности, а интеграция, не затрагивающая решение вопросов безопасности в различных сферах, нежизнеспособна, что особенно характерно для евразийского пространства вообще [Искандаров 2013].

Казахстан, являясь ключевой державой Центральной Азии стал «колыбелью» евразийской идеи. Первый президент страны Н.А. Назарбаев, будучи образованным коммунистом до 1991 г. прекрасно понимал необходимость идеологизации внутренней и внешней политики, придающий целеполагаемость и опору

на принципы в жизни страны и в развитии общества. Вместе с тем по мере роста политического прагматизма в последние десятилетия, особенно в связи с событиями на Украине (начиная с 2014 г.), интеграционная идея переживает кризис своего политического романтизма. В недавней работе российских политологов показано, что до 2011 г. она «была популярна в академической и экспертной среде Республики Казахстан (РК) и пользовалась широкой общественной поддержкой», найдя воплощение в ЕАЭС, ШОС и ОДКБ, однако, логика и вызовы внутреннего развития, опасения за суверенитет, рост националистических настроений, окончательное формирование постсоветской (частично – прозападной) элиты привели к отходу Казахстана от лидерства в продвижении данной концепции. При этом, справедливо, что «именно евразийство отвечало специфике казахстанского общества, способствовало межэтническому взаимодействию и межнациональной гармонии» [Вахшитех et al 2022].

Без интеграционных процессов и «умной» многовекторности в сохранении вектора устойчивого развития не обойтись ни одной стране мира и евразийского пространства, в частности. Проведенный анализ показывает, что политическая зрелость должна включать собственную идеологию развития страны внутри себя и в глобальном мире. В этом отношении отход от евразийской идеи, которая бы развивалась научно и распространялась образовательно и просвещенчески внутри и вовне страны, является стратегическим вызовом национальной и региональной безопасности, особенно в новых геополитических условиях, который необходимо преодолеть.

Библиография

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс. 2012. 256 с.

Валовая М.Д. Евразийская интеграция – от теории к практике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. М.: ИНИОН РАН, 2018. Вып. 1. Ч. 2. 694 с.

Вахшитех А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 60–76.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2. С. 30–58.

Искандаров А. Безопасность и интеграция в Центральной Азии: роль ОДКБ и ШОС // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. №. 2. С. 18–28.

Кофнер Ю. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции. I. // Российский совет по международным делам. 2019. 06 янв. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Righteconomy/teoriya-evraziyskoy-integratsii-i/?ysclid=mq9i84phiy600680439 (дата обращения: 24.01.2022).

Кузнецов Д.А. Трансрегионализм как новое явление международных отношений и его осмысление в мировом комплексном регионоведении // Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет. 2018. С. 47–58.

Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере евразийского союза) // Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. СПб., 2016. 422 с.

Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. №1. С. 59–66.

Мурадян А.А. Регионализм как проблема политологии // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 1995. № 3. С. 83–89.

Евразийская интеграция: геостратегический аспект // Под. ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов-на-Дону: Вузовская книга. 2014. 564 с.

Песцов С.К. Регионализм в интерпретации Китая: эволюция теоретических взглядов и практической политики // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 18. Владивосток, 2018. С. 36–64.

Путин рассказал, почему страны СНГ лучше переживают пандемию // РИА Новости. 2021. 28 Дек. URL: https://ria.ru/20211228/sng-1765831221.html (дата обращения: 28.12.2021).

Селезнев И.А. Роль интеграционных структур в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Архонт. 2017. № 1. С. 72–78.

Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469–482.

Acharya A. Regional Worlds in a Post-Hegemonic Era: Keynote Speech, 3rd GARNET Annual Conference, Bordeaux. 2008. 17–20 Sept. URL: https://shs.hal.science/halshs-03604871/document (дата обращения: 1.08.2020).

Althusius J. The Politics of Johanes Althusius. An abriged translation of the Third Edition of «Politica Methodica Digesta, Atque Exemplis Sacris et Profanis Illustrata» / transl., with an Introduction by Frederick S. Carney. Boston: BEACON PRESS, 1964. URL: http://www.constitution.org/alth/alth.htm (дата обращения: 28.02.2022).

Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 588 p.

Dahlberg K.A. Regional Integration: The Neo-Functional Versus a Configurative Approach // International Organization. 1970. Vol. 24. № 1. P. 122–128.

De Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L., Baert F. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. Iss. 3. P. 731–753.

Fulbright J. W. The price of empire / With Seth P. Tillman. London: Fourth estate. 1989. 243 p.

Haas E. The Obsolescence of Regional Integration Theory. Berkeley: Institute of International Studies, University of California. 1975. 123 p.

Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. 1998. Vol .17, № 3. P. 6–21.

Katzenstein P.J. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca: Cornell University Press. 2005. 297 p.

Kazantsev A., Medvedeva S., Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies. 2021.Vol. 12. № 1. P. 57–71.

Keohane R.O., Nye J.S. Interdependence in World Politics // The Theoretical Evolution of International Political Economy: A Reader / Ed. by G.T. Crane, A. Amawi. New York: Oxford University Press. 1997. P. 122–140.

Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press. 2014. 432 p.

Krivopalov A.A. Csto: At the close of the second decade of its history // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. № 7. P. 126–134.

Kubicek P. The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism? // Review of International Studies. 2009. Vol. 35. Iss. S1. P. 237–256.

Laruelle M. Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps // PONARS Eurasia. № 336. 2015. Url: https://www.academia.edu/24268310/_Eurasia_Eurasianism_

Eurasian_Union_Terminological_Gaps_and_Overlaps_PONARS_Eurasia_Policy_Memo_no_366_July_2015 (дата обращения: 10.05.2026).

Laursen F. Comparative Regional Integration: Theoretical Perspectives. Burlington: Ashgate Publishing, 2003. 300 p.

Libman A., Obydenkova A. Why Is the 'Post-Soviet' Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia // MPRA Paper № 83506. 2017. 34 p.

Marc A. Fondements du fédéralisme. Destin de homme à venir, Paris: L'Harmattan. 1997. 232 p.

Marc A., Aron R. Principles of Federalism. Paris: Le Portulan. 1948. 147 p.

Michelmann H., Soldatos P. (Eds). European integration: theories and approaches. Lanham (MD): University Press of America. 1994. P. 8.

Mikhaylenko E., Mikhaylenko V. Eurasian Regionalism: Specifics, Problems and Prospects // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / Ed. by M. Lagutina. IGI Global. 2020. P. 16–36. Url: https://www.igi-global.com/gateway/chapter/245187 (дата обращения: 10.05.2026).

Mitrany D. The prospect of integration: federal or functional? // Journal of Common Market Studies. 1965. Vol. 4(1). P. 119–149.

Molchanov M.A. Eurasian Regionalism: Ideas and Practices // Power, Politics and Confrontation in Eurasia / Ed. By R.E. Kanet, M. Sussex. London: Palgrave Macmillan. 2015. P. 135–157.

Monnet J. A ferment of change // Journal of common market studies. 1962. № 1. P. 203–211.

Obydenkova V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford University Press. 2019. 336 p.

Pinder J. European Communities: The building of a Union. Oxford: Oxford University Press, 1991. 248 p.

Proudhon, P.-J. Du principe federatif (1863) / pref. Herve Trinquier; notes Jules-L. Puech, Th. Ruyssen, H. Trinquier. Antony: Tops, 1997 [avr.]. 287 p.

Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown. 1964. 169 p.

Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors, and Processes. New York: Zed Books Limited. 2001. 42 p.

Söderbaum F. Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field // KFG Working Paper Series. October. № 64. Kolleg-Forschergruppe (KFG) "The Transformative Power of Europe", Freie Universität Berlin. 2015. P. 10–16.

Spinelli A. Manifesto dei federalisti europei. Parma: Guanda. 1957. 108 p.

Taylor I. NEPAD. Toward Africa's Development or Another False Start? Boulder: Lynne Rienner. 2005. 212 p.

Telo M. European Union and New Regionalism: Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era. Cornwall: Ashgate Publishing. 2007. 428 p.

The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford University Press. 2016. 696 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by A. Voskressenski, B. Koller B. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books. 2019. 242 p.

Wheare K.C. Federal Government (4th ed.). Oxford: University Press. 1963.

References

Acharya A. Regional Worlds in a Post-Hegemonic Era: Keynote Speech, 3rd GARNET Annual Conference, Bordeaux. 2008. 17–20 Sept. URL: https://shs.hal.science/halshs-03604871/document (date of access: 01.08.2020).

Althusius J. The Politics of Johanes Althusius. An abriged translation of the Third Edition of «Politica Methodica Digesta, Atque Exemplis Sacris et Profanis Illustrata» / transl., with an Introduction by Frederick S. Carney. Boston: BEACON PRESS, 1964. URL: http://www.constitution.org/alth/alth.htm (date of access: 28.02.2022).

Bajkov A.A. Sravnitel`naya integraciya. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Tixookeanskoj Azii [Comparative Integration. Practice and Models of Integration in Foreign Europe and Pacific Asia]. M.: Aspekt Press. 2012. 256 p. (In Russ.)

Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 588 p.

Dahlberg K.A. Regional Integration: The Neo-Functional Versus a Configurative Approach. International Organization. 1970. Vol. 24. N 1. P. 122–128.

De Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L., Baert F. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism. Review of International Studies. 2010. Vol. 36. Iss. 3. P. 731–753.

Evrazijskaya integraciya: geostrategicheskij aspekts [Eurasian Integration: Geostrategic Aspects]. Pod. red. Yu.M. Osipova, A.Yu. Arxipova, E.S. Zotovoj. M.; Rostov-na-Donu: Vuzovskaya kniga. 2014. 564 p. (In Russ.)

Haas E. The Obsolescence of Regional Integration Theory. Berkeley: Institute of International Studies, University of California. 1975. 123 p.

Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach. Politeia. 1998. Vol .17, N 3. P. 6–21.

Iskandarov A. Bezopasnost` i integraciya v Central`noj Azii: rol` ODKB i ShOS [Security and Integration in Central Asia: The Role of the CSTO and SCO]. Central`naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2013. Vol. 16. N 2. P. 18–28. (In Russ.)

Katzenstein P.J. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca: Cornell University Press. 2005. 297 p.

Kazantsev A., Medvedeva S., Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia. Journal of Eurasian Studies. 2021.Vol. 12. N 1. P. 57–71.

Keohane R.O., Nye J.S. Interdependence in World Politics. The Theoretical Evolution of International Political Economy: A Reader. Ed. by G.T. Crane, A. Amawi. New York: Oxford University Press. 1997. P. 122–140.

Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press. 2014. 432 p.

Kofner Yu. Bol`shaya Evraziya. Teoriya evrazijskoj integracii. I. [Theory of Eurasian Integration. I.]. Rossijskij sovet po mezhdunarodny`m delam [Russian International Affairs Council]. 2019. 06. Jan. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Righteconomy/teoriya-evraziyskoy-integratsii-i/?ysclid=mq9i84phiy600680439 (date of access: 24.01.2022). (In Russ.)

Krivopalov A.A. Csto: At the close of the second decade of its history. World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. N 7. P. 126–134.

Kubicek P. The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism? Review of International Studies. 2009. Vol. 35. Iss. S1. P. 237–256.

Kuzneczov D.A. Transregionalizm kak novoe yavlenie mezhdunarodny`x otnoshenij i ego osmy`slenie v mirovom kompleksnom regionovedenii [Transregionalism as a New Phenomenon of International Relations and its Understanding in Global Comprehensive Regional Studies]. Mirovoe kompleksnoe regionovedenie v pedagogicheskoj praktike: uchebno-metodicheskij kompleks [Global Comprehensive Regional Studies in Pedagogical Practice]: v 2 t. T. 1. Pod red. A.D. Voskresenskogo. M.: MGIMO-Universitet. 2018. P. 47–58. (In Russ.)

Lagutina M.L. Global`ny`j region kak e`lement mirovoj politicheskoj sistemy` XXI veka (na primere evrazijskogo soyuza) [The Global Region as an Element of the World Political System of the 21st Century (Based on the Eurasian Union)]. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora politicheskix nauk [Dissertation for the degree of Doctor of Political Science]. Saint Petersburg: 2016. 422 p. (In Russ.)

Laruelle M. Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps. PONARS Eurasia. N 336. 2015. URL: https://www.academia.edu/24268310/_Eurasia_Eurasianism_Eurasian_Union_Terminological_Gaps_and_Overlaps_PONARS_Eurasia_Policy_Memo_no_366_July_2015 (date of access: 10.05.2026).

Laursen F. Comparative Regional Integration: Theoretical Perspectives. Burlington: Ashgate Publishing, 2003. 300 p.

Leonova O.G. Global`naya regionalizaciya kak fenomen razvitiya global`nogo mira [Global Regionalization as a Phenomenon of the Development of the Global World]. Vek globalizacii [Century of Globalization]. 2013. N 1. P. 59–66. (In Russ.)

Libman A., Obydenkova A. Why Is the 'Post-Soviet' Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia. MPRA Paper N 83506. 2017. 34 p.

Marc A. Fondements du fédéralisme. Destin de homme à venir. Paris: L'Harmattan. 1997. 232 p.

Marc A., Aron R. Principles of Federalism. Paris: Le Portulan. 1948. 147 p.

Michelmann H., Soldatos P. (Eds). European integration: theories and approaches. Lanham (MD): University Press of America. 1994. P. 8.

Mikhaylenko E., Mikhaylenko V. Eurasian Regionalism: Specifics, Problems and Prospects. Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / Ed. by M. Lagutina. IGI Global. 2020. P. 16–36. Url: https://www.igi-global.com/gateway/chapter/245187 (date of access: 10.05.2026).

Mitrany D. The prospect of integration: federal or functional? Journal of Common Market Studies. 1965. Vol. 4(1). P. 119–149.

Molchanov M.A. Eurasian Regionalism: Ideas and Practices. Power, Politics and Confrontation in Eurasia / Ed. By R.E. Kanet, M. Sussex. London: Palgrave Macmillan. 2015. P. 135–157.

Monnet J. A ferment of change. Journal of common market studies. 1962. N 1. P. 203–211.

Muradyan A.A. Regionalizm kak problema politologii [Regionalism as a Problem of Political Science]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sociologiya i politologiya [Sociology and Political Science]. 1995. N 3. P. 83–89. (In Russ.)

Pesczov S.K. Regionalizm v interpretacii Kitaya: e`volyuciya teoreticheskix vzglyadov i prakticheskoj politiki [Regionalism as Interpreted by China: The Evolution of Theoretical Views and Practical Policy]. Trudy` instituta istorii, arxeologii i e`tnografii DVO RAN [Proceedings of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol.18. Vladivostok, 2018. P. 36–64. (In Russ.)

Putin rasskazal, pochemu strany` SNG luchshe perezhivayut pandemiyu [Putin Explained Why the CIS Countries Are Surviving the Pandemic Better]. RIA Novosti. 2021. 28 Dec. URL: https://ria.ru/20211228/sng-1765831221.html (date of access: 28.12.2021). (In Russ.)

Seleznev I.A. Rol` integracionny`x struktur v obespechenii bezopasnosti stran Srednej Azii [The Role of Integration Structures in Ensuring the Security of Central Asian Countries]. Arxont. 2017. N 1. P. 72–78. (In Russ.)

Obydenkova V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford University Press. 2019. 336 p.

Pinder J. European Communities: The building of a Union. Oxford: Oxford University Press, 1991. 248 p.

Proudhon, P.-J. Du principe federatif (1863) / pref. Herve Trinquier; notes Jules-L. Puech, Th. Ruyssen, H. Trinquier. Antony: Tops, 1997 [avr.]. 287 p.

Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown. 1964. 169 p.

Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors, and Processes. New York: Zed Books Limited. 2001.42 p.

Söderbaum F. Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field. KFG Working Paper Series. October. N 64. Kolleg-Forschergruppe (KFG) "The Transformative Power of Europe", Freie Universität Berlin. 2015. P. 10–16.

Spinelli A. Manifesto dei federalisti europei. Parma: Guanda. 1957. 108 p.

Taylor I. NEPAD. Toward Africa's Development or Another False Start? Boulder: Lynne Rienner. 2005. 212 p.

Telo M. European Union and New Regionalism: Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era. Cornwall: Ashgate Publishing. 2007. 428 p.

The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford University Press. 2016. 696 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by A. Voskressenski, B. Koller B. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books. 2019. 242 p.

Valovaya M.D. Evrazijskaya integraciya – ot teorii k praktike [Eurasian Integration – From Theory to Practice]. Bol`shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost`, sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. Moscow: INION RAN, 2018. Vy`p. 1. Ch. 2. 694 p. (In Russ.)

Vaxshitex A., Lapenko M.V., Mukasheva A. Genezis evrazijskoj idei i evrazijskoj praktiki v Respublike Kazaxstan [Genesis of the Eurasian Idea and Eurasian Practice in the Republic of Kazakhstan]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2022. Vol. 22, N 1. P. 60–76. (In Russ.)

Voskresenskij A.D. Koncepcii regionalizacii, regional`ny`x podsistem, regional`ny`x kompleksov i regional`ny`x transformacij v sovremenny`x mezhdunarodny`x otnosheniyax [Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes, and Regional Transformations in Contemporary International Relations]. Sravnitel`naya politika [Comparative Politics]. 2012. Vol. 3. N 2. P. 30–58. (In Russ.)

Wheare K.C. Federal Government (4th ed.). Oxford: University Press. 1963.

Yurtaev V.I., Rogov A.S. ShOS i BRIKS: osobennosti uchastiya v processe evrazijskoj integracii [SCO and BRICS: Features of Participation in the Eurasian Integration Process]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. Vol. 17. N 3. P. 469–482. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.16

Е.В. Аргунов

ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ АНИМЕ

Аннотация. *Статья посвящена дискурсам о Второй мировой войне 1939–1945 гг. в японской анимации. Объектом изучения стали японские анимационные фильмы и сериалы, вышедшие в 2001–2020 гг. Выбранные хронологические рамки обусловлены политическими и культурными изменениями во взаимоотношениях Японии и США, способствовавшими переосмыслению итогов Второй мировой войны.*

Автор рассматривает аниме как один из важнейших аудиовизуальных источников по политике памяти современной Японии, в котором запечатлены историческая память о прошлом страны и понимание этого прошлого в настоящем. В работе используются конструктивистский подход и дискурс-анализ. Первый метод позволяет изучать образ врага как социальный конструкт и нацелен на понимание мотивации противоположной стороны; второй метод необходим для выявления репертуара смыслов произведений о Второй мировой войне. Автор приходит к выводу, что в современной японской анимации тема ответственности за действия страны в годы Второй мировой войны сведена к минимуму, а сам исторический нарратив воспроизводится как развлекательный и одновременно восхваляющий действия японской армии в прошлом.

Ключевые слова: *Вторая мировая война; Азиатско-Тихоокеанская война; атомные бомбардировки; японская аниме; Япония; США.*

Аргунов Егор Владиславович – аспирант Российского государственного гуманитарного университета. Россия, Москва.
E-mail: egarg99@gmail.com
Web of Science Researcher ID: PXW-4432-2026

Argunov E.V.

Second World War Memory in Contemporary Japanese Anime

Abstract. *This article examines discourses on the Second World War (1939–1945) in Japanese animation. The study focuses on Japanese animated films and television series released between 2001 and 2020. This chronological framework is determined by the political and cultural changes in Japan–U.S. relations that contributed to the reinterpretation of the legacy of the Second World War.*

The author considers anime to be one of the most important audiovisual sources for the study of contemporary Japanese memory politics, reflecting both historical memory of

the country's past and its interpretation in the present. The study employs a constructivist approach and discourse analysis. The former makes it possible to examine the image of the enemy as a socially constructed phenomenon and to explore the motivations attributed to the opposing side, while the latter is used to identify the repertoire of meanings embedded in works devoted to the Second World War. The author concludes that contemporary Japanese animation largely minimizes the issue of Japan's responsibility for its actions during the Second World War, while simultaneously presenting the historical narrative in an entertaining form that also glorifies the actions of the Japanese military in the past.

Keywords: *World War II; Asian-Pacific war; atomic bombings; Japanese anime; Japan; United States.*

Argunov Egor Vladislavovich – graduate student of the Russian State University for Humanities. Russia, Moscow.
E-mail: egarg99@gmail.com
Web of Science Researcher ID: PXW-4432-2026

Введение

В 2026 г. исполнится 85 лет с момента начала Азиатско-Тихоокеанской войны между Японией и США. Нападение Японии на американскую военно-морскую базу в бухте (заливе) Пёрл-Харбор на южном побережье острова Оаху (Гавайский архипелаг) в декабре 1941 г. привело к полномасштабному конфликту между странами, который закончился атомными бомбардировками городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. Императорская Япония, капитулировав в сентябре, была вынуждена пойти на унизительные условия мира: она согласилась на американскую оккупацию, лишившись большей части захваченных территорий, включая Корейский полуостров, районы Китая и острова Курильской гряды (Хабомаи, Шикотан, Итуруп и Кунашир).

Итоги Второй мировой войны 1939–1945 гг. переосмысливаются японским обществом до сих пор на фоне укрепления союзнических отношений Японии с США и с европейскими государствами, а также получения страной статуса основного партнера НАТО в Азии. Япония является одним из главных торговых и военных партнеров США, но при этом из-за разной интерпретации итогов Второй мировой войны между государствами сохраняется напряженность. Японские власти не признают ответственность за военные преступления милитаристского режима в годы Второй мировой войны, одновременно ни один президент США или представитель его администрации не принес официальных извинений Японии за атомные бомбардировки. Вторая мировая война попрежнему остается предметом критических рефлексий в японской популярной культуре, в том числе в японских анимационных фильмах и сериалах.

Аниме – это уникальная форма искусства, отражающая настроения и преобладающие в японском обществе нарративы. Однако произведения аниме-инду-

стрии крайне популярны и за пределами Японии. В частности, президент США Б. Обама называл анимационные фильмы и сериалы одним из главных культурных вкладов Японии в мировую культуру. К 2018 г. ежегодный оборот аниме-индустрии в Японии составил свыше 2 млрд долл. [Johnson, Brzeski 2019].

Американский профессор М. МакУильямс, специализирующийся на религиозных исследованиях, описал аниме как важнейшую составляющую современной визуальной культуры Японии, оказывающую значительное влияние на формирование коллективной памяти общества [MacWilliams 2008, p. 5]. В свою очередь, профессор Университета Тафтса (штат Массачусетс, США) С. Нейпир, эксперт по аниме и манге, назвала аниме важнейшей формой популярного искусства Японии, которая базируется на других культурных достижениях страны – театре кабуки, кинематографе и художественном искусстве [Napier 2005, p. 4].

Аниме также существенно отличается от манги, другой уникальной формы японской популярной культуры. В то время как манга не поддается влиянию извне, создается исключительно для японской аудитории и изобилует интертекстуальными смыслами, а большинство авторов манги единолично пишут сценарий и рисуют иллюстрации для своих произведений [Аргунов 2025, с. 60], аниме является продуктом коллективного творчества сотен художников, сценаристов, актеров и продюсеров. Многие японские анимационные фильмы и сериалы создаются на основе манги, но в них часто вносятся определенные сюжетные изменения, направленные на повышение коммерческой привлекательности для зрителей. Таким образом, японская анимация сочетает авторский подход манги и коммерциализацию массового кинематографа [Tomoya 2022, p. 88–90].

В современной зарубежной историографии принято делить исследователей Второй мировой войны на традиционалистов и ревизионистов [Barrett 2020, p. 287]. Первые поддерживают официальную точку зрения своих стран, вторые, наоборот, выступают против принятой государственной позиции и переосмысливают итоги Второй мировой войны. Представляется, что произведения японской анимации также целесообразно разделить на традиционалистские и ревизионистские, чтобы выявить их концептуальный смысл и рассмотреть военные нарративы, запечатленные в исторической памяти японского общества.

Хронологические рамки исследования – 1983–2020 гг. – обусловлены, с одной стороны, выходом в широкий прокат первого значительного анимационного произведения об ужасах Азиатско-Тихоокеанской войны («Босоногий Гэн») и концом пребывания в должности премьер-министра Синдзо Абэ (первый срок – 2006–2007 гг., второй – 2012–2020 гг.) – с другой стороны. Чтобы точнее охарактеризовать японскую анимацию на тему Второй мировой войны и акцентировать внимание на современной анимации, указанный крупный временной отрезок мы разделили на две части – до и после 2001 г. Данная

временная грань избрана нами потому, что в апреле 2001 г. премьер-министром страны стал председатель Либерально-демократической партии Японии Дзюнъитиро Коидзуми (занимал должность до 2006 г.). С фигурой этого политического деятеля связано укрепление союзнических отношений Японии с США: после террористических атак 11 сентября 2001 г. она поддержала вторжение американской армии в Афганистан в том же году, затем отправила часть Сил самообороны на Ближний Восток (действовали в Ираке в 2004–2008 гг.) и предоставила финансовую поддержку коалиции союзников в ходе боевых действий в этой стране (велись в 2003–2011 гг.). Во многом благодаря Дзюнъитиро Коидзуми в начале 2000-х годов. Япония, перестав быть единственной страной, напавшей на США, сменила статус с идеологического врага на надежного политического партнера [Dower 2010, p. 299].

Дзюнъитиро Коидзуми и его преемник Синдзо Абэ воспользовались укреплением отношений с США, чтобы инициировать патриотический подъем в обществе на основе отрицания военных преступлений Японии в 1930–1940-е гг. Это привело к росту популярности темы Второй мировой войны в популярной культуре, в частности в аниме.

Автор выстраивает свою объяснительную модель на основе дискурс-анализа[1], позволяющего охарактеризовать репертуар смыслов в аниме. В свою очередь, конструктивистский подход позволяет представить образ врага как социальный конструкт (см. подробнее на примере советской и американской карикатуристики времен «холодной войны»: [Журавлева 2024]). Японская анимация, подобно манге, является важным источником для изучения имагологии японо-американских отношений, нацеливая исследователей на их понимание с использованием дихотомии Я – Другой. В аниме о Второй мировой войне это – японцы vs американцы (преимущественно), японцы vs немцы и японцы vs русские.

В данной статье рассматривается несколько дискурсов о Второй мировой войне, проиллюстрированных на примере анимационных фильмов и сериалов.

Японская аниме о Второй мировой войне до 2001 г.

По итогам Второй мировой войны Япония долгие десятилетия презентовала себя как миролюбивую державу, отрекшуюся от милитаристского прошлого и выбравшую путь демократии по образцу западных либеральных государств [Pyle 2018, p. 320]. В связи с этим японская аниме-индустрия нацеливалась в основном на выпуск эскапистских фильмов и сериалов в жанре фантастики или фэнтези. Сюжет подобных произведений разворачивался в современности либо в средневековой Японии времен изоляционизма.

1. Под дискурсом в данном случае понимается совокупность вербальных суждений и визуальных высказываний о том или ином объекте.

Некоторые авторы манги создавали комиксы, в которых показывали бесславное прошлое страны в период милитаристского режима. Например, ветеран Азиатско-Тихоокеанской войны Сигэру Мидзуки в 1973 г. выпустил мангу «Сокрушите всех врагов!» (Соин гёкусай сэё!) на основе собственных воспоминаний о службе во время битвы за остров Новая Гвинея 1942–1945 гг. Однако примечательно, что эта манга, несмотря на свою популярность, до сих пор не получила полноценную аниме-адаптацию.

В послевоенные годы японские студии не рисковали выпускать в широкий прокат или показывать по телевидению аниме о событиях Второй мировой войны, опасаясь критики со стороны зрителей и коммерческого провала. Это было связано с тем, что японские власти в период американской оккупации (1945–1952 гг.) начали создавать образ новой Японии, переложив ответственность за разрушительную войну исключительно на милитаристский режим. Таким образом, японских граждан убеждали в их невиновности, что находило отражение и в аниме [Napier 2005, p. 218]. Кроме того, американская оккупационная администрация ввела в стране цензуру на выпуск фильмов и сериалов, содержавших изображения жестокости и насилия [Herbert 1995, p. 115].

Всё изменилось в 1980-е годы, когда повзрослели первые поколения японцев, родившиеся после 1945 г. К тому времени Япония окончательно трансформировалась в развитую мирную державу, отошедшую от последствий разрушительного конфликта и оккупации, а для молодых японцев события Второй мировой войны казались далекими и не имеющими значения для общества [Wiley 2010, p. 309]. Однако в 1983 г. в широкий прокат вышел анимационный фильм «Босоногий Гэн» (Хадаси но Гэн; производство студии Madhouse), который был основан на одноименной манге 1973 г. Аниме напомнила широкой японской аудитории о чудовищных последствиях Второй мировой войны для страны. Сценарий к фильму написал автор оригинала Кэйдзи Накадзава, переживший атомную бомбардировку 6 августа 1945 г. Главный герой аниме – мальчик Гэн Накаока, живший в Хиросиме вместе с родителями, старшей сестрой и младшим братом. Последний год войны в Японии представлен как весьма тяжелый для мирного населения: городские жители в условиях постоянных авианалетов вынуждены искать пропитание, добывая пшеницу и дикий рис на полях, а семья Гэна голодает. Нелегкая жизнь становится невыносимой, когда на Хиросиму обрушивается атомная бомба. Главный герой видит, как погибают его отец, сестра и брат. Вместе с матерью он покидает дом и отправляется прочь из города, находя на своем пути только трупы, радиоактивные поля и обезумевших от горя выживших.

«Босоногий Гэн» – не первый японский анимационный фильм о Второй мировой войне, но без сомнений самый востребованный аудиторией. Оригинальная манга разошлась тиражом в 8 млн копий, ее перевели на десятки языков, и она вошла в школьную программу Японии. Аниме позволила этой

трагической истории найти новую аудиторию среди кинозрителей, знающих о Второй мировой войне по рассказам старших родственников. Кэйдзи Накадзава и режиссер Мори Масаки не стали занимать традиционалистскую или ревизионистскую позицию, вместо этого сосредоточив внимание на трагедии отдельной семьи на фоне ядерной катастрофы. Фильм задумывался и воплощался как предостережение будущим поколениям. «Босоногий Гэн» подвергся значительной содержательной цензуре. В оригинальной манге Кэйдзи Накадзава прямо критиковал милитаристский режим и обвинял солдат в совершении военных преступлений в Китае и на Корейском полуострове. В аниме же эти эпизоды намеренно опущены: цензоры не позволили фильму в широком прокате освещать столь неприглядные для японского общества темы [Chute 2016, p. 121].

В 1988 г. в прокат вышла еще одна широко тиражированная в японском обществе анимация – «Могила светлячков» (Хотару но хака), созданная Исао Такахата на студии Ghibli[2]. В своей аниме режиссер сосредоточился на страданиях детей в последние месяцы войны на Тихом океане. В марте 1945 г. подросток Сэйта и его младшая сестра Сэцуко пытаются выживать в суровых условиях тыла без средств к существованию. Герои переживают голод и лишения, вынуждены скитаться по окрестностям Кобэ в поисках еды и перебиваться случайно найденным рисом. Примечательно, что герои «Могилы светлячков» – дети капитана японской армии, погибшего на войне. Мальчик до последнего верит, что отец вернется с фронта, и сохраняет надежду на победу Японии над США. Новость о капитуляции наносит ему серьезную психологическую травму. Сэйта олицетворяет всех патриотически настроенных японцев, поддерживавших действия милитаристского режима. В свою очередь, его сестра Сэцуко – собирательный образ всех невинных мирных жителей Японии, которые пострадали от войны на Тихом океане. Оба они в конце умирают мучительной голодной смертью, став жертвами войны. Исао Такахата придерживался ревизионистской позиции по отношению к историческому прошлому и между строк критиковал императорский режим, который относился к простым людям как к расходному материалу [Racel 2009, p. 58].

Американский исследователь коллективной памяти Д. Стал полагал, что «Могилой светлячков» Исао Такахата прорабатывал историческую травму японского общества, не оправившегося от последствий Второй мировой войны. Он видел в Сэйте воплощение японской национальной гордости, из-за которой жители страны не признавали ответственности за военные преступления

2. Студия основана в 1985 г. Исао Такахата и Хаяо Миядзаки; получила всемирную известность в 2000-х годах благодаря аниме-фильмам Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками» и «Ветер крепчает», удостоенных премии «Оскар» как лучшие мультфильмы в 2001 и 2013 гг. соответственно.

своей нации и гибель тысяч невинных сограждан. Именно по вине главного героя погибла его сестра: в нужный момент он отверг помощь других людей из-за гордости, что привело к болезни Сэцуко и ее скоропостижной кончине. В мрачной концовке, по мнению Стала, нашла отражение идея о безответственности японского общества, позволившего случиться национальной катастрофе [Stahl 2010, p. 195–199].

Третья анимация, в которой запечатлена память о Второй мировой войне, – это анимационный фильм Кацухиро Отомо «Акира» (производство студии TMS Entertainment, 1988 г.). На первый взгляд, завязка никак не связана с историческим прошлым Японии и с военной тематикой в целом: действие аниме разворачивается в постапокалиптическом мире будущего, в городе Нео-Токио, пережившем ядерную войну, а центральные персонажи – лидер банды байкеров Канэда и жертва экспериментов Тэцуо, сверхспособности которого угрожают жителям мегаполиса. Тем не менее аниме отсылает к атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки, а Тэцуо персонифицирует образ ядерной боеголовки. Режиссер аниме, по мнению С. Нейпир, предупреждал зрителей о том, что трагические события 1945 г. могут повториться. Кроме того, главные персонажи символизировали японскую молодежь в целом, вобравшую в себя как коллективные травмы общества по итогам Второй мировой войны, так и страхи о будущем человечества в годы «холодной войны». Нео-Токио в фильме символически разрушается во второй раз, что служит предостережением зрителям о подобном возможном исходе в недалеком будущем [Napier 1993]. При этом «Акиру» нельзя причислить ни к традиционалистским, ни к ревизионистским произведениям: Кацухиро Отомо сознательно ушел от оценки итогов Второй мировой войны, позволив зрителям самостоятельно делать выводы.

Исходя из приведенных примеров, можно выявить следующий репертуар смыслов: отсутствие конструирования образа врага; страх перед ядерным оружием; рефлексия на тему ответственности японских граждан. Американские солдаты не упоминаются вовсе либо остаются за кадром как безликая и безмолвная сила, которую не пытаются демонизировать. Ядерное оружие выступает как экзистенциальная угроза и чуть ли не природная катастрофа, которая может уничтожить человечество. Авторы всех вышеперечисленных аниме порицают использование атомных бомб и призывают отказаться от них полностью. При этом в вопросе моральной ответственности японского народа за развязывание войны и поддержку милитаристского режима своей страны авторы аниме занимают разные позиции. «Босоногий Гэн» – нейтральное произведение, подвергшееся значительной содержательной цензуре, «Могила светлячков» – во многом ревизионистский фильм, а «Акиру» нельзя однозначно причислить ни к традиционалистской, ни к ревизионистской позиции.

Современная японская аниме о Второй мировой войне

С 2001 г. японская аниме-индустрия перестроилась под запросы общества и стала чаще выпускать фильмы и сериалы, посвященные теме Второй мировой войны. Вышедшие за 20 лет произведения отличаются по тону и репертуару смыслов. Одни авторы аниме придерживаются традиционалистской точки зрения, восхваляя милитаристское прошлое, а другие критически относятся к общепринятой позиции.

В современной японской аниме существуют четыре основных дискурса, обусловленные нарративом памяти о Второй мировой войне, которые будут рассмотрены нами далее.

Первый дискурс – ***японские жители как жертвы военной агрессии***. Согласно традиционалистской позиции, Япония в годы Второй мировой войны не совершала военных преступлений и значительно пострадала от авиационных налетов и атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. В аниме часто замалчиваются преступления милитаристского режима в Китае, на Корейском и Индокитайском полуостровах, а также Филиппинских островах (в 1935–1946 гг. на них существовало Содружество Филиппин, находившееся в зависимости от США), а авторы стремятся воссоздать трагедии отдельных людей, предпочитая не заострять внимание на конкретных причинах конфликта.

Заметным явлением в мире японской аниме о последствиях Второй мировой войны для мирного населения считается фильм Горо Миядзаки, сына Хаяо Миядзаки, «Со склонов Кокурико» (Кокурико дзака кара; производство студии Ghibli, 2011 г.). Завязка фильма напрямую не связана с темой Второй мировой войны, а основное действие разворачивается в 1963 г., за год до Летней Олимпиады в Токио. Тем не менее главные герои фильма, подростки Уми и Сюн, родились во время войны на Тихом океане, а исторические травмы прошлого напрямую влияют на их жизнь. По сюжету Уми узнает, что отцом ее возлюбленного Сюна, мальчика-сироты, был солдат Хироси Татибана, погибший из-за несчастного случая в 1945 г. во время репатриации с Корейского полуострова. Мать Сюна умерла в тот же год во время родов, а другие его родственники погибли в ходе атомной бомбардировки Нагасаки. Сюн, сам того не осознавая, оказывается жертвой Второй мировой войны, вся жизнь которого могла пойти по-другому без военных действий Японии. Горо Миядзаки занимает нейтральную позицию, отказываясь присоединяться и к традиционалистам, и к ревизионистам, но в отличие от первых избегает манипулятивного тона. Для него современная Япония неразрывно связана с историческим прошлым, ошибками и достижениями всех поколений.

Ярким примером является и анимационный фильм Сунао Катабути «В этом уголке мира» (Коно сэкай но катасуми ни), основанный на одноименной манге Фумиё Коно (производство студии MAPPA, 2016 г.). Главная геро-

иня картины – девушка Судзу, которая пытается построить счастливую жизнь во время войны. Она отпускает своего жениха Сюсаку на фронт, принимает участие в распределении еды в городке, где живет, и учится прятаться от бомбардировок. Мирная жизнь прерывается, когда на соседний город Хиросиму падает атомная бомба. Режиссер, как и автор первоисточника Фумиё Коно, занимает нейтральную позицию, не выражая конкретного отношения к историческому прошлому Японии. Атомные бомбардировки показаны в фильме как в своем роде природная катастрофа, произошедшая без вмешательства человека, американские военные остаются за кадром в качестве безликой угрозы, возникшей из ниоткуда. Судзу словно олицетворяет японское мирное население как коллективную индивидуальность, которая не поддерживала войну, но и не выступала против нее. Аниме-фильм, в отличие от оригинальной манги, почти не использует визуальную антитезу Свет vs Тьма. Все сцены фильма нарисованы в ярких светлых тонах, а жизнь Судзу во время войны представлена в зеленом и голубом цветовом контексте с особым акцентом на изображении травы и чистого неба над головой. Жизнь в интерпретации режиссера продолжается и в мирное время, и во время войны. Одновременно оригинальная манга через контраст белого и черного подчеркивала разницу в атмосфере, царившей в доме Судзу и в остальном мире.

Впрочем, фильм не отходит от главного посыла оригинального произведения. Война в аниме «В этом уголке мира» показана как нечто противоестественное и злое – то, что мешает жить мирным людям. Автор манги и режиссер отказываются вступать в критическую дискуссию о Второй мировой войне, но при этом вносят свой вклад в нарратив памяти о ней. Зрители фильма так и не узнают, из-за чего же произошла атомная бомбардировка Хиросимы и почему война пришла в дом Судзу. Создатели предлагают лишь сопереживать главной героине, т. е. проявить сочувствие ко всем мирным жителям Японии без исключения. Австралийский исследователь манги и историк литературы Р. Розенбаум обращает внимание на манипулятивный аспект подобной позиции, позволяющий скрывать неудобную для японцев правду [Rosenbaum 2021, p. 147].

В репертуаре смыслов фильмов «Со склонов Кокурико» и «В этом уголке мира» есть схожие мысли о невиновности мирного населения. Авторы этих аниме используют тот же светлый образ подростков и молодых людей, не причастных к военным преступлениям, чтобы вызвать сочувствие зрителей и отделить персонажей от японского милитаристского режима. Объединяет их и то, что в «Со склонов Кокурико» и «В этом уголке мира» нет конкретного образа врага – так же, как американских солдат не показывали и в аниме до 2001 г. А лишения мирных жителей Японии в целом показываются через личные трагедии отдельных персонажей.

Второй дискурс – ***осмысление Второй мировой войны в контексте альтернативной истории***. В аниме-индустрии особенно популярен жанр аль-

тернативного исторического нарратива, позволяющий показывать события Второй мировой войны через призму того, «что было бы, если». Авторы таких фильмов и сериалов задаются вопросом, как могла измениться Япония и мир в целом, если бы Вторая мировая война пошла по другому сценарию.

Самый известный аниме-сериал в жанре альтернативной истории – «Дзипанг» (Дзипангу), основанный на одноименной манге (производство студии Deen, 2004–2005 гг.). По сюжету солдаты Сил самообороны Японии попадают во временну́ю аномалию и оказываются в эпицентре сражения у атолла Мидуэй в Тихом океане в 1942 г. Не понимая, что происходит, они спасают японского офицера Кусаку, который хочет во что бы то ни стало привести страну к победе и построить сильную империю под его руководством. Главные герои не хотели изменять историю, но помогли привести к власти жестокого милитариста. По ходу сюжета Кусака даже мечтает о создании атомной бомбы. Жанр альтернативной истории помогает авторам сериала и оригинальной манги порассуждать на тему осмысления ошибок прошлого Японии. Главные герои из Сил самообороны противопоставляются офицерам милитаристского режима, которые готовы продолжать войну любыми средствами. Протагонисты выступают голосом разума, так как не хотят нарушать пространственно-временной континуум, не поощряют действий своей страны и не хотят принимать участие в конфликте с США, союзницей современной для них Японии. «Дзипанг», таким образом, в определенных аспектах тяготеет к ревизионистским настроениям в японском обществе, но избегает прямой критики официальной позиции правительства. Авторы предлагают японцам самостоятельно оценить степень ответственности Японии за начало войны на Тихом океане и ее итоги [Hashimoto 2015, p. 54]. В аниме «Дзипанг» можно отследить метафору переосмысления исторического прошлого через идеологическое противостояние пацифистов и реваншистов в лице главных героев из современной Японии и офицера Кусаки – верного последователя милитаристского режима. Протагонисты буквально обрекают свою родину на годы лишений и страданий, когда совершают гуманистический акт спасения. Авторы «Дзипанга» размышляют, стоит ли японцам испытывать стыд или гордость за действия своих предков, а также необходимо ли как-либо осмыслять историческое прошлое ради будущего страны. Жанр альтернативной истории позволяет создателям наглядно показать внутренний конфликт в обществе и представить реваншизм в невыгодном свете.

Третий дискурс – ***десакрализация Второй мировой войны через юмор и сатиру***.

Японская аниме-индустрия часто использует комедийную форму, чтобы показать историю Второй мировой войны в развлекательном ключе для молодежной аудитории. Например, в сериале, созданном Бобом Сироха по одноименной манге, «Хеталия и страны Оси» (Хетария Акусису Павадзу; произ-

водство студии Deen, 2008–2021 гг.) государства – участники Второй мировой войны изображены в виде обычных людей. Главные герои – трое друзей «Италия», «Германия» и «Япония». Первый жизнерадостен, весел и наивен, второй строг и педантичен, а третий показан как интроверт, стесняющийся других людей. Их соперниками выступают персонифицированные союзники по антигитлеровской коалиции «США», «СССР», «Англия», «Франция» и «Китай».

«Хеталия» показывает события Второй мировой войны в формате шуточного противостояния молодых парней, строящих козни друг против друга. Это полностью развлекательный сериал, не выступающий ни за традиционалистскую, ни за ревизионистскую позицию. Тем не менее в «Хеталии» присутствует призыв к созданию более дифференцированных образов стран – участниц Второй мировой войны, не сводимых к позициям правительств и режимов, а берущих в расчет человеческое измерение в описании не только победителей, но и побежденных. Этот прием помогает авторам привлечь внимание зрителей к переосмыслению исторического прошлого, перестать воспринимать тему как табуированную и позволить ей стать объектом критической рефлексии.

При этом инфантилизация стран, предстающих в образе наивных юношей, часто используется в международных отношениях для унижения соперников [Carson, Min, Nuys 2024, p. 195]. Например, кандидаты на президентских выборах могут выставлять себя «взрослыми», а своих конкурентов – «детьми», которые не могут нести ответственность за других людей, могущественные державы нередко примеряют на себя образ отцов, матерей или старших братьев в отношении бывших колоний или соседних государств.

При этом авторы «Хеталии» используют инфантилизацию интересным образом, показывая все страны – участницы Второй мировой войны неразумными молодыми людьми со своими особенностями. Эта метафора используется именно в качестве сатиры и задумывается как определенная провокация для патриотически настроенных японцев, привыкших видеть свою страну исключительно возвышенной, мудрой и богоизбранной. Таким образом, «Хеталию» стоит относить к ревизионистским сериалам.

Аниме-сериал Кэйдзо Кусакава «Флотская коллекция» (Кантай Корэкусён; производство студии Diomedea, 2015–2023 гг.) представляет другой вариант десакрализации исторического прошлого. В нем также используется прием персонификации, поскольку реальные военные корабли японского флота времен Второй мировой войны предстают в облике девочек-подростков. Главные героини – эскадренные миноносцы «Фубуки», «Муцуки» и «Юдати». В реальности они были самыми знаменитыми кораблями японского флота в 1920–1930-е годы, использовались в сражениях Второй мировой войны и считались достоянием японского военного искусства за счет своей мобильности и прочной конструкции. В аниме корабли живут вместе на военно-морской базе, тренируются, обсуждают насущные темы и хорошо проводят время. Эсминцы в облике

школьниц в юбках спасают человечество от смертоносных глубоководных существ. В этой аниме нет глубокого интертекстуального смысла: если в «Хеталии» прослеживается четкая связь с историческим прошлым, то во «Флотской коллекции» героини лишь носят имена знаменитых эсминцев. Однако тема выбрана не просто так: авторы популяризуют историю военно-морского флота Японии среди молодой аудитории и в целом восхищаются достижениями страны. В этом контексте аниме-сериал можно отнести к традиционалистским произведениям.

Сатирические произведения, как видно из этого подраздела, могут быть как ревизионистскими, так и традиционалистскими. Авторы аниме используют инфантилизацию и гуманизацию неодушевленных вещей, чтобы через непрямые метафоры передавать определенный репертуар смыслов зрителям. В случае «Хеталии» создатели десакрализируют образ милитаристской Японии и предлагают полноценно осмыслять историческое прошлое без предубеждений и трепета перед предками. Во «Флотской коллекции» же предлагается испытывать национальную гордость за военные достижения предков – военные корабли милитаристской Японии показываются как защитники страны.

Четвертый дискурс – ***осмысление ответственности Японии за военные преступления прошлого***. Нечасто авторы анимационных фильмов и сериалов размышляют на тему прямой ответственности Японии за действия, совершенные ею в годы Второй мировой войны. Обычно об ответственности они рассуждают в форме метафор и аллюзий, как, например, сделали создатели сериалов «Агент паранойи» (Моссо Дайринин; режиссер Сатоси Кон, производство студии Madhouse, 2004 г.) и «Атака титанов» (Сингэки но Кёдзин; режиссер Тэцуро Араки, производство студии Wit, 2013–2023 гг.). В первом – главные герои подвергаются нападениям таинственного Мальчика с Бейсбольной Битой. По ходу сюжета выясняется, что Мальчика не существовало, а его выдумали пострадавшие, поскольку в прошлом они совершили ряд преступлений. Образ мальчика можно трактовать как образ внутренней травмы нации и символ потерянного детства поколений, выросших после Второй мировой войны. Бита же используется как метафора жестокости, которую дети перенимают от взрослых. Во втором – Япония показана как островное государство Парадиз, которое подвергается атаке могущественных титанов, олицетворяющих атомные бомбы и авианалеты, а затем становится угрозой остальному миру, когда она начинает войну с империей Марли.

Ни одна из подобных аниме не связана с темой Второй мировой войны напрямую, кроме фильма Хаяо Миядзаки «Ветер крепчает» (Кадзэ Татину; производство студии Ghibli, 2013 г.) о японском авиаконструкторе Дзиро Хорикоси, создателе истребителей «Mitsubishi A5M» и «A6M Zero». Режиссер показывает, что Хорикоси – добрый и внимательный муж и отец, вкладывающий душу в свои изобретения. Одновременно с этим он ответственен за создание

самолетов, из-за которых погибли тысячи людей. В этой истории он не положительный и не отрицательный герой, а сами жители Японии показываются как люди, попавшие в трудное положение. Будучи патриотами своей страны, они не знают, поддерживать Родину или выступать против ее действий, навлекая на себя проблемы.

Хаяо Миядзаки, в отличие от других создателей аниме, прямо позиционирует себя как ревизионист в отношении Второй мировой войны. По его мнению, Япония совершала военные преступления во время милитаристского режима и должна придерживаться пацифистской политики. При этом он не осуждает Дзиро Хорикоси, ведь в его интерпретации конструктор выступал лишь винтиком огромной военной машины. Режиссер восхищается работами изобретателя и одновременно ужасается проблемному прошлому своей страны [Akimoto 2014, p. 63]. Главный герой в аниме испытывает чувство вины за свое изобретение: он признается, что хотел лишь создавать красивые самолеты, но не может контролировать, в каких целях используется его техника. В первую очередь Хорикоси – мечтатель и творческий человек, который не вкладывает в свою работу какую-либо политическую или идеологическую подоплеку. В этом плане его можно сравнить с изобретателями атомной бомбы из «Манхэттенского проекта», которые осознали ответственность за бомбардировки Хиросимы и Нагасаки спустя несколько лет после начала работы над оружием массового поражения. «Ветер крепчает» показывает чрезвычайно сложное отношение японского общества к военным преступлениям. Отдельные творцы способны признавать ответственность за деяния милитаристского режима, но они также проводят черту и не хотят считать абсолютно всех японцев пособниками преступлений.

Заключение

Аниме-фильмы и сериалы о Второй мировой войне могут содержать разные смыслы и сниматься в разных жанрах – драматическом, комедийном, пародийном, фантастическом. В разные десятилетия в аниме-индустрии могли преобладать как традиционистская, так и ревизионистская точки зрения. Авторы могут использовать метафоры, прямо не затрагивая тему Второй мировой войны.

Репертуар смыслов аниме отличается в зависимости от временно́го периода. До 2001 г. авторы размышляли об итогах Второй мировой войны, избегая прямого осуждения милитаристского режима. Создатели «Босоногого Гэна» подверглись цензуре, в «Могиле светлячков» тема ответственности японского общества за разрушительные последствия войны на Тихом океане не обсуждалась напрямую, а в «Акире» связь со Второй мировой войной и вовсе была завуалированной, на уровне метафор. Ни одну из этих аниме нельзя назвать

традиционалистской или ревизионистской, так как их авторы отказывались занимать какую-либо позицию.

Но после 2001 г. аниме-фильмы стали более содержательными в своих политических высказываниях. Тема страданий мирного населения в ходе атомных бомбардировок все еще не подлежит переосмыслениям и каким-либо дискуссиям, как видно в аниме «В этом уголке мира» и «По склонам Кокурико». Их авторы занимают нейтральную позицию и отказываются напрямую осуждать США за бомбардировки или японский милитаристский режим за инициирование войны. Но переосмысливать итоги Второй мировой войны стало возможно через жанр альтернативной истории: ревизионистская аниме «Дзипанг» показывает идеологическую несостоятельность реваншистов и ярых патриотов Японии с помощью образа офицера-фанатика Кусаки, мечтающего вернуть родине былое величие.

Дискуссия также расширилась с помощью приемов сатиры и пародии, позволившей авторам «Хеталии» и «Флотской коллекции» свободно продвигать ревизионистскую и традиционалистскую позицию в отношении итогов Второй мировой войны. Наконец, в аниме-индустрии появилось и первое осмысленное ревизионистское произведение – Хаяо Миядзаки в аниме «Ветер крепчает» признает ответственность Японии за военные преступления и показывает, что даже идеалисты и хорошие люди вроде изобретателя самолетов Дзиро Хорикоси могли способствовать тысячам и миллионам смертей невинных людей.

Таким образом, аниме об историческом прошлом Японии бывает неоднозначна по сути и работает на разную возрастную аудиторию. Жертвенность ранних японских аниме-фильмов уступила место ревизионизму, желанию переосмыслить роль и значение милитаристского прошлого и военных преступлений. Из примеров выше можно сделать вывод, что в аниме сейчас превалирует скорее ревизионистская позиция в отношении итогов Второй мировой войны, а авторы фильмов и сериалов редко придерживаются традиционалистского подхода. Тем не менее многие создатели аниме и вовсе отказываются от каких-либо оценок действиям своей страны в годы войны на Тихом океане.

Библиография

Аргунов Е.В. Память о Второй мировой войне в японской манге // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2025. № 4. С. 58–70.

Журавлева В.И. Советская и американская карикатуристика в эпоху Холодной войны как объект изучения: теоретико-методологический дискурс // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, № 11. URL: https://history.jes.su/s207987840033216-6-1/ (дата обращения: 28.05.2026).

Akimoto D. War Memory, War Responsibility, and Anti-War Pacifism in Director Miyazaki's The Wind Rises (Kaze Tachinu) // Soka University Peace Research. 2014. № 28. P. 45–72.

Barrett D. 140 Days to Hiroshima: The Story of Japan's Last Chance to Avert Armageddon. New York: Diversion Books, 2020. 352 p.

Carson A., Min E., Nuys M. Racial Tropes in the Foreign Policy Bureaucracy: A Computational Text Analysis // International Organization. 2024. Vol. 78, № 2. P. 189–223.

Chute H. Disaster Drawn: Visual Witness, Comics, and Documentary Form. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. 359 p.

Dower J. Cultures of War: Pearl Harbor / Hiroshima / 9–11 / Iraq. New York: W.W. Norton & Company, 2010. 640 p.

Hashimoto A. The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan. New York: Oxford University Press, 2015. 208 p.

Herbert B. Japan's Delayed Surrender: A Reinterpretation // Hiroshima in History and Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 80–115.

Johnson S., Brzeski P. Tragedy in an Animation Utopia: Horror, Heartbreak and Mystery After an Arson Massacre // The Hollywood Reporter. 20.12.2019. URL: https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/tragedy-an-animation-utopia-picking-up-pieces-wake-a-japanese-massacre-1263818/ (дата обращения: 14.05.2026).

MacWilliams M. Japanese Visual Culture: Explorations in the World of Manga and Anime. New York: An East Gate Book, 2008. 365 p.

Napier S. Anime from Akira to Howl's Moving Castle: Experiencing Contemporary Japanese Animation. New York: Palgrave McMillan, 2005. 400 p.

Napier S. Panic Sites: The Japanese Imagination of Disaster from Godzilla to Akira // The Journal of Japanese Studies. 1993. Vol. 19, № 2. P. 327–351.

Pyle K. Japan in the American Century. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 472 p.

Racel M. Grave of the Fireflies and Japan's Memories of World War II // Asia in World History: The Twentieth Century. 2009. Vol. 14, № 3. P. 56–59.

Rosenbaum R. The political representation of Hiroshima in the graphic art of Kōno Fumiyo // The Representation of Japanese Politics in Manga: The Visual Literacy of Statecraft. New York: Routledge, 2021. P. 141–160.

Stahl D. Victimization and "Response-ability": Remembering, Representing, and Working Through Trauma in Grave of the Fireflies // Imag(in)ing the War in Japan: Representing and Responding to Trauma in Postwar Literature and Film. Boston: Brill, 2010. P. 161–202.

Tomoya K. Business and Production: Development and politics of outsourcing // Japanese Animation in Asia: Transnational Industry, Audiences, and Success. New York: Routledge, 2023. P. 71–92.

Wiley C. Of Brutality and Betrayal: Youthful Fiction and the Legacy of the Asia Pacific War // Imag(in)ing the War in Japan: Representing and Responding to Trauma in Postwar Literature and Film. Boston: Brill, 2010. P. 303–326.

References

Akimoto A. War Memory, War Responsibility, and Anti-War Pacifism in Director Miyazaki's The Wind Rises (Kaze Tachinu). Soka University Peace Research. 2014. N 28. P. 45–72.

Argunov E.V. Pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne v yaponskoy mange [Memories of World War II in Japanese manga]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations]. 2025. N 4. P. 58–70. (In Russ.)

Barrett D. 140 Days to Hiroshima: The Story of Japan's Last Chance to Avert Armageddon. New York: Diversion Books, 2020. 352 p.

Carson A., Min E., Nuys M. Racial Tropes in the Foreign Policy Bureaucracy: A Computational Text Analysis. International Organization. 2024. Vol. 78, N 2. P. 189–223.

Chute H. Disaster Drawn: Visual Witness, Comics, and Documentary Form. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. 359 p.

Dower J. Cultures of War: Pearl Harbor / Hiroshima / 9–11 / Iraq. New York: W.W. Norton & Company, 2010. 640 p.

Hashimoto A. The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan. New York: Oxford University Press, 2015. 208 p.

Herbert B. Japan's Delayed Surrender: A Reinterpretation // Hiroshima in History and Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 80–115.

Johnson S., Brzeski P. Tragedy in an Animation Utopia: Horror, Heartbreak and Mystery After an Arson Massacre. The Hollywood Reporter. 20.12.2019. URL: https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/tragedy-an-animation-utopia-picking-up-pieces-wake-a-japanese-massacre-1263818/ (date of access: 14.05.2026).

MacWilliams M. Japanese Visual Culture: Explorations in the World of Manga and Anime. New York: An East Gate Book, 2008. 365 p.

Napier S. Anime from Akira to Howl's Moving Castle: Experiencing Contemporary Japanese Animation. New York: Palgrave McMillan, 2005. 400 p.

Napier S. Panic Sites: The Japanese Imagination of Disaster from Godzilla to Akira. The Journal of Japanese Studies. 1993. Vol. 19, N 2. P. 327–351.

Pyle K. Japan in the American Century. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 472 p.

Racel M. Grave of the Fireflies and Japan's Memories of World War II. Asia in World History: The Twentieth Century. 2009. Vol. 14, N 3. P. 56–59.

Rosenbaum R. The political representation of Hiroshima in the graphic art of Kōno Fumiyo. The Representation of Japanese Politics in Manga: The Visual Literacy of Statecraft. New York: Routledge, 2021. P. 140–160.

Stahl D. Victimization and "Response-ability": Remembering, Representing, and Working Through Trauma in Grave of the Fireflies. Imag(in)ing the War in Japan: Representing and Responding to Trauma in Postwar Literature and Film. Boston: Brill, 2010. P. 161–202.

Tomoya K. Business and Production: Development and politics of outsourcing. Japanese Animation in Asia: Transnational Industry, Audiences, and Success. New York: Routledge, 2023. P. 71–92.

Wiley C. Of Brutality and Betrayal: Youthful Fiction and the Legacy of the Asia Pacific War. Imag(in)ing the War in Japan: Representing and Responding to Trauma in Postwar Literature and Film. Boston: Brill, 2010. P. 303–326.

Zhuravleva V.I. Sovetskaya i amerikanskaya karikaturistika v epokhu Kholodnoy voyny kak ob''ekt izucheniya: teoretiko-metodologicheskiy diskurs [American and Soviet Political Cartoons in the Cold War: Theoretical and Methodological Discourses]. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Journal "History"]. 2024. Vol. 15, N 11 (145). URL: https://history.jes.su/s207987840033216-6-1/ (date of access: 28.05.2026). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.17

М.Б. Раренко

ФЕОДОСИЯ: ОТ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ДО УЛИЦЫ ДЕСАНТНИКОВ

Аннотация. *Объектом данной статьи является городское пространство Феодосии, одного из древнейших городов мира. Основная цель работы заключается в анализе названий улиц города и их связи с многовековой историей Феодосии, которая неоднократно переживала периоды расцвета и упадка.*

В ходе исследования отмечается, что наряду с распространенными и традиционными названиями улиц, встречающимися во многих крупных и малых городах России, в Феодосии присутствуют уникальные наименования, характерные исключительно для данного города. Новизна и актуальность исследования определяются тем, что ранее названия улиц Феодосии, признанной одним из древнейших городов мира, не являлись объектом системного изучения.

Названия улиц отражают уже сложившиеся урбанистические традиции именования и тенденции, свидетельствующие о происходящих изменениях в социальной и культурной сферах города. Урбанонимы и ойконимы в этом контексте выполняют функцию средства формирования и закрепления культурно-исторической памяти, что делает их важным объектом для изучения в междисциплинарном поле, объединяющем историков, социологов, архитекторов, литературоведов, лингвистов.

Названия улиц Феодосии представляют собой не только функциональный элемент городской инфраструктуры, но и ценное историко-культурное наследие, способствующее сохранению и передаче культурной памяти. Анализ топонимов помогает понять логику развития города, а смена названий городских локаций, в свою очередь, позволяет зафиксировать важные этапы его истории, узнать о том, как менялся облик города в связи с его перепланировкой, увидеть развитие городского пространства в динамике.

Ключевые слова: *Феодосия; топоним; урбаноним; ойконим; семиотика пространства; городское пространство; лингвокультурология; национальная культура; традиции.*

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: rarenco@rambler.ru

Rarenko M.B.

Feodosia: From the Genoese Fortress to the Desantnikov Street

Abstract. *The object of this study is the urban area of Feodosia, one of the oldest cities in the world. The main purpose of the article is to analyze the city's street names and their connection with the centuries-long history of Feodosia, which has experienced repeated periods of prosperity and decline. The study demonstrates that, alongside common and traditional street names found in many cities across Russia, Feodosia also has distinctive urbanonyms unique to the city. The novelty and relevance of the study lie in the fact that the street names of Feodosia have not previously been the subject of systematic research. The city's street names reflect both established naming traditions and ongoing changes in its social and cultural development. In this context, urbanonyms and oikonyms serve as a means of preserving and reinforcing cultural and historical memory, making them an important subject of interdisciplinary research involving historians, sociologists, architects, literary scholars and linguists. The street names of Feodosia constitute not only a functional element of the urban environment but also a valuable part of the city's historical and cultural heritage, contributing to the preservation and transmission of cultural memory. The analysis of urban toponyms helps explain the logic of the city's development, while changes in place names make it possible to trace key stages in its history, understand how its appearance has changed through redevelopment and examine the evolution of its urban space over time.*

Keywords: *Feodosia; toponym; urbanonym; oikonym; semiotics of space; urban space; linguoculturology; national culture; traditions.*

Rarenko Maria Borisovna – PhD in Philology, Leading Research Fellow of Linguistics Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: rarenco@rambler.ru

Введение

Желание упорядочить пространство для комфортного проживания – одна из базовых потребностей человека, которая по-разному проявляется в разные исторические периоды у разных этносов. Если в самом начале организация пространства была связана главным образом с физическим огораживанием – возведением физических барьеров, препятствующих проникновению «чужих», то в дальнейшем стремление обозначить свои границы выражалась символически, вербально. Город представляет собой сложную и одновременно открытую (поскольку город постоянно прирастает новыми элементами) и закрытую (поскольку город имеет границу) систему, составляющие которой представлены в виде знаков – вербализованных и невербализованных, объединенных друг с другом на семантическом уровне благодаря принадлежности к данному городскому пространству. Изучение пространства города – междисциплинарное поле, объединяющее историков, социологов, архитекторов, литературове-

дов, лингвистов. Так, топонимика – междисциплинарная область исследования на стыке языкознания, географии и истории, изучение топонимов какой-либо территории – позволяет лучше понять историю населяющих данную местность людей, их происхождение, традиции и обычаи. Разновидностью топонима являются ойконимы и урбанонимы. В строгом понимании ойконимами (от древнегреческого οἶκος – жилище, дом + ὄνυμα – имя, название) принято считать названия населенного пункта, а также собственное имя любого селения или урочища, в том числе сельских (комонимы) и городских (астионимы) поселений. Поскольку названия некоторых городских улиц образованы от исторических названий бывших на этом месте сёл и деревень, то в ойконимию иногда включают и названия улиц, переулков, площадей и пр., т. е. названия городских пространств. Урбанонимы (от лат. urbanus – «городской» + ὄνυμα – имя, название) представляют собой разновидность топонима, являясь собственным именем объекта внутри города. И ойконимы, и урбанонимы включают в себя функциональные характеристики, поскольку, являясь средством наименования индивидуальных объектов, выделяют их среди подобных, более того, они воздействуют на реципиентов – жителей и гостей города. Их социокультурная роль заключается, прежде всего, в том, что они объединяют в себе уже сложившиеся традиции в наименовании с тенденциями, которые свидетельствуют о тех изменениях, которые наблюдаются в социальной и культурной сферах, становясь средством формирования и закрепления культурно-исторической памяти [Алисов 2020; Багирова, Гаврикова 2015; Брагина 2007; Кузнецова 2020; Опарина, Раренко 2024]. Интерес к изучению названий улиц по-прежнему не теряет своей актуальности; исследователи обращают свое внимание и на мегаполисы, и на большие, и на малые города (см., например, [Варданян 2009; Имена московских улиц 1976; Михайлова 2017; Улицы с историей. Феодосия 2021).

Обращение в статье к Феодосии вызвано, в первую очередь, ее древнейшей историей. Будучи основанной греками, она неоднократно, будучи объектом интереса со стороны разных этносов, была завоевана. Задачами исследования было, изучив названия улиц города, по возможности проследив историю и закономерности их появления, а в случае переименований (возвращения исторических названий) поняв причины, представить персонизированный образ современного города.

Географическое положение и административное деление Феодосии

Современная Феодосия расположена на юго-востоке Крыма на побережье Феодосийского залива и по склонам отрогов хребта Тепе-Оба, который прикрывает город с юго-запада. Хребет, высотой 302 м над уровнем моря, замыкает собой Главную гряду Крымских гор, протянувшуюся вдоль побережья от мыса

Айя, недалеко от Севастополя, до мыса Святого Ильи у Феодосии, и обрывается в море крутым глиняным уступом. За несколько последних лет, очертания мыса Святого Ильи значительно изменились по причине проведения на нём частного строительства. Название хребта переводится с крымскотатарского языка соответственно местоположению: Тепе-Оба, дословно – вершина горы, по смыслу – конец гор. По северной части города протекает маловодная река Байбуга, впадающая в море недалеко от железнодорожной станции Айвазовская (более подробно см.: [Балахонова, Балахонов 1981]).

Феодосия является не только собственно городом, но и городским округом, в состав которого входят 18 населённых пунктов: один город (Феодосия), пять посёлков городского типа (Коктебель, Курортное, Орджоникидзе, Приморский, Щебетовка) и 12 сёл (Береговое, Ближнее, Виноградное, Краснокаменка, Наниково, Насыпное, Пионерское, Подгорное, Солнечное, Степное, Узловое, Южное).

Краткий экскурс в историю города

Краткий экскурс в историю города необходим, чтобы лучше понять, как в современной Феодосии «уживаются», например, Митридатская улица и улица Десантников, о чем они «говорят» жителям города и туристам. Как совершенно справедливо писали исследователи города, городской текст надо уметь «читать», а это умение требует определенных знаний и навыков.

В настоящее время Феодосия признана одним из самых древних городов мира; согласно историческим источникам, изначально поселение было основано в VI веке до н.э. греками из Милета. Название поселения – Феодосия (греч. Θεοδοσία) в переводе с древнегреческого языка буквально означает «Богом данная» – дань признания уникальности места и его климата. Первые упоминания о городе относятся ко времени правления императора Диоклетиана (284–305). «В IV в. до н.э. Феодосия достигла значительного расцвета и стала серьезным конкурентом Пантикапея, столицы Боспорского царства (нынешняя Керчь)» [там же, с. 9].

История города довольно драматична – он знал и взлеты, и падения, неоднократно был завоеван, и не последнюю роль в этом сыграло его месторасположение, оказавшееся привлекательным для многих. В 355 г. до н.э. Феодосия вошла в состав Боспорского царства, подвергалась набегам гуннов, в результате чего была разорена: «Последнее документальное свидетельство о существовании ее в качестве торгового центра Боспорского царства относится к 306 г. н.э.» [там же, с. 10; Феодосия]. В V в.Феодосия вошла в состав Римской (Византийской) империи, в VI в., на непродолжительный срок, была завоевана хазарами, после чего вновь стала частью Византийской империи, а в XIII в. оказалась под влиянием Золотой Орды. В том же XIII столетии генуэзские купцы выкупили поселение и возродили его как процветающий порт, назвав его Каф-

фа[1] (итал. *Caffa*, тур. *Kefe*, крымскотат. *Kefe*). Такие стремительные изменения отражались на многих аспектах жизни города, в том числе его этническом составе, а численность населения превысила 70 тыс. жителей. Представления об этническом составе населения Каффы дают генуэзские документы того времени: «в них упоминается добрый десяток народов, в том числе армяне, греки, татары. “Гости” (т. е. купцы) из Москвы и других русских городов составляли, как видно из документов, значительную прослойку» [Балахонова, Балахонов 1981, с. 11]. В XIII столетии город вырос в ключевой центр генуэзских колоний в Северном Причерноморье, став главным портом и административным хабом. В городе был открыт филиал банка Сан-Джорджо[2], работал монетный двор, чеканивший монеты, имелся собственный театр. В 1346 г. отношения с Золотой Ордой достигли пика: войска хана Джанибека осадили Каффу, однако, несмотря на неурядицы, город продолжал быстро развиваться и к середине XV в. Каффа обогнала по масштабам Константинополь.

В 1475 г. османские войска захватили город вместе с остальными генуэзскими владениями, что нашло отражение в русской летописи: «Того же лета 6983 (1475) туркове взяли Кафу и гостей московских многопобиша, а иных пограбив, на окуп (выкуп. – *Ред.*) даваша» (цит. по: [там же, с. 13]). Под властью турок город переименовали в Кефе́ (ударение на втором слоге), и город стал одним из главных черноморских портов Османской империи, известный крупнейшим невольничим рынком. Тысячи пленных в результате набегов крымских татар на польские и русские земли продавались в рабство ежегодно, при этом «очень ценились женщины с грудными детьми: русские и украинские полонянки считались лучшими кормилицами знатных особ» [там же, с. 11].

Помимо «официального» названия – Кефе, город был также известен как Кючюк-Истанбул (букв. «Маленький Стамбул») или Крым-Стамбул. В этих названиях нашло отражение отношение турков к Кефе, признание города как важного опорного – во многих отношениях – пункта. В период турецкого владычества в городе насчитывалось «20 тыс. домов, 55 греческих и армянских церквей, 56 мечетей, до 100 фонтанов, большое число ханов (постоялых дворов), лавок, 9 публичных бань и 4 кладбища. В городе и окрестностях проживало до 85 тыс. человек» [там же, с. 13–14].

---

1. Помимо написания «Каффа» в научной литературе также распространено написание «Кафа».

2. Банк Сан-Джорджо, или Банк святого Георгия (итал. Banco di San Giorgio), считается первым в мире коммерческим банком; изначально он назывался Officium comperarum или Casa di San Giorgio. Банк был учрежден объединением менял в Генуе в 1407 г. и своим названием обязан месту размещения – он помещался в средневековом палаццо Сан-Джорджо. В Каффе филиал действовал в 1415–1475 гг.

1616 год в истории Феодосии известен внезапным штурмом турецкой крепости Каффы казаками Войска Запорожского под руководством гетмана Петра Сагайдачного.

На протяжении всей истории города его население было смешанным и отличалось этническим разнообразием: по данным 1682 г., в городе насчитывалось 4000 домов, из которых 3200 принадлежали мусульманам и 800 – христианам.

Осада крепости русскими войсками в 1771 г. стала первым шагом к кульминации в истории города: манифест Екатерины II 1783 г. присоединил весь Крым к России, а полуостров вошёл в Таврическую область. К 1804 г. город официально вернул древнее имя Феодосия, обзавёлся международным портом, таможней и карантинными сооружениями (более подробно см.: [Балахонова, Балахонов 1981, Феодосия]).

В конце XIX в. наблюдается стремительный рост города: в 1892 г. проложили железную дорогу из Джанкоя, в 1899-м – перенесли коммерческий порт из Севастополя. «В связи со строительством железной дороги и порта в городе быстро росло и фабрично-заводское производство. Если в 1891 г. здесь действовало 13 промышленных предприятий с общим числом работающих 707 человек, то в 1913 г. – 23 фабрики и завода, где насчитывалось 1680 рабочих, в том числе 1117 на четырех табачных фабриках, крупнейшей из которых была фабрика Стамболи» [там же, с. 17]. Перепись 1897 г. зафиксировала в городе 24 096 жителей (13 983 мужчины, 10 113 женщин), бóльшую часть которых (учитывался родной язык) составляли русские (46,85%), крымские татары (18,78%), евреи (11,35%), украинцы (7,66%), греки (5,31%), армяне (3,65 %), поляки (2,48 %), немцы (1,29 %), (0,62 %), турки (0,54 %), а также представители других национальностей – 351 человек (1,46 %).

Как и другие субъекты Российской империи, Феодосия испытала все тяготы XX в.

В 1954 г. Феодосия с Крымской областью вошла в состав Украинской ССР. В послевоенный период признанный курортом город (1970-е годы) имел также и стратегическое значение. В 1948–1990 гг. в Феодосии размещался мощный военно-промышленный комплекс: в закрытом городе Феодосии-13 хранился ядерный арсенал Черноморского флота; через морской порт шли грузы на Кубу во время Карибского кризиса; проходили подготовку космонавты первого отряда;, располагался нефтетерминал (с 1938 г.), работали табачная фабрика (с 1861 г.), судостроительные («Море» и «Судокомпозит»), судоремонтный (1946 г.), приборостроительный, механический (1952 г.), оптический заводы, а также коньячно-винный комбинат.

В 2014 г. Феодосия, как и вся Автономная Республика Крым, вошла в состав Российской Федерации [Феодосия].

Улицы Феодосии

Непростая история города и входящих в городской округ Феодосии населенных пунктов нашла отражение не только в его архитектуре, физической организации пространства, но и в его топонимике. Причудливым образом сегодня в городе уживается старое и новое.

Выше мы уже упоминали, что современное название города «Феодосия» историческое, то, которое город получил при своем основании. В то же самое время в разные периоды город сменил несколько названий: Каффа, Кефе, был известен как Кючюк-Истанбул (Маленький Стамбул) и Крым-Стамбул.

Сегодня в Феодосии и в населенных пунктах, входящих в городской округ Феодосия, насчитывается примерно 400 улиц, проспектов, площадей, парков, скверов, проездов, переулков, шоссе, названия которых связаны с историческим прошлым города, его географическим положением, именами людей как непосредственно связанных с ним, так и опосредованно.

Рассмотрим названия, связанные с историческим прошлым города. Одна из достопримечательностей Феодосии – гора Митридат (высота 55 метров) – расположена в исторической части города. В ее честь названа Митридатская улица, ведущая к горе из центральной части города, в то время как от Феодосийского порта к горе ведет Нагорная улица. Согласно легенде, название горе, в честь понтийского царя Митридата VI Евпатора (132 до н. э. – 63 до н. э.), дал один из самых известных феодосийцев И.К. Айвазовский, отчий дом которого находился у подножия горы. Дань уважения самому художнику – маринисту увековечена в названиях сразу трех топонимов – проспект Айвазовского, улица Айвазовского и переулок Айвазовского, все они находятся в центральной части города.

О том, что Феодосия всегда была и остается многонациональным городом, свидетельствует ее топонимика. Одна из улиц города – Греческая, она напоминает об основателях города. Украинская улица, одна из центральных улиц города, соединяет проспект Айвазовского со 2-м Овражным переулком. Есть и Русская улица, и Армянская улица, и Еврейская. Улица Турецкая относилась к одним из самых старых улиц города и располагалась в историческом центре Феодосии. Ее появление относят к периоду Османского владычества. Как считается, улица была центром средневековой Кефе. Улица была густо заселена, на ней и вблизи находились несколько крупных мечетей, частные дома обеспеченных жителей города. Свое название после установления советской власти улица не сохранила и была переименована. Сегодня это улица, проходящая от улицы Горького до Новокарантинной улицы, носит имя Андрея Ивановича Желябова (1850–1851), уроженца феодосийского уезда, русского революционера-народника, организатора и руководителя партии «Народная воля». Об ее историческом прошлом напоминают до сих пор сохранившиеся здесь руины

турецкой бани (XVI–XVII вв.) (территория детского сада №3, ул. Желябова, д. 13) и фонтан. Была в Феодосии и Итальянская улица (современная улица Горького) (см.: [Улицы с историей. Феодосия 2021]).

Галерейная улица в центральной части Феодосии известна тем, что в настоящее время на ней находится музей А. Грина, прожившего в доме № 10 с 1924 г. по май 1930 г. В то же самое время в городе есть и улица Грина – дань уважения писателю, автору «Бегущей по волнам», «Алым парусам» и др. произведениям.

В Феодосии есть целая плеяда «литературных» улиц: улица Чехова, улица Гоголя, улица Вересаева, улица Горького, уже упомянутая выше улица Грина и улица Пушкина. В августе 1820 г. А.С. Пушкин был в городе проездом, о чем сообщил в письме А. Дельвигу: *«…из Феодосии до самого Гурзуфа ехал я морем»* [Пушкин 1948, с. 435] и останавливался в гостях у отставного градоначальника С.М. Броневского (дом не сохранился – был разрушен во время оккупации города немцами; он стоял там, где сегодня располагается дом 5 по Ольгинской улице). Считается, что А.С. Пушкин, которому в тот момент исполнился 21 год, был в Феодосии и ее окрестностях три дня – с позднего вечера 16 по 18 августа 2020 г., а всего в Крыму по дороге в южную ссылку около месяца. Исследователи творчества А.С. Пушкина в свое время обратили внимание на рисунок «Золотых ворот» на черновиках первой главы романа «Евгений Онегин», сделанный им в 1823 г., и пришли к выводу о том, что Пушкин в эти дни побывал на застывшем вулкане Карадаг и видел скалу с суши – по крайней мере, такой вывод можно сделать, глядя на набросок. Память о А.С. Пушкине в городе увековечена в названии не только улицы, но и общественного парка. В 1974 г. по случаю 175-летия поэта власти города поставили поэту памятник (работа скульптора А. Григорьева). Есть в городе и так называемый «Пушкинский грот», сохранившийся на территории бывшей дачи С.М. Броневского.

В.В. Вересаев в 1919–1921 гг. жил в Феодосии, где начал работу над романом «В тупике».

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи отмечается особый интерес к Феодосии и другим городам Крымского полуострова, что объясняется интенсивным ростом города и развитием его инфраструктуры, поскольку строительство железной дороги и торгового порта позволило совершать долгие путешествия в более комфортных условиях. Многие деятели искусств обращались в своих произведениях к образам Крыма. Столичные гости приезжали в город не только в летний период, но многие подолгу жили в Феодосии – снимали жильё и строили дачи.

В 1888 г. в Феодосии побывал А.П. Чехов, который, однако, в отличие от многих других гостей города, его красотой не пленился. В письме сестре М.П. Чеховой он характеризует город как «серовато-бурый, унылый и скучный на вид городишко. Травы нет, деревца жалкие, почва крупнозернистая, безна-

дежно тощая. Всё выжжено солнцем…», но воздал должное морю: «…и улыбается одно только море, которому нет дела до мелких городишек и туристов. Купанье до того хорошо, что я, окунувшись, стал смеяться без причины» [Чехов]. В Феодосии М.И. Цветаевой были написаны стихотворения «Быть нежной, бешеной и шумной…» (1913) и «Над Феодосией угас…» (14 (27) февраля 1914), а в 1919–1920 гг. здесь жил О.Э. Мандельштам, посвятивший Феодосии одноименное стихотворение – «Феодосия», датируемое 1919–1920 гг., и цикл очерков «Феодосия», относящийся к 1925 г., в котором он рассказал о жизни города в период Гражданской войны 1917–1922 гг.

Отметим, что увековечение памяти одновременно в названиях нескольких локаций в Феодосии наблюдается довольно часто. Аналогичным образом произошло с фигурой Афанасия Никитина (первая половина XV в., Тверь – около 1475 г., под Смоленском), русского путешественника, писателя, тверского купца, автора путевых записей «Хождение за три моря», судьба которого тоже удивительным образом оказалась связанной с Феодосией. Известно, что странствия А. Никитина продолжались почти семь лет, с 1468 по 1474 г. (или, по другим сведениям, с 1466 по 1472 гг.). Из Твери он по Волге спустился до Астрахани, потом прошел через Дербент в Баку, переправился через Каспийское море в персидский порт Сари, несколько месяцев путешествовал по Персии, а затем через Аравийское море отправился в Индию, откуда спустя три года через Османскую империю приплыл в Крымское ханство и в генуэзской Каффе остался на зиму. Именно здесь Никитин обработал свои путевые записки, т.е. по сути создал первый русский дневник путешественника. В городе есть улица Афанасия Никитина, переулок Афанасия Никитина и памятник путешественнику – на Портовой улице.

Ряд названий улиц хранит память о трагических страницах истории города в XX в. Так, революционное прошлое начала XX в. нашло отражение в топонимике города: ряд проспектов, улиц, переулков, скверов, парков были названы именами людей, так или иначе связанных с революционной деятельностью. Большинство из них никогда не посещали этот город, а некоторые, возможно, и вовсе о нем ничего не знали. Некоторые названия локаций сохранились до сих пор, другие были заменены на новые. Ряд локаций вернули свои «старые» названия. Так, в городе по-прежнему есть улица Ленина (бывшая когда-то Екатерининской, затем Ильинской, потом Маячной), улица Карла Маркса (бывшая Казанская), улица Кирова, улица Дзержинского, улица Свердлова и др. Также есть улица Революционная, Октябрьская улица, Красноармейская улица, улица Советская и др.

Феодосия получила звание «Город воинской славы» в связи с участием в одной из самых крупных десантных операций Великой Отечественной войны: Керченско-Феодосийской, проходившей с 26 декабря 1941 г. по 20 мая 1942 г. Ряд улиц и городских локаций носят имена героев Великой Отечест-

венной войны. Улица Вити Коробкова носит имя пятнадцатилетнего разведчика – участника партизанского движения в Крыму во время Великой Отечественной войны. В Феодосии есть памятник партизану, также имя Вити Коробкова носит одна из общеобразовательных школ города. Старо-Щебетовское шоссе было переименовано 2 августа 1976 г. в улицу Челнокова (на западе города), которая сегодня является продолжением улицы Победы и переходит в дорогу Феодосия – Орджоникидзе. Улица получила свое название в честь дважды Героя Советского Союза, генерал-майора Николая Васильевича Челнокова (1906–1974), под командованием которого в апреле 1944 г. 8-й гвардейский полк участвовал в освобождении Феодосии от фашистов. Улица Прокопенко названа в честь разведчицы, связной и медсестры Лидии Сергеевны Прокопенко (1912–1942), до войны учительницы биологии и химии, а также директора средней школы №2. В память о руководителе феодосийских подпольщиков – Нине Михайловне Листовничей – и других подпольщицах – А.В. Богдановой и Любе Самариной – также названы улицы города.

Одна из самых длинных улиц города – почти 4 км – улица Федько считается одной из главных магистралей Феодосии. Названа улица именем Ивана Федоровича Федько (1897-1939), советского военачальника, командарма 1-го ранга (1938), участника Первой мировой войны, Гражданской войны в России, члена Военного совета при наркоме обороны СССР, расстрелянного в 1939 г. по обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре в РККА» и реабилитированного в 1956 г. Еще одна из главных и протяженных улиц города, соединяющая Боевую улицу и Керченское шоссе, носит имя летчика-испытателя В.П. Чкалова (1904–1938).

Одно из последних топонимических «приобретений» города – улица 56-го Гвардейского десантно-штурмового полка, бывшая улица Насыпная. Улица была переименована в честь 56-го гвардейского десантно-штурмового орденов Кутузова и Отечественной войны 1-й степени Донского казачьего полка, день рождения которого отмечается 11 июня. Именно в этот день в 1943 г. были сформированы 7-я и 17-я гвардейские воздушно-десантные бригады, с которых и была начата история этого соединения Воздушно-десантных войск Вооруженных Сил СССР и Вооруженных Сил России. С 1 декабря 2021 г. Феодосия является пунктом постоянной дислокации данного полка. Решение о переименовании улицы Насыпной было принято 24 декабря 2024 г.

Отметим, что ряд улиц в Феодосии имеют несколько названий, и связано это с тем, что наряду с новыми жители города активно используют старые названия, среди которых и возвращенные. Улица Галерейная, одна из центральных, имеет любопытную историю, уходящую в прошлое. Когда Айвазовский, будучи 27-летним, вернулся из поездки в Европу и, вопреки ожиданиям обосноваться в Санкт-Петербурге, принял решение поселиться в родном городе

Феодосии, он задумался о собственном доме. Его строительство относится к 1845 г. Соответственно, улица, на которой был возведен дом художника (по его собственному проекту, который, кстати, профессиональными архитекторами не раз подвергался критике), получила название Айвазовской – имя художника-мариниста было известно всем жителям города, еще при жизни мастер стал местной достопримечательностью. Поскольку улочка была небольшой, со временем ее переименовали в переулок Айвазовского. Своему современному названию улица обязана строительству Феодосийской картинной галереи в 1880 г. После смерти художника было решено дом достроить, чтобы устроить в уже новом здании выставку картин. Строительство галереи стало значительным событием в городе. По каким-то причинам – принято считать, что местные жители сделали выбор в пользу объекта культурного строительства (возможно, в силу его узнаваемости, величественности), который по-прежнему ассоциировался в их сознании с великим художником, – после возведения галереи старые названия (улица Айвазовского, затем переулок Айвазовского) уступили место новому, и улица стала называться Галерейной.

Современный проспект Айвазовского – еще один пример «улицы с историей». Расположенный в центре города, он изначально, до Октябрьской революции, назывался Екатерининским и не был отмечен ничем примечательным: в основном здесь были расположены дачные участки и виноградники. Активное строительство было начато на этом месте только во второй половине XIX в., причем интенсивность его росла вплоть до Октябрьской революции. В окрестностях была возведена площадь, получившая название Александровской, вокзал (сначала деревянный, затем он был заменен на каменный), гостиницы (в их числе знаменитая «Астория»), рестораны, кофейни, женская гимназия, здания Петроградского банка и городской управы. Располагались здесь и цирк-шапито, городские купальни. После революции проспект получил имя Ленина (Александровская площадь стала именоваться Красной) и носил его имя до 2003 г., когда депутаты Феодосийского городского совета приняли решение о переименовании проспекта Ленина в проспект Айвазовского.

Еще одна историческая улица – Бульварная – сменила название в XX столетии. Считается, что свое название улица, расположенная между современными улицами Горького и Вити Коробкова (в центральной части города), получила не позднее 1873 г. благодаря большому количеству деревьев, растущих около казарм Виленского 52-го пехотного полка. Вероятно, в жаркую погоду они спасали местных жителей от зноя, и место стало популярным у молодежи города, облюбовавшей его для гуляний. На углу Итальянской (современная улица Горького) и Бульварной улиц в 1861 г. открылось первое в Феодосии промышленное предприятие, известное не только в городе, но и за пределами Крыма, – табачная фабрика Стамболи. Благодаря появившимся на улице в короткий срок

гостиницам и домам состоятельных сотрудников фабрики, а также особнякам (в качестве примера приведем еще одну местную достопримечательность города – Дом, или Дачу Хаджи (1909)), улица стала быстро разрастаться, привлекая внимание не только жителей города, но и туристов своими необычными строениями. Собственно, Бульварной называли нижнюю часть современной улицы Десантников, верхняя часть носила название Георгиевской – по названию церкви, к которой она вела (в свою очередь, весь район вокруг церкви был известен как Георгиевская, или Егорьевская слободка). Современному своему названию улица Десантников обязана уже послевоенным событиям XX в. Рядом с этой улицей, а некоторые старожилы утверждают, что именно на нее ступила нога первого керченско-феодосийского десантника, в связи с чем старое название улицы было решено заменить на новое, что, конечно, никак не отменяет ее славного исторического прошлого. При этом особой достопримечательностью улицы и сегодня является пересекающий ее генуэзский ров, датируемый XIV веком.

Были и есть в Феодосии и «традиционные» для приморских городов названия улиц – Морская, Портовая, Насыпная, Корабельная, Песчаная, а также Черноморский тупик и Черноморская набережная и др. Особое очарование южным городам придают названия улиц, такие как: Виноградная улица (есть и Виноградный переулок), Зеленая улица (и Зеленый переулок), Курортная улица, Крымская улица, Фисташковая улица, Южная улица, Якорная улица.

Итак, говоря о «тематике» названий улиц в городе Феодосия, можно выделить ряд улиц, названия которых связаны с его историей, ряд улиц, названных в честь людей, оставивших след в его истории, – людей искусства, военачальников, героев и других выдающихся личностей. Обращают на себя внимание названия, связанные с городским ландшафтом, а также подчеркивающие флору местности. В отличие от «общепринятых» названий улиц, которые можно встретить практически в любом городе РФ, привлекают, конечно, «уникальные», местные, те, которые не встречаются в других городах.

Заключение

В заключение отметим, что любой город – большой или маленький – по-своему уникален, и своей уникальностью он, среди прочего, обязан названиям тех локаций, которые в нем имеются. Многие названия дублируются в разных городах, но их сочетаемость, как в калейдоскопе, в совокупности с присущими только этому городу названиями, в которых находит отражение история города (его образование и развитие, история его жителей, гостей, путешественников) и история страны в целом, придают ему особый шарм. И в этом отношении Феодосия не является исключением.

Феодосия на протяжении всей своей долгой истории была городом многонациональным и полиэтничным, в нем проживали и проживают представители разных этносов, имеющие разные культуры, исповедующие разные религии, что нашло и находит отражение в городской топонимике. По мере роста города (первоначально в целом спорадически, а после 1817 г., согласно генплану, в северо-западном направлении) число городских объектов увеличивается, соответственно, растет потребность в новых топонимах. Присваивание названий новым локациям происходит с учетом изменений в социокультурном контексте. Не менее важными оказываются изменения в политической ситуации, которые также могут приводить и к смене названий.

Названия улиц Феодосии представляют собой уникальное сочетание исторических, культурных и географических элементов, что делает их интересными и значимыми по нескольким причинам. Во-первых, названия улиц отражают долгую и многослойную историю Феодосии, которая насчитывает более двух тысяч лет. Они могут указывать на важные события, личности и явления, сыгравшие ключевую роль в истории города – от античных времен до современности. Во-вторых, улицы носят имена выдающихся деятелей науки, искусства и политики, связанных с Феодосией, что способствует сохранению памяти о культурных и исторических фигурах, которые внесли вклад в развитие города и страны в целом. В-третьих, названия улиц отражают специфические черты местной культуры и традиций. Так, в Феодосии можно встретить уникальные локальные ойконимы и урбанонимы, которые отсутствуют в других городах, что придает городу своеобразие и самобытность. В-четвертых, процесс изменения названий улиц свидетельствует о социальных, политических и экономических изменениях в городе. Переименование улиц в честь новых событий или личностей отражает сдвиги в общественном сознании и изменения в политической ситуации. Более того, учитывая древность и историю Феодосии, названия улиц могут привлекать туристов и исследователей, желающих узнать больше о городе и его прошлом, что также способствует развитию местного туризма. Названия улиц, вызывая у жителей и гостей города определенные чувства, ассоциации и воспоминания, способствуют формированию идентичности и культурной самооценки населения.

Данная статья не претендует на всеобъемлемость, а предлагает посмотреть на улицы города как на богатый фактологический материал, говорящий о его своеобразии, о его истории и современности, не забывая, что, выполняя в первую очередь роль упорядочивания городского пространства, названия улиц, как и другие ойконимы и урбанонимы, служат социокультурной характеристикой, одновременно поддерживая традиции и свидетельствуя об изменениях, происходящих в социальной и культурной сферах не только города, но и страны, и мирового сообщества в целом.

Библиография

Алисов Д.А. Культурный ландшафт города, или Некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезнева. Москва: Институт Наследия, 2020. С. 4–21.

Багирова Е.П., Гаврикова Э.О. Языковой имидж современного города: (На материале годонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 43–55.

Балахонова А.И., Балахонов В.И. Феодосия. Симферополь: Таврия, 1981. 96 с.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. Москва: Языки славянских культур, 2007. 520 с.

Варданян М. О названиях улиц Лондона // English. 2009. № 9. URL: https://eng.1sept.ru/view_article.php?ID=200900916&ysclid=mpzi3bk5qx359727304 (дата обращения: 12.05.2023).

Имена московских улиц. Изд. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под общ. ред. А.М. Пегова. Москва: Московский рабочий, 1975. 536 с.

Кузнецова А.В. Отражение памяти о прошлом в культурном пространстве исторического малого города (на материалах города Куйбышева Новосибирской области) // Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ / под ред. Д.А. Алисова, И.А Селезнева. Москва: Институт Наследия, 2020. С. 90–100.

Михайлюкова Н.В. Языковой облик современного города: учеб. пособие / отв. ред. Т.И. Петрова; Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, 2017. 360 с.

Опарина Е.О., Раренко М.Б. Городские топонимы как социокультурный фактор и как инструмент региональной идентичности // Россия и современный мир. № 4. 2024. С. 205–221.

Пушкин А.С. Отрывок из письма к Д. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8, кн. 1. С. 435–439.

Улицы с историей. Феодосия: Информационно-библиографический указатель. Издание 3-е, переработанное и дополненное / Подготовлен по изданиям из фонда Центральной городской библиотеки им. А. Грина; Гурьева Т., главный библиограф ЦГБ им. А. Грина. Феодосия: МКУК «ЦБС»; ЦГБ им. А. Грина, 2021. 15 с.

Феодосия // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/feodosiia-8ce3cb (дата обращения: 12.05.2023).

Чехов А.П. Письмо Чеховой М.П., 14 июля 1888 г. Феодосия // Chehov-lit.ru. Url: https://chehov-lit.ru/chehov/letters/1887-1888/letter-458.htm?ysclid=mpziiujsms112269195 (дата обращения: 12.05.2023).

References

Alisov D.A. Kul’turnyj landshaft goroda, ili Nekotorye sposoby fiksacii istoricheskoj pamjati v gorodskoj srede [The cultural landscape of the city, or Some ways of fixing historical memory in the urban environment]. In Kul’turnye landshafty sovremennogo goroda: sbornik nauchnyh rabot / pod red. D.A. Alisova, I.A. Selezneva. Moscow: Institut Nasledija, 2020. P. 4–21. (In Russ.)

Bagirova E.P., Gavrikova Je.O. Jazykovoj imidzh sovremennogo goroda: (Na materiale godonimov i jergonimov g. Tjumen’) [The linguistic image of a modern city: (Based on the material of godonyms and ergonyms of Tyumen)]. Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates. 2015. T. 1. N 4 (4). P. 43–55. (In Russ.)

Balahonova A.I., Balahonov, V.I. (1981). Feodosija [Feodosia]. Simferopol’: Tavrija, 1981. 96 p. (In Russ.)

Bragina N.G. (2007). Pamjat’ v jazyke i kul’ture [Memory in language and culture]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul’tur, 2007. 2007. 520 p. (In Russ.)

Chehov A.P. Pis'mo M.P. Chehovoj [Letter to M.P. Chekhov]. 14 iyulya. 1888 g. Chehov-lit.ru. URL: https://chehov-lit.ru/chehov/letters/1887-1888/letter-458.htm?ysclid=mpziiujsms112269195 (date of access: 12.05.2023). (In Russ.)

Feodosiya. Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. Url: https://bigenc.ru/c/feodosiia-8ce3cb (date of access: 12.05.2023).

Imena moskovskix ulicz x [Names of Moscow streets]. Izd. Izd. 2-e, pererab. i dop. / pod obshh. red. A.M. Pegova. Moskva: Moskovskij rabochij, 1975. 536 p. (In Russ.)

Kuzneczova A.V. Otrazhenie pamyati o proshlom v kul`turnom pro-stranstve istoricheskogo malogo goroda (na materialax goroda Kujby`sheva Novosibirskoj oblasti) [Questions about the past in the cultural background of the historical small town (in the materialax goroda Kujby'sheva in the Novosibirsk region)]. Kul`turny`e landshafty` sovremennogo goroda: sbornik nauchny`x rabot / pod red. D.A. Alisova, I.A Selezneva. Moskva: Institut Naslediya, 2020. P. 90–100. (In Russ.)

Mixajlyukova N.V. Yazy`kovoj oblik sovremennogo goroda: ucheb. posobie [Yazy'kov's form of sovremennogo Gorod: ucheb. posobie] / otv. red. T.I. Petrova; Dal`nevostochny`j federal`ny`j universitet. Vladivostok, 2017. 360 p. (In Russ.)

Oparina E.O., Rarenko M.B. Gorodskie toponimy` kak sociokul`turny`j faktor i kak instrument regional`noj identichnosti [Gorodsky's toponyms as sociocul-NY's factor and as an instrument of regional identity]. Rossiya i sovremenny`j mir. N 4. 2024. P. 205–221. (In Russ.)

Pushkin A.S. Otryvok iz pis'ma k D. [Excerpt from a letter to D.]. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. [Complete Works: In 16 vols]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. Vol. 8, Book 1. Pp. 435–439.

Ulicy s istoriej. Feodosiya: Informacionno-bibliograficheskij ukazatel`. Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe [The streets of history. Feodosiya: informational-bibliographic point of view'. Edition 3, pererabotannoe and additiona] / Podgotovlen po izdaniyam iz fonda Central`noj gorodskoj biblioteki im. A. Grina; Gur`eva T., glavny`j bibliograf CzGB im. A. Grina. Feodosiya: MKUK «CzBS»; CzGB im. A. Grina, 2021. 15 p. (In Russ.)

Vardanjan M. O nazvanijah ulic Londona [On the names of London streets]. English. 2009. N 9. Url: https://eng.1sept.ru/view_article.php?ID=200900916&ysclid=mpzi3bk5qx359727304 (date of access: 12.05.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2026.02.18

Ю.В. Дунаева

РЕЦ. НА: РАТУШНЯК О.В. ИСТОРИЯ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (1920–1930-е гг.). (М., 2025)

Аннотация. *Рецензируется монография О.В. Ратушняка «История казачьего зарубежья (1920–1930-е гг.)», посвященная казаковедению и казачьей эмиграции. В рецензии отмечается, что в научный оборот введены опубликованные и неопубликованные источники из архивохранилищ Российской Федерации, Чехословакии, США, Бельгии. Вызывает интерес обстоятельный историографический раздел и предложенная в нём авторская периодизация. Уделено внимание методологическим проблемам казаковедения, включая дискуссии о генезисе казаков и сущности казачьего социума. Научная новизна заключается в комплексном исследовании казачьего зарубежья как многогранного социального и исторического феномена. В монографии всесторонне рассмотрены социально-политические, экономические и культурные аспекты казачьего зарубежья. Обозначена численность эмигрантов с учетом войсковой принадлежности, возраста и гендера. Также в монографии выявлены основные факторы, влиявшие на принятие решения об эмиграции или о репатриации. Ратушняк детально осветил жизненные реалии казаков, проживавших в лагерях Турции и на греческом острове Лемнос, на территории КСХС, Болгарии, Польши, Китая. Установлены причины и способы сохранения эмигрантами «казацкого духа», родной культуры и традиций. В работе определена идейно-политическая направленность казачьих союзов, комитетов и институций, созданных в зарубежье. На основе уставных и программных документов Ратушняк убедительно показал, что подавляющее большинство этих организаций ставило целью борьбу с советской властью и установление своего политического режима. Наиболее радикальные из них планировали создание самостоятельного и независимого государства – Казакии. В рецензии сделан вывод, что данное исследование существенно обогатит современную историографию эмигрантоведения и казаковедения.*

Ключевые слова: *казаки-эмигранты; история казачества; казачье зарубежье; историография; международные отношения; трансграничные исследования.*

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: jvd@inbox.ru
ORCID 0000-0002-4788-2819

Dunaeva I.V.

Review of: Ratushnyak O.V. The History of the Cossack Diaspora (1920s–1930s). (Moscow, 2025)

Abstract. *This article reviews O. V. Ratushniak's monograph The History of the Cossack Diaspora (1920s–1930s), devoted to Cossack studies and the history of Cossack emigration. The author draws on both published and unpublished sources from archives in the Russian Federation, the Czech Republic, the United States and Belgium. Of particular interest are the detailed historiographical analysis and the author's original periodization. The monograph addresses key methodological issues in Cossack studies, including debates on the origins of the Cossacks and the nature of the Cossack community. Its scholarly contribution lies in its comprehensive examination of the Cossack diaspora as a multifaceted social and historical phenomenon. The monograph provides a thorough analysis of the social, political, economic, and cultural dimensions of the Cossack diaspora. It estimates the size of the émigré population, taking into account Cossack host affiliation, age and gender. The study also identifies the main factors that influenced decisions to emigrate or to repatriate. Ratushniak provides a detailed account of the daily lives of Cossacks in camps in Turkey and on the Greek island of Lemnos, as well as in the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes (KSCS), Bulgaria, Poland and China. He explains the reasons why, and the means by which, emigrants preserved their Cossack identity, native culture, and traditions. The study also examines Cossack unions, committees and other organizations established abroad. Drawing on charters and programmatic documents, Ratushniak convincingly demonstrates that the overwhelming majority of these organizations sought to overthrow Soviet rule and establish their own political regimes. The most radical groups advocated the creation of an independent sovereign state – Cossackia. The review concludes that this monograph will make a significant contribution to the historiography of both Cossack studies and emigration studies.*

Keywords: *Cossack emigrants; history of the Cossack; Cossack abroad; historiography; international relations; cross-border studies.*

Dunaeva Iuliia Vyacheslavovna – PhD in History, Senior Researcher of the Department of History of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: jvd@inbox.ru
ORCID 0000-0002-4788-2819

В современной России казачество играет довольно заметную роль, проявляется постоянный научный интерес к его происхождению, истории, эмиграции. Степень изученности данной темы сложно назвать основательной и системной. Среди исследований других историков и казаковедов выделяются труды О.В. Ратушняка (д-р ист. наук, профессор КубГУ). Рецензируемая монография признанного историка – это весомый результат его многолетних научных изысканий, охватывающих методологические и исторические проблемы казачества.

Историки обсуждают степень изученности темы «казаки в эмиграции». Как отметил потомок русских беженцев начала XX в., А.Б. Арсеньев, специа-

лист по истории русского зарубежья, «пребывание казачьей общности в эмиграции до сегодняшних дней не привлекало особого внимания историков, социологов и культурологов» [Арсеньев 2024, с. 251]. Косвенно это подтверждается тем, что во всестороннем историографическом труде историка, историографа, академика РАН Е.И. Пивовара упоминается несколько работ по этой теме [Пивовар 2008]. Они не выделены в отдельное направление и рассматриваются в общем контексте эмигрантоведения. В одной из статей академика отмечена книга Г.И. Малышенко среди других трудов по истории русской эмиграции в Китае [Пивовар, Ершов 2023, с. 407]. Более оптимистичную позицию занимает А.А. Пронин (доктор ист. наук), специалист по историографии и источниковедению эмигрантоведения. В его докторской диссертации рассмотрено восемь диссертационных работ по данной тематике. По его мнению, среди исследований этнонационального и этносоциального состава русского зарубежья «наиболее представлена историография эмиграции казачества, что объясняется масштабом исхода казачества из России» [Пронин 2012, с. 119–120]. К этому стоит добавить труды, посвященные российской эмиграции, в которых освещается казачество. Можно заключить, что история казачества в зарубежье привлекает интерес ученых, но данное направление содержит множество неохваченных научных тем.

Актуальность монографии О.В. Ратушняка определяется вкладом в восполнение лакун в истории казачьего зарубежья, введением в научный оборот массива данных из архивных источников. Монография отличается научной новизной и практической значимостью. В частности, данное историческое исследование поможет глубже понять современные эмиграционные процессы, включая государственную миграционную политику, стратегию и тактику адаптации мигрантов, внутридиаспорные отношения.

Ратушняк корректирует масштабы эмиграции и реэмиграции, половозрастной состав эмигрантов, рассматривает стратегии адаптации, раскрывает идейно-политические позиции крупных казачьих организаций. Чтобы сделать рецензию более информативной, мы приведем данные из монографии.

Исследование состоит из введения, четырех глав, разделенных на части, заключения и обширного списка библиографии. Термин «казачье зарубежье» в историографии трактуется по-разному. Ратушняк рассматривает его «как целостное социально-историческое явление, так и отдельно взятые его составляющие (казачьи организации, общества, объединения и отдельные казаки)» [Ратушняк 2025, с. 6].

Историк анализирует социально-экономическую, общественно-политическую и культурную ситуацию, сложившуюся в казачьем зарубежье в странах Европы и в Китае в 1920–1939 гг. Автор объясняет обозначенные хронологические границы следующим образом: массовый исход казаков начался после победы большевиков в Гражданской войне, а разразившаяся Вторая миро-

вая война кардинально изменила мировую историю и повлияла, в том числе, на эмиграцию.

Обоснованностью и новизной отличаются авторские характеристики архивных фондов и коллекций. Он использовал массив источников из отечественных архивохранилищ: ГАРФ, РГАСПИ, АВП, региональных архивов и своего личного архива, а также из архивов Югославии, Чехии, Бельгии, США. Исследование Ратушняка основано на разнообразных по форме источниках: нормативные и законодательно-правовые документы, делопроизводственные и статистические материалы. Эгодокументы фиксируют субъективные суждения и оценки современников. Публикации из эмигрантских газет и журналов, отрывки из художественной литературы органично вплетены в канву повествования. Автор подчёркивает, что записанные воспоминания сирот и детей, вывезенных из родной страны, содержат уникальный материал фактического и личного характера, передают особое детское восприятие пережитых событий [Ратушняк 2025, с. 17]. Во время зарубежных поездок Ратушняк неоднократно интервьюировал потомков эмигрантов. Памятные истории, передающиеся от поколения к поколению, наполняют текст не только новой информацией, но и эмоциональным содержанием. Разнообразная источниковая база монографии показывает глубокую степень изученности исторических проблем, верифицируемость статистических данных, убедительность авторских положений и выводов.

Материал в разделах изложен в хронологическом и проблемно-ориентированном порядке. В первой и самой объёмной главе «Методологические, источниковедческие и историографические проблемы изучения казачьего зарубежья» историк обращается к основополагающим вопросам истории казачества, к отечественной и зарубежной историографии казачьей эмиграции XX–XXI вв.

Автор обозначает дискуссионность основных понятий: «казак», «казачество», «казачья эмиграция», «казачье зарубежье». Ратушняк использует определение, сформулированное известным историком казачества Д.В. Колупаевым. Казачество – это «конгломерат определённых статусов: военных, социальных и экономических, ставший в процессе наступавшей рыночной модернизации, саморегулирующимся социумом» [Ратушняк 2025, с. 22]. В другой работе Д.В. Колупаев уточняет, что казачество является отдельной, социальной стратой, субэтносом, возникшим в ходе исторического развития Российского государства, имеющим «особую форму социально-политической организации – войско. Этот институт казачьего самоуправления тесно взаимодействовал со всеми формами казачьего бытия и являлся реликтом военной демократии» [Колупаев 2008, с. 255].

Привлекает внимание обширный историографический раздел. Комплексный анализ трудов эмигрантских, советских, российских и иностранных историков позволил автору выделить приоритетные темы в разные годы, показать разнообразие интерпретаций, наметить перспективные траектории научного

поиска. Среди них: взаимодействия казаков и казачьих организаций с эмигрантскими политическими партиями; коммуникации казаков с другими этносами; казачьи диаспоры в Великобритании, Австралии и др.

Ратушняк представил новаторский взгляд на сложившуюся историографическую периодизацию. Первые работы были написаны казаками-эмигрантами, в основном это были мемуары и размышления о причинах революции, Гражданской войны, эмиграции. Советские историки 1920–1930-х годов критически и политизированно оценивали российскую эмиграцию. Но, как пишет Ратушняк, «главным достоинством литературы 1920-х – начала 1930-х годов является фактографический материал, содержавшийся в целом ряде работ» [Ратушняк 2025, с. 63]. В 1930–1960-е годы русская эмиграция и казачество практические не изучались. В научной литературе 1970–1980-х годов казачье зарубежье рассматривалось в контексте эмигрантоведения.

Автор выделяет 1990-е годы, обозначившие новый период в историографии, когда «началась активная работа по изучению казачьего зарубежья как феномена российской эмиграции <…> Появляются первые историографические работы по истории казачьей эмиграции» [Ратушняк 2025, с. 66-67]. В эти годы были радикально пересмотрены историографические положения: негативные идеологизированные советские суждения сменились идеализацией и романтизацией российской эмиграции, Белого движения, казачества. В современной историографии преобладают взвешенные, объективные и аргументированные заключения.

Во второй главе «Эмиграция казаков за границу: предпосылки, причины, география расселения и численность» Ратушняк указывает на асинхронность потоков казачьей эмиграции, определяет факторы, влиявшие на решение казаков о выезде, уточняет количественные данные о размерах эмиграции и реэмиграции.

Главная причина эмиграции – поражение в Гражданской войне, в ходе которой казаки воевали по обе стороны фронта. Они опасались террора и со стороны красных, и со стороны белых. Советская власть вызывала у них чувство недоверия и враждебности из-за политики репрессий, кампаний по расказачиванию, ограничению казачьих свобод и привилегий, принудительной коллективизации.

Ратушняк обобщил информацию о численности и социальном составе эмиграции. После Гражданской войны за границей осталось более 100 тыс. казаков, пишет историк [Ратушняк 2025, с. 108]. В начале 1920 г. из Новороссийска в Болгарию выехали около 2–3 тыс. строевых казаков, гражданских лиц, раненых. В Египет были вывезены около 500 кадетов Донского кадетского корпуса имени императора Александра III. Около 1,5 тыс. кубанцев и терцев отправились в Грузию, затем одни вернулись в СССР, а другие переехали в разные страны [Ратушняк 2025, с. 108]. В ноябре 1920 г. во время Крымской эвакуации эмигрировали «более 28,5 тыс. донцов. Из них 22 тыс. человек из со-

става Русской армии генерала П. Н. Врангеля и около 6,5 тыс. гражданских лиц. Крымский полуостров покинули 16–18 тыс. кубанцев» [Ратушняк 2025, с. 114].

Направление миграционных потоков зависело от мест проживания казаков и дислокации войска. Казаки европейской части России (донцы, кубанцы, терцы, астраханцы) уходили в основном на Запад, а оренбургские, уральские, сибирские, забайкальские – на Восток. Первое время, надеясь на падение Советской власти, или изменение её политики изгнанники старались поселиться ближе к границам родной страны. Значительная часть казачества осела в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Болгарии, Польше, Германии, Франции. Большие потоки беженцев, включая женщин и детей, двинулись в восточном направлении. «Казаки составляли 17,5% в общей массе российских эмигрантов в Китае» [Ратушняк 2025, с. 121].

Историк изучил причины и характер реэмиграции в разные годы, уточнил данные о войсковой принадлежности реэмигрантов. Он выделил стихийную, организованную, массовую реэмиграцию и обозначил её основные факторы. Среди них важную роль играли условия жизни и трудовой занятости в стране-реципиенте, проводимая миграционная политика, политические и экономические условия.

К 1929 г. на Западе осталось около 20 тыс. донцов, около 14 тыс. кубанцев, приблизительно 5 тыс. астраханцев и терцев, примерно 1500 оренбуржцев и др. В Китае проживали более 40 тыс. строевых казаков и гражданских лиц [Ратушняк 2025, с. 142–143]. Подчёркнута активная роль Франции и СССР в организации репатриации, использование идеологических методов и оказание финансовой поддержки. Первое время реэмигранты сами оплачивали своё возвращение, полностью или частично. А с 1923 г. Союзы возвращения на Родину (Совнарод) взяли расходы на себя.

В третьей главе «Хозяйственно-экономическая жизнь и культурно-бытовая адаптация казаков за рубежом в 1920–1930-е гг.» подробно характеризуются жизненные условия эмигрантов [Ратушняк 2025, с. 144–229]. Тяжкая участь выпала помещённым в лагеря Турции и Греции. В Санджак-Тепе располагались донцы (8 106 человек), около 1,5 тыс. из сводных полков: астраханцев, кубанцев и терцев. Вместе с ними в лагере находились 739 воинских чинов I-го Армейского корпуса и 300 гражданских лиц [Ратушняк 2025 с. 146]. В Чилингирском лагере, продолжает автор, к ноябрю 1920 г. проживали более 8 тыс. человек: приблизительно 6,5 тыс. военных казаков Донского корпуса и 1,5 тыс. гражданских донцов. Сложности учёта беженцев вызваны тем, что за некоторые преступления военных разжаловали в гражданские, иногда строевые казаки добровольно покидали войско, надеясь на лучшие условия жизни. Из-за этих перемещений определить численность военных и гражданских беженцев невозможно.

«Остров смерти» – так называли греческий Лемнос, находящийся под покровительством французского правительства. К концу 1920 г. на Лемносе было образовано два лагеря: Кубанский на Калоераки и Донской с терцами и астраханцами

в районе Мудроса [Ратушняк 2025, с. 152]. На острове были сложные погодные условия, не хватало питьевой воды и продовольствия. Знавшие об этом казаки массово отказывались дислоцироваться туда даже из турецких лагерей. У казаков, обосновавшихся на Балканах и в Китае, не возникало подобных трудностей, в целом у них были более благоприятные условия жизни. По данным автора, в 1922–1924 гг. почти 50% казаков разных войск расположились на территории Болгарии, Словении, КСХС, Чехословакии и в Польше [Ратушняк 2025, с. 169].

Несомненным достоинством работы является обращение к эмиграции в Польше, Финляндии и в Германии в начале XX в. Автор принял в расчёт пленных и интернированных во время Первой мировой войны (они размещались в основном в Германии) и бежавших с поля боя в ходе советско-польской войны. Таким образом, конкретизирована география расселения и численность «заграничного казачьего мира».

Историк отмечает противоречивость адаптационной стратегии казачества. С одной стороны, чтобы выжить они должны были приспособиться к новым реалиям. С другой стороны, казаки выделялись среди массы эмигрантов стремлением сохранить идентичность и традиции. На новом месте проживания они возводили православные церкви, возрождали свои органы управления: казачий круг, институт атаманства, войсковые сборы, казачьи рады. Настойчивое желание казаков обособиться, не только от местного населения, но и от русской эмиграции подтверждает А.Б. Арсеньев: «компактные группы казаков, рассредоточенные по деревням и городам Сербии, создавали свои *станицы*, *хутора* и *курени* и не числились в русских колониях своего края. Они избирали себе атамана и подчинялись донским, кубанским, терским и астраханским руководителям в Белграде» [Арсеньев 2024, с. 40].

Ратушняк затрагивает малоизученную тему казачьей интеллигенции, составившей до 50% эмигрантов. Он перечисляет многочисленные имена казаков – представителей культуры и искусства: от писателей до оперных артистов. По его мнению, искусство казачьей джигитовки стало культурным открытием для европейской и американской публики. Для сохранения идентичности и традиций, воспитания молодёжи в «казацком духе» строились школы, организовывались курсы грамоты, учреждались музеи и библиотеки, устраивались лекции по русской и казачьей истории.

В четвертой главе «Общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья в 1920–1930-е годы: основные течения и объединения» Ратушняк рассматривает ассоциации казачества, созданные в Европе и в Китае. Он демонстрирует многообразие задач и целей союзов и комитетов, их активную деятельность для привлечения сторонников и расширения сфер влияния. Интересно утверждение автора, что казачьи организации, декларировавшие помощь эмигрантам, зачастую ставили главной целью борьбу с советской властью. Лидеры разрабатывали разные концепции форм власти и государственного устройства

России и казачьих территорий, которые должны быть реализованы в случае победы над большевиками. Политические планы в среде казачества кардинально различались. Одни надеялись восстановить монархию или создать республику, при этом любая власть должна была гарантировать автономию казачьих территорий. Другие же, радикально настроенные, отстаивали идею создания свободного, независимого казачьего государства – «Казакии». Ратушняк доказывает, что в зависимости от политической направленности, альянсы получали финансовую помощь от принимающей стороны. Эти данные дополняют наше понимание механизмов международных отношений.

Монография О.В. Ратушняка актуальна и выделяется научной новизной. Исследователь успешно переосмыслил основные представления о казачьей эмиграции и продемонстрировал глубокие оригинальные интерпретации фактического материала. Проведенный автором анализ конкретных исторических тематик корректирует сложившиеся представления о казачьей эмиграции. Источниковая база репрезентативна по форме и содержанию документов.

Вместе с тем обратим внимание читателей на некоторые шероховатости. Рецензент полагает, что Ратушняк уделил значительно больше внимания «европейской казачьей эмиграции», чем «китайскому направлению». Обилие статистических сведений, несомненно, влияет на обоснованность работы, но может вызвать сложности восприятия у массового читателя. Отмеченные «слабые стороны» не умаляют значимости труда.

Монография Ратушняка является одним из заметных и глубоких исследований среди работ по этой тематике за последние годы. Успешно проведён комплексный анализ казачьего зарубежья, его экономических, культурных, адаптационных аспектов. Данная работа станет ценным ресурсом для специалистов, занимающихся региональной историей, казаковедением, российским зарубежьем, а также для читателей, интересующихся историей эмиграции казаков.

Библиография

Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи. Т. 1. Београд: Изд-во МИА-принт, 2024. 520 с.

Колупаев Д.В. Казачий социум: методология исследования // Известия АлтГУ. 2008. № 4–5. С. 255–258.

Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Изд-во РГГУ, 2008. 545 с.

Пивовар Е.И., Ершов В.Ф. Российское зарубежье XX–XXI веков в современной историографии: актуальные направления и перспективы исследований // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 401–433.

Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980–2005 гг. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 308 p.

Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья (1920–1930-е гг.). М.: «Снежный ком», 2025. 368 с.

Refereces

Arsen′ev A.B. Russkaya emigratsiya v Yugoslavii. Izbrannye stat′i. T. 1. [Russian emigration in Yugoslavia. Selected Articles. Vol.1]. Beograd, MIA-print Publ., 2024, 520 p. (In Russ.)

Kolupaev D.V. Kazachij sotsium: metodologiya issledovaniya [Cossack Society: Research Methodology]. Izvestiya Altai State University [News of Altai State University]. 2008. N 4–5. P. 255–258. (In Russ.)

Pivovar E.I. Rossijskoe zarubezh'e: social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii [Russian Abroad: A Socio-historical Phenomenon, Its Role and Place in Cultural and Historical Heritage]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2008. 545 p. (In Russ.)

Pivovar E.I., Ershov V.F. Rossijskoe zarubezh′e XX–XXI vekov v sovremennoj istoriografii: aktual′nye napravleniya i perspektivy issledovanij. [Russian Abroad of the XXth – XXIst in Modern Historiography: Current Research Directions and Prospects]. Istoricheskie zapiski [Historian notes]. 2023. N 22 (140). P. 401–433. (In Russ.)

Pronin A.A. Rossijskaya emigratsiya v otechestvennykh dissertatsiyakh 1980–2005 gg. [Russian Emigration in Russian Dissertations, 1980–2005]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. 308 p. (In Russ.)

Ratushnyak O.V. Istoriya kazach'ego zarubezh'ya (1920-1930-e gg.). [The History of the Cossack Diaspora (1920–1930s)]. Moscow: Snezhnyj kom, 2025. 368 p. (In Russ.)

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир
№ 2 – 2026 (131)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.С. Николаева

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 19.10.2026 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1

Усл. печ. л. 23,9 Уч.-изд. л. 20,5
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ___

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6